

под редакцией Сьюзен Дж. Моррис

Включая рассказы авторов бестселлеров
по версии *The New York Times*

Р.Э. Сальваторе и Ричард Ли Байерс

Проклятые Земли | Антология

к о р о л е в с т в а
м ё р т в ы х

У любого существа на Фаэруне есть темное отражение в качестве нежити - от призраков воителей древности до исписанных рунами драконьих скелетов. И в мире с такой богатой и кровавой историей, как у Фаэруна - имя им легион, затмевающий живых числом и разнообразием. Эта дюжина пугающих историй - про потусторонние Королевства.

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons "**Forgotten Realms**". Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Команда переводчиков:

1. Развалина - Ричард Ли Байерс - **Allistain**
2. Сталь Души - Лиза Смедман - **Safaq**
3. Воскрешающийся Агент - Эрин М. Эванс - **Allistain**
4. Блуждающие камни - Брюс Р. Корделл - **Allistain**
5. Костяная птица - Джейли Джонсон - **Allistain**
6. Пиршество Луны - Кристофер Роу - **Allistain**
7. Молитва за брата Роберта - Филипп Этанс - **Allistain**
8. Король в меди - Ричард Бейкер - **Allistain**
9. Пыльные кости - Розмари Джонс - **Allistain**
10. Множество убийств Мэншуна - Эд Гринвуд - **Allistain**
11. Тело в мешке - Эрик Скотт де Би - **Allistain**
12. Ируладун - Р.Э. Сальваторе - **mar4uk**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через нашу группу Вконтакте (https://vk.com/abeir_toril). Если Вам понравился перевод, просто присоединяйтесь к сообществу и скажите «спасибо» - этого будет достаточно. ;-)

Присоединяйтесь к нашему сообществу Вконтакте https://vk.com/abeir_toril и регистрируйтесь на нашем сайте abeir-toril.ru и форуме shadowdale.ru — новые книги вас будут ждать только там.

«КОРОЛЕВСТВА МЁРТВЫХ»

под редакцией Сьюзен Дж. Моррис

РАЗВАЛИНА

Ричард Ли Байерс

11 миртула, год Панихиды Халфлинга (1386 ЛД)

У погибшего не было лица. Кто-то — скорее всего, убийца - клинком или когтями практически подчистую содрал плоть с его черепа.

Барерис Анскульд с раздражением уставился на тело. У него ушло десять дней на то, чтобы отыскать этот сильно пострадавший от землетрясения дом с покосившимся полом и покрытыми трещинами стенами, но, судя по всему, он опоздал.

- Это и есть Урмас Сетдем? - спросил Зеркало. Призрак, имевший раздражающую привычку принимать облик тех, кто находился поблизости, сейчас выглядел, словно темное и колеблющееся отражение Барериса - или, скорее, карикатура на своего высокого и светловолосого друга. После превращения в нежить длинные волосы и кожа Барериса обрели мертвенно-белый оттенок, а глаза стали черными, словно полночь. Однако при необходимости магия помогала ему вернуть свой прежний, человеческий облик.

- Полагаю, он и есть, - произнес Барерис. - Это ведь его дом. Однако возникает любопытный вопрос - если кто-то не хотел, чтобы погибшего опознали, то почему не убрал отсюда его тело?

- Видимо, у него не было такой возможности, - лицо Зеркала поплыло, и вместо головы барда возник освеженный череп. - Так что убийце пришлось довольствоваться этим.

- Полагаю, ты прав, - Барерис опустился на колени возле трупа. В воздух поднялось целое облако мух. Обратив внимание на цвет кожи, он прикоснулся к голубоватой руке и попытался ее согнуть. Однако из-за трупного окоченения тело не поддавалось.

- С момента его смерти прошло немало времени.

- Значит, у нас практически нет шансов поймать убийцу.

- Нет, если только сама жертва не подскажет нам, в каком направлении вести поиски, - поднявшись на ноги, Барерис достал из-за спины чехол из дерева и кожи, где находилась его арфа.

- Некромантия? - спросил Зеркало.

- Если у меня получится.

Призрак нахмурился. При жизни он являлся рыцарем, верно служившим одному из божеств света, и поэтому терпеть не мог темную магию. Однако за последние десять лет ему не раз доводилось становиться свидетелем того, как его союзники идут на куда более ужасные вещи для достижения своих целей. В сражениях за власть над Тэем повелители-волшебники использовали целые армии демонов и нежити, опустошая при этом свои же собственные земли.

- Только будь осторожен, - попросил он. - И не удерживай здесь бедную душу дольше, чем необходимо.

- Конечно, - ответил Барерис. Убедившись, что арфа настроена, он ударил по металлическим струнам, и в воздухе поплыли звуки глissандо.

Некоторые песни позволяли ему находить общий язык с животными и даже растениями, и его нынешняя импровизация была чем-то на них похожа. Но сейчас он играл в минорной гамме, а сочиненные им вирши призваны были проникнуть сквозь стену между мирами и опутать дух погибшего сетью принуждения. Ему не раз доводилось присутствовать при проводимых некромантами ритуалах, и поэтому некоторые слова силы были ему знакомы. Другие же сами собой возникали в его мозгу, стоило ему сосредоточиться на поставленной задаче.

В практически лишенной мебели комнате стало холодней и сгустилась тьма. На границе поля зрения возникли дрожащие извивающиеся тени. Шум раскинувшегося внизу города начал стихать, пока в целом мире, казалось, не осталось ничего, кроме его мрачной песни.

Труп содрогнулся и резко втянул воздух в грудную клетку. Барерис допел строфу до конца, завершая заклинание. Мертвец сел и обвел помещение взглядом остекленевших, иссохших глаз.

- Ты — Урмас Сетдем? - спросил Барерис. Мертвец неуклюже поднялся на ноги. - Ты — Урмас? - повторил вопрос бард.

- Мы не причиним тебе вреда, - произнес Зеркало. - Как только ты ответишь на наши вопросы, мы сразу же тебя отпустим. Возможно, нам даже удастся отомстить за твою смерть.

В молчании мертвец продолжал сверлить их взглядом. Из его рта на то, что осталось от нижней губы, выполз опарыш.

- Говори, - приказал Барерис. - Повелеваю тебе мертвым именем мертвого Велшаруна!

- Был Урмасом, - голос трупа оказался хриплым, неразборчивым и прерывающимся. - Теперь лишь развалина. Всё развалилось, - он рассмеялся. Звук напоминал стук бьющихся друг о друга камней.

- Кто тебя убил? - спросил Барерис.

- Тень. Я сам. Все.

- Я не понимаю.

Урмас снова рассмеялся.

- Я тоже.

- Мы хотим присоединиться к вам. К тем, кто противостоит Сзассу Тэму. Кому ты подчиняешься?

Урмас покачал головой.

- Нет. Не предам.

- Это не предательство, - возразил Зеркало. - Мы хотим помочь.

- Говори, - велел Барерис. - Или же я отправлю тебя прямиком в Бездну в качестве закуски для демонов, - он извлек из арфы диссонансный аккорд, и мертвец отшатнулся.

- Чон Вразль, - процедил Урмас.

- Я слышал это имя, - произнес Барерис. - Жрец Коссута, верно?

- Огонь, - сказал Урмас. Казалось, что он пытается ухмыльнуться, хотя состояние его губ делало эту задачу совершенно невыполнимой. - Сожжет вас.

- Я уже говорил, - вмешался Зеркало. - Мы друзья.

- Никаких уловок, - прорычал Урмас. - Не предам! - вскинув руки, он бросился на Барериса.

Движения мертвеца были неуклюжими, но его внезапная атака застала барда врасплох. Урмас врезался в него, сбив с ног.

Одной ладонью мертвец вцепился Барерису в горло, а другой потянулся к глазам. Радуюсь, что ему уже не требовалось дышать, бард перехватил руку Урмаса за запястье и отвел её подальше от своего лица.

Облик Зеркала изменился. Теперь он снова напоминал того человека, которым когда-то являлся — худощавого меланхоличного воина с длинными усами, одетого в хауберк и с палахом в руке. Он вонзил клинок в спину Урмаса. Нематериальное лезвие погрузилось в плоть, не встречая сопротивления.

Когда призрак направил в свое оружие священную силу, тело Урмаса вспыхнуло изнутри. При жизни Зеркало мог использовать мощь своего божества, и данная способность каким-то образом сохранилась у него даже после смерти, невзирая на то, что эта энергия губительно воздействовала на нежить. Хотя она и была использована против другого, Барерис всё равно ощутил на себе её эффект.

Тело Урмаса взорвалось, осыпав барда дождем из ошметков дымящейся плоти и осколков костей.

- Ты в порядке? - спросил Зеркало.

- Да, - Барерис поднялся на ноги и осмотрел арфу. Убедившись, что она не пострадала, он аккуратно вытер её и принялся беспорядочно отряхивать одежду в тщетных попытках привести себя в порядок.

По темным губам Зеркала скользнула слабая улыбка.

Барерис понимал причины веселья своего спутника, однако разделить его чувства не мог. С тех пор, как его возлюбленная Таммит умерла окончательной смертью, а сам он превратился в нежить, смех навсегда ушел из его мира.

- Обычно, когда некроманты допрашивают мертвых, всё идет иначе, - произнес он. - И не думаю, что причиной тому — ошибка в моем заклинании.

- Согласен, - ответил Зеркало, возвращаясь в свое обычное угрюмое состояние. - Урмас сказал, что он - «развалина», и это отчасти верно. Его душа сильно пострадала и мучилась от боли.

- Связано ли это с тем, каким именно образом его лишили жизни?

Зеркало пожал плечами. Очертания его тела стали более размытыми.

- Неплохая версия, но кто знает?

- Итак, много нам выяснить не удалось, но, по крайней мере, у нас есть имя — Чон Вразэль. Давай его отыщем.

Барерис произнес слова приказа, и заклинание иллюзии, придававшее ему облик живого человека, изменилось, маскируя испачканную одежду. Зеркало же стал практически прозрачным — его присутствие выдавала лишь слабая рябь в воздухе, вызывающая головную боль при попытке сфокусировать на ней взгляд. Закончив приготовления, они вышли обратно на мрачные и переполненные народом улицы Амрутара — или, как его называли нынче, Пылающего Амрутара.

Будучи одним из свободных городов Тэя, Амрутар некогда служил пристанищем для беженцев, которых длившаяся на протяжении десяти лет гражданская война заставила покинуть родные края. Это само по себе истощило его ресурсы до предела, но затем разразилась катастрофа, известная как Магическая Чума. Крепости и башни города оказались уничтожены землетрясениями, земля раскололась, и потоки хлынувшей из трещин лавы выплеснулись на улицы, разрушив большую часть домов.

Казалось, что после всего произошедшего Амрутар был обречен стать очередным заброшенным городом-призраком, однако каким-то образом ему удалось выстоять. Возможно, его обитателям просто некуда было идти.

Переполняющие улицы толпы преимущественно состояли из людей, однако здесь также встречалось немало клыкастых свинорылых орков, высоких, обменивающихся лающими смешками косматых гноллов и даже низкорослых кривоногих гоблинов. Тем не менее, в глаза сразу бросалось отсутствие нежити, которой в любом другом городе Тэя было полным-полно.

В воздухе стоял запах дыма и серы, и Барерису захотелось протереть глаза.

Землю сотряс очередной толчок, и с краев пересекавшей улицу зигзагообразной трещины в пропасть посыпались камни. Нищие продолжали просить милостыню, а уличные торговцы — расхваливать свои товары. Шум прорезал пронзительный вопль — какому-то бедолаге не повезло стать жертвой бандитов.

Несмотря на толчею и перегораживающие улицы завалы из обломков зданий, Барерис и Зеркало добрались до своей цели достаточно быстро. Подсознательно люди ощущали присутствие призрака и старались убраться с его пути, даже не подозревая об этом.

Насколько Барерису было известно, Чон Вразэль занимал высокий пост в иерархии церкви Коссута. Если бы он захотел, то мог бы жить в роскоши, служа в находящемся в центре города черном зиккурате, который являлся главным святилищем этого божества. Однако вместо этого жрец предпочел основать свой собственный храм. Располагался тот на краю одной из заполненных яркой лавой пропастей, в стене которой были вырезаны ряды сидений. Над бурлившей далеко внизу магмой до середины провала простирался выступ, в конце которого находился окутанный магическим пламенем алтарь из базальта.

Подле него стоял мужчина в красно-желтых одеяниях. Священник выглядел удивительно молодо для своего сана. Подобно большинству тэйцев знатного

происхождения, Чон Враэль был высок, худощав и предпочитал брить голову налысо, а кожу его, как и у прочих известных Барерису огнеходцев, покрывало множество шрамов от ожогов. Судя по всему, ораторского мастерства ему было не занимать - теснившиеся в импровизированном амфитеатре верующие внимали каждому его слову, затаив дыхание.

- В грядущие дни, - вещал жрец, - вы услышите много лжи, - из-за магии или особенностей местной акустики его слова с легкостью доносились даже до самого верхнего яруса. - Люди будут утверждать, что Амрутар не выстоит, если останется свободным городом. Что у вас нет выбора, кроме как отдать себя, своих жен и детей во власть наихудших кошмаров, что только может породить воображение - гулей, вампиров и призраков, которые пожрут вашу плоть, кровь и даже души. Лжецы станут говорить, что Владыка Пламени, который всегда любил и защищал Амрутар, который провел нас сквозь опасности Войны Зулкиров и Магической Чумы, не является истинным божеством. Пойдут слухи, что почти все Плающие Жаровни погибли или сбежали за море, а те из нас, кто остался здесь, ждут лишь подходящей возможности, чтобы сдать вас, наш дом и нашу веру! Чтобы объявить Сзасса Тэма законным владыкой Амрутара, а Коссута — экзархом Бэйна! Не верьте их словам. Ни единому! Мы не остановимся, и Владыка Пламени будет сражаться вместе с нами! И я спрашиваю вас - присоединитесь ли вы к нашей борьбе?

В знак согласия публика разразилась воплями. Улыбнувшись, Чон Враэль вскинул руки, и языки плающего вокруг алтаря пламени взметнулись вверх, окутав его с ног до головы.

Как опытный оратор, Барерис не мог не отдавать должное красноречию жреца, однако слова о надежде, любви и вере были не в силах затронуть струны его души. Возможно, если бы Чон Враэль говорил о ненависти и мести, он бы и почувствовал желание присоединиться к голосам остальных...

Но самое главное - теперь он убедился, что дух Урмаса направил его по верному пути. Дождавшись окончания церемонии, Барерис спустился вниз. Зеркало, присутствие которого выдавало лишь ощущение смутной неправильности за спиной, последовал за ним.

Окруженный толпой галдящих последователей, Чон Враэль стоял там, где алтарный выступ переходил в первый ярус амфитеатра. Как и всегда, многие неосознанно расступались, почувствовав приближение призрака, остальных же Барерис убеждал убраться с дороги с помощью извинений, пронизанных толикой магии.

Чон Враэль посмотрел на него. В его светло-серых глазах вспыхнул огонек любопытства.

- Мы раньше не встречались, - произнес жрец. Оказалось, что, когда он не вещает на публику, его голос звучит выше, моложе и более хрипло - впрочем, это куда больше подходило его облику.

- Нет, - сказал Барерис. - Но нам нужно переговорить наедине. Возможно, тебе угрожает опасность.

- Это я и так знаю, - отмахнулся жрец. - Однако сомневаюсь, что враги отважатся напасть на меня, пока я нахожусь в окружении своей паствы. Позволь мне закончить благословлять и исцелять всех страждущих, и я проведу тебя внутрь храма.

Барерису, несмотря на с недавнего его нетерпение, ничего не оставалось, кроме как ждать. Наконец собрание подошло к концу, и Чон Вразль привел его и по-прежнему продолжавшего оставаться невидимым Зеркало в расположенное через дорогу большое здание. Множество алтарей и икон, развешанные на стропилах багряные флаги и пылающие повсюду священные огни свидетельствовали о том, что жрец и его последователи сделали всё возможное, чтобы превратить это место в настоящее святилище, однако выцветшие знаки, номера, ценники и непристойные граффити свидетельствовали о том, что изначально здесь располагался крытый рынок.

Перед главным алтарем стоял стражник с бородой цвета меди и огромным мечом за спиной. Ростом он был в два раза выше Барериса, но из-за бугрящихся мышц его фигура выглядела практически квадратной.

До Барериса доходили слухи о том, что в черном зиккурате служат несколько огненных великанов. Очевидно, по крайней мере один из них последовал за Чоном Вразлем, когда тот решил отделиться и основать собственный храм.

С улыбкой жрец взмахнул рукой, указывая на огромного стража.

- Как видишь, даже когда я один, убить меня не так-то просто.

- Ошибаешься, - возразил бард. - Всё это время неподалеку от тебя находился невидимый воин, но ни ты, ни твой охранник ничего не заметили.

Чон Вразль уставился на Барериса. Поняв, что тот не шутит, жрец поспешно отступил назад и, сунув руку в недра мантии, достал оттуда острый кинжал с волнистым лезвием. Клинок окутало потрескивающее пламя.

- Кто вы?

- Союзники, - произнес Барерис. - Если ты, конечно, не отвергнешь нашу помощь. Сейчас мой друг станет видимым, а я сниму иллюзию, скрывающую мою истинную внешность, - он пропел три нисходящих ноты, и заклинание развеялось. Рядом с ним появился Зеркало, который на этот раз принял облик держащего в руке пылающий кинжал Чона Вразля.

- Нежить! - выплюнул жрец. Великан обнажил меч, клинок которого также охватило пламя.

- Верно, - произнес Зеркало. - Однако, несмотря на это, мы, как и вы, выступаем против некромантов. Мы сражаемся с ними ещё с самого начала войны. Это Барерис Анскульд, а меня называют Зеркало. Возможно, вы о нас слышали.

Чон Вразль нахмурился.

- Анскульд был обычным человеком. Они с призраком покинули Тэй вместе с зулкирами.

- Я лишился жизни в море Аламбер, - произнес Барерис. - Мы вернулись ради того, чтобы продолжить борьбу. Пожалуйста, прикажи огненному великану отступить. Мы не желаем зла ни ему, ни тебе.

Поколебавшись, Чон Вразль вскинул руку. Гигант-охранник остановился.

- Чего же вы хотите? - спросил жрец.

- Присоединиться к тем, кто сражается с Сзассом Тэмом, - произнес Барерис. - Все знают, что несколько противостоящих ему отрядов находятся в Амрутаре. Учитывая, что ты в открытую выступаешь против него, тебе должны быть известно, кто они и как с ними связаться.

- Но сейчас важнее другое, - вмешался Зеркало. - Твой последователь, Урмас Сетдем, был убит. Возможно, находящиеся в городе агенты Сзасса Тэма намереваются одним ударом уничтожить всех его врагов. Ты должен предупредить своих товарищей об этой угрозе.

Чон Враэль сморгнул.

- Во имя Черного Пламени! Бедняга Урмас. Идите за мной.

Пройдя сквозь дверной проем, они спустились по лестнице. Великан последовал за ними. Коридор был слишком тесен для существа его размеров, но, судя по всему, никаких неудобств он от этого не испытывал.

Из освещенной единственной подвесной лампой комнаты, где они оказались, вело несколько утопающих во тьме арочных проходов. Пытаясь понять, зачем Чон Враэль привел их в место, которое выглядело, словно декорация для пьесы о заговорщиках или убийцах, Барерис огляделся.

Внезапно жрец бросился вперед, разрывая дистанцию. Пойманный врасплох, бард ничего не успел предпринять. Развернувшись, Чон Враэль полоснул пылающим кинжалом по воздуху и произнес слова приказа.

Из-под ног Барериса взметнулись языки пламени. От боли он пошатнулся, а силуэт Зеркала задрожал - божественный огонь принялся поглощать его нематериальное тело, словно бумагу.

Барерис сделал шаг вперед, чтобы выбраться из очага возгорания, но увидел, что путь ему преграждает великан. Огромный воин уже отвел клинок назад, чтобы нанести удар - удар, который у барда, учитывая, насколько он пострадал от огня, не было ни единого шанса отразить.

- Нет! Его нужно взять в плен! - рявкнул Чон Враэль.

Огромной рукой гигант схватил Барериса и швырнул обратно в пылающий костер.

Языки пламени принялись жадно пожирать его плоть, пока в мире не осталось ничего, кроме боли. Спустя некоторое время огонь расступился в стороны, образовав вокруг них нечто вроде огромной клетки. Зеркалу также удалось уцелеть, хотя присутствие призрака едва ощущалось.

- Идея была не так уж и плоха, - насмешливо произнес Чон Враэль. - Но байку вам стоило придумать получше. Урмас, иди сюда и продемонстрируй нашим гостям, на чем именно они прокололись.

Из затененного прохода появилась фигура. Всматриваясь сквозь языки пламени, Барерис, перед глазами которого всё плыло, смог различить лишь смутный темный силуэт, однако он не сомневался, что новоприбывший выглядит точь-в-точь как настоящий Урмас.

- Кто они? - спросил самозванец.

- Убийцы, - произнес Чон Враэль. - Убийцы, которые поведали крайне занимательную историю, чтобы втереться мне и Рангдору в доверие, - очевидно, так

звали великана. - К счастью, я вовремя раскусил их ложь, ведь ты всё это время ждал меня здесь, живой и здоровый.

Барерис открыл было рот, чтобы объясниться, но поперхнулся — его глотку пронзила невыносимая боль.

- Значит, началось, - произнес фальшивый Урмас. - Сзасс Тэм попытался от тебя избавиться.

- Он - или же Тола Мапрет.

Урмас покачал головой.

- Поверить не могу. Разве могла верховная жрица Коссута в Амрутаре опуститься до использования нежити?

- Она и сам город личу сдаст, лишь бы сохранить свою должность. К тому же никому в голову не придет, что она способна послать за мной призрака и ревенанта. Её никак нельзя сбрасывать со счетов.

- Возможно, - произнес Урмас. - Что теперь?

- Без толку стоять здесь и гадать. Нужно досконально выяснить, что происходит. Значит, придется выбить из пленников ответы.

Урмас хмыкнул.

- Думаешь, что это мне не по плечу? - с возмущением спросил Чон Враэль. - Ловушка-то сработала идеально.

- Думаю, что мало кто может сравниться с тобой, когда речь идет об уничтожении нежити. Однако получится ли у тебя взять их под контроль? Если не ошибаюсь, тебе никогда не приходилось делать ничего подобного раньше. Однако у твоих коллег или их подчиненных может оказаться больше опыта в подобных делах. Предлагаю созвать общий сбор.

Чон Враэль заколебался.

- Неплохая идея.

- Верно, просто отличная, - продолжал настаивать самозванец. Несмотря на то, что боль притупила чувства Барериса, он сразу же понял, что его слова были пропитаны магией убеждения. К сожалению, ни Чон Враэль, ни Рангдор ничего не заметили.

Бард снова попытался заговорить, но с его губ не сорвалось ни звука.

- Ты прав, - произнес Чон Враэль. - Судя по всему, в опасности оказался каждый из нас. Я призову их.

- Тогда, полагаю, мне пора идти, - произнес Урмас. Барерис снова ощутил в его голосе пульсацию силы.

Несколько мгновений Чон Враэль сохранял молчание. Затем он произнес:

- Нет. В одном сомневаться не приходится — врагам о тебе известно, и, следовательно, домой вернуться ты не можешь. К тому же твоя верность не вызывает сомнений. Пора бы тебе начать играть более важную роль в нашем деле и лично встретиться с остальными.

- Я помолюсь о том, чтобы Коссут даровал мне силы оправдать твоё доверие!

- Если хочешь, займись этим прямо сейчас. Мне нужно провести ритуал, чтобы связаться с нашими товарищами. Рангдор присмотрит за пленниками.

Урмас удалился наверх, якобы для того, чтобы вознести молитвы среди икон и священных огней. Чон Враэль исчез в одном из арочных проходов. Некоторое время

Рангдор стоял, сверля Барериса гневным взглядом сквозь языки разделяющего их пламени. Затем великан отошел и сел, прислонившись спиной к стене.

Бард понял, что вряд ли им представится иная возможность для побега. На Зеркало рассчитывать не стоило - сила Коссута выжгла его практически дотла. Призрак едва ли отдавал себе отчет в том, что происходит вокруг, а для того, чтобы к нему вернулась ясность мыслей, требовалось время.

Изо всех сил напрягая сожженные связки, Барерис попытался прошептать слова, которые позволили бы ему обрести связь с источником темной силы, что питает нежить. Эта энергия являлась ядом для всего живого, но существам вроде него она была необходима, как воздух.

Его глотку снова скрутил спазм агонии. Как же ему тогда использовать магию?

Он попытался игнорировать боль. Сосредоточился. Но его усилий все равно оказалось недостаточно...

Неужели так всё и закончится? Неужели он погибнет здесь, в этом склепе, или же окажется вынужден влачить жалкое существование в качестве беспомощного пленника, даже не успев приступить к своей вендетте?

Барериса захлестнули неистовые эмоции - гнев, ярость, решимость и отчаянье - и внезапно что-то в нем надломилось. Его сущность словно разделилась на две части, одна из которых полностью утратила способность испытывать чувства. Она извне взидала на его раздираемую страстями душу, словно на актера, отыгрывающего роль в пьесе.

Таммит, которая стала вампиром задолго до его превращения в нежить, пыталась объяснить ему, в чем состоит суть подобного расщепления сознания. Она говорила, что те, кому было даровано проклятье посмертия, не могли время от времени не терзаться мыслями о том, что все их чувства и эмоции являются лишь плодами воображения, призванными скрыть невыносимую боль и ужас пустоты бытия. Однако вплоть до сего момента он этого не понимал.

В разуме его воцарился полный хаос, грозя навсегда ввергнуть его в пучину безумия, однако некий древний первобытный инстинкт вынудил барда собраться и взять себя в руки. Справившись с приступом помешательства, Барерис осознал, что этот опыт, сколь бы ужасающим он ни был, может оказаться полезным.

Если то, что он ощущает, не является реальным, значит, и боль — тоже.

Попытавшись от неё абстрагироваться, он прошептал несколько слов - безуспешно. Он испугался, что повреждения, нанесенные огнем его гортани, оказались слишком серьезными. К счастью, после нескольких попыток ему удалось выдать из себя несколько звуков.

Увы, слова, вылетающие из его рта, звучали так же неразборчиво, как и слова настоящего Урмаса — точнее, его трупа. Тем не менее, он приложил все усилия для того, чтобы говорить членораздельно и с требуемой для творения магии интонацией.

Наконец в воздухе заструилась сила, и боль исчезла. Его зрение прояснилось. Обугленные ошметки кожи посыпались на пол, когда под ними сформировалась новая бледная плоть. Судя по всему, Рангдор, который, сидя у стены, продолжал вполглаза наблюдать за ним, ничего не заметил.

Наконец его тело относительно восстановилось. Не вставая с пола, Барерис попытался определить, сильно ли пострадало его имущество. Огонь полностью уничтожил бригантину и арфу, равно как и одежду, однако полуторный зачарованный меч, кажется, остался невредим.

Он подумал о том, чтобы исцелить своей песней и Зеркало, но отказался от этой идеи. Призрак представлял собой уникальное слияние светлых и темных энергий, и он мог нарушить их баланс. Лучше позволить времени делать свое дело.

Даже если это означает, что ему придется выбираться из магической клетки в одиночку.

Если бы огонь был обычным, он бы просто пробежал сквозь него со всей возможной скоростью, чтобы свести ущерб от ожогов до минимума. Однако от пламени, сотворенном жрецом Коссута, ожидать приходилось чего угодно. Оно могло охватить его целиком, превратив в пылающий факел, или же сделаться твердым, как прутья настоящей клетки. Следовательно, придется пустить в ход магию.

Жалея об отсутствии музыкального инструмента, он начал тихо напевать. Если все пройдет как надо, то он перенесется на несколько шагов вперед, оказавшись за пределами магической темницы.

Мир взорвался вспышками света. Когда зрение Барериса прояснилось, он обнаружил, что его по-прежнему окружают потрескивающие языки пламени. Не сработало.

Очевидно, с помощью волшебства переместиться сквозь этот огненный круг не получится. Значит, остается одно. Его следует уничтожить.

Не вставая с места, он тихим голосом начал петь новую песню. После нескольких куплетов стало ясно, что этого недостаточно — огонь продолжал пылать так же ярко, как и прежде.

Страхивая с себя черные ошметки, бард вскочил на ноги, выпрямился и громко запел. Поза и голос усиливали энергию мощного контрзаклинания, которое призвано было сокрушить заклятье Чона Вразля.

Разумеется, Рангдор не мог не заметить его действий. Обнажив клинок, великан поспешно встал и выкрикнул:

- Повелитель!

Сконцентрировавшись, Барерис обрушил на темницу всю мощь своей воли. На мгновение стена огня перед ним исчезла, но через секунду яркие языки пламени взметнулись так же высоко, как и прежде.

Судя по всему, ему не под силу разрушить магию жреца. Огнеходец потратил на создание своей ловушки слишком много времени и усилий.

Неспешным шагом жрец вошел в комнату, всем своим видом демонстрируя, что торопиться ему некуда. Рангдор встал у него за спиной.

- Вижу, тебе удалось исцелиться, - произнес жрец. - Интересно, если я тебя ещё раз сожгу, сможешь ли ты сделать это снова?

Сквозь стену желтых языков пламени Барерис уставился Чону Вразлю прямо в глаза.

- Ты же собираешься меня допрашивать. Следовательно, тебе требуется, чтобы я был в состоянии отвечать на вопросы.

- Кто знает? Насколько мне известно, некроманты способны выбить сведения даже из голого черепа. Но, если ты не станешь предпринимать новых попыток к бегству, я согласен на время оставить тебя в покое.

- Послушай. Я понятия не имею, с кем или чем ты беседовал сегодня, но это точно не Урмас Сетдем. Я видел труп настоящего Урмаса и говорил с его духом. Убийца лишь притворяется им. Чтобы сделать свою маскировку более убедительной, он даже поглотил часть его воспоминаний, - именно по этой причине дух погибшего был искалечен и не мог мыслить связно.

- Чушь, - произнес Чон Враэль.

- Помнишь, что самозванец вошел в комнату лишь после того, как мы с Зеркалом оказались в ловушке. Ты назвал нас «гостями» - и он не удивился. Но ведь на тот момент Зеркало было невидим. Неужели настоящий Урмас смог бы почувствовать его присутствие?

Поколебавшись, Чон Враэль фыркнул.

- Ему прекрасно известно, что на службе у наших врагов находятся незримые духи, так что прийти к верному выводу было совсем несложно.

- Уверяю тебя — это не Урмас, а убийца, обладающий некими сверхъестественными способностями, и его цель — уничтожить тебя и твоих соратников. К прискорбию, наше с Зеркалом появление сыграло ему на руку. Если бы не мы, ему бы оказалось весьма непросто разузнать о прочих отрядах, которые противостоят Сзассу Тэму, ведь их несколько и действуют они независимо друг от друга. Поэтому-то с помощью магии он и воздействовал на твою волю, заставив объявить общий сбор. Когда твои товарищи придут, он непременно постарается вас убить.

Чон Враэль рассмеялся.

- Твоя ложь с каждым разом становится всё нелепей и нелепей.

- Ты сейчас думаешь — если Урмас действительно является врагом, то с ним одним справиться не составит труда. Но я убежден, что это не так.

- Вместо того, чтобы продолжать нести чушь, почему бы тебе не рассказать правду и тем самым облегчить свою участь? Тогда впоследствии я дарю вам с призраком более милосердную кончину, чем вы заслуживаете.

Барерис вздохнул.

- Огнеходец, ты же терпеть не можешь нежить, не так ли? Учитывая, что влияние самозванца на твой рассудок ещё не исчезло, ты не хочешь допускать даже мысли о том, что я не лгу.

- Раз уж ты заговорил об этом, знаешь, я ведь не всегда жил в Амрутаре. У моей семьи было поместье в Туратиресе, пока в один прекрасный день наши владения не заполонили зомби Сзасса Тэма. Они разорвали на клочки моего отца и братьев, а нам с матерью пришлось спасаться бегством, бросив всё своё имущество. Так что да, можно сказать, что я слегка недолюбливаю вашу братию.

- Разве ты не понимаешь, что именно поэтому твои враги ни за что бы не отправили нежить, чтобы попытаться обвести тебя вокруг пальца? По крайней мере, тех ее представителей, кто не станет скрывать свою истинную натуру. Зеркало и я ничего не знали о твоём прошлом, однако Сзассу Тэму и Толе Мапрет о нём было известно.

Некоторое время Чон Вразль хранил молчание — достаточно долго для того, чтобы Рангдор устремил на него вопросительный взгляд. Барерис ощутил вспышку надежды. Наконец жрец произнес:

- По-прежнему продолжаешь упорствовать в своей лжи. Твои вопли станут музыкой для моих ушей, - развернувшись на каблуках, он удалился.

Нахмурившись, Барерис пожалел о том, что не попытался использовать на Чоне Вразле свой дар убеждения. Но, учитывая, что сознание жреца и так находилось под посторонним воздействием, шансы на успех были крайне невелики. Окажись рассудок Чона Вразля достаточно крепким, он бы, несомненно, распознал попытку манипуляции, и тогда у барда совершенно точно не получилось завоевать его доверие.

В любом случае, сокрушаться об этом было поздно. Судя по всему, теперь Барерису не оставалось ничего другого, кроме как попытаться подчинить своей воле Рангдора, который продолжал стоять возле клетки, не спуская с барда глаз.

- Великан, - произнес он. - Если ты уважаешь Чона Вразля и веришь в его идеалы, то помоги мне спасти его от последствий своей собственной слепоты, - используя определенные сочетания слогов и модуляцию, он наплат слова силой - настолько аккуратно, что заметить это смог бы только тот, кто также владеет магией. - Освободи меня.

Грубое лицо Рангдора обмякло. Он потер лоб кончиками пальцев, словно пытаясь избавиться от некоего дискомфорта.

Внезапно во взгляде великана вспыхнул гнев.

- Нет! Ты не проникнешь в мою голову, чудовище, и я разрублю тебя пополам, если еще раз выкинешь что-то в таком духе!

Барерису стало интересно — неужели это магическое пламя лишает силы все его заклинания или же дело в том, что Госпожа Удача сегодня повернулась в нему спиной? Так или иначе, его уловка не сработала.

Повернувшись, он устремил взгляд на то место, где смутно ощущалась некая пустота.

- Если слышишь меня, - прошептал бард, - исцелись. Возвращайся. Ты мне нужен. Но, как и прежде, Зеркало оставался невидимым и неподвижным.

Вскоре небольшими группами начали прибывать лидеры сопротивления вместе со своими помощниками. Воцарившаяся в комнате преувеличенно-заговорщическая атмосфера в иных обстоятельствах могла показаться абсурдной. Многие из присутствующих были одеты в парчу и носили доспехи из дамаска — очевидно, они являлись аристократами или преуспевающими торговцами. На их перстнях и рукоятках мечей сияли самоцветы. Одежда других была соткана из шерсти и льна, а руки их огрубели от ежедневной тяжелой работы.

Улыбающийся Урмас шел последним.

Некоторое время собравшиеся переговаривались с Чоном Вразлем, а затем подошли к огненному кольцу. Присоединившись к стоящему ближе всех огнеходу, вперед вышел маг. Судя по алой мантии и вырезанным из слоновой кости амулету и кольцам в виде черепов, он являлся одним из немногих членов Ордена Некромантии, которые не последовали за Сзассом Тэмом в его стремлении захватить единоличную власть над Тэем. Безволосую голову и длиннопалые татуированные

руки волшебника покрывали пятна плесени. Возможно, это помогало ему лучше чувствовать связь с нежитью.

- Так-так, - произнес угрюмый маг тем самодовольным и надменным тоном, что был характерен для всех Красных Волшебников. - И кто же ты такой?

- Я действительно являюсь Барерисом Анскульдом, - произнес бард, - а это — Зеркало. Все вы сейчас находитесь в большой опасности, и время почти на исходе.

- Та же ложь, что и прежде, - сказал Чон Враэль. - Заставь его раскрыть нам правду.

- Никаких проблем, - воздев украшенный сложной резьбой белый посох, сделанный из кости какого-то огромного животного, некромант выставил его вперед. Он произнес слова приказа, и по посоху забежали огни. В воздухе слышались шепотки, а у одного из собравшихся носом пошла кровь. Заговорщики встревоженно забормотали.

Барерис почувствовал, что на его рассудок пытается воздействовать чужая воля. Его первым побуждением было защитить себя, пропев контрзаклинание, способное ослабить вражескую магию или даже отразить ее в создателя, однако он прекрасно понимал, что, если позволит некроманту подчинить себе его разум, то у этих идиотов просто не останется выбора, кроме как признать правдивость его слов.

С огромным нежеланием он распахнул рассудок перед магом. Ему уже приходилось проходить через нечто подобное тогда, когда его обучали основам бардовского мастерства. Как и прежде, он словно разделился на двух Барерисов, один из которых оказался в полной власти своего пленителя, в то время как второй сохранял свободу воли, однако был бессилён на что-то повлиять.

- Кто ты? - спросил некромант.

- Барерис Анскульд.

Некоторые из присутствующих удивленно забормотали.

- Когда ты попал под контроль Сзасса Тэма?

- Никогда. Единственный, кто меня контролирует, это ты.

- Зачем ты пришел сюда?

- Чтобы присоединиться к вам и предупредить, что тот, кто притворяется Урмасом Сетдемом, намеревается вас убить.

Волшебник повернулся к Чону Враэлю.

- Судя по всему, он говорит правду.

Огнеходец покачал головой.

- Нет. Это какой-то трюк. Возможно, некая психическая защита, предназначенная для сопротивления подобной тактике ведения допроса.

- Полагаю, всё возможно. Но с чего ты в этом так уверен? И почему в своем рассказе ты ни словом не упомянул о том, что он выдвинул обвинение против одного из твоих последователей?

Чон Враэль заколебался.

- Я не уверен. Наверное, учитывая, сколько всякого бреда он наговорил, я просто не счел нужным заострять внимание на деталях.

- Где этот человек? - спросил аристократ в короткой серебристой пелерине и с круглым стальным баклером на запястье.

Собравшиеся принялись встревоженно оглядываться. Урмас исчез.

С ведущей наверх лестницы слышался слабый шуршащий звук.

- Отсюда есть другой выход? - спросил некромант.

- Нет, - произнес Чон Вразль. - Все комнаты, в которые ведут эти двери, оканчиваются тупиками.

Внезапно, подобно оползню, на лестнице появилась улгурста.

Эта похожая на личинку нежить была намного меньше, чем большинство своих собратьев, иначе, несмотря на мягкое, покрытое слизью тело, у нее бы попросту не получилось протиснуться сквозь дверной проем. Однако она всё равно намного превосходила размерами всех, кто здесь присутствовал, включая Рангдора. Ей бы ни за что не удалось добраться сюда по переполненным народом улицам Амрутара незамеченной. Судя по всему, Урмас призвал ее в храм с помощью магии.

- Назад! - воскликнул некромант, и заговорщики поспешно отступили. Аристократ в серебристой пелерине замешкался, и один из тонких, практически невидимых глазу усиков, что покрывали тело твари, хлестнул его по лицу, начисто срезав с черепа кожу.

Дюжины глаз улгурста пылали огнем ненависти. Стуча шпорами множества коренастых ног по полу, она двинулась вперед. Внезапно слышался голос Урмаса, который отступил к вершине лестницы.

- Скелеты!

Тварь изрыгнула фонтан дымящейся шипящей слизи. Из образовавшейся лужи появились четыре скелета. Роняя на пол капли едкой кислоты, они двинулись к Чону Вразлю и его союзникам. Улгурста поползла следом.

Стряхнув с себя первоначальный шок и панику, некоторые из заговорщиков выступили вперед, преграждая скелетам путь. Рангдор рванулся наперерез улгурста, и её усики принялись неистово хлестать по его телу, нанося глубокие резаные раны. Игнорируя боль, великан бестрепетно взмахнул огромным двуручным мечом. Тем временем Чон Вразль и некромант также вступили в бой — в тварь полетели сгустки тени и шары магического пламени. Однако даже их объединенных усилий оказалось недостаточно, чтобы замедлить её шаг.

- Убейте всех! - заорал Урмас. - Не дайте никому уйти!

На протяжении всего этого времени Барерис мог лишь отстраненно наблюдать за происходящим, пребывая в состоянии безразличного оцепенения. Однако заклятье некроманта наконец развеялось, и он осознал, что без его помощи заговорщикам не выстоять. Но как? Его ведь по-прежнему окружала огненная клетка.

Он издал несколько громогласных воплей, сокрушая находящийся под ногами бетонный пол. Скорее всего, в процессе создания своей ловушки Чон Вразль чертил на нём магические символы — бесследно исчезнуть они не могли и в метафизическом смысле по-прежнему оставались на своих местах. Может быть, если ему удастся их повредить, то питаемое ими пламя погаснет.

Но нет. Даже когда пол под его ногами окончательно превратился в мешанину из обломков камней и пыли, стена огня никуда не исчезла. Лихорадочно пытаясь придумать новый план, бард огляделся и заметил, что там, где бетон оказался поврежден больше всего, языки пламени стали немного ниже.

Сейчас Барерис был гораздо сильнее, чем при жизни, вдобавок с помощью магии он мог увеличить свои способности. Пусть ему и не удалось уничтожить часть стены, но перепрыгнуть один из пострадавших участков у него наверняка получится.

Он начал петь, и его мышцы переполнила энергия. Места было мало, так что бард присел и без разбега взвился в воздух.

Сперва ему показалось, что всё пройдет гладко. Но нет — в самой верхней точке его левую ногу пронзила внезапная боль. Барерис рухнул на землю — к счастью, уже за пределами магического круга. Ступня его пылала, словно факел. Как он и опасался, это пламя обладало необычными свойствами.

Абстрагировавшись от боли, он запел. Пусть его магия и не смогла разрушить ловушку Чона Вразля целиком, однако с небольшим очагом пламени ей справиться удалось. Огонь резко потух.

Барерис встал. К счастью, пульсирующая от боли нога выдержала его вес. Оглянувшись, он увидел, что улгурста по-прежнему атакует Рангдора, кривыми зубами вырывая из тела великана изрядные куски плоти, которые без следа исчезали в глотке твари.

Когда чудовище окончательно разделалось со своей жертвой, оно продолжило путь, оставляя за собой кровавый след. Держась вне досягаемости усиков, за ним последовали два уцелевших скелета.

Барерис выхватил полторный меч из обугленных ножен. Он запел, и мир взорвался множеством кружащихся вспышек. Мгновение спустя зрение к нему вернулось, и он оказался наверху лестницы, глядя на стоящего там Урмаса — одутловатого человека с безвольной челюстью. Глаза самозванца удивленно расширились.

- Отзови своих слуг, - произнес Барерис, - или же я убью тебя.

Фальшивое обличье убийцы рассеялось, и перед бардом предстала тень. Очертания её худого тела постоянно менялись, колеблясь, словно дым. Материальным оставалось лишь лицо — белая маска с застывшей, полной ярости ухмылкой. Пальцы твари оканчивались когтями.

Барерису едва хватило времени понять, что перед ним была одна из разновидностей нежити, известная, как облик. Внезапно голова барда вспыхнула болью — противник попытался взять под контроль его разум.

Барерис пошатнулся, словно от пощёчины, но психическая атака врага провалилась. Вскинув длинные суставчатые когти, облик бросился на него.

Лишь тренированные рефлексy позволили Барерису успеть вовремя выставить перед собой меч. Не успев остановиться, призрак налетел на его острие и задергался, охваченный паникой.

Барерис вырвал клинок из его тела и перешел в атаку, одновременно продолжая попытки ослабить духа с помощью магии голоса. Тем не менее, облик всё так же неистово размахивал руками, пытаясь его достать. К счастью, длина клинка позволяла барду держаться вне досягаемости когтей твари.

Отступив, призрак выплюнул незнакомое Барерису слово. С воздетых рук облика сорвалась стая крылатых змей с алыми глазами и черной чешуей.

Барду еще ни разу не доводилось сталкиваться с обликами в бою, однако он провел немало времени в поисках любых крупиц информации о тех видах нежити, что могут находиться в распоряжении Сзасса Тэма. Несмотря на то, что хозяин этой конкретной твари наделил своего слугу способностью призвать улгурстасту, эти существа не владели магией подобного рода. В отличие от создания иллюзий — в данной области они были весьма одарены.

Поэтому Барерис заставил себя не обращать внимания на приближающихся змей. Окружив его, стая ринулась в атаку, и... ничего не произошло. Он не ошибся. Взмахнув мечом, бард вонзил его в тело своего настоящего противника, скрывавшегося за созданными им фантомами.

Змеи исчезли, и облик рухнул на землю. Высвободив клинок, Барерис рассек им маску призрака, чтобы удостовериться в том, что он не восстанет вновь. Затем он развернулся и бросился бежать вниз по ступеням.

Увы, там его ждало разочарование — улгурстаста и её рабы-скелеты продолжали безжалостно теснить заговорщиков. Вероятнее всего, сейчас тварью руководил исключительно голод, ведь, судя по её размерам, она была слишком молода, чтобы обладать разумом. После того, как управлявшая ею воля облика исчезла, справиться с ней наверняка окажется проще. Но как?..

Пока он думал, Чон Вразль послал в тварь заряд желтого потрескивающего пламени. Похоже, эта атака действительно смогла нанести чудовищу определенный урон — в ответ улгурстаста изрыгнула на священника поток слизи. Огнеходец, покрытый едкой дымящейся субстанцией, завалился вперед. Чудовище поползло дальше, продолжая преследовать отступающих от него людей. Усики твари нещадно хлестали содрогающееся тело жреца.

Внезапно Барерису пришла на ум одна идея. Бард отчаянно надеялся, что его план сработает.

- Прекратите атаковать! - крикнул он, вложив в свои слова заряд силы.

- Что? - пораженно воскликнул некромант. Однако он всё же перестал осыпать улгурстасту заклинаниями. Его товарищи, у которых не было дальнбойного оружия, тем более не имели ни малейшего желания подставляться под удары чудовища.

Барерис принялся обрушивать на улгурстасту один вопль за другим, хотя, по-видимому, его магия наносила твари не больше вреда, чем заклинания заговорщиков. Улгурстасты сами по себе были невероятно сильны, и, судя по всему, на эту конкретную особь Сзасс Тэм наложил дополнительные защитные чары. Однако непрекращающиеся атаки барда всё же привлекли внимание чудовища — вместе со скелетами оно развернулось и двинулось в его сторону.

Барерис продолжал наносить удары. От его криков с потолка сыпалась пыль и щебенка. Бард отступил, упершись спиной в трясущуюся стену. Всей душой он надеялся, что чувство направления его не подвело.

Наконец улгурстаста подползла настолько близко, что он оказался в пределах досягаемости её тонких, практически незаметных взгляду усиков. Уклониться или парировать он не мог — их было слишком много. Вскинув руку, чтобы защитить глаза, Барерис постарался абстрагироваться от боли и сконцентрировался.

Разинув клыкастую пасть, монстр бросился вперед. Бард увернулся, и улгурста встала всем своим весом врезаясь в стену. Барерис вонзил меч ей в висок и запел ту же песню, которая позволила ему за одно мгновение оказаться на вершине лестницы.

Хотя клинок и служил достаточно надежной связью между ним и чудовищем, ему еще ни разу не приходилось перемещаться вместе с существом таких размеров. Твердя себе, что план сработает — должен, проклятье, должен сработать, ведь требуемое расстояние составляет всего несколько шагов! - он до предела напряг голосовые связки, вкладывая в заклинание все свои силы.

Мир рассыпался множеством осколков. Когда Барерис пришел в себя, то увидел, что они с улгурсткой находятся снаружи, на грубо высеченных из камня ступенях храма Чона Вразля. Внизу бурлила лава. Судя по всему, тварь даже не заметила того, что окружающая обстановка вдруг изменилась. Она рванулась вбок, и рукоять меча выскользнула из рук барда. Потеряв равновесие, он навзничь упал в проход между скамьями. Широко распахнув пасть, улгурста повернулась к нему.

Он пропел слова силы. Над их головами прогремел взрыв, полностью разрушивший несколько верхних ярусов амфитеатра. Набирая скорость, каменная лавина устремилась вниз.

Поток камней подхватил их обоих, увлекая за собой. Не обращая внимания на боль от ударов булыжников, Барерис запел, стараясь замедлить своё падение. Если он не успеет нащупать точку опоры — ему конец.

Это оказалось не так-то просто. Однако, когда край заполненной лавой пропасти был уже совсем рядом, его пальцы наконец сомкнулись вокруг торчащего из стены обломка горной породы. Молясь о том, чтобы тот выдержал его вес, бард вцепился в него мертвой хваткой.

Некоторое время падающие камни продолжали молотить по его телу, но в конце-концов вокруг воцарилась тишина. Барерис кинул взгляд вниз — как раз вовремя для того, чтобы узреть, как содрогающаяся и охваченная языками огня туша улгурсты погружается в пучины лавы. Очевидно, даже Сзассу Тэму оказалось не под силу сотворить существо, которое бы обладало абсолютной неуязвимостью.

Подтянувшись, бард встал на ноги и принялся карабкаться вверх по каменной осыпи. Когда он преодолел половину пути, из потрескавшейся скалы неподалеку от него возник Зеркало, сжимающий в руке свой нематериальный клинок. Скорее всего, когда сознание и силы вновь вернулись к призраку, он просто-напросто поднялся в воздух и перелетел через стену огненной ловушки.

- Всё кончено, - прохрипел Барерис.

- Внутри тоже, - ответил Зеркало. - Со скелетами мы быстро разобрались. Ты в порядке?

- В целом — да. Скольких мы потеряли?

- Только троих, но Чон Вразль в их числе. Он еще цепляется за жизнь, и я сделаю всё возможное, чтобы исцелить его. Но его ранения слишком тяжелы.

- Проклятье, - у Барериса было чувство, что жрец является ключевой фигурой для их планов. Более того, он осознал, что ощущает к нему искреннюю симпатию. Возможно, из-за ненависти, что тот питал к нежити — бард разделял её всей душой,

несмотря на то, что сам он являлся ходячим трупом, а его друг — призраком из давно забытых времен.

Зеркало растворился в обломках камней, что остались от амфитеатра. Барерис, у которого в запасе почти не осталось заклинаний, захромал обратно в храм.

К тому времени как он добрался до покоев, призрак уже начал возносить молитвы над Чоном Вразлем. Тело жреца омывали потоки золотого света, но даже им оказалось не под силу исцелить вздутые дымящиеся ожоги, что покрывали большую часть его кожи. Наконец Зеркало произнес:

- Мне жаль.

- Это не конец, - прохрипел Чон Вразль. Барерис был поражен – учитывая тяжесть полученных им травм, жрец должен был валяться в глубоком обмороке, но, тем не менее, он нашел в себе силы для того, чтобы говорить. – Мне еще предстоит взять верх над Толой Мапрет и стать Вечным Пламенем. Иначе Амрутар постигнет та же участь, что и остальной Тэй. Я знаю это — Коссут послал мне видение.

- Мне жаль, - повторил Зеркало. – Я сделал всё, что в моих силах.

- Если вы не можете спасти мне жизнь, - прохрипел Чон Вразль, - тогда сделайте меня одним из вас.

- Даже если бы мы могли, - произнес Барерис, - какой от этого прок? Твоя церковь презирает нежить. Другие жрецы ни за что не признают законность твоих притязаний.

- Признают, - произнес Чон Вразль. – Я их заставлю.

Барерис почувствовал за спиной чье-то присутствие. Развернувшись, он увидел некроманта с покрытой плесенью кожей.

- Ты сможешь вернуть его? – спросил бард. – Разумеется, не в качестве безмозглого зомби. Нужно, чтобы его рассудок и личность остались прежними.

Красный Волшебник заколебался. Судя по всему, он вовсе не горел желанием идти на подобный шаг. Похоже, его со жрецом связывала тесная дружба и он прекрасно понимал, что означает для того подобная трансформация. Однако в конце-концов маг кивнул.

- С твоей помощью — да. Скорее всего - да.

Он удалился, чтобы принести все необходимые для ритуала предметы. К моменту его возвращения Чон Вразль уже умер. Нашептывая заклинания, волшебник воскурил фимиам и принялся покрывать его тело маслами и благовониями. Затем он обернул труп льняными бинтами, скрыв под ними изувеченную плоть. После этого они с Барерисом приступили к ритуалу, который должен был вырвать душу огнеходца из пустоты и вновь привязать её к смертной оболочке.

Наконец всё было кончено. Чон Вразль поднес иссохшую, перемотанную бинтами руку к глазам и принялся ощупывать лицо. С его губ сорвался хриплый гортанный звук. Барерис не мог сказать, был ли это смех или рыдание.

- Это ужасно. Нашему поступку нет прощения, - пробормотал Зеркало.

Барерис почувствовал укол вины. Усилием воли он подавил это чувство, превратив его в гнев.

- Мы делаем много ужасных вещей. Пора бы уже привыкнуть.

СТАЛЬ ДУШИ

Лиза Смедман

Лес Амтар

23 Уктара, год Уединённых Слёз (1204 ЛД)

На крапчатой каменной плите, служащей в роли стола мага, лежал принадлежащий Трелвин меч; его остриё и рукоять покоились на черепках. Вдоль клинка мерцал синий свет, с лезвия меча срывались маленькие светлячки искр. Воздух наполнял аромат, похожий на запах горелых волос.

Трелвин наблюдала за дроу-лицем, ведущим работу над зачарованием. Древний, немертвый маг склонился над мечом, осыпая стальной клинок охристым порошком. Пока он не стал нежитью, Валеку, как и Трелвин, был эльфом. Впрочем, в отличие от неё, он принадлежал к расе дроу, и кожа его была чёрной, цвета холодных, пустых пещер, в то время как эльфийка была скорее древесно-коричневой. В тусклом свете комнаты лич практически исчезал из виду, Трелвин могла ясно различить лишь его белую рубашку с высоким воротником. Такого же костяно-белого цвета были и его волосы, тогда как короткие кудри девушки, чем-то напоминающие листочки на плодах чертополоха, имели насыщенный коричневый оттенок всего растущего.

— Долго ещё? — напряженно прошептала Трелвин.

Валеку мельком взглянул на неё. Его лицо осунулось настолько, что кожа натянулась до толщины пергамента на высоком лбу. Глаза лица, глубоко ввалившиеся в глазницы, были окрашены в бледно-розовый цвет разбавленной крови. Раздавшийся голос скорее напоминал треск сухих листьев:

— Передумала? — спросил он, прищурившись. — Боишься закончить начатое?

— Нет, — эльфийка стиснула кулаки. — Мой брат будет отомщён.

Улыбка лица приоткрыла его длинные зубы, посаженные в просевших дёснах. Он взял закупоренный стеклянный сосуд, содержащий кровь Трелвин:

— Дай мне ножны.

Девушка расстегнула портупею и сняла с неё ножны. Она осторожно передала их Валеку, стараясь не коснуться его руки. Кожаное покрытие ножен истёрлось за годы службы; вместе с мечом они принадлежали ещё её отцу. Прямое лезвие клинка выглядело столь же изношенным, а кожаная рукоять покрылась пятнами пота от длительного использования. Этому простому мечу предстояло вместить в себя могущественные чары. Заклинание магически свяжет меч с ножнами и сделает его способным на ужасающие дела.

Дроу-лич откупорил сосуд и, наклонив его над мечом, пролил тонкую линию крови от эфеса до острия клинка. Коснувшись металла, кровь шипела, как жир на

огне. Искры, срывавшиеся с лезвия меча, окрасились в красный, постепенно приобретая фиолетовый оттенок.

Почувствовав жар над кистью правой руки, Трелвин потёрла место на запястье, откуда Валеk брал у неё кровь. Связывание началось.

Девушка рассматривала помещение, предпочитая смотреть куда угодно, лишь бы не на дроу-лича. Свечи за абажурами из красного стекла наполняли комнату кровавым светом. Углубления в каменных стенах были забиты пыльными чёрными коробками и злобно глядящими скелетами. Эльфийке никак не удавалось избавиться от ощущения, что они следят за ней. Единственный выход был расположен за огромным круглым валуном, который закрыл проход по приказу Валека. За ним через лабиринт туннелей и пещер лежал путь к поверхности.

Приглушённое хныканье привлекло внимание Трелвин к месту, где лежал её пленник. Дварф пришёл в сознание и пытался выбраться из пут. Его бородатое лицо тёрлось о ковёр, пока он вращал головой вперёд и назад в попытках избавиться от кляпа во рту. Он пытался что-то сказать, но комок ткани заглушал его голос. В глаза дварфа красноречиво читался ужас. Он продолжал метать взгляды на тёмного эльфа.

— Не шевелись! — прошипел Валеk. Он ткнул пальцем в направлении дварфа и издал гортанный звук. Кожа пленника покрылась множеством волдырей, он закричал в свой кляп.

— Это лишнее! — проскрежетала эльфийка. — Он и так скоро лишится жизни, незачем его пытаться.

— Прекрасная мысль, учитывая, что именно ты и собираешься убить его, — фыркнул дроу-лич. — С моей точки зрения, дварф не более чем мясо, которому повезло, что оно ещё дышит.

— Наши законы требуют его смерти, но она должна быть быстрой и достойной.

— Удар мечом прямо в сердце, я полагаю?

— Именно так. Оставь его в покое. Больше никакой магии.

— Как пожелаешь, — дроу вернулся к своей работе. Его губа презрительно изогнулась. — Вы, поверхностные эльфы, мягки и слишком сентиментальны. Причинённую ему только что боль не сравнить с агонией, которая ждёт его, когда меч украдёт его душу.

Девушка скользнула взглядом по пленнику: его нарывы уже начали проходить:

— Но боль продлится совсем недолго, разве нет?

Улыбка Валека походила на оскал черепа:

— Напротив, пока кто-нибудь снова не будет убит этим мечом, его душа будет пребывать внутри клинка в постоянных муках, — лич провёл костяным пальцем в воздухе. — Ему будет казаться, что он долго и неторопливо соскальзывает по лезвию меча. Пытка кончится только тогда, когда меч снова убьёт кого-нибудь, и другая душа окажется пойманной. Первая же при этом будет уничтожена.

— Уничтожена? — ахнула Трелвин.

— Бесследно.

— Но разве ты не говорил, что она будет освобождена?

— Я использовал слово «вытеснена». Я никогда не говорил, что она выживет, — рассмеялся тёмный эльф.

Горло девушки пересохло:

— Но...

Одна из потрёпанных белых бровей приподнялась. Валек явно наслаждался её замешательством:

— Всё ещё хочешь продолжить?

Трелвин вздрогнула. Она пришла к дроу-личу за поглощающим душу оружием: за мечом, способным изъять душу из тела и удержать её в себе, таким образом не позволяя целителям произвести воскрешение. Однако она предполагала, что после освобождения душа сможет найти путь на план своего божества.

Девушка окинула взглядом своего пленника: лицо его было бледно, глаза расширились в мольбе. Из-за кляпа доносилось отчаянное мычание. Наконец она отвела глаза. Убийство — это одно, ведь тело, в конце концов, не более чем сосуд, но уничтожение души...

Валек уставился на неё. Его немёртвые глаза насмехались над ней, сверлили её одним немым вопросом: «Захочет ли она опуститься до его уровня?»

Трелвин вонзила ногти в ладони, прямо как в тот день, когда Роллан был казнен. Воспоминания о последних моментах жизни брата захлестнули её. Его широкие, невинные глаза. Звук, сорвавшийся с губ, когда стрела пронзила его. Как обычно, простодушный Роллан признал решение королевы, признал этот дурацкий закон, который так оспаривала Трелвин, выкрикивая возражения до тех пор, пока на неё не перестали обращать внимание. И всё же, когда жизнь покидала его тело, взгляд Роллана как бы спрашивал у неё: «Почему?»

Почему её не было там, чтобы всех этих событий просто не произошло? Раньше, когда он оступался, она всегда была рядом, готовая взять его за руку и залечить раны. Всякий раз, с самого его рождения. Теперь же рука её брата была мертвенно холодна. Роллана больше не было.

Трелвин с трудом сглотнула. Она сделает это. Она должна. За Роллана. Как требовали того законы кровной мести. Конечно же душа одного дварфа была не слишком большой ценой.

— Продолжай, — сказала она Валеку.

Мычание дварфа переросло в высокий сдавленный крик. Девушка упорно избегала глазами пленника. Улыбнувшись, лич-дроу вернулся к своей работе. Он взял ножны и вылил на них остатки крови эльфийки. Затем он поднял меч с черепов и вогнал его в ножны, загасив искры.

Трелвин прикрыла глаза. О чём вообще она думала, когда обращалась к Валеку? Но лишь с его помощью девушка могла надеяться призвать королеву к ответу.

Справедливость будет восстановлена, хотя правда о произошедшем и была известна только Трелвин.

Её брат Роллан, как прежде и их отец, состоял при королевском дворе. Учитывая его кроткий нрав и простодушные мысли, её брат не слишком подходил для интриг и обменов любезностями королевского двора. К счастью, по крайней мере как казалось Трелвин в то время, королеве Бетильде пришлось по нраву медно-красные

волосы и точёные черты лица Роллана: он был назначен королевским хранителем сов. Роллан превосходно справлялся со своей работой. Однажды, когда сова вытолкнула одно из своих яиц из гнезда, её брат осторожно подобрал его с земли и, согревая теплом своего тела, хранил яйцо в мешочке под одеждами вплоть до самого вылупления. Даже сам Роллан начинал походить на сову, когда, медленно моргая, он тихо рассматривал окружающих своими круглыми глазами.

У зелёных эльфов леса Амтар было немного законов, но выполнялись они строго. Согласно одному из них, всякого, кто причинит вред королевским животным, постигнет та же участь.

Десятидневку и два дня назад Роллан защитил одну из «своих» сов от дикого, как ему показалось, ягуара. Он поразил огромную кошку стрелой, когда та набросилась на совиное гнездо. В тот момент, выпуская эту роковую стрелу, он не осознавал, что его целью был охотничий ягуар самой королевы, который каким-то образом потерял свой отличительный ошейник.

Невзирая на пылкие мольбы Трелвин к Бетильде, обычай был соблюден, и королевская стража казнила Роллана. Вслед за этим они разрушили и его жилище, возвращая его лесу.

Девушка навестила развалины на следующий день в надежде спасти что-нибудь на память о брате. В пространстве между слоями прутьев одной из плетёных стен она нашла грубого вида журнал, написанный простым и неуклюжим почерком Роллана. «Книга памяти», как он говорил. Сначала Трелвин не хотела читать его, полагая это вторжением в личную жизнь Роллана, но затем она поддалась любопытству и желанию снова услышать голос брата, пусть даже только в своей голове.

Она лениво пролистывала страницы журнала, выхватывая предложения тут и там. Затем одна запись почти в середине книги привлекла её внимание. Там Роллан описывал, как одной ночью, сидя вместе с одной из своих сов на верхушке дерева, он увидел королеву Бетильду, развлекавшуюся с любовником — его имя в журнале не называлось. Встревоженный прегрешением королевы и не желая больше его лицезреть, её брат тихо слез с дерева, собираясь ускользнуть. К несчастью, в этот момент сидящая наверху сова громко ухнула. Бетильда встревоженно посмотрела на птицу, но Роллан был уверен, что ему удалось остаться незамеченным, так как к тому времени он уже был на земле под прикрытием сумрака.

Трелвин внимательно дочитала остаток журнала. Рядом с записью о появлении на свет нового птенца Роллан отметил рождение Бетильдой сына и огромную радость короля, которому боги спустя десятилетия наконец даровали наследника. Её брат предполагал, что скорее всего он был единственным эльфом в лесу, конечно же кроме тайного любовника Бетильды, кто знал истинного отца ребёнка. Но, как писал Роллан, будучи верным королеве, он будет молчать.

Эта запись была последней в журнале. Через два дня Роллан убил ягуара королевы и был казнён одним из её лучников. Как и ягуар, Роллан получил одну стрелу прямо в горло. Его молчание было обеспечено.

Ошеломлённая, Трелвин отложила журнал в сторону и помчалась к месту, где её брат застрелил ягуара. Она обыскивала подлесок, пока не нашла, что искала: широкий кожаный ошейник, усеянный золотыми и серебряными листьями.

Эльфийка подняла ошейник с земли: пряжка была расстёгнута. Шансы на то, что он упал сам по себе в нескольких шагах от дерева, с которого Роллан присматривал за последним выводком птенцов, всего через два дня после рождения королевой внебрачного ребёнка, были ничтожны. «Потеря» ягуаром ошейника отнюдь не была случайной, как и его внезапная атака на совиное гнездо. Охотничий ягуар королевы Бетильды был выдрессирован принимать только её указы и ничьи другие. Должно быть, именно королева натравила кошку на гнездо, зная, что сделает её хранитель сов.

Трелвин была в ярости. Она изобличит королеву. Бросит в неё этот ошейник, обвинит её в смерти брата и увидит на лице Бетильды признание вины. Затем, согласно законам кровной мести, Трелвин потребует её смерти.

Спустя мгновение она горько рассмеялась над собственной глупостью. У неё был ошейник ягуара, но сам по себе, без имени любовника, он ничего не доказывал. Если бы Трелвин показала дневник Роллана королю, то тот мог бы и поверить ей, но теперь даже это было невозможно. Король погиб во время рейда на Эльфийскую Стражу. Он откладывал набег до самого рождения ребёнка и дорого заплатил за это: когда налётчики добрались до города, тот уже был готов. Каким-то образом в поселении прознали о грядущем набеге.

Трелвин могла только догадываться, как же это произошло. С рождением наследника, обеспечивающего её позицию в качестве регента, и новым любовником, готовым ублажать её, королева Бетильда уже не нуждалась в своём прежнем муже. «Нет, — думала девушка, — есть только одно решение: свершить месть своими руками».

Защитные чары королевы Бетильды оберегали её от любого обычного оружия. Только нечто, наделённое могущественным контрзаклинанием, смогло бы пробиться сквозь них. И только оружие, способное к поглощению души, не позволит целителям тотчас же вернуть королеву к жизни. Поэтому Трелвин требовалась магия, которую Бетильда никак не могла ожидать от своих подданных.

Магия Подземья.

Тёмная магия лич-дроу.

— Меч готов, — голос Валека вырвал девушку из мрачных воспоминаний. Лич протянул ей вложенный в ножны меч рукоятью вперёд.

— Возьми его! — прошипел он. — Обнажи его. Свяжи его со своей рукой.

Подавив колебания, Трелвин приняла меч из рук дроу. Как только клинок был извлечён из ножен, она почувствовала покалывание в пальцах и ладони. Меч сиял красным в свете свечей, рукоять слабо пульсировала в ритме её сердца. Голод клинка был практически ощутим.

Валек поднял пленника на ноги, крепко удерживая его своими костлявыми руками. Дварф стоял, угрюмо склонив голову, как если бы он наконец смирился с неизбежным. Эльфийка обернулась к нему и отвела меч назад, готовясь пронзить его сердце. Ей приходилось убивать и раньше, но никогда в такой преднамеренной

манере и с такой окончательностью исхода. Теперь она поняла, что такое «хладнокровие»: её кожа как будто бы покрывалась льдом.

Трелвин напомнила себе, что дварф был нарушителем границ и вором. Несмотря на древнее соглашение, он вошёл в их лес, осквернил реку своими раскопками и ранил двух дозорных, посланных прогнать его. Пришлись бы удары его топора иначе, среди его преступлений значилось бы и убийство.

— Сделай это, — сказал Валека, его глаза мерцали в ожидании. — Окровавь меч. Убей его.

Девушка глубоко вдохнула. И ударила. Но в этот самый момент дварф дернулся из рук дроу-лича, вынуждая того подставиться под удар. Вместо того, чтобы пронзить пленника, её меч погрузился в грудь Валека, проткнув его немертвое сердце. Глаза лича расширились, и он вцепился в клинок обеими руками. Пронзительный, отдающий пылью крик вырвался из его тонких губ.

Парализованная страхом, Трелвин наблюдала за тем, как красный туман, выходящий из раны Валека, свернулся вокруг ее меча. Клинок впитал его, и свет в глазах дроу неожиданно померк. Он накренился в сторону и упал, соскальзывая с меча.

Девушка стояла, ошеломлённая случившимся; с меча в её руке стекала чёрная, дурно пахнущая кровь.

— Храни меня Владыка листьев, — прошептала она. — Я убила его.

Она отступила от тела лич-дроу, опасаясь, что даже после смерти он может накинуться на неё. Но его труп лежал абсолютно неподвижно: душа не вернулась в филактерию. Вместо этого она оказалась заперта в мече.

Одним богам известно, что случится, если душе Валека удастся сбежать. Но если уничтожить её достаточно быстро...

Уголком глаза Трелвин заметила дварфа, извивающегося на полу в отчаянной попытке достигнуть двери, хотя, будучи связанным, ему бы не удалось открыть её. Наконец он смог избавиться от кляпа во рту.

— Умоляю тебя, только не этим мечом! — вскричал дварф. — Если ты должна убить меня, возьми что-нибудь другое.

— У меня нет выбора, — ответила эльфийка не только ему, но и себе. Меч подрагивал в её руке, как если бы лич-дроу стремился вырваться на свободу.

— Выбор есть всегда, — вздохнул пленник. — Отпусти меня. Я буду молчать... обо всём, что случилось. Просто оставь меня в живых.

— Мне жаль, что тебе придётся умереть вот так, — сказала ему Трелвин, поднимая меч, — но ты сам навлёк на себя всё это. Зная наши законы, ты всё же решился войти в наш лес. Этим ты спровоцировал нападение и всё что за ним последовало.

— Как удобно! — выплюнул дварф, его ноздри раздулись. — Ты вызвалась убить меня, потому что верила в силу закона, или потому что тебе нужна была жертва для зачарования меча? Если бы я неожиданно не подвернулся тебе под руку, принесла бы ты в жертву кого-нибудь из своего народа?

— Не говори глупостей! — вырвалось у Трелвин. — Я бы не стала...

— Тогда кого бы ты убила? Заклинанию требуется смерть разумного существа, разве нет?

Трелвин ничего не ответила. Но глубоко внутри она осознала правду. Если бы не дварф, кого бы она выбрала для злых ритуалов Валека? Насколько бы далеко она пошла в жажде мести?

— Ты и в самом деле соблюдаешь законы трунадар, — мягко спросил дварф, — или просто служишь своим личным целям?

Девушка закрыла глаза. Чем она лучше королевы Бетильды? Тем, ответила она себе, что в отличие от приговора, который королева вынесла Роллану, наказание дварфа было справедливым. Он знал, какую цену ему придётся заплатить за вторжение в их лес, и всё-таки решился нарушить границы. Единственным спорным вопросом был метод его казни.

— Ты атаковал наш народ, — сказала она ровно.

— Атаковал? — разъярился дварф. — Это были вы, трунадар, кто атаковал без повода. Я только защищал себя.

— Ты вторгся в наши границы. Украл у нас.

— Я ничего не забрал. Я просто исследовал. Я бы заключил официальный договор с вашими королём и королевой, прежде чем добыть хоть один слиток из реки.

— И ты ожидаешь, что мы бы поверили в это? — Трелвин покачала головой.

— Вы дураки, если бы поступили иначе. Знай, эльф, секрет вашего народа когда-нибудь станет известен. В реке золота на целое состояние. Рано или поздно здесь появятся другие исследователи. И рудокопы, которые придут за ними, вырубят ваш драгоценный лес, поскольку им понадобится топливо и брёвна под рудничный лагерь. А затем они пойдут войной на трунадар, когда те решат сопротивляться. И тогда ваш народ пожалеет, что убил единственного, кто мог бы им гарантировать, что золотодобыча по крайней мере не осквернила бы землю.

Значит поэтому он так настаивал на аудиенции с королевой Бетильдой. Однако вместо того, чтобы выслушать его, она высказала свой прямой отказ: «Нам не нужны дварфы в нашем лесу. И никаких рудников, ни в коем случае». Затем она приказала казнить дварфа. И Трелвин вызвалась выполнить это.

Девушка присела и вытерла меч о ковёр, стирая с него кровь лица. Ей надо было подумать. Душа Валека будет изгнана из меча с убийством королевы, но хватит ли у неё храбрости ждать так долго?

— Откуда ты знаешь наш язык? — спросила она у дварфа.

Его губы изогнулись в грустной улыбке:

— Не все зелёные эльфы столь враждебны как вы, трунадар, — ответил он. — Некоторые ценят дружбу с другими расами и доверяют им свои секреты. Какое-то время я жил среди эльфов леса Чондал.

Должно быть он врал:

— И как же зовут эльфа, который правит ими?

Он ответил — правильно. В его глазах проблеснула надежда, когда Трелвин приподняла брови.

— Я сохраню твой секрет, — быстро проговорил он, — и никому не расскажу... о твоих планах. Я могу даже помочь тебе сбежать, когда всё будет выполнено.

— Сбежать? — девушка горько рассмеялась. Она снова стояла над ним. — Это в мои планы не входит.

Его глаза слегка расширились:

— Но...

Если она сейчас не убьет его, то потом уже не решится на это. Не давая дварфу закончить, Трелвин подняла меч и со свистом устремила его вниз. Потрясённый её неожиданным ударом, дварф никак не мог уклониться. Но вместо того, чтобы перерубить ему шею, в последний момент клинок резко повернул, и удар пришёлся в пол возле головы дварфа, болезненно отдаваясь в руке эльфийки.

Восстановившись, Трелвин ударила в его грудь. Меч, словно живой, отскочил в сторону, оставляя остриём борозду на ковре. Дварф издал отрывистый удивлённый смешок:

— Кажется, у твоего меча есть свои мысли на этот счёт.

Трелвин подняла клинок на уровень глаз:

— Валек!

Меч слегка склонился в её руках, как бы в ответ.

— Перестань управлять мечом. Ты только продлеваешь свою пытку.

Меч резко дёрнулся налево, затем направо: Валек покачал головой.

— Тогда приятных мучений, лич-дроу! — вскричала Трелвин, заталкивая меч в ножны. Хотя бы это Валек разрешил ей сделать. Меч скользнул внутрь, и в скрежете металла о металл ей послышался злобный смех.

Пока эльфийка стояла, раздумывая, что же делать дальше, раздался стук в дверь. Из-за неё донёсся приглушённый голос:

— Мастер? Вы здесь?

Трелвин посмотрела на своего пленника и жестом показала ему молчать. Дварф кивнул: по крайней мере, оба они были согласны, что стычки с дроу лучше избежать.

Девушка прижалась ухом к двери и вслушивалась до тех пор, пока звук шагов не начал удаляться. Затем она приложилась к камню и откатила его, открывая расселину. Убедившись, что никто не притаился в коридоре, она развязала лодыжки дварфа и помогла ему подняться на ноги. Что делать с ним, она решит, когда они окажутся на поверхности.

Вход в туннель, из которого появилась Трелвин, скрывали заросли ежевики, вслед за собой она вытянула дварфа. Уже почти рассвело: небо к востоку окрасилось в розовый. Это было к лучшему, из-за солнечного света прислужники дроу-лича не захотят покидать Подземье, но возникала и проблема: естественный свет разрушал магию дроу. Зачарования, которые лич-дроу наложил на оружие, исчезнут, как только солнечные лучи коснутся меча. Ножны защитят сам клинок, но рукоять нужно было прикрыть. Также это значило, что ей нельзя доставать меч из ножен до наступления темноты. Если ей понадобится держать пленника под контролем, то придётся делать это голыми руками.

Дварф бросил взгляд на меч и отвернулся. На его лице заиграла хитрая улыбка, очевидно, ограничения магии дроу были ему знакомы.

— Что же, решила не убивать меня?

Трелвин вытащила из кармана кусок чёрной ткани и обернула им рукоять.

— Незачем, — она кивнула на оружие, — если бы лич-дроу мог выбраться из меча, он бы уже сделал это.

По крайней мере, она надеялась, что это так. Дварф кивнул:

— А мой смертный приговор?

— Пусть его исполнит кто-нибудь другой, — во время утомительного пути к поверхности она решила просто придержать пленника при себе до наступления вечера. Затем она оставит его и не мешкая отправится в королевскую резиденцию. Даже в том невероятном случае, что дозорные согласятся выслушать дварфа достаточно долго, и он успеет выдать все её планы, будет уже слишком поздно. Более правдоподобным казалось, что караул убьёт его без предупреждения.

— Ты ведь Трелвин, верно?

Она кивнула.

— Я Спиннел, сын Фелдссона, — на его лице промелькнула улыбка. — Я избавлю тебя от остальной части моей родословной. Взамен я был бы не прочь выслушать, почему тебе так сильно хочется прикончить свою королеву.

Трелвин буквально закипела от ярости. Чего он хотел добиться этим вопросом? Её пальцы дотронулись до прикрывающей рукоять ткани, что напомнило ей: нельзя вынимать меч. Сколь же глубоко она пала, когда обратилась к лич-дроу и его грязной магии! Ей нужно было хоть перед кем-то оправдать свои поступки, пусть даже и перед алчным, волосатым дварфом:

— Садись, — сказала она, указывая на бревно.

Спиннел протянул к ней связанные руки:

— Не могла бы ты..?

Она развязала его. В конце концов, куда ему бежать?

Он сел и, поглаживая бороду, выслушал её историю. Когда она закончила, дварф кивнул:

— Теперь я понимаю, — произнёс он медленно. — Воистину. У нас схожие принципы: борода за бороду. Иногда приходится вершить правосудие своими руками.

Некоторое время они сидели, вслушиваясь в утреннее чириканье птиц. Лес представлял собой смесь пёстро-зелёных и коричневых оттенков. Мягкий ветерок принёс острый аромат древесного сока и глинистый запах земли. Спокойная радость, которую Трелвин чувствовала в лесу, принесла с собой осознание, сколь многое она может потерять. Но всплывшая в памяти картина пронзённого стрелой горла брата вытеснила эти мысли прочь.

Наконец Спиннел нарушил молчание:

— Я помогу тебе.

Тут пришла её очередь смеяться:

— Зачем? Неужели моя история тебя так растрогала? Тогда где слёзы?

— Я помогу тебе, — повторил дварф, — потому что мне потребуется твоя помощь, чтобы выбраться из леса, — он остановился, чтобы до неё дошёл смысл сказанного. — Я подозреваю, что ты хотела бы встретиться с королевой наедине, чтобы никто не смог помешать тебе убить её. Однако её стражи будут прямо за дверью. Чтобы королеву не возродили, тебе потребуется как-то «освободить» её

душу из меча. Ты можешь добиться этого, убив кого-нибудь из своего народа, но мне кажется, что твой план состоит не в этом. Значит остаётся только одна возможная жертва — ты сама, — он приподнял бровь. — Я пока прав?

Девушка неохотно кивнула.

— И всё было бы в порядке, если бы после самоубийства твоя душа смогла бы присоединилась к твоему брату в чертогах Коррелона. Но теперь эта перспектива гораздо менее заманчива, как я полагаю, — он вынудил её взглянуть ему в глаза. — Достаточно ли сильна твоя жажда мести, чтобы оправдать уничтожение собственной души?

Эта мысль заставила эльфийку содрогнуться.

— Я думаю, что нет, — сказал Спиннел. — Но есть и другой вариант. Как я говорил, у меня есть магия, которая поможет тебе сбежать. После этого тебе будет достаточно предоставить меч солнечным лучам, которые разрушат зачарование и душу королеву вместе с ним. Незачем никого убивать.

Трелвин не была уверена, стоит ли поверить ему:

— Какая магия?

— Плащ, который сделает тебя невидимой.

— Если у тебя был такой плащ, то почему же ты не использовал его, чтобы избежать караульных?

— Я бы сделал это, не подкрادись они ко мне. Вы, трунадар, очень скрытные, — дварф ухмыльнулся. — По рукам? Я расскажу тебе, где плащ, ты им воспользуешься, а затем принесёшь сюда, чтобы я смог убраться из этого несчастного леса.

— Откуда мне знать, что я могу доверять тебе?

Спиннел улыбнулся, среди густой бороды проблеснули белые зубы:

— Ты не можешь. Не более чем я тебе. Но мы — единственная надежда друг для друга.

Девушка кивнула. Теперь, когда ей был предложен хотя бы этот ничтожный шанс, она стремилась схватиться за него обеими руками. Оставался лишь один вопрос:

— А что, если Валек не даст мне убить Бетильду?

— Да, это проблема, — дварф уставился на шуршащую листву. — Расскажи мне побольше об этом «связывании», которое совершил дроу. Возможно я что-нибудь придумаю.

Трелвин обобщила то небольшое, что рассказал ей Валек. Зачарование лич-дроу позволит ей оставить меч королевской страже и войти в приёмную безоружной. Как только она протянет руку к ножнам, меч магически появится внутри, как бы далеко он не был, и кто бы его не удерживал. Даже если она выбросит его в глубины океана, меч всё равно возникнет в ножнах, как только он ей потребуется.

— Значит, только ты можешь обнажить клинок? — размышлял Спиннел. — Но после этого любой может им воспользоваться, так?

— Никто из эльфов не станет убивать королеву! Даже если я расскажу им о моём брате, они никогда...

— Я имел в виду себя.

— Ты? — Трелвин покачала головой, поражённая его дерзостью. — Тебя и близко не подпустят к королеве Бетильде. На случай, если ты забыл, в отношении

тебя вынесен смертный приговор. Первый же трунадар, которому ты попадешься на глаза, приведёт его в исполнение.

— Мы что-нибудь придумаем.

Эльфийка фыркнула. Временами дварфы бывали такими простыми.

— Дварфы устойчивы ко многим видам магии, — продолжил Спиннел. — Что бы Валек не использовал для управления мечом, может оказаться, что его чары не смогут пересилить меня. Позволь мне убить королеву Бетильду. У меня столько же прав требовать её смерти, сколько и у тебя. Она приговорила меня к смерти, в конце концов.

Трелвин выдержала паузу, задумавшись. Определённо, когда Валек сопротивлялся, она не могла владеть мечом.

— Это может сработать, — признала девушка. — Но тебе будет трудно подобраться достаточно близко к королеве. А впрочем, есть одна возможность...

Глаза дварфа засияли, когда он услышал её план.

Королевский двор был искусно сформирован из ветвей и стволов живых деревьев, располагаясь на их верхушках. Трунадар начали строительство столетия назад, аккуратно подрезая и придавая форму деревьям, пока на них не вырос целый комплекс. Перемещаясь с места на место, простонародье трунадар устраивало временные пристанища в любых приглянувшихся им прогалинах и ложбинах, располагаясь в пустых стволах или сооружая замысловатые «наседы» на ветвях. Но королевская резиденция держалась веками, защищённая магией и покрытая листвой даже в самые холодные зимы. За всё это время только зелёным эльфам доводилось узреть её, а теперь Трелвин вела Спиннела — дварфа — прямо туда.

Девушка тащила за собой бесчувственное тело дварфа по лесу. Его руки были связаны за спиной, но ноги, оставляющие борозды в земле, были свободны. Спиннел имитировал, и очень даже неплохо, потерю сознания. Наступила ночь, сквозь ветви деревьев просвечивала луна. Впереди лежала группа деревьев, образующих подножие королевской резиденции. Полдюжины эльфов-стражников стояли караулом между стволами. Их земляно-коричневые и лиственно-зелёные одежды были почти неразличимы во тьме. Другие, как бдительные ягуары, беззвучно крались сквозь сумрак.

В мгновение ока шестеро эльфов выросли перед Трелвин, преграждая ей путь к резиденции, луки натянуты, стрелы на тетивах. Удача была на стороне Трелвин: этой ночью их возглавлял её старый друг.

— Делит! — закричала она. — Не стреляй!

Делит шагнул вперёд и пнул Спиннела. От удара дварф застонал.

— Он жив? — недоверчиво спросил эльф. Он уставился на Трелвин. — Ты должна была казнить его. Что ты творишь? — Остальные стражи за ним слегка изменили позиции, что позволило бы им успешнее выпустить стрелы.

— Твои стражи плохо обыскали дварфа, — сказала она Делиту. Медленно протянув руку в карман штанов, она достала оттуда ошейник королевского ягуара и продемонстрировала так, чтобы все видели. — Я нашла это в его ботинке.

Глаза стражника расширились. Естественно, он узнал ошейник.

— Сначала дварф заявлял, что нашёл его в лесу, — поведала ему Трелвин, — но после более пристального допроса, — девушка кивнула на синяки на лице Спиннела, — он признался, что сам снял ошейник с шеи ягуара.

— Невозможно! — выплюнул один из стражей. — Ягуар королевы разорвал бы его на части, подберись он к нему столь близко.

Трелвин выдержала взгляд Делита:

— Дварф заявляет, что он знал команды, позволяющие усмирить зверя.

— Он соврал, — ровно произнёс её друг. — Дварф сочинил всё это, чтобы продлить свою жизнь.

— А что, если нет? — Трелвин подняла ошейник выше. — Не кажется ли подозрительным совпадение, что ошейник был спрятан в его ботинке? Подумайте над этим! Он не только бегло говорит на нашем языке, но и позволил нашему караулу схватить себя, не став сражаться до смерти, хотя знал, что по нашим законам его ждёт казнь. А всё почему? Потому что он хотел подобраться к королеве Бетильде поближе, чтобы использовать её же ягуара против неё, — эльфийка опустила ошейник. — К несчастью для него, Роллан уже прикончил кошку.

Используя смерть брата как предлог, она глубоко вдохнула, подготавливая себя.

— Кто-то из нашего народа, — сказала она медленно, — должен был рассказать дварфу команды, которые королева отдавала ягуару, — продолжила она. — И не просто кто-нибудь, а кто-то близкий к королеве. Достаточно близкий, чтобы подслушать используемые ею команды. А это значит, что в наших рядах, среди двора, есть предатель. Наша королева захочет сама убедиться, говорит ли дварф правду, и узнать имя предателя.

Выражение лица стражника ожесточилось. Он привлёк внимание одного из дозорных:

— Расскажи об этом королеве и узнай, захочет ли она дать аудиенцию.

Делит двинулся, как если бы он собирался забрать дварфа, Трелвин преградила ему путь:

— Нет, Делит. Я поведу его. Мне тоже будет интересно выслушать, что расскажет дварф, когда его станет допрашивать королева, — она встряхнула Спиннела, и тот снова простонал, словно всё ещё страдая от недавней взбучки. — Если бы планы этого мерзавца стали известны раньше, возможно мой брат был бы награждён, а не казнён.

Спереди и сзади Трелвин и её «пленника» шагала стража, дварф уже встал на ноги, но всё ещё запинался, притворяясь слабым. Они поднимались по лестнице, которая извивалась вокруг дерева, взбираясь до самых верхних ветвей, где и располагался королевский зал для аудиенций. Наконец они достигли места, где

ветки многих деревьев сплетались в единую расположенную высоко над землёй платформу. Лунный свет мерцал сквозь листву над головой, отбрасывая пёстрые тени.

Делит повернулся к Трелвин.

— Сдай оружие, — заявил он официальным тоном, — и приготовься встретить королеву.

Девушка вытащила меч и вручила его ему. Делит передал оружие одному из тех стражей, кому предстояло остаться снаружи. Затем эльфийка сняла заплочный мешок и извлекла оттуда кинжал в ножнах, который также был отдан. Забравший его страж не только не стал просить опустошить сумку, но даже и не взглянул на лежавший там плащ.

Хорошо. Ей верили. Когда Трелвин снова вскинула мешок на спину, стража приступила к обыску кажущегося полубессознательным Спиннела, на сей раз тщательно. Наконец Делит жестом разрешил им пройти.

Сопровождаемая Делитом и ещё двумя стражами, девушка протащила дварфа сквозь ведущий в приёмный зал туннель из листьев. Расположенное в дупле огромного дерева помещение имело ровный пол, покрытый благоухающими лепестками дикой розы, и округлый потолок где-то высоко над головой. Для грызущих ветви насекомых были созданы благоприятные условия, и они оставили на потолке кружевные узоры червоточин, через которые в помещение проникал лунный свет. Танцующие светлячки наполняли зал полосками голубого и белого света, а невысокие огни в широких каменных чашах согревали комнату мягким жёлтым свечением. В воздухе витал аромат кедровой живицы.

Положив ногу на ногу, королева Бетильда сидела на троне, сиденье которого было набито мхом. Её тонкие пальцы играли с одним из тех маленьких белых цветков, что были вплетены в подлокотники. Через плечо на грудь была перекинута коса, в которую были убраны её длинные бледно-рыжие волосы. На её мягкой кожаной тунике золотыми нитками были вышиты символы правления: разъярённые ягуар и сова. Хотя Бетильда родила всего двенадцать дней назад, она совсем не выказывала усталости: её целители снимали любую боль или утомление.

Делит провёл Трелвин в центр комнаты, остановив её в полдюжине шагов от королевы. Ещё два стража расположились по бокам девушки, нацелив стрелы на Спиннела на случай какой-нибудь неожиданности. Эльфийка выпустила воротник дварфа, отчего тот свалился на пол. Он снова застонал и неподвижно обмяк. Девушке оставалось лишь надеяться, что он не переигрывает.

С невозмутимым выражением лица королева посмотрела на Трелвин, затем скользнула взглядом по ошейнику в её руке. Они поняли друг друга: Бетильда догадалась, что Трелвин стала известна правда о смерти брата. Но королеве нужно было доиграть сцену до конца:

— Трелвин Витаннис, что привело тебя ко мне с... этим? — Бетильда махнула рукой в сторону дварфа. — Когда мы виделись последний раз, тебе не терпелось казнить его.

Трелвин поклонилась.

— Да, миледи, я только об этом и думала, — она выпрямилась, — пока не нашла вот это, — с этими словами она бросила ошейник на пол между собой и королевой.

— Среди нас есть предатель, — сказала девушка, — и я уверена, что и вы, и король захотите узнать его имя.

Королева сорвала один из цветков с трона, растёрла его пальцами и притворилась, что вдыхает аромат раздавленного цветка — ловкий способ скрыть плотно сжавшиеся от ярости губы. Затем она повернулась к Делиту:

— Секреты королевского двора не предназначены для посторонних ушей. — Бетильда показала на выход. — Ты и двое твоих стражей, покиньте нас.

Делит расширил глаза и бросил взгляд на неподвижного Спиннела:

— Но...

— Оставьте нас, — её голос был мягок, но в нём прозвучали не терпящие возражений стальные нотки.

Он поклонился и покинул зал, жестом показав остальным стражам следовать за ним. Когда они ушли, королева в открытую уставилась на Трелвин:

— Игруем в придворные игры? — сказала она и поднялась с трона, сверкая глазами. Не обращая никакого внимания на дварфа, всё ещё изображающего потерю сознания, Бетильда подошла к девушке. — И что же ты хочешь в обмен на молчание?

Трелвин притворилась взволнованной. Если бы это было её единственной игрой, то поражение было бы неизбежным. Королева согласится на любую запрошенную девушкой цену, а немного спустя обеспечит её молчание смертью. Но момент настал: они со Спиннелом оказались наедине с Бетильдой. Трелвин прочистила горло, разыгрывая нерешительность — их оговоренный сигнал.

Едва заметив движение рук дварфа, одним рывком освободившего запястья от ложного узла, эльфийка протянула руку к «пустым» ножнам и обнажила меч. Она бросила его рукоятью вперёд Спиннелу, который уже вскакивал на ноги.

Королева Бетильда обернулась как раз в то время, когда меч пронёсся мимо неё.

Дварф потянулся к брошенному мечу, но прежде чем он успел схватить его, королева махнула рукой, выкрикивая заклинание. Меч развернулся в полёте и со свистом, расплываясь от набранной скорости, вонзился в грудь Спиннела. С потрясённым выражением на лице Спиннел тупо уставился на меч.

— Как она... — короткие ноги дварфа просели под ним, и он кучей свалился на пол. Из его раны потянулся красный туман, сворачиваясь вокруг меча.

Смех королевы наполнил помещение.

— Прекрасно, Трелвин. Восхитительное представление. Но каким бы забавным оно не было, твоё выступление подошло к концу, — она подняла руку.

— Нет! — эльфийка бросилась к телу Спиннела и вырвала меч из его груди: за клинком оставался разносящийся по комнате след из красного тумана. — За Роллана! — закричала Трелвин, бросаясь на королеву.

Бетильда оказалась быстрее. Перед глазами девушки вспыхнул свет, а уши наполнились громким звоном. Ослеплённая и оглушённая, она беспорядочно рубанула мечом, но промахнулась. Внезапно меч сам дёрнулся влево и ударил! Трелвин почувствовала тёплую кровь, хлынувшую на кисть и запястье. Затем к звону в её голове добавились крики, кто-то налетел на неё сзади и сбил с ног. Из её руки выдернули меч, затем сорвали со спины мешок. Её руки грубо завели за спину, и кто-то связал ей запястья. Наконец девушку уволокли из комнаты.

Спустя некоторое время звон ослаб, прекратилось и ослепляющее свечение. Белые точки всё ещё мелькали перед глазами Трелвин, но ей удалось, скашивая глаза, различить окружающую обстановку. Она была связана по рукам и ногам, в клетке, решётками которой выступали корни дерева. Двери не было: для разведения корней в стороны использовалась магия, как и для сведения их обратно.

Она перевернулась. Снаружи клетки сразу же послышалось движение. Шесть вооружённых луками стражей несли бдительный дозор. Девушка глянула на своё бедро: ножен там не было. Извиваясь, Трелвин приняла сидячее положение, затем заметила Делита, не сводящего с неё глаз.

— Зачем ты сделала это? — спросил он с выражением глубочайшего отвращения на лице. — Что тебе предложил дварф? Золото?

— Королева мертва?

— Хвала Владыке листьев, нет. Лекари занимаются её раной.

Отчаяние нахлынуло на девушку. Ей казалось, что желудок провалился в дыру, невеста откуда возникшую в её теле. Она не смогла.

— Но зато скоро умрёшь ты, — продолжил Делит резким голосом. Он поднял свой лук. — Если бы не приказ, я казнил бы тебя своими руками.

Эльфийка уже не слушала. Она не смогла. Возможно, это было наказание Владыки листьев за связь с лич-дроу.

— Эй! — откуда-то из-за Делита закричал знакомый голос. — Страж!

Делит повернулся и поклонился:

— Миледи.

Трелвин посмотрела на женщину, которую только что пыталась убить. Королева Бетильда медленно подошла к клетке. Она была закутана в тяжёлый плащ, но Трелвин могла различить пятна крови на её одеждах. Королева даже не потрудилась переодеться. Вместо этого она пришла лично отомстить Трелвин, прежде чем та успеет отравить стражей словами правды.

— Освободи её, — приказала Бетильда.

Делит дёрнулся от удивления:

— Освободить? Но, миледи...

— Эта эльфийка оказала мне большую услугу. Она спасла мне жизнь.

— Но она атаковала Вас, — возразил Делит. — Я видел это собственными глазами.

— И я! — добавил другой страж..

— Наружность бывает обманчивой, — ответила Бетильда. — Это был совсем не дварф, а могущественный лич-дроу, изменивший своё тело и принявший облик крепкого народца. Разве вы не видели красный туман — дух лич-дроу, ищущий филактерию. Трелвин, очарованная заклинанием, была вынуждена помогать ему. Но она оставалась верна мне. Если бы она не нашла в себе силы сопротивляться магии лич-дроу и убить его, то выпад оказался бы смертельным. Трелвин мой защитник.

— Я не понимаю, миледи, — нахмурившись, Делит неистово обдумывал недавние события. — Если она уже убила лич-дроу, то почему..?

Голос королевы буквально потряскивал от властности:

— Если бы ты думал, страж, то никогда бы не привёл ко мне очарованную Трелвин и замаскированного лич-дроу. Странное поведение! Я наполовину готова отправить тебя за решётку по подозрению в измене.

Делит побледнел.

— Теперь развяжи её и незамедлительно приведи в мой зал для аудиенций!

Делит поклонился так глубоко, что чуть не упал. Чтобы открыть клетку, послали за друидом. Затем Делит лично ступил внутрь, развязал Трелвин и помог ей подняться на ноги.

— Приношу свои извинения, — пробормотал он.

Девушка не стала утруждать себя подтверждениями. Она знала, что произойдёт: она умрёт, как только королева Бетильда отпустит стражей и останется с ней наедине. Хотя как королева собирается объяснять смерть своего новопровозглашённого «защитника», было за гранью её воображения.

Когда Делит вывел её из заключения, Трелвин подумала рвануть в лес. Но куда ей идти? Достаточно было одного слова королевы и эльфы леса Амтар не будут знать покоя, пока не выследят её.

Никогда ей не приходилось идти так долго, как во время этой прогулки до королевской резиденции и по спиральной лестнице. С другой стороны, путь был закончен в мгновение ока. Борясь с дрожью в конечностях, она вошла в приёмный зал, пытаясь найти в себе мужество достойно умереть.

Как и боялась Трелвин, королева поторопилась отпустить своих стражей. Каким-то образом девушка нашла в себе силы встретить взгляд Бетильды.

И с дрожью прочитала в этих глазах едва сдерживаемый страх. Действительно, даже поза королевы выдавала в ней тревогу. Конец её косы расплёлся, и казалось, что королеве было несколько неудобно в собственных одеждах. Походка Бетильды также выглядела неуклюжей, что никак не могло быть вызвано ранением, о котором уже позаботились целители. Она нервно протянула руку куда-то под свой подбородок, затем внезапно стиснула её в кулак.

Ступая осторожными шагами, королева добралась до двери и выглянула наружу. Её голос понизился до заговорщического шёпота:

— Трелвин, это я. Спиннел.

Трелвин недоверчиво подалась назад:

— Хватит, миледи. Давайте обойдёмся без тех игр, в которые играют ваши ягуары со своей добычей. Быстрая смерть, и всё будет закончено.

— Быстрая смерть, — королева улыбнулась. — Именно это ты обещала мне у лич-дроу, — она снова потянулась к подбородку и, поколебавшись, снова опустила руку. — Чтоб я помер, ужасно странно не иметь бороды. Я чувствуя себя голым!

— Спиннел? — Трелвин изумлённо посмотрела на Бетильду, начиная верить своим ушам, пусть даже это и противоречило всему, что она видела. — Но как? Что...

Королева, а точнее Спиннел в её теле, наклонилась вперёд и, потеряв равновесие, схватила Трелвин за плечо.

— Как странно, — прошептал он, — быть таким высоким. Я даже не знаю, что необычнее: стать женщиной или зелёным эльфом.

Он покачал головой.

— Что же до твоего вопроса, то я и сам не вполне уверен, что случилось. Когда я... умер, — лицо королевы при этих словах скривилось, — и оказался в мече, я осознавал, что происходит вокруг меня, хотя и не мог видеть, слышать или ощущать привычным мне образом. Вместо этого всё вокруг состояло из ровных поверхностей и острых углов, — он вздрогнул. — Затем стало больно. Я не могу описать это тебе. Представь самую мучительную рану в своей жизни и увеличь ту боль стократно. Я должен был выбраться оттуда, пусть даже и уничтожив при этом свою душу.

— Мне очень жаль. Честно.

— Ты не виновата.

Трелвин уставилась на тело, которое некогда принадлежало королеве, пытаюсь думать о нём как об оболочке вокруг Спиннела. Несмотря на это, прикосновение всё ещё заставляло её съежиться:

— Значит, удар меча направил именно ты.

— Да.

Девушка всмотрелась в повязки на бедре королевы, кое-что стало для неё понятнее:

— Чтобы вытащить душу, достаточно ранения, убийство не обязательно.

— Именно так, — согласился дварф. — Лич-дроу обманул тебя. Меч не крадёт души и не уничтожает их. В противном случае Валек был бы гораздо более осторожен. Если рана смертельна, то у заточенной в мече души не окажется сосуда, который она могла бы занять, и поэтому она отправится на тот план, куда и должна была после смерти. Но если рана смертельной не является, то душа переносится в тело того, кто был ранен мечом и остаётся там.

Трелвин нахмурилась:

— Тогда почему Валек не дал мне ранить тебя? Наверняка он хотел выбраться из меча!

— Ты пыталась убить, а не ранить меня. Валек в этом случае только бы отправился назад в свою филакторию.

Внезапно девушка всё поняла.

— Лич хотел занять место королевы! — она содрогнулась. — Не удивительно, что он согласился мне помочь. И пронзила его я не случайно, он сам подставился под мой удар!

Мысли Трелвин перескакивали с места на место, когда она начала осознавать масштаб свершившихся изменений. Пока что трунадар считали, что Спиннел был их королевой. Долго это не продержится, скоро его обнаружат. В это время душа королевы была заточена в мече, где бы тот ни был. Но если Спиннел был прав в своих предположениях, то королева вернётся, стоит только мечу пусть даже оцарапать кого-нибудь. Конечно, если удар мечом окажется смертельным, то королева предстанет перед судом Владыки листьев.

— Где твой магический плащ? — спросила она дварфа.

— Исчез. Стражи королевы забрали его вместе с остальными твоими вещами.

Девушка кивнула, это было вполне ожидаемо. Она и не думала бежать, какими бы ни были её дальнейшие планы. Пусть будет так.

— А мой меч и ножны?

— Их я приказал оставить при мне, как бы на случай, если целители захотят их осмотреть. Сейчас они надёжно спрятаны. Когда встанет солнце, я уничтожу меч.

— Тогда ты навсегда останешься в теле королевы Бетильды. Или, что более вероятно, до тех пор, пока тебя не обнаружат и убьют, — она сделала паузу. — Но, разумеется, есть и другой вариант.

— Я не собираюсь возвращаться в меч, — глаза Спиннела ожесточились.

— Конечно же нет! Вместо этого мы уничтожим его вместе.

Дварф одарил её скептическим взглядом:

— Вот так просто?

— Не совсем, и не в таком порядке. Сначала «королева Бетильда» объявит, что должна посетить священную рощу для восстановления магии, и что только её наиболее заслуживающий доверия советник Трелвин может сопровождать её. Если мы отправимся прямо сейчас, то к утру достигнем границы леса. Когда взойдёт солнце, мы уничтожим меч, предоставив его свету, а ты отправишься дальше. Найдёшь волшебника, который превратит тебя обратно в дварфа, и всё будет прекрасно.

Спиннел недоверчиво посмотрел:

— Откуда мне знать, что ты не попытаешься схватить меч и пронзить меня им, как только мы окажемся подальше от глаз твоего народа?

— Я этого не сделаю. Даю тебе слово. Я пока не обманывала тебя, верно?

Глаза дварфа вспыхнули:

— Я надеялся, что ты это скажешь. Мне потребуется твоя помощь, чтобы убедить твой народ в том, что я действительно зелёный эльф, не говоря уже о том, что я — королева Бетильда. Впрочем, как бы то ни было, сейчас ты должна подчиняться своей королеве. Если ты не хочешь, конечно, чтобы я призвала мою стражу и приказала казнить тебя.

На одну жуткую секунду Трелвин показалось, что он говорит серьёзно. Затем Спиннел расхохотался.

Девушка перешла на формальный тон.

— Нет необходимости, миледи, — ответила она, — но я хотела бы попросить Вас об одной милости.

Спиннел грациозно махнул рукой:

— Говори, эльф.

— Прежде чем мы уйдём, отмените закон, требующий столь строгого наказания за вред королевским животным.

— Считаю, что дело сделано, — усмехнулся дварф.

Трелвин и Спиннел остановилось на краю леса. Перед ними была маленькая речка, за которой устремлялись вдаль зелёные холмы.

— Мы пришли, — сказала она дварфу. — Граница. Я выполнила свою часть сделки.

Спиннел, всё ещё в теле королевы, кивнул. Он передал девушке меч. Солнце начало свой восход, и от усыпанной росой травы поднимался туман. Однако лучи не могли согреть Трелвин, казалось, что ночной холод засел глубоко в её костях.

Она сняла с рукояти ткань, отбросила её в сторону и вытащила меч. Он пульсировал в её руке, и девушка крепко вцепилась в рукоять, опасаясь, что Бетильда может найти способ вдохнуть в оружие жизнь. Трелвин присела и положила меч на землю, удерживая его на солнечном свету.

Конец настал быстрее, чем она думала. Стальной клинок потускнел и внезапно покрылся пятнами. Затем он начал крошиться. Сначала отломился кончик, потом начало осыпаться лезвие, как если бы его сгрызали какие-то невидимые существа. Вскоре не осталось ничего кроме рукояти, с которой начала слезать кожа, и хвостовика. Когда даже эти остатки начали крошиться как хрупкий мел на ладони Трелвин, в воздухе раздался слабый крик ярости. Скоро в её руке была только горсть пыли.

Эльфийка встала и вытерла руку. Её брат был отомщён. Долг крови был погашен. Тогда почему её рука казалась такой грязной?

— Ты сделала то, что считала нужным, — сказал Спиннел. — Иногда величайшая любовь ведёт к величайшим ошибкам.

Трелвин ничего не ответила. По её лицу пробежала слеза. Она обещала себе, что не станет плакать. Девушка гневно тряхнула головой и протянула руку к кинжалу на бедре. Она была остановлена Спиннелом, рука которого легла на её запястье.

— Ты присоединишься к Роллану, — сказал он голосом королевы, — но не сейчас. Нужно исправить ещё одну ошибку, если ты не против.

Трелвин повернулась к нему.

— Королева Бетильда не смогла бы организовать нападение ягуара самостоятельно, — сказал дварф. — Она всего недавно родила ребёнка, и её лекари постоянно крутились около неё. Есть ещё один эльф, заслуживающий твоей мести.

— Её любовник.

Спиннел кивнул:

— Тебе придётся сочинить очень интересную историю, чтобы объяснить, как ты «потеряла» свою королеву.

— Я что-нибудь придумаю, — Трелвин посмотрела на место, где встретил свою кончину меч. Она сделает это. За Роллана. Как требовали того законы кровной мести.

— Я могу помочь тебе, когда вернусь. После того, как буду превращён, конечно.

— Ты вернёшься? — изумлённо спросила Трелвин. — Ты сошёл с ума? После того, что произошло, любого забредшего в лес Амтар дварфа пристрелят на месте.

— Я думаю, что могу побыть зелёным эльфом ещё немного, — он посмотрел на своё тело. — Просто... не королевой Бетильдой. Эльф леса Чондал, например. В любом случае для волшебника это будет сделать проще.

Эльфийка приподняла брови:

— Ты готов пойти настолько далеко? Только чтобы помочь мне?

— Не обременяй себя, — фыркнул дварф. — Это из-за золота, помнишь? — он ударил себя по груди. — Внутри я всё ещё дварф.

— Я буду ждать тебя. Но... как я узнаю тебя?

— У меня будут пустые ножны. — Спиннел протянул руку. — Они ведь тебе теперь не нужны?

Девушка передала их ему:

— Больше никакой магии дроу.

— Тогда прощай. Скоро увидимся, — он помахал ей ножнами.

— А вот в этом ты ошибаешься.

Настала очередь Спиннела удивляться.

— Я пойду с тобой. Ты может быть и умён, но едва ли сможешь убедить хоть кого-то, что ты зелёный эльф. Не без длительного обучения.

Он улыбнулся:

— Я надеялся, что ты это скажешь.

Они вместе вышли из леса: Трелвин, ступающая лёгкой поступью, и Спиннел, неуклюже шагающий рядом с ней в новообретённом теле. Позади них солнечный свет прогнал из леса остатки ночи, и, как бы прощаясь, ухнула сова.

ВОСКРЕШАЮЩИЙСЯ АГЕНТ

Эрин М. Эванс

2 элзаса, год Перерождённого Героя (1463 ЛД)

Однажды Изумрудная спросила Блудницу о том, каково это – умереть.

Шпионка заколебалась.

- Раньше ты никогда об этом не спрашивала.

- Раньше это не имело никакого значения, - ответила её начальница. Её тёмная кожа подернулась пепельной бледностью, а кашель заметно усилился, однако взгляд по-прежнему оставался ясным и острым. – Но сейчас ответ меня очень интересует. Итак, скажи мне, агент – что ты узнала?

- Пробовать никому не советую, - легкомысленно бросила она.

- Блудница, - произнесла Изумрудная.

Блудница выглянула из окна. Расположенный на склоне холма город Аткала был освещён множеством факелов. Наверху вдалеке виднелся сияющий храм Вокин. Блудница знала, что большей частью своего сияния он был обязан регулярным пожертвованиям Изумрудной. Если милость одного из божеств и можно было купить за деньги, то только Подруги Торговцев.

Блудница подумала об ужасе, который жаркой волной скручивает нервы задолго до того, как угасает зрение. О том чувстве, которое испытываешь, когда душа покидает тело. О темноте, которая поглощает тебя лишь на миг или же на

целую вечность – в зависимости от капризов Тени. О замешательстве и беспокойстве, неизменно охватывавшем её на плане Фугу, и о клубящемся там сером тумане.

Когда Блуднице предстояло умереть в первый раз, она оказала убийце отчаянное сопротивление. Она не собиралась этого делать, ведь правительство Тетира заплатило ей именно за то, чтобы она погибла, отыскав нужную информацию – но тогда она ещё не умела контролировать свой страх, и он полностью подчинил её себе. Она забыла о сделке с Изумрудной, забыла об уверениях Пастуха в том, что всё будет в порядке. Она сопротивлялась, словно загнанное в угол животное. Извиваясь, пинаясь и царапаясь, она отчаянно пыталась вырваться из хватки своего убийцы. Но к тому моменту всё уже было предрешиено – у неё не было никаких шансов.

Душащему её человеку не было никакого дела до того, что она внезапно пожалела о своём решении. Его пальцы всё глубже и глубже сдавливали её шею, пока не обхватили позвоночник – по крайней мере, ей так показалось. В глазах у неё потемнело, и она почувствовала, как её душа отделяется от тела, словно повязка, которую сняли со свежей раны. Необычное ощущение.

Бесполезно пытаться описать это словами. Ничего из того, что она могла сказать главе шпионов, не сможет подготовить её к тому, что ей предстоит.

- У тебя всё будет по-другому, - произнесла Блудница, наливая в чашку Изумрудной чай. – Мне никогда не доводилось бывать в Вечном Солнце.

- Если предположить, что я отправлюсь именно туда, - произнесла она, отхлёбывая чай. «Предполагать – это всё, что в наших силах», - подумала Блудница, но не стала озвучивать свои мысли вслух.

Ожидая, пока повозка догонит её, Блудница поднесла к глазу подзорную трубу. Внизу раскинулся Эрлказар – лоскутное одеяло из засеянных полей и грязных извилистых дорог. Находившийся у подножья холма дом выглядел аккуратным и уютным, вокруг него простирались поля с собранной зимней пшеницей и зреющим ячменем. Разглядывая его, Блудница нахмурилась.

- Лучше нам поторопиться, - произнесла она. – Судя по всему, они вот-вот закроют двери на ночь.

- Может, стоит отправиться туда, где хозяева проявят меньшую подозрительность? – спросил её спутник, худощавый мужчина в залатанной мантии. – Ведь они непременно станут спрашивать, откуда мы, куда едем... что везём.

Сложив подзорную трубу, Блудница убрала её в седельную сумку и, обернувшись, взглянула на Пастуха. Тот управлял повозкой, в которой лежало обмотанное тканью тело Изумрудной.

- Если так, то мы им расскажем, - произнесла она. – Им вряд ли не доводилось иметь дело с мертвецами.

- Итак, кем ты сегодня представишься? – спросил Пастух. – Если они захотят взглянуть на труп, у нас могут возникнуть проблемы. Никто не поверит, что ты являешься дочерью турмишанки.

- Почему нет? – Блудница пустила лошадь вперёд. – Кровь порой проявляет себя самым необычным образом. Может, Изумрудная некогда спуталась с жителем Долин.

- Значит, на сегодня легенда такая? Ты – дочь, а я...

- Верный слуга?

- Я хотел предложить зятя, но это тоже неплохой вариант, - произнёс Пастух.

- Имён называть не будем, но в остальном станем придерживаться истины. Мы едем из Амна, направляемся в Турмиш, чтобы отвезти Изумрудную домой.

- Она уже дома, - произнёс Пастух, и Блудница закатила глаза. Ей крайне не хотелось вновь начинать этот разговор.

- Будешь разглагольствовать в таком духе, и нашей легенде конец.

- Да, госпожа, - обернувшись, Блудница увидела, что на губах Пастуха играет его обычная дерзкая улыбка. Из профессиональной вежливости – по большей части – она никогда не стремилась узнать его получше, но, судя по тёмной коже и ярким глазам, он был калишитом. Из-за небольшого шрама, приподнимавшего уголок его губы, создавалось впечатление, будто он всегда усмехается. Зубы его были белоснежными.

Когда она собиралась отправиться в путь, он настоял на том, чтобы сопровождать её, несмотря на её уверения в том, что это может быть опасно.

- Я верю, что с тобой мне ничего не грозит, - произнёс он со своей обычной кривой улыбкой. – Вдобавок я тоже кое-что умею.

Натянув поводья, Блудница подождала, пока повозка не нагонит её.

- Я серьёзно, Пастух. Возможно, эти люди не слишком умны, однако разглагольствования священника они сразу узнают.

- Я в курсе, как себя не выдать, - произнёс он. – Может, опыта у меня и поменьше, чем у тебя, но я не зелёный новичок.

По губам Блудницы скользнула слабая улыбка.

- Да. Твои таланты приносят больше пользы внутри Дома.

- Приносили, - поправил её Пастух. – Госпожа.

По спине Блудницы пробежала дрожь тревоги. Верно – больше ему вряд ли придётся её воскрешать. Облизнув губы, она направила лошадь вперед.

В придуманной ими истории было достаточно деталей, чтобы представить двух шпионов уважаемыми гражданами – теми, кого вы без вопросов пригласите в дом и угостите тушеным мясом и летним элем. Людьюми, с которыми можно поболтать о погоде, урожае и дороге из Амна, а на следующее утро проводить в путь, дав с собой немного хлеба, сыра и небольшую бутылочку того самого летнего эля.

Старый фермер не захотел их слушать. Взгляд его был жёстким, словно утрамбованная копытами лошадей земля. Тонкие губы кривила мрачная гримаса. Лишь когда Блудница с самым усталым и жалким выражением лица трясущейся рукой потянулась к кошельку и достала оттуда две золотых монеты, шпионы получили в своё распоряжение сарай и краткое напутствие не забыть запереть за собой дверь.

Они завели повозку внутрь и послушно захлопнули двойные створки ворот.

- Очаровательно, - пробормотал Пастух, пробираясь сквозь завалы сена. Из тёмного угла слышалось мычание коровы. – А твоё мнение я не спрашивал.

Блудница улыбнулась – на сей раз вполне искренне.

- Никогда не думала, что кастеляна замка Селемчант окажется провести проще, чем простого крестьянина. В любом случае, здесь получше, чем в чистом поле.

- Говори за себя, - произнёс её спутник. – В поле, по крайней мере, воздух свеж, а мои молитвы отправляются напрямик к Лунной Деве.

Блудница, которая в этот момент занималась обустройством лежанки в стогу сена, замерла. Столь незначительная деталь – легко было пропустить её мимо ушей.

- Селуне. Вот кому ты поклоняешься?

Пастух фыркнул.

- Наконец-то до тебя дошло. Я множество раз благословлял тебя её силой.

- Мне не доводилось видеть твои таинства, а ты не очень-то похож на Серебряную Звезду.

- А ты – на блудницу, - мягко заметил он.

Она пожала плечами.

- Да и ты вовсе не пастух.

- В своём роде – да. Отыщи бедных заблудших овечек и верни их домой к Лунной Деве, - он ухмыльнулся. – Или в нашем случае к Изумрудной. По мне, есть кодовые имена и похуже. Почему ты выбрала такое?

- Я не выбирала, - произнесла она, поудобней устраиваясь на сене. – Изумрудная всё решила за меня. Сказала, что моё тело – это мой товар.

Пастух хохотнул.

- Да уж, её всегда отличало своеобразное чувство юмора.

Внезапно Блудницу захлестнула скорбь, словно приливная волна. Её глаза наполнились слезами прежде, чем она успела их сморгнуть. Подняв взгляд, она обнаружила, что Пастух пристально смотрит на неё.

- Мне её не хватает, - призналась Блудница. – Больше, чем я думала.

- Мне тоже, - произнёс он. – Без Изумрудной всё будет совсем по-другому.

На долгое время воцарилась тишина.

- Возможно, - заговорил наконец Пастух, - ты скажешь мне своё настоящее имя? Отметим этим начало нового этапа в нашей жизни.

Блудница покачала головой.

- Это слишком опасно.

- Было... Разве ты боишься меня? – и снова его дерзкая улыбка.

- Тебя? – переспросила Блудница. – Нет, тебя я не боюсь. С некоторых пор мало что способно меня испугать.

Прищёлкнув языком, Пастух приступил к обустройству своего спального места.

- Слова, слова. Мы оба знаем, что это неправда. Я думаю, ты боишься смерти.

Блудница рассмеялась.

- Ох, Пастух. Знаешь, сколько раз я уже умирала?

- Полагаю, четырнадцать.

- Четырнадцать раз я чувствовала, как моя душа отделяется от тела. Четырнадцать раз я оказывалась на плане Фугу, потерянная и лишившаяся

воспоминаний. Четырнадцать раз я взидала на Град Судилища. Я привыкла к смерти. Пятнадцатого раза я не боюсь.

- Но теперь Изумрудной и её бриллиантов больше нет, - тихо произнёс Пастух. – Пятнадцатый может оказаться последним.

- Может.

Пастух устремил на неё серьёзный взгляд.

- Блудница. Я сейчас говорю с тобой не как коллега, а как Серебряная Звезда. Меня крайне беспокоит будущее твоей души. Нам неизвестно, где пребывает Изумрудная, но только в твоих силах решить, где окажешься ты. Неужели ты захочешь отправиться в пустоту плана Фугу?

- Сегодня ночью, - произнесла Блудница, - я собираюсь отправиться только в одно место – в царство сновидений.

Она не стала говорить ему, что большую часть ночей ей снились её убийцы: человек из Тетира, ассасин с восточных гор, чернопёрый кенку из Дурпара, мемнонский военачальник-дженази. Волшебник в Амне и ещё один волшебник в Уотердипе. Канцлер в Агларонде. Женщина-некромант, которая прикончила её менее чем в двенадцати милях от того места, где они сейчас находились. Все они были убиты, когда воскресшая Блудница хриплым после пребывания в загробном мире голосом рассказала найденные ею сведения.

Лишь в бою с человеком из Тетира она пыталась сопротивляться, и он же был единственным, на чью казнь она пришла посмотреть. Его преступные планы представляли собой серьёзную угрозу для этого нестабильного королевства. Публичная казнь была назначена на один из тёплых дней киторна. Он поднялся на эшафот с вызывающим видом, но, когда судья закончил зачитывать обвинения, а палач занял своё место, его взгляд встретился со взглядом Блудницы – женщины, за чьей смертью он наблюдал собственными глазами и чьё тело самолично утопил в бухте. Его трясло даже после того, как его отрубленная голова покатилась по помосту.

Всех их подвело то, что они считали свои планы крайне надёжными и непогрешимыми. Это читалось в их расширившихся глазах, когда они ловили её сожатым в руке письмом, картой или зельем. Когда её глаза стекленели, это выражение быстро сменялось самодовольством. Пусть ей и удалось докопаться до истины, эта истина окажется похоронена вместе с ней. Теперь они в полной безопасности.

Все они были о себе крайне высокого мнения, а она являлась всего лишь глупой мёртвой воровкой.

- Давай предположим, - давным-давно сказала ей Изумрудная, когда только предложила ей взяться за эту работу. В те времена Блудница была простой воровкой, которая много знала о том, как незаметно проникать в дома, и совсем мало – об окружающем мире. – Предположим, что тебе удаётся успешно пробраться в его убежище. Ты узнаёшь обо всех его намерениях и интригах. Отыскиваешь улики, необходимые для того, чтобы вывести его на чистую воду. Ты можешь сбежать, но всегда остаётся шанс, что наша цель заметит следы твоего вторжения и изменит свои планы. Тогда твои доказательства станут бесполезны. Так что вместо этого ты прихватишь мешочек с монетами и пару безделушек, а затем сломаешь что-нибудь

или нарочно зайдёшь не в ту комнату. Он ловит тебя. Перерезает глотку. Сжигает труп. Он полностью уверен, что избавился от той угрозы, которую ты собой представляла. Но это далеко не конец, - продолжила Изумрудная, - ведь у нас останется часть твоего тела - например, мизинец. Если отрезать его по суставу и отдать священнику, он сможет воскресить тебя в целости и сохранности прямо здесь, в этой комнате. Твои воспоминания и показания будут представлять собой... исключительную ценность.

Блудница тогда подумала, что её собеседница сошла с ума, но Изумрудная загнала её в угол – этот разговор происходил в её доме, куда Блудница вломилась тем вечером. Либо стать воскрешающимся агентом, либо ещё одним трупом, от которого избавятся на задних улочках Амна. Крайне скудный выбор.

И всё равно целую ночь Блудница провела в раздумьях о полном бесформенного серого тумана плане Фугу и судилище богов. Она смотрела на свои тонкие пальцы, которые было так просто отделить от тела – словно бутон тюльпана от стебля.

В темноте амбара Блудница очнулась от тягостных сновидений, полных тёмных силуэтов, злых чар и ножей, вонзающихся в сердце.

И скрежета когтей по дереву.

Она рефлекторно потянулась к мечу, но вспомнила, что оставила его в повозке. Её ладонь нащупала рукоять спрятанного в голенище ножа. Сердце колотилось у неё в горле, однако она понятия не имела, что именно послужило причиной её внезапного пробуждения. Наконец её глаза приспособились к царящей внутри сарая полутьме. Помещение освещалось лишь светом луны, проникающим сквозь щели в стенах.

Светом, который кое-где перекрывали крадущиеся снаружи приземистые силуэты.

- Пастух! – прошептала Блудница. Её меч лежал под сиденьем повозки в восьми шагах поодаль. Её спутник в качестве оружия использовал цепь, и она задалась вопросом, догадался ли он прихватить её с собой при отходе ко сну.

- Пастух! – Блудница перекатилась на ноги. С бешено колотящимся сердцем она не сводила взгляда с движущихся вдоль стен силуэтов. Они были длинными и косматыми – собаки?..

Но они в Эрлказаре. Значит, точно не собаки.

- Пастух!

Он сел и раскашлялся так громко, что его, должно быть, услышали даже в Амне. Блудница мысленно выругалась. Изумрудная так долго держала его вдали от оперативной работы, что его навыки успели притупиться.

- Заткнись и иди сюда, - шёпотом велела она. – Нужно, чтобы ты сотворил заклинание.

По крайней мере, ему хватило смекалки на то, чтобы крадучись пробраться сквозь груды сена к повозке.

- Какое заклинание? – шепотом спросил он. – Что вообще происходит?

- Там что-то есть, - объяснила она. – Что-то, что охотится за нами.

Подкрадываясь к стене, Пастух прильнул глазом к одной из щелей.

- Ты уверена? – спросил он. – Они похожи на...

Нечто тяжелое врезалось в стену и с рычанием принялось скрести доски. Пастух отшатнулся. Послышалось многоголосое рывканье – на лай это походило в той же степени, как вопль баньши на крик женщины. Находящиеся за стеной существа сгрудились возле ходящих ходуном досок.

- Наша Госпожа... - начал молиться Пастух. – Какое заклинание?

- Выясни, живые ли они, - Блудница пристегнула меч к поясу. – А затем действуй по обстоятельствам.

- Живые? – в голосе его слышались панические нотки. – Во имя Адов, какими ещё они могут быть?

- Пастух, - мягко произнесла Блудница. Стена начала подаваться. – Сейчас не время впадать в панику. Очень важно знать, являются ли эти существа нежитью или нет, и тебе под силу это выяснить. Задавать вопросы будешь потом.

Пастух кивнул. К его чести, он без колебаний вытащил из-под мантии серебряный амулет и начал молиться.

Держа меч наизготовку, Блудница подошла к стене. Если он не поторопится, то доски не выдержат и гончие набросятся на неё ещё до того, как кто-то из них успеет издать крик – и тогда станет совсем неважно, кто это. На Блудницу нахлынули воспоминания о том, как душа покидает этот мир, и она встряхнула головой. Не сейчас.

Вместо этого она подумала об улицах Анкапура и драках с дворнягами за объедки. Целься в подбородок, целься в глаза, если получаешь укус, то ни в коем случае не отступай. Трудные уроки, выученные ещё в детстве.

Молитва Пастуха к Лунной Деве становилась всё истовей, и от его амулета начало исходить серебряное сияние. Гончая снова врезалась в стену, пробив головой одну из досок. С рычанием тварь принялась протискиваться сквозь образовавшийся проём.

- Пастух, немедленно!

- Жди.

Полная клацающих жёлтых зубов пасть была так близко, что Пастух мог протянуть руку и коснуться её. Доски содрогались и скрипели.

- Пастух!

Послышался треск – надломилась ещё одна доска. Тварь ворвалась внутрь. Пастух выкрикнул имя своей богини. Амбар озарила вспышка серебряного света, которая моментально ослепила Блудницу. Ворвавшаяся в сарай гончая со скулением тяжело врезалась в стену.

Несмотря на то, что перед глазами Блудницы по-прежнему плавали чёрные точки, она глубоко вонзила меч в шею твари. Крови не было. Издав визг, гончая набросилась на неё.

Выставив перед собой кинжал, Блудница вогнала его в незащищённую нижнюю челюсть и ударила ногой по рукояти, вгоняя его глубже. Заскулив, гончая упала и неподвижно замерла.

- Нежить, - произнёс Пастух, вставая на ноги. Лежащее у их ног существо напоминало волка, однако кожа его было изодранной, а дёсны гнилыми. – У нас совсем немного времени. Остальные тоже могли пострадать от моей магии.

Блудница отбросила обломки досок от дыры в стене. Этой ночью Селуне была полной и яркой, похожей на второе солнце. С трудом она протиснулась сквозь проём. Две других твари валялись на земле, оглушенные заклинанием Пастуха. Ближайшей она тут же перерезала глотку...

С рыком четвёртая гончая набросилась на неё. Блудница успела рефлекторно выставить перед собой руку, и тварь впилась в неё пожелтевшими зубами. Меч упал в траву.

Боль была невыносимой, и Блудница не сдержала крика. Гончая разжала зубы, готовясь снова вцепиться в её тело. Из её пасти капала вонючая слюна. Блудница протолкнула ладонь в глотку твари. Несмотря на боль, это было лучше, чем позволить собаке-зомби впитаться ей в горло. Разжав пасть, гончая отшатнулась и припала к земле. На её морде поблескивала алая кровь – кровь Блудницы.

Раздавшееся позади неё рычание свидетельствовало о том, что последняя из уцелевших гончих поднялась на ноги.

На Блудницу снова нахлынули воспоминания об Анкапуре, и старые шрамы зачесались. «Не двигайся», - сказала она себе. – «Не беги. Не смотри в глаза...»

Гончая прыгнула ей на спину, сбив с ног. Это напомнило ей, что эти существа вовсе не являются обычными собаками. Тварь с окровавленной мордой рванулась вперёд.

Серебристый свет озарил ночную тьму – всё это время Пастух продолжал творить свою магию. По воздуху пронёсся заряд силы, и придавившая её к земле тварь упала во вспышке божественного огня. Гончая с окровавленной мордой отшатнулась. Серебряное сияние окутало Блудницу, и она ощутила, что боль в руке и спине становится немного слабей.

- Вставай! – крикнул Пастух, снимая цепь с пояса. Оружие вспыхнуло силой его божества. – Шар тебя побереи, уйди с дороги!

Блудница начала подниматься, однако гончая с окровавленной мордой, не теряя времени, набросилась на неё. Упав на бок, Блудница ударила её ногой в живот. Раздался звук, напоминающий хруст сминаемого осинового гнезда. Псина взвизгнула, и Блудница резко дернула застрявшую в её теле ногу на себя, ломая рёбра.

Её меч по-прежнему валялся на земле позади неё, его лезвие поблескивало в сотворённом Пастухом сиянии. Другой зверь был мёртв.

Но у последней гончей ещё оставались силы. Она набросилась на Блудницу, целясь ей в горло. В отчаянии Блудница вскинула раненую руку и сунула её в пасть твари, навалившись на неё всем своим весом.

- Пастух! – выкрикнула она. Ей удалось повалить гончую на спину, однако та так и не выпустила её руку из своей пасти. В отчаянии она глубже протолкнула ладонь в тело твари, дотянувшись до отверстия в её животе. Острые обломки рёбер вот-вот грозили прорвать кожу её доспеха. – Меч!

Обернувшись через плечо, она увидела, что цепь Пастуха проносится по воздуху, рассекая его, словно молния. Она врезалась в ободранную шкуру гончей. Ошмётки кожи и иссохших мышц от удара разлетелись в стороны. Челюсти твари начали смыкаться, однако, когда она инстинктивно отдёргнулась, голова гончей обмякла.

- Ногти Шар! – лицо Пастуха было пепельно-бледным.

- Дай меч, пожалуйста, - попросила Блудница. Не сводя взгляда с гончей, он поднял клинок и бросил его к её ногам. – Спасибо.

- Хватит всё время быть такой раздражающе спокойной!

Она хихикнула.

- Пастух, я много раз позволяла убивать себя ради того, чтобы заработать на жизнь. Бывало и похуже.

С помощью меча она разомкнула челюсти твари. По руке прокатилась волна боли, однако само место укуса полностью онемело. Закатив перчатку, она увидела, что зубы собаки-зомби глубоко вонзились в её плоть, и рана успела почернеть.

Несмотря на всю её браваду, горло Блудницы сдавило.

- Одну секунду, - потянувшись к ней трясущейся рукой, Пастух кончиками пальцев прикоснулся к загрязнённой ране. Он что-то пробормотал, и сгнившая кожа отпала. Под ней виднелась свежая розовая плоть. Боль стала заметно слабей, однако до конца так и не исчезла. Блудница не была уверена, сможет ли управляться с мечом с прежним мастерством. Подняв голову, она встретила взглядом с яркими глазами Пастуха.

- Лучше?

- Намного, - она скинула с себя его руку. – Огромное спасибо, - её сердце продолжало бешено колотиться. Возможно, схватка ещё не была окончена. – Там могут быть и другие.

- Кто? Что это вообще за твари? – спросил Пастух. – И как, во имя всех Адов, ты догадалась, что эти существа являются не обычными собаками?

Блудница заколебалась.

- Мне уже доводилось бывать в Эрлказаре.

Пастух уставился на неё.

- Блудница, хватит со мной играть. Ты считаешь, что умеешь скрывать свои мысли, однако я знаю тебя уже достаточно долгое время.

Она вздохнула.

- Хорошо, но давай для начала вернёмся внутрь.

- погоди, - произнёс Пастух. – Моя цепь.

Выругавшись про себя, Блудница направилась к сараю. До восхода солнца оставался всего час, однако до этого момента они могли быть на виду у множества опаснейших существ из Ночного Баронства Эрлказара.

Около пяти лет назад их предводительница, Саэстра Каранок, наняла Блудницу для кое-какой работы. Её Ночное Баронство представляло собой группу вампиров, воров и убийц, которые охотились на недостаточно охраняемые караваны и странствующих солдат. Однако они пригрели на груди змею - в их рядах появился предатель-бунтовщик, который начал подговаривать других бандитов объединиться и свергнуть Саэстру. Самой баронессе-вампирише так и не удалось выяснить, кто это был, поэтому она наняла Блудницу для выполнения той задачи, которая ей и её верным последователям оказалась не по плечу.

Во время работы на неё Блудница больше всего боялась, что в одну из ночей её могут укусить и превратить в вампира. Будь на то её воля, нога бы вновь её не ступила на земли Эрлказара, чтобы опять не столкнуться с Ночным Баронством.

Селуне скрылась за деревьями. Рассвет близился. До наступления следующей ночи они должны убраться как можно дальше от этого места.

Когда она дошла до дверей сарая, то оглянулась. Пастух так и не двинулся с места. Она повернулась, чтобы поторопить его.

Её спутник стоял абсолютно неподвижно, цепь была обёрнута вокруг его запястья всего один раз. Крадучись, словно леопард, к нему приближалась женщина в обтягивающей кожаной броне. Её заплетённые в тугую длинную косу волосы были такими светлыми, что казались белоснежными, а кожа – бледной, словно обескровленной. Её лицо светилось коварством. Вампир.

- Это твоя работа, человек? – спросила она чарующим и мелодичным голосом. Звучание её слов напоминало погребальную песнь, в которой звучала приятная обречённость. – Это ты убил моих могильных гончих?

Пастух ничего не ответил.

Проклятье, он порабощён! Блудница спряталась за дверью сарая. Взгляд вампирши был по-прежнему устремлён на Пастуха. Позади неё, практически полностью скрытые поднимающимся от ручья туманом, виднелись две фигуры. Закусив губу от боли в руке, Блудница медленно, очень медленно обнажила клинок. Она справится. Она убьёт вампира.

«Ты должна это сделать», - сказала она себе. У неё нет выбора.

Нагнувшись, вампирша дотронулась до головы одной из могильных гончих, лапа которой полностью сгорела во вспышке серебряного света.

- Только погляди на мою крошку. Я не смогу это исправить, - произнесла она, ни к кому не обращаясь.

Внезапно Блудница вспомнила. Этот голос, струящийся в тишине ночи... пронзающий белый туман... голос, дразнящий её... дразнящий Саэстру... пронзающий её грудь...

- Решка, - невольно вырвалось у неё вслух, и холодная рука страха сжалась вокруг её сердца. Её меч опустился.

Блондинка-вампирша вскинула голову, обнажая клыки.

- Я слышу тебя, - пропела она. – Можешь выходить.

«Это не может быть Решка», - подумала Блудница. «Решка не вампир. Решка мертва. Саэстра сказала, что, когда я найду того, кто ей нужен, она самолично разберётся с предателем».

Вампирша схватила Пастуха за воротник, крепко впившись ногтями в его мантию. Воздух вокруг неё пошёл рябью – она начала творить магию.

- Выходи, а то его смерть будет медленной и...

Пастух вскинул руку. В его ладони блеснул серебряный амулет. Яркая вспышка света ослепила Блудницу, и вампирша с воплем отлетела назад, ломая стебли растущей на поле пшеницы.

Несмотря на охватившее её замешательство, Блудница немедленно покинула своё укрытие. Если это и правда Решка, одним заклинанием дело не ограничится. Пастуху нужна помощь.

Она не испугается. Не совершит ошибку. Убрав меч в ножны, Блудница схватила Пастуха за руку.

- Внутрь! – воскликнула она. – Быстрее!

Увлекая его за собой, она устремилась к сараю. Волосы её развеивал холодный могильный ветер, словно за её спиной открылся портал на план Фугу. Рука её пылала от боли. Когда они добрались до ворот, она втолкнула Пастуха в сарай. Оказавшись внутри, она потянула дверь на себя и обернулась.

Вампирша поднималась на ноги, доставая из-за пояса жезл. Когда её взгляд упал на Блудницу, она замерла. Смерив её пристальным взглядом, она рассмеялась, и все сомнения шпионки развеялись.

- Это и правда ты? – спросила вампирша, медленно приближаясь к сараю. – Полагаю, меня ты не узнала.

- Решка, - голосом, тихим, словно дуновение ветра в стеблях пшеницы, еле слышно прошептала Блудница, впившись ногтями в створку приоткрытой двери.

- Она самая, - Решка остановилась в пятнадцати шагах от неё. – Несмотря на все твои усилия, я стала намного лучше.

- Ты должна быть мертва.

- Как и ты. Время и Плетение знатно над нами посмеялись. Какой милый у тебя питомец! А другие трюки он знает?

- Оставь его! – воскликнула Блудница.

- Или что? – спросила Решка. – Вряд ли тебе удастся причинить мне больший вред, чем ты уже причинила.

- Я могла убить тебя.

Решка улыбнулась.

- Знаешь, у меня тоже есть новые питомцы. На!

Одно из стоявших позади неё существ, очертания которых были практически полностью скрыты туманом, подняло голову, словно гончая, услышавшая свист своего хозяина.

- Подойди сюда, На. Хочу тебя кое с кем познакомить, - Решка не сводила взгляда с Блудницы. Выйдя из тумана, На двинулась вперед.

Вихт. Некогда это существо являлось женщиной. Её длинные ломкие волосы имели тусклый коричневый оттенок, а синеватая кожа обтягивала кости лица. Нос с горбинкой, широкие скулы...

Блудница опустила взгляд на руки вихта. На одной из них не хватало мизинца.

- Это На, - произнесла Решка. Её голос казался отдалённым гулом в ушах Блудницы. Полные ненависти черные глаза вихта уставились на шпионку. – На – моя старая подруга. Да и твоя тоже.

Приблизившись, тварь принялась. Даже в самых страшных кошмарах Блудница не могла себе представить, что способна испытывать столь сильный ужас. Она полностью позабыла о Решке, её втором слуге и даже о Пастухе.

В её мире осталась только На, её слишком знакомое лицо и отсутствующий палец.

«Это мои волосы», - подумала Блудница. – «Мой шрам на щеке, оставленный кольцом старого Хассана, ударившего меня за то, что я стащила его яблоко. Эту ключицу я сломала при падении во время моего первого ограбления. Это моя рука, из пальца которой меня возрождали. Это моё лицо», - Блудница мёртвой хваткой вцепилась в створку двери, неспособная двинуться с места. «Но я мертва и гнию».

- Она пахнет, - произнесла На, - знакомо.

- Разумеется, - положив руку на плечо своей прислужницы, Решка заговорщически подалась вперед. – Разве ты её не узнаёшь? Она забрала твою душу. Ты умерла, и они поместили твою душу в другое тело, а тебя оставили мне.

На выглядела столь же шокированной, как и сама Блудница. Некоторое время они стояли неподвижно, рассматривая друг друга, в затем иссохшее лицо вихта исказилось от ярости. Оскалившись, На издала вопль, и от этого звука по спине Блудницы поползли холодные мурашки.

- Моё! – крикнула тварь. С неожиданной скоростью На бросилась вперед и черными, длинными и изогнутыми, словно вороньи когти, ногтями вцепилась в недавно исцелённую руку Блудницы. Та отшатнулась вглубь сарая. – Отдай! – с криком На последовала за ней.

- Стоять, - приказала Решка.

Её прислужница замерла на месте, скованная её волей. Решка вошла в сарай и, отбросив длинную прядь волос за спину, встала рядом со своим созданием.

- На данный момент я не хочу её смерти, - произнесла она. – Развлекайся с ней, как пожелаешь, но она должна остаться в живых, ясно?

Не сводя взгляда с Блудницы, На кивнула. Трясущимися руками Блудница потянулась за мечом и кинжалом.

Решка повернулась к ней спиной.

- Я доверяла тебе, - произнесла она. – Однако ты дважды предала меня. Значит, месть моя должна свершиться также дважды. Один раз уже был. И я...

Внезапно сарай озарила вспышка серебристого света. Хотя Блудница совершенно позабыла о своём спутнике, тот не сидел сложа руки. На снова завопила, и на этот раз Решка присоединилась к ней – дарованное Селуне сияние обжигало их мёртвую плоть.

В ушах Блудницы зазвенело.

«Атакуй», - сказала она себе, обнажая клинок.

Послышался треск древесины. Внезапно часть дальней стены разлетелась на куски, и в образовавшемся проёме появился ещё один вампир, мускулистый полуэльф. Ударами когтей он разломал ещё несколько сухих досок, расширяя дыру. Блудница развернулась.

- Пастух!

Священник, который как раз поднимался по ведущей на чердак лестнице, оглянулся, услышав её крик. Его глаза расширились, однако взгляд его устремился не на второго вампира, а за спину Блудницы. Он вскинул руки, и с них сорвался луч серебристого света. Слишком поздно – набросившаяся на неё На уже успела вонзить когти ей в спину.

Укусы могильных гончих были обжигающими, однако они не шли ни в какое сравнение с тем, что она почувствовала сейчас. Ей показалось, что по её спине полоснули раскалённым железным кинжалом. От проникшего в тело яда в венах вспыхнуло пламя.

Их объяло сияние, и На с воплем выпустила свою жертву. Сжигающий Блудницу жар стал слабей, но в руках по-прежнему ощущалась боль.

Развернувшись, Блудница взмахнула мечом, целясь в На. Увернувшись, тварь снова вскочила на ноги.

Внезапно сильная рука обхватила грудную клетку Блудницы. Её кожи коснулось влажное дыхание. Когтистой ладонью слуга-вампир вцепился ей в волосы и рванул в сторону, стремясь свернуть ей шею.

Выронив меч, она потянулась к кинжалу. Они принялись бороться, однако ей удалось занять выгодную позицию для удара. Раз за разом она принялась вонзать кинжал в нижнюю часть спины своего противника. Слуга упал. Убить его оказалось не сложнее, чем могильных гончих.

- Прикончи жреца! – завопила Решка.

- Нет! – Блудница развернулась, готовясь броситься наперерез вихту. Грудь её молнией пронзила боль, и на глазах чуть не выступили слёзы. Вампирскому отродью всё же удалось сломать ей пару рёбер. Несмотря на это, она всё равно устремилась вперёд, однако целью На был вовсе не Пастух.

На врезалась в неё всем своим весом. Не удержавшись на ногах, Блудница упала на живот. Когти вихта с лёгкостью разорвали её кожаную броню. Из-за очередной порции попавшего в организм яда её силы начали стремительно таять, однако, извернувшись, она умудрилась перекатиться на спину. Тварь потянулась к её горлу...

- Проклятье, На! – услышала Блудница крик Решки. Воздух пронзил ещё один светящийся заряд. Должно быть, к этому моменту Пастух практически полностью истощил свои силы. Зловещее сияние магии озарило двери сарая.

Блудницей теперь управлял не разум, а страх – первобытный ужас, полностью вытеснивший у неё из головы все мысли. Она умрёт. Умрёт от своих же рук, которые она безуспешно пыталась оттолкнуть от себя. Её глаза будут наблюдать за тем, как слабеет её дыхание.

Блудница пнула свою противницу по ногам, но из-за покрывавшей пол скользкой соломы не смогла сбросить её с себя. Она вывернула запястья твари – На моментально воспользовалась этим, придвинувшись ближе. Дыхание вихта воняло землёй и гниющим мясом. Ужас обострил реакцию Блудницы, и она резко ударила головой в лицо твари. Раздался болезненный хруст. На взвыла, и её хватка на миг ослабла. Не тратя времени зря, Блудница вырвалась из её объятий и поспешно вскочила на ноги, подхватив с пола меч. Ударом ноги она перевернула вихта на спину.

Через помещение пронёсся потрескивающий заряд магии, наполнив воздух запахом серы. С влажным глухим звуком он врезался в Пастуха. Со всхлипом тот свалился с лестницы, распростёршись на груди соломы – потерявший сознание, но живой.

Блудница встала между Решкой и телом священника. Вампирша тяжело дышала, перенесла вес на одну ногу – очевидно, она сильно пострадала от действий Пастуха. Между её пальцев плясала пурпурно-чёрная энергия.

Внезапно тело Решки окутала вспышка магии. Когда она исчезла, вампирша выпрямилась. На губах её играла улыбка. Проклятье – против двоих Блуднице долго не продержаться.

- Она сломала мне лицо, - пожаловалась На. – Я хочу убить её прямо сейчас.

- Пять лет, - произнесла Решка, проходя мимо вихта. – Я собираюсь растянуть удовольствие, - задержавшись возле повозки, она легко пробежалась пальцами по савану. – А тут у нас что такое?

- Прочь! – Блудница подалась вперёд. Её голова закружилась от струящегося по венам яда. На прыгнула между ними.

Откинув саван, Решка принялась разглядывать тело Изумрудной. Затем она рассмеялась.

- Глава шпионов? Что за чудесный дар! – в её глазах плясали огоньки. – О лучшей мести я и мечтать не могла...

Внезапно Решка содрогнулась. Сузив глаза, она встряхнула головой.

- Стой.

Склонив голову, На взглянула на свою хозяйку.

- Саэстра зовёт, - произнесла Решка. – Нам пора возвращаться.

- Нет! – взвыл вихт. – Я хочу вернуть своё!

Взглянув на Блудницу, которая стояла, сжимая меч окровавленными руками, Решка насмешливо ухмыльнулась, словно подначивая её сделать следующий шаг.

Она сильна, в этом нет сомнений. В конце-концов победа будет за ней. Всё, на что могла надеяться Блудница – это отсрочить свой конец на как можно большее время.

Решку скрутила ещё одна судорога – её госпожа и бывшая соперница приказывала ей немедленно возвращаться. Не опуская клинок, Блудница не двигалась с места.

Она была уверена – стоит ей только сделать шаг, и она уже не сможет удержаться на ногах, став лёгкой добычей для На. Должно быть, глядя на её трясущиеся руки и заливающий глаза пот, Решка это тоже прекрасно понимала.

«Ты можешь умереть в любую минуту», - пронеслось в её голове. – «Как и Пастух».

Снова содрогнувшись, Решка издала тихое раздражённое шипение.

- Ничего не поделать, - произнесла она. – Пусть сейчас я и не могу заполучить тебя, но твою госпожу я заберу с собой, – зов Саэстры прозвучал ещё раз, и Решка вздрогнула. – Проклятье! На, возьми тело.

Взгляд вихта был по-прежнему прикован к Блуднице. В горле На зародился тихий рык, и она шагнула к раненой шпионке.

И снова замерла на месте.

- Я сказала, - прошипела Решка, - возьми тело.

- Она сбежит, - произнесла её прислужница, изо всех сил борясь с контролем госпожи. – Я хочу вернуть своё.

- Терпение, - произнесла Решка. – Далеко ей всё равно не уйти. – пока На занималась телом Изумрудной, она не сводила с Блудницы глаз. – Что? Никаких героических жестов?

- Пока нет, - произнесла она, заставив свой голос звучать ровно. Её охватила смесь паники и облегчения – пусть они и заполучили труп её госпожи, сама она получила небольшую отсрочку.

Решка улыбнулась.

- Ещё увидимся.

Вампирша повернула кольцо на пальце, и они трое – Решка, На и труп Изумрудной – исчезли.

Для того, чтобы нанять воскрешающегося агента, существовали особые правила.

Задаток за услуги Блудницы составлял пять тысяч драконов, и ещё семь тысяч выплачивались после того, как найденная ей информация подтверждалась.

- Чтобы обратиться к тебе, дорогая, - обычно говорила ей Изумрудная, - они должны исчерпать все свои ресурсы, за исключением денег.

Это была плата за «безопасную» миссию из разряда тех, за которые Блудница бралась без колебаний. Чтобы узнать имена своих врагов и выследить их, Саэстра Каранок потратила на Блудницу восемнадцать тысяч золотых драконов.

- Эта цена выше, чем мне сообщали, - сказала она, сидя в салоне Изумрудной.

- Так и работа непростая, - ответила та. Блудница наблюдала за ними сквозь небольшой глазок, искусно скрытый в резных деревянных панелях. Это было вторым правилом – клиент не должен встречаться с ней и пытаться её вычислить. Обычно она также не видела тех, кто её нанимал – если убийца окажется достаточно умён, то может догадаться расспросить её труп. Чем меньше ей будет известно, тем лучше.

- Однако в данном случае, - сказала ей Изумрудная, - тебе следует ознакомиться со всей доступной информацией.

Через глазок Блудница видела, как Изумрудная садится в кресло с высокой спинкой. Её лицо представляло собой холодную маску. Дверь распахнулась, и слуга впустил в салон женщину в тяжелой алой мантии. Она сбросила капюшон, явив взору безупречную, хоть и бледную кожу, и гриву тёмных вьющихся волос. Посетительница выглядела молодо - лет на двадцать, решила Блудница. Она скользнула взглядом по Изумрудной, словно по предмету мебели.

- Леди Каранок, - мягко произнесла Изумрудная. – Надеюсь, путешествие вам понравилось.

- Какая разница, - отмахнулась гостья. – Куда бы я ни ехала, вид всегда один и тот же.

- Всё лучше, чем альтернатива. Прошу, садитесь, - Изумрудная указала на свободный стул. Саэстра Каранок смерила её долгим взглядом. Взор её устремился на дальнюю стену – стену, из-за которой за ними наблюдала Блудница. От взгляда Саэстры она оцепенела. Её глаза были кроваво-красными.

«Вампир», - подумала Блудница. – «Пресвятые боги, вампир».

- Это она? – спросила Саэстра. – Та, кого ты предлагаешь?

- Посмотрим, - Изумрудная наполнила два небольших стакана наливкой. – Это зависит от того, что именно вам нужно. Мои агенты обладают самыми разнообразными талантами. Большинству клиентов этот конкретный навык ни к чему.

Некоторое время леди Каранок продолжала разглядывать Блудницу, словно между ними не было никакой стены. Под её взглядом шпионка ощутила себя обнажённой, словно взгляд вампириши слой за слоем снял с неё сначала одежду, потом кожу, а затем и мышцы.

Гостя повернулась обратно к Изумрудной.

- Кто-то из моих людей затеял против меня заговор, - произнесла она. – Я сделала всё возможное для того, чтобы узнать его личность, однако он продолжает ускользать от меня. Это неприемлемо.

- Разве вы, как глава дома, неспособна контролировать своих детей? – спросила Изумрудная.

Леди Каранок нахмурилась.

- Он не один из них. В Ночном Баронстве есть и люди – мне необходимы их навыки. Мне нужен провокатор. Мне нужен пример.

Сердце Блудницы забило у неё в горле. Если её укусит леди Каранок, сможет ли Пастух вернуть её к жизни?

- С этим, - после долгой паузы произнесла Изумрудная, - я могу вам помочь.

- Воскрешающийся агент.

Изумрудная изобразила на лице улыбку, однако Блудница знала, что она была удивлена. Разумеется, со временем слухи о её существовании неизбежно распространились бы, однако никто не ожидал, что это случится настолько быстро.

- Если пожелаете, - произнесла Изумрудная. – Разумеется, мне потребуются определённые гарантии.

Леди Каранок взмахнула рукой.

- Я знаю ваши условия. Я бы не пришла сюда, не ознакомившись с ними заранее.

- Для вас, госпожа, есть ещё одно – мой агент не должен стать одним из ваших... детей.

- Поверьте, я более избирательна, - произнесла Саэстра.

Изумрудная сделала глоток наливки.

- Вы желаете покончить с предателем, кем бы он ни был?

Саэстра стиснула ручки стула. Её пальцы были длинными и сильными.

- Выясни то, что не смогла я, и я самолично с ним разберусь.

- Я должна переговорить со своим агентом, - произнесла Изумрудная. - Утром я передам вам своё решение через того человека, с помощью которого вы с нами связались.

- Очень хорошо, - они встали. – Доброй ночи, глава шпионов. Агент.

Блудница содрогнулась.

- План выглядит не очень, - произнесла она, выходя из потайной двери. – Зачем тебе вообще связываться с этим... этим существом?

- Она не простой вампир, - произнесла Изумрудная. – Саэстра Каранок контролирует Эрлказар.

- У Эрлказара есть король.

- Это лишь формальность. Если он и не является одним из её детей, то уж точно следует её приказам, - Изумрудная и Блудница вернулись обратно в её комнату. – Если ты возьмёшься за эту работу, я смогу выяснить, каковы их взаимоотношения на самом деле. Не стану врать, что это будет легко.

- Разве когда-то бывает легко? - спросила Блудница. В дверях они остановились.

- Если ты испытываешь страх, мы не примем её предложение, - произнесла Изумрудная. – Тебе нельзя допускать ошибки - во владениях Саэстры это может

быть крайне чревато, - она похлопала Блудницу по руке. – Подумай об этом. Ответ мне нужен к утру.

Погрузившись в горячую воду, Блудница принялась соскребать с кожи грязь. Взгляд вампирши продолжал липнуть к её телу, словно слой штукатурки. В голове её теснились мысли о предложении Изумрудной и кроваво-красных глазах Саэстры Каранок.

Вызов. Блудница с головой погрузилась в воду. Она не станет бояться.

Сердце Блудницы колотилось в горле. Пастух шевельнулся. В уголке его рта виднелась капля исцеляющего зелья. Его глаза распахнулись, и он взглянул на неё.

- Что... - он закашлялся. – Что произошло?

- Ты упал с лестницы, - произнесла Блудница. – Вставай. Посмотрим, сумеешь ли ты удержаться на ногах.

- Дай мне минутку, - он неуклюже сел. – погоди... разве здесь...

- Мы должны убраться отсюда как можно быстрее. Сможешь ехать на лошади?

- Я лягу в повозке, - произнёс он. – Где?..

- Повозка нас замедлит, - она вздёргнула его на ноги. – Проклятье, Пастух, приди же в себя!

Священник неловко покачнулся, но не упал.

- Не ругайся на меня. Откуда ты знаешь... Проклятье! Здесь же была вампирша!

Блудница повернулась к нему.

- Да, и она забрала тело Изумрудной!

Пастух замер.

- Что?

- Она забрала её тело. Мы должны его вернуть.

- Баргастово отродье, - выругался он и, слегка прихрамывая, направился к лошадям. – Ты уверена, что знаешь, куда она направилась? Кто она? И то... существо?

- Вихт, - произнесла Блудница. «Мой вихт», - мысленно добавила она, и её тут же скрутил приступ паники. Её колени подогнулись.

- Полегче! – в последнюю минуту Пастух успел подхватить её. – Сядь. Ох, во имя всех Адов, да ты в ещё худшей форме, чем я.

- Я в порядке, - произнесла Блудница. Её голос дрожал.

- Снова рука? – расстегнув повреждённый нарукавник, Пастух осмотрел рану. – Тебе стоит прекратить использовать её в качестве щита. У меня есть немного мази. Это поможет тебе продержаться до тех пор, пока я не восстановлюсь в достаточной степени для того, чтобы заняться исцелением.

- Она... она и спину мне задела.

Блудница почувствовала, как он ощупывает порезы.

- Прорвала кожу. Проклятье. Одной мазью тут не обойтись.

Блудница едва слышала его. «С некоторых пор меня мало что способно меня испугать», - недавно сказала ему она. «Мы оба знаем, что это неправда», - ответил он. – «Я думаю, ты боишься смерти». Нет, подумала она, это было не так – до того как её

собственный труп не уставился ей в глаза, сжимая горло мёртвой хваткой. Мысленно Блудница всё ещё слышала крики На. Она содрогнулась.

Возможно, это ложь. Возможно, это существо, На – всего лишь фальшивка, абсолютная её копия вплоть до отрубленного пальца. Возможно, всё ещё запутанней, и ей никогда не удастся выяснить, что На из себя представляет.

Опустившись на колени, Пастух открыл банку с мазью. От запаха перца и лимона на глаза Блудницы навернулись слёзы, и в носу у неё зачесалось.

- Пастух, - произнесла она, когда он принялся накладывать лекарство на её руку.

- Кто-нибудь мог... использовать одно из моих погибших тел? Превратить его в нежить?

- Полагаю, да. А теперь расстегни бригантину, и я займусь спиной... - она подчинилась. Прохладная мазь холодила раны. – Конечно, если для этого не требуется привязывать к нему твою душу. Но для этого нужен очень сильный... - он отшатнулся. – Да минует нас Шар! Та... тварь. У неё не было одного пальца.

- Решка очень сильный некромант, - произнесла Блудница, закончив его мысль. Она снова надела броню.

Пастух кивнул. На его лице была написана растерянность, словно он не знал, что сказать.

- Лучше побыстрей выступить в путь, - наконец произнёс он. Какие бы мысли ни крутились в его голове, он предпочел оставить их при себе.

- Решка принадлежит Саэстре Каранок, - произнесла Блудница. В её голосе по-прежнему слышалась дрожь. – Некогда она являлась моей целью. Работой. Мне уже доводилось бывать в Эрлказаре. Саэстра заплатила мне за то, чтобы я нашла Решку, - она закрыла глаза, сопротивляясь снова нахлынувшему на неё ужасу. «Нет», - подумала она. – «Ты не имеешь права поддаваться страху». – Решка вернётся в Ночные Склепы. Один из входов туда находится в полудне езды верхом. Там будет и Саэстра со всеми своими детьми, однако они обычно спят в глубине пещер.

- Как и Решка со своими творениями.

Положив руки на луку седла и кантиль, Блудница сделала несколько глубоких вдохов.

- Сколько у нас времени, - спросила она, - до того, как Решка сможет... сможет обратить Изумрудную?

- У неё ничего не получится, - произнёс Пастух, усаживаясь на своего тяжеловоза. – По крайней мере, до наступления зимы, - выпрямив руку, он щёлкнул пальцами. – Лучший мастер Дома, помнишь? Ни природе, ни некроманту не под силу осквернить тело нашей госпожи.

Блудница почувствовала, что тиски, сжимавшие её сердце, разжались.

- Она в безопасности?

- В нежить её не превратить. Но если Решка настолько умела, как ты говоришь, это не главная из наших проблем. Она может вернуть её.

Блудница покачала головой.

- Изумрудная не откликнется.

- Возможно, у неё не будет выбора. Но, даже если и так, существуют ритуалы, позволяющие разговаривать с трупами.

Блудница издала долгий вздох.

- А ей было известно множество секретов.
- Именно, - Пастух устремил на неё серьёзный взгляд. – Кроме того, ни ты, ни я её там не бросим.

- Нет, - Блудница уселась на свою лошадь. – Нам лучше поторопиться.

Подстегнув коня, Пастух преградил ей дорогу.

- Мне нужно кое-что тебе сказать, - произнёс он.

- Опять насчёт богов? – раздражённо спросила Блудница.

- Нет, но если ты захочешь обсудить это до того, как мы умрём, я..

- Мы не умрём, - насчёт этого она вовсе не была уверена.

- Было бы неплохо...

- Пастух, мне наплевать. Оставь свои проповеди для других, - её лошадь беспокойно затанцевала, и она успокаивающе погладила её по шее. Со дня смерти Изумрудной он заводил этот разговор не менее дюжины раз. Какая ему вообще разница, куда отправится её душа – к Лунным Вратам, на план Фугу или вовсе исчезнет из бытия.

- Я ни к чему тебя не принуждаю. Просто хочу, чтобы ты подумала об этом, - произнёс он. – Ты можешь избрать для себя любого бога. Тебе доводилось бывать на плане Фугу. Ты понимаешь, что тебя ждёт. Почему ты так не хочешь принять решение?

Блудница горько рассмеялась.

- Поверь, я-то себя знаю. Селуне не примет меня, да и ни одно нормальное божество тоже. Зачем же прилагать столько усилий, чтобы в итоге остаться ни с чем? Лучше уж и дальше продолжать убегать от смерти.

Он подъехал к ней.

- Ты не сможешь делать это вечно.

- Какое-то время смогу, - с этими словами она пришпорила коня и направилась на север.

Несмотря на её надежды, быстрая скачка не помогла ей избавиться от терзающего её гнева. Как просто Пастуху рассуждать о том, о чём он понятия не имеет! Да, ей доводилось бывать на плане Фугу. Но она никогда не встречала там ни одной другой души и не видела никаких посланцев богов – если они и прилетали туда, то уж точно не за ней.

Единственное, что она слышала там – это шепот дьяволов. «Иди с нами», - манили они. – «Спасись из их ловушки. Обрети силу». Сладкозвучные голоса – так могли бы звучать воззвания богов, но она знала, что запрошенная ими цена окажется чересчур высока. Интересно, что могла бы потребовать в ответ Селуне?..

Её охватила дрожь. В холодных объятьях На она чуть не умерла окончательно. Она уже чувствовала, как начало темнеть в глазах.

«Пятнадцатый раз может оказаться последним», - сказал ей Пастух. – «Хватит быть такой раздражающе спокойной!».

«Каково это – умереть?», - спросила Изумрудная. Где она сейчас – пребывает на рынке Вокин, наблюдая за ними из Вечного Солнца? Сердце Блудницы потяжелело. Откуда ей-то знать?

Спустя час быстрой скачки она услышала, что лошадь Пастуха замедлилась, перейдя на рысь. Притормозив, она обернулась.

Обмякнув в седле, священник завалился вперёд. Поводья были намотаны на его запястья. Подъехав к нему, Блудница увидела, что силы практически покинули его. Учитывая то, что им пришлось пережить, это было неудивительно.

- Как глупо, - произнесла она, обращаясь в том числе и к себе. Опираясь друг о друга, они доковыляли до обочины дороги, где росла зелёная трава. Когда Пастух навалился на неё всем своим весом, раны на её спине снова открылись, и она поморщилась. Им обоим требовался отдых.

Дав ему последнее из своих исцеляющих зелий, она закутала его в одеяло. Сняв бригантину, она свернула её в рулон и подложила его под грудь, чтобы не тревожить сломанное ребро. Перевернувшись на живот, она растянулась на земле. Приятный ветерок раздувал её рубаху. Блудница закрыла глаза, но из-за переполнявшей её нервной энергии смогла погрузиться лишь в неглубокую дрему.

Уже засыпая, она осознала, что Пастух так и не сказал ей, о чём хотел поговорить.

Жизнь научила Блудницу не поддаваться страху. Страх мог замедлить тебя и помешать сделать то, что должно. Если бы она уступила ему хоть раз, то ещё до встречи с Изумрудной уже давно была бы мертва. Она всегда убеждала себя не думать о том, что стоит между ней и следующим днём жизни.

Небольшая пещера, которую Решка избрала в качестве своего убежища, располагалась в отдалении от основного комплекса подземных лабиринтов Ночного Склепа, где обитали остальные члены Баронства. Она находилась близко к выходу, чтобы необычные запахи и облака миазмов, зачастую являющиеся побочным эффектом некромантических экспериментов, рассеивались снаружи, не причиняя вреда. На протяжении нескольких десятков дней Блудница занималась тем, что задавала правильные вопросы правильным людям, и наконец окончательно убедилась в том, что именно Решка стоит во главе заговорщиков.

Постучав по деревянной раздвижной двери, она вошла внутрь. Женщина со светлыми, почти белыми волосами склонилась над своим рабочим столом, на котором лежал мёртвый гоблин. Его кожа была взрезана и приколочена к столешнице, обнажая посеревшие мышцы. В воздухе витал аромат крепкого алкоголя. Решка подняла голову.

- Доброе утро, - произнесла она. – Ты здесь по делу или просто заглянула поболтать?

-И то, и то.

- Прости за обычный бардак, - накинув на тело гоблина простыню, волшебница направилась к небольшому столику, возле которого стояли два стула. – Заходи. Выпьем чаю?

Закрыв дверь, Блудница села на стул. Глядя, как Решка разливает чай по глиняным чашкам, она не могла выкинуть из головы мысли о том, что некромантка не заслуживает такой судьбы. По правде говоря, когда она убедилась, что её целью

является именно эта страстно увлечённая своим искусством волшебница, то была сильно удивлена. Удивлена и разочарована. Решка ей нравилась.

Но ей заплатили.

- Я знаю, что за этим стоишь ты, - произнесла Блудница.

Изогнув бровь, Решка изобразила на лице вежливую улыбку.

- Ты о чём?

- Не играй со мной, - предупредила Блудница. – Ты и есть та предательница, которую ищет Саэстра.

Взгляд Решки стал жёстким.

- Не стоит делать преждевременных выводов.

Нарочито расслабившись, Блудница откинулась на спинку стула.

- Возможно. Полагаю, стоит предоставить право судить об этом самой Саэстре. Она предлагает немало денег за сведения о личности предателя.

- Решила назвать ей моё имя? – Решка хихикнула. – Саэстра достаточно умна, чтобы не уничтожать своих верных соратников по наводке решившегося выслужиться новичка.

- Меня она послушает, - из кармана безрукавки Блудница достала листок, на котором было написано множество угроз и пропагандистских воззваний. – Ты хорошо зачаровала его, полностью защитив от заклинаний прорицания. Они испробовали множество способов, чтобы выяснить твою личность. Потратили так много усилий, - она вытащила ещё один лист, список компонентов для заклинаний, написанный тем же аккуратным почерком. – Однако то, что было на самом виду, от них ускользнуло.

- Ты понятия не имеешь, во что ввязываешься, - после недолгой паузы произнесла Решка. – Некоторые из нас считают, что служат ей по своей воле, однако это не так. Если кто-то вдруг принимает решение уйти, Саэстра тут же превращает его в одного из своих слуг.

- Тогда в твоих же интересах предложить мне что-то большее, чем восемь сотен драконов, которые обещает она, - холодно произнесла Блудница.

- Ты глупа, - произнесла Решка. – Дни Саэстры сочтены. Если я и куплю твою верность, то лишь на месяц, не более.

- Тогда плати.

Некоторое время Решка в молчании разглядывала её. Наконец она встала и подошла к сундуку, находящемуся в дальнем конце комнаты.

- У меня были на тебя планы, - наконец произнесла она. – Незаурядный ум и твёрдый характер, в отличие от остальных жадных лизоблюдов Саэстры. Под моим руководством ты могла занять в нашей организации подобающее тебе место. Мы могли стать подругами.

Решка вернулась, держа в руке мешочек, полный монет, и протянула его Блуднице. Та сделала вид, что пересчитывает их, хоть и знала, что Решка уже сжимала нож.

Блудница подняла взгляд на некромантку.

- Мне жаль, что так получилось, - произнесла она. – Если ты уйдёшь прямо сейчас, никто ничего не узнает.

- Верно, никто ничего не узнает, - произнесла Решка, обнажая клинок.

Блудница очнулась ото сна. От резкого движения её раны вновь вспыхнули болью. Всё её тело ныло, а рёбра были словно охвачены огнём. Она осторожно села.

Пастух уже был на ногах. Возле разведённого им небольшого костерка лежало несколько обжаренных кусков хлеба. Взяв пару, она положила на них сушеное мясо из своей сумки. В молчании они поспешно поели.

- Извини, - произнёс Пастух, забрасывая кострище землёй, - за то, что... обсуждал с тобой твоё посмертие.

- Всё нормально – резко бросила Блудница.

- Нет. Я... - он вздохнул. – Лишь тебе принимать это решение.

- Всё нормально – смягчившись, повторила Блудница. – Это твоя работа. Тут уж ничего не поделаешь.

Он отстраненно кивнул.

- Есть кое-что ещё. То, о чём я должен был сказать тебе.

- Что на этот раз?

- Блудница, - произнёс Пастух. - У меня есть дочь.

Блудница ошеломлённо уставилась на него.

Если бы они являлись обычными людьми, это признание имело бы не больше значения, чем клубящаяся в воздухе пыль. Однако Блудница была воскрешающимся агентом, а Пастух – до того, как произнёс эти слова – лишь ещё одним из шпионов Изумрудной. Загадкой, а не живым человеком.

«У меня есть дочь». Эти слова давали Пастуху прошлое, имя, близких. Произнеся их, он целиком и полностью отдал себя в руки Блудницы.

- Ты же знаешь правило, - сказала она, словно было ещё не поздно вернуть всё назад. – Никаких ненужных связей.

- Я нарушил его, - произнёс Пастух.

- Жизнь девочки в опасности.

- Да, - он промедлил. – Изумрудной всё было известно.

- Проклятье.

Дочь Пастуха могла стать ключом к раскрытию всей шпионской сети Изумрудной. Она могла вывести на Пастуха, который, в свою очередь, знал дюжины агентов, в число которых входила и сама Блудница, их контакты и покровителей. Ценная фигура.

Их взгляды встретились.

- Когда окажемся внутри, даже не проси меня сбежать и бросить тебя, хорошо? – произнёс он. – Пусть Изумрудная и не поручала мне оперативную работу, я вовсе не трус.

- Нет, - ответила она. – Ты, возможно, храбрейший человек из всех, кого я знаю.

В Ночной Склеп вело около полудюжины входов. Один из них находился у подножия утёса, расположенного на границе с баронством Ахларкам. Из уходящего под землю глубокого узкого тоннеля доносились странные ароматы и вонь тухлых яиц – свидетельства проводимых Решкой экспериментов.

В последний раз, когда Блудница стояла на этом месте, до момента её смерти оставалось всего три дня. Она задалась вопросом, улыбнётся ли ей удача на этот раз.

Заходящее солнце озаряло широкое озеро Шалане, чьи воды имели зеленовато-жёлтый оттенок. Закат наступит менее чем через час, и Селуне уже взошла над темнеющим восточным горизонтом. Внутри пещеры царила полная тьма.

- Мы на месте? – спокойным голосом спросил Пастух.

- Да. Надо поторопиться, - произнесла она. – Лучше держись одной рукой за стену. Там скользко.

Ни один из них не двинулся с места. Там, в глубине, их ждали худшие кошмары Блудницы. Смерть. Нежить. Вечные пытки Решки.

- Как зовут твою дочь?

Из устья пещеры повеяло ветерком, в котором звучал сладкоречивый шепот демона.

- Мира, - ответил пастух. – Её мать дала ей это имя.

- Красивое, - Блудница устремила на него долгий взгляд. Детство её прошло на улицах Анкапура, где некому было о ней позаботиться, и внезапно она поймала себя на мысли, что жалеет о том, что не является дочерью Пастуха или кого-то вроде него. Тогда она вряд ли стала бы той, кем была сейчас, и не рисковала бы погибнуть от руки Решки или Саэстры.

- Инанна, - произнесла она. – Можешь звать меня Инанна.

- Инанна, - мягко повторил Пастух и отвёл взгляд. – Моё имя Тарн. Приятно наконец познакомиться с тобой, - он глотнул. – Я рад, что знал тебя.

- Заканчивай с этим, - произнесла она, хотя глаза её невольно наполнились слезами. – У нас есть работа. Я буду сдерживать Решку, а ты заберёшь тело Изумрудной.

- А если у меня не получится?

- Тогда нам придётся уничтожить их обеих, - просто сказала она. – И на этот раз не проси, чтобы я убралась с твоего пути.

Он кивнул, будучи по-прежнему не в силах взглянуть ей в глаза.

- Ладно. Я исполню твою просьбу. Но и ты сделай мне одно одолжение, хорошо?

- Какое?

- Возьми с собой это благословение, - обеими руками он обхватил висящий у него на шее серебряный диск. Сапфировые глаза богини поблескивали в лунном свете. – Тебе не придётся... то есть... - он провёл пальцем по амулету. – Знаю, ты этого не хочешь, но прими её покровительство.

- Как же так? Ты не сможешь защищаться...

Пастух положил руку ей на грудь. По краям ладони плясали язычки серебряного пламени.

- Ты защитишь меня.

Их взгляды встретились. С невольной грустью Блудница подумала: «Как жаль, что на протяжении всех этих лет мы по-настоящему не знали друг друга».

- Сделай это.

Милость Селуне омыла её кожу, и по нервам пробежала дрожь. Её дыхание перехватило. Она не могла отвести взгляда от игры закатного света на лице Пастуха.

Ей показалось, что её череп раскрылся, словно бутон лилии, и в её голову хлынуло сияние Селуне.

Внезапно к ней снова вернулась способность дышать. Она опять стала той полной надежд и отчаяния худенькой девочкой, которой была много лет назад. Она была женщиной, выросшей и окрепшей. Она была старухой. Она не имела возраста. Она была мертва. Она была Изумрудной, Саэстрой и даже Пастухом.

На миг Блудница вместила в себя весь мир, и он окрасился серебром.

«Всё, что под луной», - произнёс голос, нежный и завораживающий. – «Всё, что скрывается в тени, но ищет свет во тьме». Дрожь превратилась в гул, и сердце Блудницы пронзила боль - сладкая, словно голос богов, и холодная, словно шепот демона.

Это ощущение исчезло столь же стремительно, как и появилось. Её охватило спокойствие. Она по-прежнему чувствовала луну, Пастуха и шуршание тех, кто ожидал её в глубинах пещер. Даже не заглядывая туда, она была абсолютно уверена, что сможет сосчитать количество тех, кто там скрывается.

- Пошли, - прошептала Блудница, пытаясь выкинуть из головы необычный чарующий голос.

С того дня, когда она в последний раз шла этой дорогой, та пришла в изрядное запустение. Пол, по которому струился небольшой ручеек, был усыпан обломками камней. Подпиравшие потолок столбы, настолько широкие, что Блудница не смогла бы обхватить их обеими руками, частично обрушились, и повсюду валялись их искореженные остатки. Чтобы продолжить путь, ей пришлось протиснуться сквозь трещину в упавшей колонне. Исходящее от солнечного жезла сияние отбрасывало на стены остроконечные дрожащие тени.

За её спиной Пастух взял цепь наизготовку.

Уходящий вниз тоннель вывел их в широкую пещеру, где было полно сталактитов и сталагмитов. За ней находился лабиринт главных покоев Ночного Склепа, в которых отдыхала Саэстра Каранок и её бандиты.

С противоположной стороны виднелся вход в ещё одну пещеру с куполообразным потолком. Оттуда доносился запах крови, растений, странных химикатов и сажи. Через дверной проём было видно тело Изумрудной, которое лежало на плите, освещённое дрожащим светом лампы.

Возле него стояла Решка, наблюдая за ними.

- Я думала, что вы так и не придёте, - произнесла она. – Твоя подруга менее... сговорчива, чем была На. Здесь я должна отдать вам должное.

- Ты хочешь отомстить, - произнесла Блудница, входя в комнату. – Позволь священнику забрать тело Изумрудной, и решим этот вопрос между собой.

- Но я не хочу убивать тебя, Инанна! - Решка с такой злостью выговорила её имя, что Блудница вздрогнула. – Я хочу заставить тебя страдать. А как это сделать лучше всего? Заставить страдать твоих друзей!

С её губ сорвался резкий свист, и из теней появилось около дюжины вампирских отродий. Не дав шпионам времени на подготовку, её слуги, растопылив когти, бросились вперед. В голодных глазах отражались тени их проклятых душ.

Лунный свет продолжал струиться по телу Блудницы, холодя кровь. Её рефлексy обострились. Она встала перед Пастухом. Защитить его. Защитить секреты Изумрудной – в последний раз.

Цепь Пастуха пронеслась по воздуху, словно вспышка молнии, уничтожив вампира, который пытался обойти её сзади. Её клинок мелькал в воздухе, рассекая плоть, и с каждым ударом тела валились на землю. Каждое её движение, каждый взмах меча оказывались именно такими, какими она их задумывала. Когти её противников пытались разорвать её кожу, их мечи стремились пронзить её доспехи, но она была быстрее и сильнее. Клинком отбросив одного из врагов в сторону, она увернулась от удара второго и атаковала третьего. Её тело словно ей не принадлежало.

И всё же к тому моменту, как все они оказались мертвы, её броня сбоку оказалась пробита, а по лицу струилась кровь. Решка достала из-за пояса жезл.

- От них всё равно не было никакого толку.

- Это ничего не изменит, - произнесла Блудница.

- Ошибаешься. Ты станешь моей, а я буду отомщена, - с наконечника жезла сорвался заряд магической энергии, едва не задев ухо Блудницы. Он врезался в находящуюся позади неё колонну. Раздался взрыв. Обломки камней полетели в разные стороны, и Решка вскинулась.

Не опуская клинок, Блудница направилась к ней.

- Не надо, - произнесла она. – Я не хотела твоей смерти тогда, не хочу и сейчас. Отдай тело.

В её сторону понеслось ещё одно заклинание, чёрное, словно деготь. Задев край её брони, оно также ударило в полуразрушенную колонну. Воздух наполнился вонью палёной кожи.

- На! – крикнула Решка.

Освобождённый от связывающих его уз, вихрь выпрыгнул из тьмы. Его чёрные глаза пылали. Блудница развернулась к своему двойнику, но не успела. На впечатала её в поврежденную колонну, и на них обрушился град камней.

- Ты заплатишь за то, что забрала мою душу, - прошипела На, обдавая лицо Блудницы жаром своего дыхания. – Заплатишь за то, что бросила меня здесь! Я верну её!

Блудница изо всех сил ударила её коленом, и На упала.

- Я ничего не брала, - игнорируя слабость в раненой руке, она нанесла удар. Клинок начисто отрубил вихрю руку, рассекая иссохшие мышцы, и На взвыла. Перехватив меч, Блудница вонзила его под её ребра. Её желудок перевернулся. – Решка убила нас, - выдохнула она. – Решка создала тебя! Это её вина, и она никак не сможет её искупить. Она не в силах забрать у меня мою душу.

Позади вихря вспыхнуло серебряное свечение, окутав их обоих. На содрогнулась, а Блудница на миг ощутила, как по её кровеносным сосудам снова хлынул свет Селуне. Она глубже протолкнула клинок в грудь На.

Вопль вихта обрушился на неё, словно буря. От этого звука каждая рана в теле Блудницы снова открылась. Кровь выплеснулась в промозглый воздух, а её сердце возрыдало, оплакивая свою смерть от своих же рук.

- Думаешь, ты победила? – произнесла Решка. – На то, чтобы её возродить, уйдёт всего несколько дней.

Блудница повернулась к ней. Вампирша была покрыта кровью и синяками – следами от ударов благословенной цепи Пастуха. Блудница отошла от останков На, и Решка устремила взгляд на свою немезиду.

- Ты и пальцем её не тронешь, - произнесла шпионка. В её голосе слышались отголоски гнева На. – Только посмей к ней приблизиться, и я покончу с тобой, как давно следовало сделать твоей госпоже. Отдай мне тело Изумрудной.

Из ведущего в глубины Ночного Склепа прохода слышался шум многочисленных бегущих ног.

«Проклятье!» - мысленно выругалась Блудница. Она бросила взгляд на Пастуха. Тот отрицательно покачал головой. Обстоятельства изменились – теперь ему вряд ли удастся вынести тело Изумрудной наружу, а они не могли полагаться на удачу. Голова Блудницы кружилась от потери крови, но она резко кивнула. Если нет шансов, нужно навсегда похоронить бывшую главу шпионов здесь.

Похоронить их обеих.

Тьму пещеры озарило пламя факелов, и из дверей появилась группа бандитов.

- Ни шагу дальше! – прошипела Решка. – Эта – моя!

- Делайте, как вам велено, - произнёс новый голос, сладкозвучный и опасный. – Пока что.

Решка застыла.

Из тьмы выступила Саэстра Каранок. Она была столь же холодна, юна и прекрасна, как и в тот день, когда Блудница впервые увидела её. Взор её алых глаз устремился на убитых отродий, На, Блудницу, Решку, разбитую колонну, Пастуха, и тело Изумрудной, которое по-прежнему лежало на плите.

- Разве я давала тебе разрешение охотиться на моих союзников? – спросила Саэстра.

Решка съежилась под взглядом своей баронессы.

- Ваш договор с главой шпионов был расторгнут после её смерти.

- Он будет расторгнут тогда, когда я этого пожелаю, - произнесла Саэстра. – Разве мне к лицу вести себя, словно обычному вору? Я придерживаюсь своих обещаний вплоть до последней буквы.

- Но не духа, - произнесла Блудница.

Саэстра повернулась к ней.

- Тебя это тоже касается. Когда ты присоединилась к нам, тебе сказали, что, если ты от нас сбежишь, мы тебя выследим и позаботимся о том, чтобы ты никогда больше не смогла нас покинуть.

- Пастух! – воскликнула Блудница.

- Итак, для твоего же блага, - Саэстра сделала шаг вперёд, - я надеюсь, что ты пришла, чтобы остаться.

Сотворённое Пастухом заклинание врезалось в потолок пещеры. Раздался оглушающий взрыв. Когда первые камни начали падать вниз, холодный взор

Саэстры устремился в сторону священника. Блудница не двигалась с места, по-прежнему преграждая врагам путь к телу Изумрудной. Бандиты бросились ко входу в нижние пещеры Ночного Склепа.

Решка устремилась за ними, однако у дверей задержалась, глядя на то, как обвал погребает под собой её дом, её врагов и её единственный путь к спасению. Встретив её взгляд, Блудница ощутила тот же ужас, который охватил её при их повторной встрече. Серебряное пламя не пришло ей на помощь.

Затем потолок обрушился.

Блудница очнулась. Она понятия не имела, сколько прошло времени. Грохот обвала стих, и в пещере воцарилась тишина. Труп её бывшей начальницы был глубоко погребен под грудой валунов. Тело Блудницы было охвачено болью, ниже пояса она ничего не чувствовала. Тёплая кровь струилась по камням.

Её голову взъерошила чья-то ладонь.

- Пастух? – прошептала она. – Тарн?

Нет – рука была холодной, как лёд. Рядом с ней сидела Саэстра Каранок, перебирая пряди её волос.

- Твоего друга тут уже нет, - произнесла она. – А ты умираешь. Я могу всё исправить.

- Не надо, - выдохнула Блудница.

- Ты осталась одна. В этот раз никто не придёт тебе на помощь. Склонись предо мной...

Из последних сил Блудница схватила Саэстру за запястье.

- Не... смей...

Саэстра отшатнулась, изогнув бровь, похожую на туго натянутый лук.

- Ты действительно хочешь этого, агент?

- Я хочу... - голос Блудницы сорвался. Она чувствовала, как кровь толчками выплескивается из ран на спине. Сглотнув ком в горле, она продолжила. – Позволь ему... уйти.

- Твоему соратнику? – Саэстра устремила взгляд во мрак.

- Да... священнику.

По губам вампириши скользнула слабая улыбка.

- С чего бы?

- Он... для тебя бесполезен.

- Он вызвал этот обвал, повредил мой дом, - произнесла Саэстра. – Какая разница, полезен - бесполезен. Я хочу этого. Жажду.

- Остановил... Решку...

При звуках этого имени по безупречному лицу Саэстры пробежало облачко недовольства.

- Вот в чём дело. И глава шпионов тоже здесь, следовательно, мои секреты в безопасности. И ты. Полагаю, бесполезно убеждать тебя остаться, раз уж ты так стремишься отправиться к своей богине.

Блудница рассмеялась, и рот её наполнился кровью.

- Я... не верю в богов.

- Ты? Ты настолько переполнена силой лунной богини, что у тебя глаза светятся, - со вздохом Сазстра пригладила волосы Блудницы. – Отдыхай. Я останусь с тобой до самого конца, агент.

Блудница позволила себе расслабиться. Её веки сомкнулись. Дыхание стало слабеть.

Когда она снова распахнула глаза, вокруг неё простиралась полная клубящегося белого тумана равнина, на поверхности которой играл лунный свет.

БЛУЖДАЮЩИЕ КАМНИ

Брюс Р. Корделл

5 элзиаса, год Неумирающего (1479 ЛД)

Горло Джады пересохло от пыли, поднятой подошвами её ботинок. Впереди виднелся горный проход, который выглядел иссушенным, словно груды старых костей. Желтый оттенок небес придавал ландшафту болезненный вид.

Прислонив копье к неровной поверхности нависшей над головой скалы, она потянулась к болтающемуся за спиной бурдюку. Вытащив пробку, она жадно припала к противной на вкус жидкости. Больше запасов воды у неё не было. Хотя здесь уже начинались южные окрестности Скелкора, если в скором времени поблизости не обнаружится какой-нибудь ручей, она рискует умереть от обезвоживания.

«Самая настоящая гонка», - подумала Джада. Что же прикончит её первым – жажда или преследующий её мстительный дракон?

В любом случае исход будет один – она умрет.

Если только не успеет добраться до Блуждающих Камней. Если верить указаниям в журнале, это место было совсем рядом, однако пока что ей не удалось отыскать даже первый из указанных ориентиров...

По земле скользнула тень. Оцарапав руку и сильно ударившись головой, Джада вжалась в трещину между скалами. Перед её глазами заплясали звезды, а сердце бешено заколотилось. Может, это облако на миг скрыло солнце?..

Подождав ещё несколько мгновений, она с трудом развернулась в узкой расщелине и осмелилась выглянуть наружу.

На небе не было ни облачка. Единственное, что нарушало его скучное серебристое совершенство - это распахнутые крылья парящего дракона. Дракона, чей силуэт был Джаде слишком хорошо знаком.

Она знала, что он её не заметил, ведь в ином случае она уже была бы мертва. Удача улыбнулась ей – в очередной раз. Жаль, что её не хватило на то, чтобы избежать попадания в подобную ситуацию.

Она следила за тем, как дракон лениво парит в вышине. Его силуэт становился всё меньше и меньше и наконец исчез из виду за горным хребтом.

Не сводя взгляда с небес, Джада покинула свое укрытие. Опустевший бурдюк она решила оставить в расщелине, но копье забрала с собой – оно ещё могло пригодиться. По крайней мере, его наличие придавало ей уверенности.

Дракон действовал методично. Он понятия не имел, где именно находится Джада, но знал примерное направление её движения. Когда он скрывался за горизонтом, она вновь выступала в путь.

Только Шандер был виноват в том, что она очутилась в таком положении. Будь проклят этот болван за то, что посмел помереть, взвалив на неё груз своих проблем!

- Эгоистичный ублюдок, - пробормотала Джада хриплым от напряжения голосом и начала подниматься вверх по крутому склону.

Ах, если бы тогда, когда латунный сундук перешел в её собственность, она решила последовать своему первому побуждению! Ранее эта старая вещь принадлежала Шандеру Харимдору, её отцу, о котором она ничуть не скорбела. К грязной крышке был прикреплен документ с её именем. Сундук и ключ оказались единственным наследством, которое он оставил своей поздней дочери. Ни сбережений, ни имущества, лишь этот древний ящик.

Нужно было сразу же продать его кому-то из братьев и сестер – их-то он в своём завещании не обделил! Но, когда они узнали о том, что ей вообще хоть что-то достанется, в их глазах вспыхнула жадность. Двое из них тут же предложили ей золото в обмен на «последнее воспоминание об отце».

Хоть она и нуждалась в деньгах, но была слишком горда, чтобы согласиться. Память о Шандере была не при чём – ей доставило удовольствие то, как сильно они разозлились, услышав отказ. Хотя формально он и являлся её отцом, всё своё время Шандер уделял своему бизнесу и редко обращал на Джаду внимание. Для неё он был больше мифом, нежели живым человеком. В отличие от своих старших братьев и сестер, она воспитывалась няньками и слугами, которые заботились о ней лишь из-за денег, а не любви.

В сундуке оказалось немало разных вещей, в основном не представлявших собой никакой ценности. Её внимание привлёк лишь потрепанный журнал, на обложке которого изысканным золотым шрифтом было выведено: «Кланы Наследников Драконов».

О Наследниках Драконов в Землях Мечей ходило множество слухов. В песнях и фантастических историях говорилось о «потерянном Наследнике», который в один прекрасный день должен явиться из ниоткуда и положить конец всем творимым драконами бесчинствам, в процессе, разумеется, эффектно прикончив парочку-другую тварей.

Как предполагаемые преемники силы, полученной древними Владыками Драконов, нынешние Наследники могли контролировать этих существ при помощи взгляда, голоса и прикосновений. По крайней мере, так гласили легенды.

Никто не знал, правда ли то, что Изначальные держали Владык Драконов при своём дворе. Зачем Титанам Рассвета была нужна горстка смертных, которые обладали полной властью над их темпераментными ездовыми животными?

Джада прочла журнал от корки до корки. Судя по всему, её отец являлся страстным поклонником Владык Драконов и рассказов об их Наследниках. В книге имелось полное описание истории и генеалогии линий кланов Хорндрагон, Аркельд, Релгальд и Марисерпент.

Согласно этим заметкам, кланы Аркельд и Релгальд существовали и поныне, но среди них уже не было тех, в ком текла кровь Наследников. Хорндрагон и Марисерпент же вымерли давным-давно... вот только в журнале Шандера утверждалось, что это было не так.

Одному ребёнку из рода Марисерпент всё же удалось пережить чистку клана.

Этого ребёнка звали Джада, Джада Марисерпент. Шандер забрал девочку, которой на тот момент не исполнилось и года, из приюта в Уларке, и воспитал её, как свою дочь. В Уларк же она попала с севера, из места, известного под названием Блуждающие Камни.

Когда она впервые прочла этот журнал, то ощутила головокружение, словно от бокала красного вина. При воспоминании о том, как поначалу шокировали её описанные в нём вещи, Джада хихикнула. Из-за пересохшей глотки смех превратился в кашель.

Она не верила в это. Не хотела верить.

Согласиться с тем, что это правда – значит признать, что вся её жизнь была лишь следствием лжи Шандера. Все её победы и поражения не имели абсолютно никакого значения.

Её метания длились десять дней, но в конце-концов ей пришлось признать, что написанное в книге может являться правдой. Вся её жизнь оказалась фальшивкой. А Джада уже устала жить во лжи.

Поддавшись уговорам своевольного эго и отбросив здравый смысл в сторону, она дала себе клятву докопаться до истины, какой бы она ни была. Она вернет то, что Шандер у неё украл!

Джада встряхнула головой. Сколько же раз она вспоминала о событии, которое привело к её нынешнему незавидному положению? Сто? Тысячу? Такие мысли могли привести лишь к окончательному падению в бездну отчаянья.

«Хватит сожалений! Никакой от них пользы, только живот крутит». Итак, её последняя надежда, какой бы призрачной она ни была – добраться до Блуждающих Камней. Она надеялась, что там ей наконец удастся избавиться от своего преследователя и узнать больше о своей матери.

Джада постаралась выбросить из головы мрачные мысли, представив, что они взлетают в воздух, словно стая встревоженных ворон. Зажмурившись, она сделала глубокий вдох.

Открыв глаза, она увидела, что на вершине горного хребта виднеется булыжник цвета морской волны. Джада сморгнула. Если верить журналу Шандера, это был

один из трёх ориентиров, необходимых для того, чтобы найти тайный город, где обитали рабы, которым удалось сбежать от Драконьей Императрицы в Скелкоре, и их потомки. Город, носивший название Блуждающие Камни.

Когда заходящее солнце краем коснулось горизонта, Джада наконец увидела поселение, которое находилось в узкой долине между двумя горными склонами. Если бы не указания в журнале, отыскать его было бы абсолютно невозможно.

Его здания практически терялись на фоне усыпанных огромными булыжниками пологих склонов. В расположении этих валунов не просматривалось никакого видимого порядка, однако создавалось впечатление, что давным-давно некий великан пытался возвести здесь огромный лабиринт.

На их фоне город смотрелся довольно убого. Это был скорее посёлок, маленькие одноэтажные дома в котором представляли собой однотипные круглые строения из камня и дерева с соломенными крышами. Из некоторых дымоходов тянулись тонкие струйки дыма, однако Джада не заметила никаких признаков движения. В вечернем воздухе витал аромат жареного мяса и овощей.

Когда её взгляд упал на горный ручей, который разделял городок на две части, мысли об ужине моментально вылетели у неё из головы. Первым делом она вволю напьётся! Она начала спускаться вниз. В небесах багровел закат.

Когда Джада добралась до границы городка, из-за ближайшего дома выступили двое. Одна из них являлась человеческой женщиной, одетой в яркую бирюзовую мантию. В руках она держала натянутый лук. Наконечник стрелы был направлен на Джаду, однозначно давая понять, что приближаться не стоит. Второй же оказался драконорожденным мужчиной, чешуя которого имела тот же оттенок, что и одеяния лучницы. Он опирался на посох с навершием в виде куска необработанного кварца, с которого свисали пёрышки и амулеты. Ни один из них не произнёс ни слова.

Прочистив горло, Джада заговорила.

- Я много дней брожу по горам, пытаюсь вас отыскать! Можно мне войти?

- Кто ты? – спросил драконорождённый.

- Меня зовут Джада. Мне нужно убежище.

Не опуская лук, женщина кивнула.

- Ты пришла с юга, - отметил драконорождённый, - однако не похожа на ту, кто недавно избавился от ошейника, да и камни сегодня не предупреждали меня о прибытии очередного ищущего приют раба.

- Твои «камни» не солгали. Я пришла из Земель Меча, где все люди свободны.

- Тогда зачем ты сюда явилась?

- Меня преследует коричневый дракон, - произнесла Джада, взмахом копья указывая туда, откуда она пришла.

Несколько долгих мгновений драконорожденный продолжал сверлить её взглядом.

- Ответь на один вопрос, - наконец произнёс он. – Если я сочту, что ты не лжешь, то позволю тебе войти. Если моё решение окажется иным, весь город выступит против тебя.

Собрав всё своё мужество, Джада кивнула. Она отчаянно надеялась на то, что мужчина с окрашенной в необычный цвет чешуёй не спросит её о том, что могут знать лишь сбежавшие рабы.

- Являешься ли ты шпионом, посланным Драконьей Императрицей, её слугами или союзниками?

Он устремил на неё немигающий взгляд, столь пронзительный, что создавалось впечатление, будто тот мог проникнуть сквозь её плоть и узреть саму душу. Возможно, так оно и было – судя по облику, он вполне мог являться племенным шаманом.

Что за нелепый вопрос!

- Разумеется, нет. Я же пытаюсь сбежать от дракона, который хочет меня убить! Итак, впустите ли вы меня или позволите умереть от жажды прямо здесь?

Драконорожденный посмотрел на лучницу, и та пожала плечами. Повернувшись к Джаде, он произнёс:

- Ты говоришь правду. Но не всю. Я чувствую, что кое-что ты предпочла утаить...

Джада прикусила язык. Молчание – золото.

Драконорожденный взмахнул посохом.

- Хорошо. Тебе даровано право входа в Блуждающие Камни. Можешь утолить жажду.

Петляя между домами, она устремилась к ручью. Ещё несколько человек вышли наружу, но всё её внимание было приковано лишь к журчащей воде.

На пологом берегу она рухнула на колени и, сложив ладони чашей, погрузила их в ручей. Руки её до самых предплечий обожгло холодом. Поднеся воду к губам, она жадно прильнула к ней. На вкус она показалась ей слаще ледяного медового вина.

Напившись, Джада поднялась на ноги. Неподалеку стояло около двух дюжин человек, которые пристально наблюдали за ней. Свет, струящийся через открытые двери их домов, прорезал в темнеющем воздухе яркие полосы. Горожане носили удобные домотканые одеяния, которые были окрашены в бирюзовый цвет.

Среди них был и драконорождённый. Поклонившись, он произнёс:

- Я – говорящий с камнями из Блуждающих Камней. Моё имя – Олотон. Приветствую, - он выжидающе уставился на неё.

- Меня зовут Джада. Благодарю за то, что позволили мне войти.

Внезапно все горожане резко подались вперед, и она невольно подпрыгнула, с трудом удержавшись от того, чтобы рефлекторно не ткнуть ближайшего из них копьём.

Жители поселка начали петь приветственную песнь.

В ней было всего несколько строф, в которых говорилось об облегчении тяжкого груза и свободе духа. Если бы Джада и правда недавно сбежала из рабства, эти слова наверняка произвели бы на неё глубокое впечатление. Когда представление было окончено, она поклонилась.

Несколько горожан опасливо оглянулись на усеянные валунами склоны. По одному и парами жители постепенно принялись расходиться по домам, крепко запирая за собой двери.

Джада также устремила взгляд на темнеющий склон, пытаясь понять, что же именно напугало горожан. Возможно, по ночам между камней рыскают опасные хищники?..

- Не хочешь ли поесть?

Развернувшись, Джада увидела женщину, которая, опустив лук, стояла в нескольких шагах поодаль, и кивнула.

- Тогда следуй за мной к дому стражи. Мы с Олотоном как раз готовились сесть за стол.

- Спасибо...

- Меня зовут Фарин.

- Спасибо, Фарин. Вы меня просто спасли.

- Нам бы очень хотелось узнать причину, по которой тебя преследует дракон.

- Конечно.

Джада проглотила ещё одну ложку вкусного тушеного мяса, чувствуя, как оно проваливается в желудок. Тепло разлилось по её телу. Олотон и Фарин сидели рядом с ней за небольшим, но высоким столиком, находящимся возле длинного горизонтального окна в стене. Сквозь это окно было прекрасно видно заваленный булыжниками склон, через который она перешла, чтобы попасть сюда. Умелому лучнику не составит труда поразить отсюда любую цель.

- Итак, - начала Фарин.

- Почему же, - спросила Джада, - эти камни внушают всем такой страх? Там обитает нечто опасное?

Олотон хихикнул.

- Нет, кроме самих камней, там ничего нет. Дело в том, что они каждую ночь меняют своё местоположение, а образуемый ими рисунок становится иным. Поэтому люди и опасаются, что какой-нибудь булыжник может случайно их раздавить.

- И нельзя забывать о призраках, - добавила Фарин.

- Что? Там водится нежить? – переспросила Джада.

- Нет, нет, по крайней мере, ничего опасного, - Олотон успокаивающе взмахнул рукой. – Только безобидные духи, которые под открытым небом бродят по пролегающим между камней тропам. Большинство горожан не понимают их и боятся. Каждый раз, когда валуны смещаются, изменяются и дороги. Там призраков больше всего.

- Это духи тех людей, кого вы знали... при жизни?

Фарин опустила взгляд.

- Лишь некоторые. По большей части они прибывают издалека. Создается впечатление, что движущиеся камни чем-то притягивают беспокойные души. У нас

считается, что здесь, в постоянно меняющемся каменном лабиринте, эти несчастные наконец могут обрести путь к долгожданному покою.

Несмотря на то, что Джада практически ничего не поняла, она кивнула.

- Я узнала... что моя мать была родом из Блуждающих Камней – места, куда драконы проникнуть не могут. Но она умерла, когда я была ребенком... Меня увезли на юг. Я выросла в Землях Мечей.

- Как же звали твою мать?

- Элизал. Элизал Барнат. Однако при рождении она носила имя Элизал Марисерпент.

Фарин покачала головой.

- Я живу в Блуждающих Камнях почти десять лет, но мне ни разу не доводилось слышать этого имени.

Глаза драконорожденного расширились. В его взгляде читалось удивление и неверие.

- Я помню Элизал. Она пришла сюда две дюжины лет назад, едва живая и беременная.

- Едва живая? – переспросила Джада. Она знала, что мать её умерла давным-давно, но горло её всё равно сдавило.

Олотон кивнул.

- Элизал была рабыней. Во время побега её тяжело ранили. Она прожила всего несколько дней после того, как дитя появилось на свет. Она не хотела, чтобы её дочь росла в тени Селкора, и попросила отправить её на юг. Она сказала, что эта девочка – последняя из рода Марисерпент.

Фарин разинула рот.

- Род Марисерпент...

- В их венах течет кровь Наследников Драконов, - перебил её драконорожденный. - Ты и есть та девочка? – он указал на Джаду наконечником посоха.

Джада вскинула подбородок.

- Верно.

Он откинулся на спинку стула.

- Просто поразительно!

- Я надеялась, что в Блуждающих Камнях живут другие Наследники Драконов, хотя Шандер и утверждал, что я – последняя, - произнесла Джада. - Это объяснило бы то, как сбегавшие рабы смогли в безопасности устроиться под самым носом своих прежних хозяев...

Олотон отрицательно покачал головой.

- Прости. Кроме тебя, здесь нет ни одного Наследника. Драконов отпугивают камни.

- Значит, никто не сможет рассказать мне о матери?

- Из живых – нет... - начал Олотон.

- Как ты навлекла на себя гнев дракона? – прервала его Фарин.

- Я лишь недавно узнала, что вся моя жизнь была основана на лжи, и тогда меня охватил гнев. Мне нужно было узнать, есть ли в записях моего приёмного отца хоть

крупница истины. Поэтому... поэтому я попыталась выступить против одного из драконов.

Олотон сделал глубокий вдох. Фарин подалась вперед, её глаза расширились.

- У тебя это получилось?

- Нет. Когда я заявила о том, что являюсь Наследницей Драконов, он впал в состояние неконтролируемой ярости.

Внезапно на неё навалилась ужасная усталость. Фарин и Олотон предложили ей занять одну из расположенных возле задней стены кроватей, и она с радостью согласилась.

Сбросив ботинки, Джада рухнула на упругий матрас. Исходящий от него слабый запах пыли напомнил ей о гамаке, в котором она любила качаться в детстве.

Она погрузилась в сон.

На смену дрёме пришли сновидения. Поначалу они были светлыми и ностальгическими – картины детства богатого, хоть и лишённого родительского внимания ребёнка: любимое дерево, питомец и личный слуга, который никогда не отказывался приносить ей сладости. Однако, когда в её воспоминаниях появился Шандер, всё резко изменилось.

Джада всегда стремилась привлечь внимание отца. Поначалу она старалась быть примерной дочерью, а, когда это не сработало, начала бунтовать. Когда она выросла, то вступила в ряды народного ополчения Уларка. Получив пару травм и обзаведясь несколькими шрамами, она стала весьма искусной во владении копьем. Это помогло ей завоевать уважение своих коллег – но не семьи.

Поэтому она покинула свой дом, разорвав с родными все связи.

Но даже это не заставило Шандера признать её. Не то, чтобы к тому моменту её это сильно заботило – наконец она могла делать всё, что пожелает, не думая о том, как к этому отнесётся её отец.

Если бы не тот треклятый сундук и находящиеся в нём записи, которые, словно потерявшая управление повозка, ворвались в её жизнь, моментально перевернув все её представления о своём месте в этом мире. Раненое эго мешало ей обдумать ситуацию здраво, и поэтому, прихватив с собой журнал, она отправилась на север, в Эскорн. Она покажет этому Шандеру! Она всем покажет!

Она отправилась на поиски драконов.

Слухи, касающиеся развалин Огненные Деревья, подтвердились - драконы действительно вели там раскопки. Однажды ночью ей удалось увидеть огромный крылатый силуэт и, не тратя время на раздумья, она предстала перед этим драконом.

Их взгляды встретились. Когда она заглянула в его глаза, её колени подкосились. Голос дракона напоминал рокот разливающейся по берегам реки.

- Что привело тебя сюда, человек?

Джада снова подняла взгляд. В её груди разлилось тепло. Это ощущение для неё оказалось в новинку – страх, возбуждение и... узнавание?

- Меня зовут Джада. А тебя?

Голова дракона опустилась до высоты её роста.

- Я – Товантарет, Искатель Забытых Запасов. Почему ты не бежишь? Разве ты не знаешь, что я собираюсь тебя съесть?

Необычное чувство, зародившееся в её груди, стало сильнее, распространяясь по желудку и горлу.

- Неужели? - её голос задрожал от неожиданного страха. – Думаю, нет. Ты находишься в присутствии Наследницы Драконов. И я повелеваю тебе – на колени, змей!

Глаза Джады распахнулись. На потолке дома стражи плясали отблески пламени. От оглушительного грохота грома кровать сотрясалась. Звук повторялся снова и снова, словно рокот приливной волны.

Перекатившись на бок, она оглянулась.

Фарин, как и её лука, нигде не было видно. Олотон стоял у окна, вглядываясь в ночь. Снаружи бушевала гроза, и от окрашенной чешуи драконорожденного отражались отблески молний. Веяло дождём.

Натянув ботинки, Джада подошла к нему. Зелёно-жёлтые облака, которые бурлили в серо-стальных небесах, периодически озарялись вспышками молний. Воздух был пропитан влагой.

- Ну и буря, - произнесла она.

Олотон кивнул.

- Сегодня камни перемещаются. Взгляни же!

- Ох!

Склон изменялся. Вспышки света лишь на миг озаряли валуны, и поэтому она не могла видеть, как они движутся, однако каждый раз, когда изломанная молния рассекала небеса, создаваемый ими узор оказывался немного иным. Камни громоздились друг на друга и выстраивались в извилистые линии, занимая неустойчивое положение.

- Я... - начала Джада.

- Не можешь найти слов? Воистину великолепное зрелище, верно? – произнес Олотон. – Я живу здесь уже пятьдесят лет и каждый раз, когда вижу это, меня охватывает восторженный трепет.

- Глазам не могу поверить! Похоже на сон. Почему же это происходит?

- Увы, мы понятия не имеем.

Некоторое время Джада заморожено наблюдала за пляской булыжников.

- Раньше ты упоминал, что камни говорят с тобой, - наконец произнесла она. – Ты никогда не спрашивал их об этом?

Олотон пожал плечами.

- Это не совсем так, хоть я и горжусь тем, что меня зовут «Говорящий с Камнями». По правде говоря, я общаюсь не с камнями, а с призраками, которые стекаются к Блуждающим Камням, когда валуны начинают смещаться.

- Получается, ты жульничаешь?

Драконорожденный рассмеялся.

- Возможно. Но духи порой соглашаются вступить в беседу, а камни... не слишком разговорчивы. Кроме того, призракам известно очень многое, в том числе и о событиях далёкого прошлого.

- Как ты считаешь... они могут что-то знать о Наследниках Драконов?

После небольшой паузы Олотон произнёс:

- Я размышлял над этим вопросом. Когда гроза утихнет, а камни прекратят двигаться, предлагаю тебе пойти со мной на склон. Учítывая, насколько сильна эта буря, там, должно быть, соберётся множество духов.

Несмотря на то, что по её коже поползли мурашки, Джада кивнула. Тем не менее, мысль о встрече с мертвецами нервировала её.

Некоторое время они продолжали наблюдать за потрясающим зрелищем, которое разворачивалось перед их глазами.

Тепло, которое она почувствовала во сне, продолжало согревать её грудь. Это необычное ощущение напоминало ей смесь двух разных эмоций, которые слились воедино настолько плотно, что их невозможно было отделить друг от друга. Она ощущала себя как в детстве, лежа перед камином и мечтая о наступающем зимнем фестивале, и одновременно – триумфально вонзающей копьё в живот врагу.

Драконорожденный склонил голову.

- Ты это слышала?

- Нет, только гром.

- Я думал...

Дом стражи содрогнулся. Крыша частично обрушилась, и помещение оказалось засыпано соломой. Олотон вскрикнул. Джада бросилась к своему копьё.

Дверь распахнулась. На пороге стояла Фарин. От её обуглившегося лука шел дым. Волосы её были пропитаны влагой и чем-то тёмным. Кровью?.. Женщина смотрела на них широко распахнутыми глазами.

- Дракон! – выкрикнула лучница. В её голосе звучали ужас и неверие. – Дракон! В Блуждающие Камни явился дракон!

- Невозможно! – воскликнул Олотон. – Камни не позволили бы... - говорящий с камнями умолк, внезапно охваченный неуверенностью.

Тепло в груди Джады превратилось в жар.

- Товантарет? – прошептала она.

Смог ли её преследователь преодолеть защиту Блуждающих Камней... чем бы она ни являлась?

На крыльцо опустилась покрытая чешуей лапа размером с лошадь. Фарин попыталась увернуться, но не успела – тварь схватила её и исчезла, снова взмыв в воздух.

Задышавшись, Олотон издал сдавленный всхлип.

- Сюда, - указав на окно, прошептала Джада.

В растерянности драконорожденный медленно повернулся. Не дожидаясь его, Джада промчалась к окну и выпрыгнула наружу. Потокíи холодного дождя обрушились на неё, пробирая до мурашек. Тем не менее, огонь в её груди пылал столь же жарко, как и прежде. Дракон был близко!

Не выпуская посох из рук, Олотон неловко вывалился из окна. Раскаты грома заглушили издаваемый им шум. Поднявшись на ноги, драконорожденный устремился вверх по склону, прямиком к смещающимся камням, которые озаряли вспышки молний.

Выругавшись, Джада последовала за ним.

Внезапно позади неё раздался треск ломающейся древесины и раскалывающихся камней. Она обернулась. На развалинах дома стражи сидел гигантский дракон.

Это и в самом деле оказался Товантарет. Из головы его росло множество рогов, придававших его фигуре приземистый вид. Состоящие из мембран крылья были сложены.

Дракон взревел, словно бросая вызов самой буре. Из его пасти в небо устремился столб пылающего песка. Фарин нигде не было видно.

Огонь в груди Джады продолжал пылать. Часть её отчаянно хотела развернуться и вступить с чудовищем в бой.

Она напонила себе о том, как это чувство подвело её в первый раз. Тогда, придя в неистовство от её наглости, ослепленный яростью дракон допустил ошибку – ошибку, которая и позволила ей скрыться в ночи, избежав немедленной гибели от последствий своего необдуманного поступка.

Товантарет не забыл её слова. Он начал за ней охоту. Раз за разом ему удавалось находить её, несмотря на то, что оставленный ею след давно должен был остыть.

Ему хватало той капли крови Наследников Драконов, что текла в её венах. Потому-то она и надеялась, что сможет найти убежище в городе сбежавших рабов, куда не было ходу представителям его вида.

Она ошиблась.

С каждым шагом скользя по песку, Джада бросилась вслед за говорящим с камнями. Очередная вспышка высветила расщелину между двумя высящимися впереди массивными валунами и скрывающегося в ней Олотона, а затем мир вновь поглотила тьма. Вслепую она побежала в ту сторону, отчаянно надеясь, что до следующего удара молнии камни не успеют сдвинуться.

Бело-голубой всполох расколол небеса, и Джада осознала, что бежит вдоль образованного валунами прохода. Стыки между камнями содрогались, и грохот сталкивающихся глыб сливался с раскатами грома. Возможно, она тоже кричала, но этот звук полностью затерялся в окружающем шуме.

Через миг вокруг вновь воцарился непроглядный мрак, а обрушивающиеся с небес потоки воды стали намного сильнее. Ей показалось, что она очутилась в заполненном водой овраге, и она полностью утратила ориентацию в пространстве.

Когда мир осветился снова, Джада увидела перед собой сложенную из валунов башню, похожую на те, которые строят из камушков дети. Она была так высока, что вершина её терялась в затянувших небеса облаках. Пытаясь обогнуть кренящуюся конструкцию, она развернулась и чуть не влетела головой в булыжник, которого мгновение назад тут не было.

Резко затормозив, Джада не устояла на ногах и упала. Её тренировки не прошли даром - в последний миг она всё же успела отвести копьё в сторону, чтобы не напороться на острие.

Несмотря на то, что на скрытой тьмой земле ничего не было, падение вышло весьма жестким. Боль пронзила её левое колено.

- Проклятье! – выругалась она, с трудом поднимаясь на ноги.

Слева что-то вспыхнуло. Не молния – света практически не было, да и источник сияния находился слишком близко к земле...

Посох Олота! Джада бросилась к драконорожденному.

Омываемая потоками дождя, она бежала сквозь грохочущую тьму, не видя ничего, кроме теплящегося впереди слабого огонька. Плотный песок под подошвами её ботинок постоянно смещался, словно по нему ступал сам Титан Рассвета. Воображение рисовало ей картины движущихся камней, которые в любой момент могут раздавить её в лепешку.

Снова вспыхнула молния, и Джада осознала, что её фантазии были недалеко от реальности. Валуну самых разных размеров постоянно смещались, формируя спиральные линии, которые, казалось, стремятся сойтись именно в том месте, где находилась она. Сквозь просвет в стене она увидела говорящего с камнями. Драконорожденный стоял возле вершины горы, опираясь на посох.

Джада продолжала стремительно нестись сквозь чудовищный каменный лабиринт, который в любой миг мог обрушиться на неё, похоронив под собой.

К счастью, этого не произошло.

Когда она подбежала к Олотону, драконорожденный вздрогнул. В исходящем от его посоха свечении его переливающиеся глаза на миг напомнили ей глаза Товантарета в Огненных Деревьях.

- Держись ближе! И не смотри на камни! – заорал он, чтобы перекричать окружающий грохот.

Будто она настолько глупа, что, чудом не погибнув при попытке добраться до вершины, внезапно решит повернуть назад! Джада не стала закрывать глаза. Если уж какой-нибудь движущейся скале и суждено положить конец её жизни, она, по крайней мере, сможет её увидеть.

Ветер продолжал неистово завывать, потоки ливня обрушивались на землю, а в серо-стальных небесах закручивались безумные водовороты. Камни вокруг них не прекращали с грохотом смещаться. Сколько это продлилось, она понятия не имела. Часов десять? Наверное, так. В какой-то миг её страх практически исчез. Что бы ни являлось причиной движения валунов – некая стихийная сила или действия тех призраков, о которых упоминал заклинатель – судя по всему, они вовсе не стремились раздавить незваных гостей.

- Мы живы, - произнес Олотон. Его голос пробудил Джаду от оцепенения.

Бледное свечение заливало склон, доходя до границ расположенного внизу поселка. Сам городок оставался в тени, однако неподвижно замершие камни сияли, словно тысячи светлячков.

- Видишь? - спросил Олотон. Говорящий с камнями твёрдо стоял на ногах. Его взгляд был устремлен на противоположный склон холма. Джада подошла к нему.

Тысячи валунов образовали подобие лабиринта, возведенного неким безумным творцом. Каждый камень переливался серебристым сиянием. По извилистым запутанным проходам бродило множество фигур.

В полной тишине сотни духов перемещались с места на место, оставляя за собой в воздухе тающие светящиеся следы. По спине Джады пробежала дрожь.

- Призраки Блуждающих Камней вернулись, - произнёс Олотон. - Поприветствуем же их?

- Ох, я...

Джада оглянулась на город. Товантарета нигде не было видно. Осмелился ли её преследователь вступить в противостояние с камнями, заплатив за это слишком большую цену? Она сомневалась, что ей могло так повезти.

- Полагаю, уж лучше духи, чем разгневанный дракон, - произнесла она.

Спустившись вниз, они вошли в каменный лабиринт.

В отдалении время от времени раздавались раскаты грома и сверкали молнии. Гроза начинала стихать, но всё ещё могла вернуться. В нескольких шагах от неё из-за поворота появился призрак, и Джада остановилась.

Это была женщина, чья кожа, волосы и одежда состояли из мерцающего лунного сияния. Она носила тяжелую мантию, а глаза её представляли собой два тёмных провала.

Олотон вскинул посох, навершие которого вспыхнуло таким же светом, как и тело духа.

- Вы не остановитесь на минутку, мадам? Мы бы хотели переговорить с вами.

Замерев на месте, призрачная женщина устремила на Олтона взгляд пустых глазниц. Джада невольно содрогнулась.

- У меня нет времени. Я опаздываю, - произнёс дух.

- Мы не задержим вас надолго, мадам. Скажите, вам известно, где вы сейчас находитесь?

- Уотердип, разумеется... хотя, кажется, я заблудилась. Я ищу Горный Склон. Там расположено моё имение. Вы знаете, где это?

Драконорожденный покачал головой.

- Нет. Прошу прощения, мадам. Мы вас оставим.

Кивнув, призрачная женщина устремила прочь, не обратив на Джаду никакого внимания.

- Она думает, что находится в некоем месте под названием Уотердип? – спросила Джада.

- Многие из тех, что ходят этими тропами, представления не имеют о том, что мертвы. Но, возможно, нам удастся отыскать кого-то, кто понимает реальность своего нынешнего существования. Чем ближе к центру, тем старше и осознаннее становятся призраки. Возможно, кому-то из них и окажется что-то известно о Наследниках Драконов.

- Эти «осознанные»... они опасны?

- Не всегда.

Они продолжили идти вперед. Мимо проплыли держащиеся за руки мужчина и женщина. Лиц у них не было. Джада заметила ребенка, который, размахивая отсутствующими руками, бежал по каменному коридору, будто в погоне за мячом.

По проходу разнёсся ликующий вопль. Юноша стремительно мчался между каменных стен, выставив копье вперед. Джада отшатнулась в сторону, но недостаточно быстро. Когда острое вонзилось в её плечо, она вскрикнула и зажала рану ладонью.

Когда она отвела руку, крови на ней не оказалось. Боль тут же исчезла, сменившись лёгким покалыванием.

- Те из них, кто не понимают, что являются духами, неспособны причинить нам вред, - произнёс Олотон. – Более того, пока я не использую свой посох, они нас даже не замечают.

- Неужели? Этот, по-моему, прекрасно знал, что делает!

- Ты пострадала?

Ничего не ответив, Джада нахмурилась. Драконорожденный прекрасно видел, что это не так. Тем не менее, кружащие вокруг призраки действовали ей на нервы, и она ничего не могла с этим поделать. То, что она столь безмятежно разгуливает посреди толпы неуспокоенной нежити, казалось ей в корне неправильным.

Они двинулись дальше.

- Там! – посохом Олотон указал на виднеющееся впереди открытое пространство – широкий круг, образованный множеством валунов с голову размером. По нему бродили дюжины призраков, словно по площади большого города. Нематериальные сущности, казалось, понятия не имели о существовании своих собратьев и о том, что их окружает. Большинство молчало; один из духов перебирал струны лиры, но Джада не слышала ни звука.

Вне круга, наблюдая за струящимся мимо него потоком духов, неподвижно стоял призрак, облачённый в плащ из тускло-серого света. Его голову скрывал капюшон.

- Это Карнелиан! – воскликнул Олотон. – Он... ему многое известно. Я думал, что он уже обрёл покой.

Вместе с драконорожденным Джада подошла к кругу. Ощущение от проходящих мимо неё призраков напоминало дуновение холодного зимнего ветра. Говорящий с камнями подул на кварцевый набалдашник посоха, и тот вспыхнул.

Закутанный в плащ призрак повернулся к ним. Под его капюшоном не было ничего, кроме пустоты.

- Ты помнишь меня? Я – Олотон.

- Я... помню, - прошелестел призрачный голос.

Драконорожденный поклонился.

- Прошло больше года, Карнелиан. Я думал, ты уже покинул это место.

- Время не имеет никакого значения, - ответил дух.

- Что же привело тебя обратно в Блуждающие Камни?

- Порой дороги меняют направление и уводят в никуда. Порой пути – это порталы в иные места и времена. Моё странствие было далёким.

Олотон подался вперед, его ноздри раздувались от возбуждения.

- Что...

Джада положила руку на плечо говорящего с камнями, не дав ему задать следующий вопрос, и заговорила сама.

- Карнелиан. Ты можешь поведать нам о Наследниках Драконов?

Раздался очередной раскат грома. Пустой капюшон Карнелиана повернулся к Джаде.

- О потомках мастеров стойл Титанов Рассвета? Их больше нет. Древняя ненависть уничтожила их всех.

- Это не совсем так, ведь я... я происхожу из рода Наследников Драконов, - произнесла Джада. - Моей матери, которую звали Элизал Марисерпент, удалось бежать из рабства в Скелкоре.

Капюшон оставался неподвижен.

- Ты слышишь меня? Я – Марисерпент! Почему я не способна воспользоваться своей силой? Дракон преследовал меня на протяжении всего пути до Блуждающих Камней, и я никак не могла ему помешать!

- Ты – Джада Марисерпент? – спросил дух.

- Да! Ты меня знаешь?

- Я слышал, как голос камней вызывает к твоей матери, Элизал. Он привёл её сюда. Он приветствовал твоё рождение.

- Голос камней? – переспросил Олотон. – О чём ты говоришь?

- О духе духов, что обитает в этом месте. Он погиб много лет назад, но его душа осталась здесь. Эхо его прежней силы и движет эти камни. А его присутствие – это духовный магнит, который каждую ночь притягивает к себе души смертных, словно железные опилки.

- Олотон! - услышался новый голос.

Обернувшись, Джада и драконорожденный увидели Фарин. Лучница стояла на самой границе очерченного светящимся посохом круга. Её тело, прозрачное и нематериальное, слабо светилось, словно лист, дрожащий на фоне закатного солнца.

- Нет! – воскликнул драконорожденный.

- Олотон, - произнесла Фарин. – Берегись гнева дракона. Сила камней не смогла его остановить.

- Фарин, - прерывающимся голосом произнесла Джада. – Мне так жаль... так жаль, что ты погибла.

Лучница перевела взгляд на Джаду.

- Погибла? Нет! Мне удалось спастись из хватки дракона...

В груди Джады разлилось тепло. Земля содрогнулась и вздыбилась. Товантарет опустился с небес, взмахами крыльев поднимая песок и обломки камней в воздух.

На миг коричневый дракон завис над землёй, словно наслаждаясь ситуацией. Затем он тяжело рухнул вниз, и поднявшееся при его приземлении облако пыли ослепило Джаду.

Она бросилась бежать. Что-то ударило её поперек лопаток и, споткнувшись о древко своего копья, она упала лицом в песчаную почву.

Джада поспешно встала, тыльной стороной левой ладони стирая залепившую глаза грязь. Жар в её груди пытал, словно костёр. Когда она вновь обрела способность видеть, то перед ней предстал Товантарет.

Дракон свернулся в огромной воронке, которая образовалась при его падении. Светящиеся призраки кружили вокруг неё, словно подхваченные течением водоворота. Медные чешуйки дракона поблескивали в исходящем от них сиянии.

Джада заметила Олотона, который карабкался вверх по противоположному склону впадины.

- Наследница Драконов! – провозгласил Товантарет. – Твоя кровь провела меня сквозь те чары, которые охраняют Блуждающие Камни. Я надеялся, что тебе достанет глупости привести меня сюда, и ты меня не разочаровала! Когда я уничтожу всех беглых рабов до единого, Императрица осыплет меня воистину несметными сокровищами!

- Из-за меня ты смог попасть в Блуждающие Камни?

- Твоя кровь взывает ко мне, Наследница Драконов. Думаешь, почему тебе так и не удалось от меня сбежать? Эта связь оказалась сильнее, чем та магия, которая пыталась закрыть мне дорогу в это место. Если бы не ты, Блуждающие Камни по-прежнему оставались бы в безопасности, - дракон усмехнулся.

Больше всего Джаде хотелось свернуться в клубочек и спрятаться, игнорируя дракона и неприятную истину его слов. Однако огонь в её груди побуждал её не сдаваться без боя.

- Если я и правда являюсь Наследницей Драконов, то слушай мой приказ – немедленно улетай и никогда не возвращайся!

Вздвогнув, Товантарет промедлил, словно ожидая чего-то – чего-то, что так и не произошло. Вытянув шею вперёд, он уставился на неё. В его глотке зародился ужасный звук, напоминавший трение песка о камень. Дракон смеялся.

- Верно, ты одна из них – ненадолго. Вскоре я тебя всё равно убью. Ты так и не смогла овладеть своим даром, но не расстраивайся. На нашей памяти ещё ни одному из вас это не удавалось. Наследие этого искусства было утрачено задолго до того, как ты появилась на свет.

Джада сосредоточилась на тепле, которое согревало её грудь, разжигая его звучанием слов Товантарета. Она представила, как оно рвётся из её горла словно огонь - огонь, который пылал внутри тел драконов. Она копила его, пока её язык не начало пощипывать, словно от перца хариммон.

- Змей! Услышь меня! Убирайся прочь и никогда более не возвращайся! – сила, которая прозвучала в её голосе, удивила даже её саму.

Содвогнувшись, Товантарет крепко зажмурил глаза. Его огромные крылья раздувались, словно капюшон кобры.

- Я взываю к силе Владык Драконов! – воскликнула Джада. – Внемли моей воле! Ты должен повиноваться. Повинуйся мне!

Её голос разнесся по всей долине, а поток кружащихся духов замедлился, словно подпав под власть её слов. Замотав головой, коричневый дракон расправил крылья и издал мощный рёв, разбросавший осколки камней в стороны.

Внезапно он успокоился, а дыхание его замедлилось. Открыв глаза, Товантарет произнёс:

- Нет. Я так не думаю.

Огонь подвёл Джаду.

Лапа дракона метнулась вперед настолько быстро, что у неё не было ни единой возможности вернуться, и сжалась вокруг её тела.

Джада задохнулась, лишившись доступа к воздуху. Даже если она и правда обладала некоей силой, сокрушающая хватка дракона лишила её возможности воспользоваться ей ещё раз.

- Ты станешь свидетельницей того, как я очищу город от рабов, - произнёс Товантарет. - Держись, маленькая Наследница.

Расправив крылья, дракон взмыл в воздух.

С небес сорвался заряд молнии, пронзив его тело.

Джада рухнула на землю ещё до того, как успела осознать, что падает. Голова её с силой ударилась о твёрдый песок. Перед её глазами потемнело.

Ночь разорвал вопль – вопль дракона. В нём звучала чистейшая боль. Джада перекатилась на бок.

Товантарет упал недалеко от того места, где приземлилась она сама. Из страшной раны в его боку текла кровь и поднимались струйки дыма. Распахнув пасть, дракон часто, по-собачьи дышал.

Серебристо-стальное сияние, озарявшее покрытый валунами склон, замигало - огонь начал вытекать из камней и подниматься в воздух. В небесах возник огромный светящийся силуэт цвета серо-стальных небес, очертаниями напоминающий фигуру человека. Гигант возвышался над окрестными горами, голова его терялась в грозовых облаках, а ноги касались земли.

Издав визг, Товантарет начал зарываться в землю, словно хорёк, ищущий спасения в норе.

Призрачный великан нагнулся, его ладонь прошла сквозь скалы, словно через воду. Когда он выпрямился, то держал дракона в руке с той же лёгкостью, с какой Джада могла бы держать новорождённого котёнка.

Раздался очередной раскат грома, столь оглушительный, что Джада невольно прижала руки к ушам. Ужасающий грохот сложился в слово – слово, значение которого она поняла, несмотря на то, что язык, на котором оно было произнесено, был ей незнаком.

- Предатель! – проревел гигант, с силой встряхивая свою жертву.

При виде того, как серебристая фигура размахивается и швыряет коричневого дракона в небеса, Джада не сдержала поражённого вскрика. Тело Товантарета исчезло за горизонтом.

Опустив взгляд, гигант посмотрел прямо на Джаду, и силы моментально покинули её, словно смытые потоком воды.

Фигура великана распалась на множество светящихся осколков. Призрачные искры начали опускаться на усеянный валунами склон, и скоро все камни снова оказались окутаны сиянием, напоминавшим блики света на воде.

Джада заставила себя сесть. Её тело казалось одним сплошным синяком.

- Что это только что было? – спросила она в воздух.

С трудом поднявшись на ноги, говорящий с камнями захромал к Джаде и протянул ей руку помощи. С его поддержкой ей удалось встать.

- Что это за существо? – спросила она. – Почему оно было того же серо-стального цвета, что и небеса?

- Полагаю... полагаю, оно является физическим воплощением той силы, которая защищает Блуждающие Камни от драконов.

- Ты прав, Олотон, - прошелестел призрачный голос. – Хотя, конечно, всей картины ты не видишь.

- Карнелиан, - произнёс драконорожденный. Призрак вернулся.

- Нет, правда, что это было? – спросила Джада.

- Призрак Изначального. Титана Рассвета. Арамбара.

- Арамбара? – неверяще переспросил Олотон. – Но я думал...

- Часть его силы осталась в этом мире – она и придаёт иногда небесам серо-стальной оттенок. В Блуждающих Камнях её концентрация выше всего, ведь именно здесь он и встретил свою смерть, сражённый собственным ездовым драконом. Поэтому его дух до сих пор не может обрести покой.

- Получается, из-за него драконы боятся подлетать к городу? - спросила Джада.

- Ещё ни одному из них не хватало наглости на то, чтобы попытаться проникнуть сюда. Тех, кто забыл собственную историю, отпугивают перемещающиеся камни, - ответил Карнелиан. – Учувяв силу, которая течёт в твоей крови, этот глупец стал чересчур самонадеян. Должно быть, он почувствовал твой потенциал.

Джада покраснела.

- У меня есть потенциал?

- Если ты научишься управлять своей силой, то однажды сможешь претендовать на титул Владыки Драконов. Когда этот день наступит, все драконы Абейра содрогнутся, - произнёс Карнелиан.

Джада покачала головой.

- Больше никогда в жизни я не повторю своей ошибки и не стану связываться с этими тварями!

- Это уже не в твоей власти, - произнёс облачённый в капюшон дух. – Ты объявила о себе.

- Очередная великолепная новость, - вздохнула она.

Некоторое время они стояли в тишине, наблюдая за молчаливыми призраками, которые снова принялись бродить по проходам между валунами. Наконец Джада заговорила.

- Почему дух Арамбара каждую ночь перемещает камни с места на место? Это является предупреждением для драконов?

- Нет. Их отпугивает само присутствие Титана Рассвета, ведь Арамбар питает особую ненависть к тем, кто его предал. Даже если бы камней не было, драконы всё равно предпочитали бы держаться подальше от этой местности.

- Тогда зачем?

- Каждое поле – это вежа. Грядет нечто грандиозное. Создавая новые узоры, Арамбар отсчитывает оставшееся время.

- Что же произойдёт, раз настолько древний дух тратит годы, считая дни до этого события? – спросила Джада.

- Я бы многое отдал за то, чтобы узнать, - произнёс призрак.

КОСТЯНАЯ ПТИЦА

Джейли Джонсон

*Лендрис, возле Врат Балдура
2 миртула, год Неумирающего (1479 ЛД)*

-Тебе предстоит окончить то дело, которое я тебе поручил, – наставническим тоном произнёс Релвин. Даже находясь на грани смерти, он не изменял себе.

- Давай не будем об этом. Ты поешь сможешь? – Бромар начал поворачиваться к навьюченному на лошадей седельным сумкам, но старик изо всех оставшихся сил крепко сжал руку своего ученика. Его ногти до боли впились в его кожу.

- Слушай меня, - прорычал он, втягивая в легкие воздух вперемешку с кровью. – Ты должен... смириться. Смерть – это часть того бремени, что накладывает на нас Чонтия. Мы безропотно принимаем и расцвет, и распад, ведь без одного не бывает другого, - он стиснул зубы. Его порозовевшие дёсны кровоточили. – Вырой мне могилу, - произнёс его наставник, - под этим Чёрным Вязом. Верни моё тело земле, а затем отправляйся в деревню. Лендрис нуждается в тебе.

- Я тебя здесь не оставлю, - произнёс Бромар.

- Я буду уже далеко, - ответил Релвин. – Буду там, где нет боли. Но жители деревни... они тоже являются детьми Чонтии, - он прижал тыльную сторону ладони Бромара к своему священному символу. Металл нагрелся от сжигающего его тело жара. Сердце старика прерывисто колотилось. – Теперь эта ответственность легла на твои плечи.

Релвин закрыл глаза. Бромар продолжал сжимать его горячую, словно раскалённые угли, ладонь. Ни на секунду не отводя от него взгляда, он считал вздохи, которые срывались с губ старика. Первый, второй... сотый. Каждый последующий был чуть более долгим, чем предыдущий. Релвин выдохнул в последний раз. Желудок Бромара охватил огонь, но он продолжил наблюдать за своим наставником. Наконец тело старика обмякло, отпустив на волю душу, которая томила в плену болезни уже слишком долгое время.

Осознав, что в руках его осталась лишь пустая оболочка, Бромар опустил труп своего учителя на землю.

Он отыскал привязанную поперек седла старика лопату и две тяжелые перчатки, достаточно большие, чтобы он смог их надеть. Почва под Черным Вязом была мягкой, однако её пронизывало множество корней. Удары лопаты оставляли на них белые отметины. Ветви трепетали под порывами холодного ветра, а дрожащее пламя костра то разгоралось, то угасало. Бромар продолжал копать.

Постепенно ночь сменилась утром, и между переплетениями окутанных туманом ветвей возникли серые просветы. Наверху начали раздаваться пронзительные крики проснувшихся птиц. Пламя угасающего костра по-прежнему освещало тело его наставника. Когда окончательно рассвело, Бромар затоптал огонь и прикрыл лицо Релвина покрывалом.

Взошло солнце. Мышцы Бромара сводило спазмами от тяжелой работы. Лопата потяжелела от облепивших её комьев грязи, но вырытая им яма глубиной была всего лишь по колено. Для того, чтобы животные не смогли разрыть захоронение и растерзать тело Релвина, её придётся углубить как минимум до уровня плеч.

Сделав глоток воды из бурдюка, Бромар положил его возле будущей могилы. Есть он не стал, решив отложить это до того момента, когда работа будет окончена.

Наступил полдень. Груда земли возле ямы становилась всё выше и выше. Куски почвы постоянно сыпались вниз, попадая ему в глаза. Всё тело Бромара пребывало в постоянном напряжении, а руки внутри толстых перчаток, судя по ощущениям, превратились в два жидких огненных шара. Сняв рукавицы и отбросив их в сторону, он продолжал копать до тех пор, пока с ладоней не начала слезать кожа.

Наконец всё было готово. Для того, чтобы понять это, Бромару не требовалось измерять глубину вырытой им ямы. Шум леса звучал приглушенно, а внутри будущей могилы царил полумрак и сильно пахло землёй. Надёжное укрытие, готовое спрятать умершего от всего мира. Краем лопаты он выровнял дно.

С трясущимися от слабости руками Бромар выбрался из ямы. Достав ещё одно шерстяное покрывало, он полностью обмотал тканью труп Релвина, поднял его и, встав возле могилы на колени, опустил туда тело своего учителя.

Снова взявшись за лопату, Бромар погрузил её в груду выкопанной земли. Бросив вниз первую горсть, он принялся молиться.

- О, свет Чонтии, покинь своего верного служителя. Позволь его телу удобрить эту землю и стать источником новой жизни... - он снова подцепил лопатой землю и кинул её вниз. - Оставь его плоть и заberi его дух в свои объятья, - лопата в третий раз вонзилась в кучу. – Это тело – сосуд...

Голос Бромара сорвался. Внезапно силы окончательно покинули его и, выронив лопату, он невольно отшатнулся назад – подальше от запаха свежей земли. Он был готов поклясться, что слышит шорох копошащихся в ней червей.

В изнеможении он рухнул возле погасшего костра. Его грудь тяжело вздымалась и опускалась, а нависшие над головой кроны деревьев плыли перед глазами. На него навалилась свинцовая усталость, и он ничего не мог с этим поделать. За три проведённых в пути дня он ни на минуту не сомкнул глаз, занятый уходом за своим наставником. Во рту у него сегодня не было ни крошки. Рытьё могилы окончательно истощило его силы.

Веки Бромара сомкнулись, и он забылся сном новорождённого.

Проснувшись, он осознал, что лежит на спине, устремив взгляд на переплетения веток, застилающих сияющие на тёмном небосклоне звёзды. Поначалу он не мог понять, как вообще здесь оказался.

Бромара захлестнуло чувство вины. Так и не закончив молитву, он бросил тело своего наставника в открытой могиле. Игнорируя боль в перетруженных мышцах, он сел и принялся вслепую шарить по земле в поисках лопаты. Внезапно его ладонь коснулась мягкой шерстяной ткани.

Его дыхание перехватило. Достав припрятанный в сумке солнечный жезл, он чиркнул им по нарукавнику.

Окрестности затопило золотое сияние. Лопата валялась там, где он её бросил. Неподальёку от неё лежало завернутое в шерстяное полотнище тело Релвина. Голова его наставника была слегка повернута набок. Под слоями ткани виднелись очертания его носа и глаз. Создавалось впечатление, что взор мертвеца был устремлен прямо на Бромара.

Деревня Лендрис находилась в самом конце грязной извилистой дороги, которая отходила от главного торгового тракта, ведущего во Врата Балдура. Лучи заходящего солнца озаряли расположенные полукругом приземистые дома, и Бромар направил лошадей к ним.

Около полудюжины висящих у дверей светильников уже были зажжены, и их свет отгонял темноту обратно к кромке леса. За домами высились заборы, отделяющие территории ферм от чащи Клоаквуда с его буйной растительностью, которая неустанно стремилась вернуть себе отвоёванные людьми территории.

Бромар устремил взгляд на находящуюся в дальнем конце поселка таверну, чья остроконечная кровля возвышалась над крышами остальных домов. Из окон её струился свет. Издав облегченный вздох, он подстегнул лошадей и, подъехав ближе, натянул поводья.

Табличка над входом гласила: «Костяная Птица». Краска выглядела свежей. Черные линии наброска просвечивали сквозь буквы цвета яркой слоновой кости. Привязав лошадей у входа, Бромар открыл дверь и, пригнувшись, зашел внутрь.

Главный зал таверны оказался небольшим. В густом тёплом воздухе стоял аромат вареных овощей. За одним из длинных столов, которые тянулись до задней стены, сидела женщина.

- Вы считаете, что вам что-то известно? – её громкий голос с легкостью достигал ушей всех, кто находился в помещении. – Здесь ваши знания ничего не стоят!

Это утверждение сопровождалось ударом кулака по столу. В центре зала, внимая её словам, собрались восемь человек, мужчин и женщин. Некоторые из них принесли туда стулья, другие же расположились прямо на полу, словно дети. Никто из их не обратил ни малейшего внимания на появление Бромара.

Слева от двери находилась барная стойка, сделанная из дерева Черного Вяза. За ней стоял чернобородый мужчина, который тряпкой протирал большую металлическую кружку изнутри.

Бромар подошел к стойке. В запахе собственного пота ему чудился смрад могильной земли.

- Комната найдется? – спросил он мужчину с тряпкой. Это были первые слова, произнесенные им за день, поэтому голос его звучал хрипло и напряженно. – Еда?

- Суп на огне, - произнес мужчина, изучающее рассматривая его. – Налей себе сам. Комнаты имеются. Ты с лошастью?

- С двумя, - ответил Бромар. – Они привязаны снаружи.

- Райт, Торан, а ну быстро сюда! – позвал мужчина. Из задней комнаты появились два мальчика в грязных фартуках. Старшему из них было не более пятнадцати лет, а младшему, судя по всему, вдвое меньше. – Меня зовут Амон, - представился трактирщик. – Я владелец этой таверны. Если что-то понадобится, обращайся ко мне или моим парням. Займитесь лошадьми, - велел он сыновьям.

- Благодарю, - произнёс Бромар. – Я – Бромар, и я прибыл сюда из Врат Балдура в ответ на запрос о помощи, который пришел из вашей деревни.

Трактирщик фыркнул.

- Да, мы посылали такой запрос. Десять дней назад.

Он вытащил руку из кружки. Предплечья его оказались покрыты черными с проседью волосами, а по левой ладони от костяшек до запястья тянулся выпуклый розовый шрам, похожий на слизняка. На правой же не хватало двух пальцев.

- Прошу прощения, - произнес Бромар. – Здоровье моего наставника не позволило нам выступить в путь раньше. К сожалению, в дороге Релвину стало хуже, и он умер, не успев добраться до деревни.

«Я сам опустил его в землю», - мысленно добавил он. – «Целых два раза». При воспоминании о мертвце, смотрящем на него из тьмы, в его груди разлился холод.

Трактирщик кивнул.

- Сочувствую твоей потере. Однако не тревожься – когда у нас появилась эта девчонка, она всех успокоила.

- Девчонка?

- То, что вы собираете со своих земель здесь, вырывая из цепкой хватки клыков Клоаквуда – свяшенно, - произнесла сидящая в другом конце комнаты женщина, обращаясь к своим слушателям. Кулаки забарабанили по столам.

Бромар оглянулся. Прервавшись, она отхлебнула из стоящей перед ней миски с супом и, подняв взгляд, подмигнула ему.

- Она добралась сюда незадолго до тебя, - сказал трактирщик. – Сказала, что прослышала о нашем несчастье и решила помочь.

Бромар посмотрел на женщину, которая боком сидела на стуле, закинув одну ногу на другую. Возле её локтя стояла тарелка с супом и кружка эля. Незнакомка отличалась крепким телосложением, а её грудная клетка и плечи выглядели столь же большими, как и у него. У неё был широкий и мужской подбородок, а коричневые волосы были связаны в хвост. Глаза её казались тёмными, словно древесина Черного Вяза.

Ворот её рубахи был развязан, открывая взору священный символ с изображением розы, вызывающе покоящийся в ложбинке между грудей.

Роза росла на поле, которое по краям было испачкано могильной грязью. Священный символ Релвина.

Бромар схватил кружку, которую незадолго до этого чистил трактирщик. Краем уха он услышал, как владелец таверны произнёс: «Я могу наполнить её для тебя, друг», однако его голос показался ему отделённым гулом. Он полностью утратил над собой контроль.

Сжимая ручку кружки, он направился к столу, за которым сидела женщина. От охвативших Бромара эмоций к щекам его прилила кровь, а глаза превратились в щелки. Взглянув ему в лицо, посетители таверны поспешно бросились отодвигать стулья и посуду в сторону, стремясь как можно быстрее обратиться к его пути.

- Привет, друг, - произнесла женщина. Она так и не подняла взгляда от еды и поэтому не заметила приближающуюся опасность. - Можешь присоединиться к нам, если не возражаешь против общества служительницы Матери.

- Вовсе нет, - с этими словами Бромар с грохотом обрушил кружку на стол в волоске от локтя незнакомки. Доски надломились. Горожане с криками бросились от них подальше.

Схватив тарелку с горячим супом, женщина выплеснула её содержимое Бромару в лицо. Тот отшатнулся. Она вскочила на ноги и, выхватив из-за пояса кинжал, перепрыгнула через стол, чтобы укрыться за ним.

Рукавом Бромар вытер с лица обжигающую жидкость. Ухватившись за угол стола, он оторвал его от пола. Послышались удивленные восклицания и крики. Напрягшись, он поднял его над головой и отшвырнул в дальний конец зала. Рухнувший стол превратился в груды сломанных досок. Перепрыгнув через обломки, Бромар направился к женщине.

- Назад! – она взмахнула перед собой зажатым в трясущейся руке кинжалом. Бромару он показался не страшней простой палки.

- Воззови к Чонтии о помощи, ты, грязная воровка! – оскалившись, прорычал он. Ещё немного, и они окажутся возле камина, где ей будет некуда отступать.

Когда её колени коснулись окружавшей очаг каменной загородки, женщина вздрогнула.

- Прошу, стой! – взмолилась она.

Протянув руки, чтобы схватить её за шею, Бромар на миг заколебался.

Внезапно раздался звон стекла, и с его плеч посыпались осколки. В глазах у него потемнело от боли.

- Чертовски вовремя, - пробормотала женщина. Её лицо ожесточилось. Припав к полу, она обхватила его за икры и с кряхтением потянула вверх.

Комната перевернулась. Бромар ощутил, что падает. Его голова с силой ударилась о деревянный пол, а воздух вышибло из лёгких. Внезапно ясность мышления и контроль над телом снова вернулись к нему, равно как и осознание того, что, кроме них двоих, здесь было полно перепуганных селян.

Прижав его левую ногу к полу, женщина надавила на колено всем своим весом. Нога вспыхнула болью. Раскинув руки в стороны в знак того, что сдаётся, Бромар неподвижно замер.

Сзади раздался звук шагов, и в его поле зрения возникла голова хозяина таверны. Рядом с ним стоял его старший сын, сжимая в руке ручку разбитой стеклянной кружки. На лице его был написан страх.

Трактирщик вдавил лезвие топора в шею Бромара.

- Хватит, друг, - процедил он сквозь стиснутые зубы. – Либо ты сейчас же уберешься отсюда подобру-поздорову, либо я раскрою тебе череп, наплевав на последствия.

- Она обманщица! – прохрипел Бромар, закашлявшись, когда холодное тяжелое острие коснулось трахеи. – Она украла это... у него.

- Прошу, не причиняй ему вреда, - попросила женщина. – Только взгляни на него – он провел в пути много дней. Он просто не в себе.

- Он же пытался тебя убить! – воскликнул трактирщик.

- Пытался. Но он знает, что я здесь только для того, чтобы помочь деревне, не так ли, друг? – спросила женщина. Из-за лезвия топора, не дававшего ему двинуться с места, Бромар не мог видеть её лица, однако тон её голоса был мягким, словно она пыталась успокоить расхулиганившегося ребенка. Тем не менее, ногу его она так и не отпустила.

- Релвин поехал сюда, чтобы помочь вашей деревне, - произнёс Бромар, обращаясь к перепуганным горожанам. – Он должен был заняться вашим делом, а не эта незнакомка!

- Но ты сказал, что он умер, - произнёс трактирщик. – И нам ни к чему помощь безумца, который вламывается в таверну и угрожает моим посетителям.

- Будь с ним полегче, Амон. Судя по всему, смерть его друга стала для него сильным ударом, - произнесла женщина. Полные печали слова срывались с её языка, словно жемчужины. – Сегодня ночью я вознесу Чонтии молитву за упокой души Релвина.

- Вот сука! – схватив топор за рукоять, Бромар вслепую пнул её свободной ногой. Он с удовлетворением почувствовал, как она врезалась во что-то мягкое, и услышал полной боли вскрик. Женщина отшатнулась.

Вырвав свое оружие у него из рук, трактирщик с силой вдавил топором в его щеку.

- Второй раз предупреждать не буду!

- Я был послан сюда из храма Чонтии во Вратах Балдура, чтобы оказать помощь вашей деревне! – воскликнул Бромар. – Клянусь Матерью! – он потянулся к горлу туники, чтобы достать свой священный символ.

Но его пальцы нащупали под тканью лишь покрытую волосками кожу. Символ исчез. В ошеломлении Бромар потянулся к своему кошельку. Его тоже не было.

- Она всё забрала, - он обмяк, признавая своё поражение. Отросшая за время пути щетина терлась о древесину топором, а от тела его исходил запах пота. Как он выглядел в глазах этих людей, детей Чонтии? Грязный, изможденный и нищий чужак, который без каких-либо причин набросился на мирно сидящую в таверне женщину. Слава богине за то, что его наставник не дожил до того, чтобы это увидеть.

Откуда-то сзади послышалось хныканье младшего сына трактирщика. Грудь Бромара сдавил тугий узел сожаления.

- Позвольте мне встать, - попросил он. – Обещаю, больше я не доставлю вам никаких хлопот.

- Поздно ты спохватился, - владелец таверны слегка отвел топор в сторону, давая ему возможность подняться на ноги. Бромара замутило, и он присел на стул.

Отойдя на безопасное расстояние, женщина остановилась. Остальные посетители таверны направились к дверям, бросая на него настороженные взгляды. Сыновья Амона принялись разбирать обломки досок и сметать осколки стекла в кучу.

- Когда придешь в себя, я велю мальчикам привести твоих лошадей, - произнёс трактирщик. – Проваливай на все четыре стороны.

Бромар покачал головой.

- Я прибыл сюда, чтобы помочь деревне.

- Думаю, ты сделал уже достаточно, - произнесла женщина успокаивающим материнским голосом.

Проигнорировав её, Бромар обратился к Амону.

- На ваш посёлок по ночам нападает человек в капюшоне. В посланном вами сообщении говорилось, что он очень силен.

Трактирщик медленно кивнул.

- Это происходило уже трижды. Он является сюда в те ночи, когда луна скрывается за облаками или уходит за горизонт, и нападает на всех, кто в этот момент находится на улице, неважно, кто это – ночные стражники или простые горожане. На его счету уже четверо. Мы пробовали издали обстреливать его из луков, и по крайней мере одному из погибших удалось пронзить его мечом. Это его не остановило. Он всегда возвращается.

- Он не дышит, - произнёс тонкий голосок.

Повернувшись, Бромар взглянул на младшего сына трактирщика, который с неуверенным видом топтался возле камина.

- Что ты имеешь в виду?

- Я видел его, - произнёс мальчик. – Близко видел, когда он проходил мимо таверны. Я слышал шум его шагов, но не уловил звуков дыхания.

- Этой ночью он тоже вернётся, - произнёс Амон.

- В последний раз, - ответила женщина.

Бромар рассмеялся. Амон крутнул в руках топор.

- Ты покинешь это место до того, как это произойдёт.

- Что же она вам наобещала, – спросил Бромар, - в обмен на деньги, которые вы ей заплатите?

- Пожертвование для храма Чонтии – это всё, чего я прошу, - безмятежно произнесла женщина. – Я убью этого человека.

- Что бы ты ни делала, - произнёс Бромар, - этот символ не ответит на твои молитвы. Амон, - добавил он. – Я приношу свои глубочайшие извинения за то, что произошло. Если ты позволишь мне остаться, я сделаю всё возможное, чтобы возместить ущерб, который нанес вашему заведению. Мои деньги были украдены по дороге, - бросив быстрый взгляд на женщину, он поднял покрытые мозолями руки, - однако я могу работать.

- Что думаешь, Милра? – спросил трактирщик, обращаясь к женщине. – Ему можно доверять?

Стараясь не улыбнуться, она притворилась, что внимательно его рассматривает.

- Полагаю, теперь от него не будет проблем, - наконец произнесла Милра. – Он проделал долгий путь, и небольшой отдых под крышей пойдет ему на пользу. Пусть остаётся.

Амон кивнул.

- Ладно. Начинай наводить здесь порядок, а, когда закончишь, отправляйся на кухню. Помоги парням, однако им запрещено выходить наружу, - он повысил голос, чтобы донести своё предупреждение до сыновей.

- Благодарю, - произнес Бромар и направился к младшему мальчику, который собирал обломки досок. Когда он приблизился, ребенок вздрогнул. – Всё в порядке, - с этими словами он приступил к работе.

Закончив уборку, он взял метлу и подмел пол. На протяжении всего этого времени Амон не покидал общую комнату, не сводя с него глаз. Наконец, в последний раз протерев барную стойку, трактирщик направился наверх.

Милра продолжала сидеть в общей комнате, закинув ноги на стол и сцепив руки за головой.

- Ты там пару осколков пропустил, - произнесла она.

Руки Бромара крепче сжали метлу, но сейчас он уже был способен себя контролировать.

- Я мог бы убить тебя, - произнёс он.

- Спасибо, что не сделал этого, - надув губы, женщина скорчила гримасу. – Полагаю, друзьями мы вряд ли станем?

Он выпрямился.

- Милра. Так тебя зовут?

Она кивнула.

- Зачем ты вытащила его тело из могилы, Милра? – спросил Бромар. – Для того, чтобы меня помучать? Учítывая, что я мог проснуться в любой момент, ты сильно рисковала.

- О, это было маловероятно. С виду ты и сам весьма смахивал на покойника, - произнесла она. – Когда я увидела, что ты начал копать яму, то подумала, что она для тебя, - она пробежалась пальцами по висающему на груди священному символу.

- Не следовало тебе тревожить его захоронение, - произнёс Бромар.

- Не в могиле же мне было стаскивать с него эту безделушку? – Милра выглядела шокированной. – Это же святотатство!

Бромар уставился на неё, пытаясь понять, шутит она или нет.

- Чонтия видит тебя, - произнес он наконец. – Прошу, не вмешивайся в Её работу. Покинь эту деревню. Украденное можешь оставить себе, я не стану тебе мешать.

- Да уж, этого делать не стоит, - поднявшись на ноги, Милра потянулась. – Не волнуйся. На этот раз я собираюсь отработать свои деньги. Что сложного в том, чтобы убить одиночку, который таится в ночи?

- Ты понятия не имеешь, во что ввязываешься.

- Посмотрим. Успокойся, - Милра коснулась священного символа Релвина. – Я понимаю, как много он для тебя значит. Когда всё будет кончено, я его тебе верну.

- А второй? – спросил Бромар.

- Твой я продам.

Она начала неспешно подниматься по лестнице. Проводив её взглядом, Бромар направился на кухню. Взявшись за ручки большого котла из-под супа, сыновья Амона вдвоем тащили его к бадье, полной мыльной воды.

- Давайте помогу, - он сделал шаг вперед.

Младший разжал ладонь, и котёл упал на пол, ударив старшего по ноге.

- Ну ты и растяпа, Торан! – воскликнул он и, взяв брата за плечо, потянул его в сторону.

Одной рукой подхватив котёл, Бромар поставил его возле бадьи. Вытащив щётку из воды, он принялся отскребать со дна остатки супа.

- Ты бы руки-то помыл, - дружелюбно обратился он к Торану. Ладони мальчика были измазаны чем-то зеленым, похожим на сок свежей травы.

Сыновья Амона промолчали. Испытывая явную неловкость, они продолжали стоять на месте, не сводя с него глаз. Торан распахнул рот.

- В чём дело? – спросил Бромар.

Ребенок сглотнул.

- Ты такой... большой, - произнёс он. Брат грубо толкнул его. – Хватит, Райт!

Бромар хихикнул. Этот звук эхом отразился от стенок котла.

- Так и есть. Чонтия создала меня сильным.

- Зачем? – спросил Торан, делая шаг вперед. Похоже, он напрочь забыл о том, что должен его бояться.

- Чтобы я помогал другим жизням расцветать, - произнес Бромар. - Защищать тех, кто слабей меня, позволяя им расти и развиваться.

Старший из сыновей трактирщика, Райт, фыркнул. Бромар поднял на него взгляд.

- Отличная у вас таверна. Должно быть, вы с отцом ей очень гордитесь.

- Вы и правда намереваетесь убить того типа? – спросил Райт. – Ты и жрица.

- Она не является служительницей Чонтии, - произнес Бромар. – Но да, я убью его. Для этого я сюда и пришёл.

- Папа тебе поможет, - заговорил Торан. Скомкав свой фартук, он зашвырнул его в стоящую в углу корзину. – Он великий воин.

- Неужели? – спросил Бромар.

- Тихо, ты! – воскликнул старший мальчик, однако Торан уже стиснул ладошками руку Бромара.

- Тебе стоит взглянуть на него, - возбуждённо произнес он. – На трофей отца...

- Хватит, - схватив брата за руку, Райт потянул его в сторону общей комнаты. – Пора спать. Наш гость сам со всем разберется, - прежде чем увести брата, он смерил Бромара взглядом.

Закончив чистить котел, Бромар оставил его сушиться перед кухонным очагом и вышел на улицу, чтобы проверить лошадей и снаряжение.

От конюшни открывался превосходный вид на центр деревни. Подойдя к седельным сумкам, Бромар достал оттуда своё оружие, доспехи и шлем. Он решил снять их перед тем, как войти в таверну, чтобы ненароком не испугать горожан. Напрасная трата сил.

Когда он натягивал кольчугу, металлические звенья звякнули о наручи. На его старом шлеме сбоку виднелась вмятина – след удара человека, а не чудовища. Интересно, с кем из них он будет иметь дело сегодня ночью?..

Полночь приближалась. Окна домов и висящие возле дверей фонари светились, заливая главную улицу деревни неравномерным золотистым сиянием. В окнах вторых этажей смутно мелькали чьи-то лица.

Амон вышел из главных дверей гостиницы и уселся на стоящий под новой вывеской стул, положив на колени меч. Он поднял руку, приветствуя кого-то, кто находился по другую сторону улицы, и на одном из домов Бромар заметил движение. Из-за конька крыши показался мужчина средних лет и настороженно замер, держа лук наготове. Вся деревня затаила дыхание.

Он явился из леса. Оказавшийся на его пути кролик стремительно бросился из подлеска в сторону и исчез в одном из дворов. Незнакомец шел сгорбившись, словно на его плечи давил тяжёлый груз, и слегка прихрамывал, будто одна его нога была немного короче другой. Создавалось впечатление, что свет обтекает его фигуру, оставляя её в тени. Черный капюшон полностью скрывал его лицо и шею, на руках были перчатки. Одеждой ему служила грязная льняная рубаха и штаны.

Кем бы ни было это существо, оно целеустремленно направилось напрямиком к Костяной Птице.

Краем глаза Бромар заметил, что Амон поднялся на ноги. Дверь распахнулась, и к нему присоединилась Милра.

Загадочный незнакомец был уже на полпути к таверне. Он сделал ещё один шаг. Ночную тишину разорвал звон тетивы, и в спину чужаку вонзилась стрела. Прищурившись, Бромар постарался рассмотреть, смог ли этот выстрел нанести ему какой-то урон, но расстояние оказалось слишком велико. Остановившись, пришелец завёл руку за спину, пытаясь нащупать древко, но через несколько секунд оставил эту затею и прежней неверной походкой продолжил ковылять к таверне.

Лошади за спиной Бромара зафыркали и начали метаться в стойлах, закатив глаза так, что остались видны только белки. Вскоре он тоже учуял то, что чуяли они, и его чуть не вырвало. Он чужака исходила вонь протухшего мяса, смешенная с каким-то химическим ароматом. Но сильнее всего ощущался запах, который был ему прекрасно знаком – запах холодной земли, запах недавно выкопанной могилы.

Бромар инстинктивно потянулся к своему священному символу. Вспомнив о том, у кого он сейчас находится, он поднёс косу к груди. Лезвие её размером превышало его руку, а кончик его был бритвенно-острым. Рукоятью распахнув дверь, он вышел во двор.

Когда он вошёл в круг света, пришелец его увидел. Повернувшись к Бромару, он остановился и выпрямился, чтобы хорошенько его рассмотреть. Ростом чужак оказался ниже Бромара на голову, однако отличался куда более крепким телосложением. Ноги и руки его были настолько огромными, что Бромар невольно задался вопросом, как ему вообще удаётся передвигаться.

Скрытое капюшоном лицо чужака по-прежнему оставалось в тени. Перейдя на бег, он устремился ему навстречу. Бромар бросился вперед, держа косу за спиной параллельно земле.

Его противник оказался слишком медлительным – лезвие со свистом рассекло воздух и вонзилось ему в грудь. Раздался звук рвущейся ткани и отделяющейся от костей плоти, и Бромар с усилием высвободил оружие.

Коса оказалась покрыта не кровью, а черным гноем, капли которого падали на дорогу, оставляя на ней грязные следы. Запах химикатов стал сильнее, и тварь издала захлебывающийся стон.

- Возвращайся назад в могилу, мерзкое чудовище! – выкрикнул Бромар. – Нарушитель Круга, тот, кто презрел милость Чонтии!

По лезвию пробежал огонь, окрасив его в золотой цвет. Целясь в шею своего противника, священник отвлёл руку назад и атаковал снова. Уклонившись от удара, монстр схватил косу за древко, остановив её в воздухе. В районе лопаток Бромара что-то хрустнуло. Тварь сделала шаг вперед, и его омыла волна запаха химикатов и разложения. Отпустив древко косы одной рукой, монстр ударил Бромара в лицо.

Ему почти удалось увернуться. Костяшки пальцев чудовища лишь слегка задели его скулу, однако челюсть тут же вспыхнула болью, а в ушах громко зазвенело. Как же так? Тварь едва дотронулась до него! Не сумев удержаться на ногах, Бромар начал падать под ужасающим весом навалившегося на него монстра.

Несмотря на то, что перед глазами у него всё плыло, он успел схватить своего противника за капюшон. Ткань разорвалась, и в этот миг священник с такой силой врезался в землю, что в голове его помутилось, а воздух вышибло из лёгких.

Монстр навис над ним, упираясь одетыми в перчатки руками в его грудную клетку. От его тела исходил нестерпимый смрад разложения, однако Бромар едва замечал его. Он не мог отвести взгляда от лица чудовища.

Это лицо некогда могло быть человеческим, однако теперь являло собой лишь пародию на него. Налитые кровью глаза вращались, словно у заводной игрушки. В покрытой морщинами коже застряли обломки ногтей, обрывки волос и куски гниющего мяса жертв монстра. Желудок Бромара сжался от сильнейшего отвращения. Кошмарней всего выглядел рот существа – бледные, раздутые, словно личинки, губы, которые были крепко-накрепко зашиты грубыми стежками черной нити. Под кожей просматривались очертания зубов.

Позади копны грязных черных волос Бромар увидел освещенную луной Милру. Подбежав к ним, женщина вскинула кинжал, чтобы нанести удар. Издав крик, она вонзила клинок в спину твари и принялась прокручивать его в ране.

Монстр развернулся. Когда Милра увидела то, что ранее открылось взгляду Бромара, её лицо приобрело пепельно-серый оттенок. Её рука разжалась. Кинжал остался торчать в теле чудовища, однако тот обращал на него не больше внимания, чем труп на червя, вгрызающегося в его тело.

Послышался шум приближающихся тяжелых шагов. Развернувшись, Бромар увидел, как Амон вскидывает топор над головой, чтобы разрубить череп монстра.

- Нет! – крикнул Бромар. – Он слишком силен!

Тварь двигалась гораздо быстрее, чем можно было ожидать от существа его размеров. Топор врезался в её плечо, словно в несокрушимую скалу. Отдача от удара оказалась настолько сильной, что трактирщик невольно выпустил древко, пытаясь увернуться от бросившегося на него чудовища.

Бромар рванулся к владельцу таверны, в последний момент успев сбить его с ног. Голова Амона ударилась о землю, и трактирщик обмяк, потеряв сознание. Его тяжелое тело распласталось на Бромаре, придавив его к земле. Выхватив ещё один кинжал, Милра набросилась на тварь со спины. Клинок снова вонзился в тело чудовища. Брызнула чёрная кровь.

- Отец! – раздался сзади тонкий голос. Не успев столкнуться с себя потерявшего сознание трактирщика, Бромар воскликнул:

- Назад, Торан! Милра, помоги ему!

Тварь развернулась, ударив Милру кулаком в грудь. Раздался болезненный влажный хруст, и рука чудовища практически полностью исчезла в теле женщины. Обмякнув, она неподвижно распростерлась на земле.

Всё произошло слишком быстро. Когда Бромару наконец удалось спихнуть с себя тело Амона, он увидел, что монстр уже успел повернуться к мальчику. Торан замер на месте, его взгляд был прикован к лицу существа. Чудовище взмахнуло рукой, готовясь нанести удар. Бромар схватил свою косу.

Внезапно монстр остановился. Он стоял спиной к Бромару, так что тот не мог видеть отражающиеся на его лице эмоции, если это чудовище вообще было способно их испытывать. Торан отшатнулся и упал, рефлекторно выставив руки назад.

Рванувшись, монстр схватил мальчишку за запястья и вздёнул в воздух. Раздался хруст ломающихся костей, и Торан с воплем потерял сознание.

Без каких-либо усилий удерживая тело мальчика на весу, монстр прижал его маленькие ладони к носу, а затем рту. Из его зашитых губ вырвался ужасный протяжный вой. Подхватив ребёнка, он неровным шагом побежал обратно к лесу.

«Нет», - подумал Бромар.

- Нет! Сюда! Сюда! – заорал он вслух и, опираясь на древко косы, поспешно вскочил на ноги. Его голова кружилась из-за полученного от монстра удара. – Сражайся со мной, богомерзкая тварь!

Он взмахнул косой, пытаясь попасть по ногам монстра. Лезвие рассекло лишь воздух, и он потерял равновесие. Охваченный внезапной дурнотой, Бромар упал на колени.

Перед его внутренним взором предстали глаза его наставника, смотрящие на него сквозь шерстяную ткань савана. Монстр исчез, растворившись в лесу. Тело ребенка болталось в его руках, словно любимая игрушка.

Немного придя в себя, Бромар с Амоном подняли Милру и отнесли её обратно в Костяную Птицу. Несколько местных жителей, многих из которых он уже видел раньше, принялись ухаживать за трактирщиком и воровкой, хотя той уже вряд ли требовалась помощь.

- Она не дышит, - произнесла одна из женщин.

- Пропустите меня, - Бромар принялся проталкиваться сквозь толпу горожан, чтобы добраться до Милры. Когда он увидел, в каком состоянии пребывает её

грудная клетка, то невольно сглотнул и потянулся к висящему у неё на шее мешочку.

На его предплечье легла ладонь, которая смогла бы обхватить его в лучшем случае наполовину.

- Что ты делаешь? – потребовал ответа один из мужчин.

Аккуратно, но твердо Бромар стряхнул с себя его руку. Развязав мешочек, он обнаружил в нём свой священный символ, который, словно влитой, лег в его большую ладонь. Возложив руки на грудь Милры, он забормотал молитву.

Закончив, Бромар отступил в сторону и повернулся к Амону.

- Ты ничего не сделал, - произнёс Райт. Его пронзительный голос резанул слух Бромара. – Вовсе ты не святой.

- Тихо, Райт, - одернул его отец.

- Он позволил той твари забрать Торана! – вскочив на ноги, Райт преградил Бромару дорогу. Голова подростка с трудом доставала ему до груди.

Бромар положил руки на плечи мальчика.

- Милры больше нет. Здесь я бессилен. Но, прежде чем отправиться за твоим братом, мне нужно оказать помощь твоему отцу.

Будучи не в силах отвести взгляд от тела мертвой женщины, Райт задышал часто и неглубоко. Похлопав его по спине, Бромар кивнул одному из стоящих неподалеку мужчин.

- Принеси ему воды.

Подойдя к Амону, он приложил руку ко лбу трактирщика, на котором сбоку красовался внушительный синяк.

- Прости за это, - произнёс он.

- Ерунда, - ответил Амон слабым голосом. – Меня такая мелочь не остановит.

Кивнув, Бромар забормотал молитву, и его пальцы потеплели. Почувствовав жар, трактирщик вздрогнул.

- Всё в порядке, - произнёс Бромар. Жар спал, набухшее кровью пятно медленно рассосалось, а кожа обрела прежний здоровый оттенок.

Толпа загудела. Прикоснувшись ко лбу, Амон посмотрел на Бромара. В его глазах вспыхнула безумная надежда.

- Служитель Чонтии, - выдохнул он.

Бромар кивнул.

- С тобой всё будет в порядке. А теперь нам нужно отыскать твоего сына.

- Я могу выследить их в лесу, - Амон начал вставать, но Бромар положил руку ему на плечо.

- Нет, так не пойдет. Известно ли вам, что это за тварь? – на последней фразе он нарочно повысил голос, чтобы его услышали все, кто находился в таверне.

Амон покачал головой.

- Какая-то нежить.

- Так и есть, - произнёс Бромар. – Эти чудовища существуют для того, чтобы вынюхивать содержимое могил и раскапывать их, а сотворил его верный служитель зла – некромант.

- Но зачем ему Торан? – спросил Амон. – Почему он... - он поперхнулся, с трудом выговорив следующие слова. – Почему он просто не убил его, как всех прочих?

- Из-за его рук, - ответил Бромар. – На ладонях мальчика он учуял запах – запах того, за чем его и послал сюда его хозяин, - он перевёл взгляд на Райта. – Некий «трофей».

- Отец? – воскликнул мальчик, и они с Амоном обменялись полными ужаса взглядами. Это сказало Бромару всё, что он хотел знать.

- Что это? – спросил он. – За чем именно охотится чудовище?

Амон выглядел совершенно потерянным. Райт схватил отца за руку, чтобы его поддержать.

- Пошли со мной, - сказал он Бромару.

Через заднюю дверь они вышли в небольшой дворик, где находился огород с овощами и сарай. От покушений лесной растительности Клоаквуда его защищал высокий забор.

Мирную картину сельской жизни нарушал лишь витающий в воздухе необычный запах да ощущение пристального враждебного взгляда, который неотступно наблюдает из теней. Поначалу Бромар решил, что причиной этому являются нависающие над забором деревья.

Затем он развернулся, и его взгляду открылась широкая задняя стена гостиницы.

- Матерь Всеобщая! – выдохнул он. – Костяная птица!

Над дверью висел скелет огромной птицы. Когти её, каждый из которых превышал половину роста Бромара, были выставлены вперед, словно она вот-вот готовилась броситься на тех, кто посмел приблизиться к зданию. Шея её изгибалась до самого конька крыши, а венчающий её череп безглазым взором наблюдал за окрестностями. Изогнутый клюв был обвязан веревкой. Кости крыльев частично отсутствовали, и недостающие фрагменты заменили деревяшками. Из-за этого создавалось впечатление, что на них кое-где остались ошметки плоти. От этого зрелища по коже Бромара поползли мурашки.

- Зачем вы это сделали? – еле слышно прошептал он.

Охваченные любопытством горожане последовали за ними во двор. Никто из них не выглядел шокированным при виде огромного скелета птицы рох, распятого на стене таверны.

Райт выступил вперед.

- Отец убил её в лесу. Он великий воин! – добавил он, словно защищаясь.

- Это послание, - произнёс Амон.

Бромар неверяще уставился на трактирщика.

- Кому же?

Тот кивком указал на лес.

- Ему. Каждый год Клоаквуд подходит немного ближе, словно эти треклятые деревья живые. Если мы не отступаем, то подвергаемся нападениям зверей и чудовищ. Это предупреждение.

- Это – идол, посвященный ложной гордыне, - произнёс Бромар. – Птица пала не от твоей руки.

Кровь отхлынула от лица Амона.

- Ты называешь меня лжецом?

Двое мужчин уставились друг на друга. Почувствовав возникшее между ними напряжение, горожане встревоженно зашевелились.

- Поклянешься ли ты жизнью Торана в том, что действительно убил это существо? – тихо спросил священник.

С того места, где он стоял, создавалось впечатление, будто рох нависает над трактирщиком, готовясь растерзать его своими когтями. Лицо Амона сморщилось, из его глаз заструились слезы.

Бромар кивнул.

- Должно быть, некроманту удалось ранить птицу, но она смогла сбежать от него и улететь в лес, чтобы умереть там. Тогда-то он и выпустил нежить, - он взглянул на Амона. – Где яйцо роха?

- Наверху, в ящике, - закрыв лицо руками, произнёс трактирщик. – Райт?

Кивнув, мальчик бегом вернулся обратно в таверну.

- Поэтому монстр и забрал Торана, - объяснил Бромар. – Твой сын часто касался яйца, и на ладонях мальчика остался его запах. Тварь почуяла его, ведь её создали именно для этих целей. Яйца этих птиц представляют для волшебников немалую ценность.

Будучи более не в силах смотреть на оскверненный скелет, Бромар вернулся обратно в таверну. Амон и остальные последовали за ним.

Втащив яйцо в комнату, Райт при помощи одного из горожан водрузил его на стол. По покрытой грязью белой скорлупе бежала россыпь трещин. Пальцем Бромар слегка надавил на одну из них. Изнутри заструилась болезненно-зелёная жидкость.

- Это яйцо мертво, - произнёс он. - Из него уже никто не вылупится. Однако некроманту, как и его захоронителю, это неизвестно. Его слуга стремится лишь к одному – успешно выполнить данное ему задание. Скажи, - обратился он к Амону, - где ты отыскал тело роха?

- Торан... он ведь прекрасно знал, что мои личные вещи трогать нельзя, - слабым голосом произнёс трактирщик.

- Он просто ребёнок, - сказал Бромар. – Ребенок, который очень гордится трофеем своего отца.

Отсветы зарождающегося утра проникали сквозь кроны Черных Вязов, шлемошипников и ползучих деревьев, образуя причудливые узоры. Бромар почти бежал по еле заметной тропинке – кратчайшему пути, указанному ему Амоном.

Тяжелое яйцо, в скорлупе которого находился полусформированный труп, холодило его спину. Глядя на проносящиеся мимо деревья, он подумал, что, несмотря на свою ношу, у него есть неплохой шанс опередить монстра.

Спустя некоторое время впереди показалась широкая прогалина. Судя по всему, ослабевший от смертельных ран рох, расправив крылья, почти отвесно рухнул с небес. Самые молодые деревья оказались вырваны с корнем, остальные же надломились. Ботинки Бромара неглубоко погрузились в мягкую грязь и, опустив

взгляд, он увидел длинные глубокие борозды, которые процарапали в земле когти бьющейся в агонии птицы. Создавалось впечатление, будто на этом небольшом пятачке разразился жестокий шторм, совершенно не затронувший окружающую растительность. Повсюду высились груды камней и земли.

Бромар поставил свою ношу возле одного из пней. Несмотря на то, что вокруг по-прежнему царил полумрак, он не стал зажигать солнечный жезл. Ему хотелось, чтобы его присутствие оказалось сюрпризом для приближающейся твари – а в том, что захоронитель вернётся сюда, он был абсолютно уверен. Учитывая полученные им ранения, ему обязательно потребуется отдых перед тем, как вернуться к своему хозяину.

Рука Бромара рефлекторно потянулась к висящему у него на шее священному символу. Внезапно он осознал, что так и не забрал амулет своего учителя с тела Милры. Скорее всего, горожане закопают его вместе с ней.

- Верни её тело земле, - закрыв глаза, произнёс он вслух. – Мы все – дети Чонтии...

Внезапно его ушей достиг какой-то звук. Не успев договорить молитву, Бромар развернулся. Из кустов появился захоронитель, таща с собой бессознательное тело Торана.

Бромар вскинул священный символ, и на поляне вспыхнул солнечный свет. Уцелевшие деревья жадно потянулись к источнику сияния, и даже сама земля всколыхнулась, подавшись в сторону священника.

- Богиня да низвергнет тебя во тьму! – воскликнул Бромар. От звука его голоса по коже захоронителя поползли мурашки, и он уронил тело Торана на землю. Из его зашитых губ засочилась черная жидкость. Монстр сделал шаг вперед, словно пытаясь определить, насколько это сияние опасно для его мёртвой плоти.

- Правильно, - выдохнул Бромар. – Иди сюда, - отведя руку назад, он развязал веревку на мешке, в котором лежало яйцо. Когда захоронитель окажется достаточно близко, то непременно учует запах своей добычи. Единственное, что стоит между ним и его целью – это Бромар.

Прикрыв глаза рукой, чтобы защитить их от обжигающего света, монстр продолжал приближаться.

- Чонтия, не оставь меня! – взмолился Бромар. – Используй моё тело и сокруши зло!

Над его рукой возник сияющий символ розы в окружении спелых побегов пшеницы. Ветви деревьев заколыхались под мелодичными порывами ветра. Захоронитель взвыл и вцепился в нити, сшивающие его губы. Пригнувшись, он кинулся на Бромара.

Священник схватил свою косу. Лезвие ярко вспыхнуло. Его удар начисто отсек левую руку твари, и отрубленная конечность упала на траву, окропляя её черной жидкостью.

Однако монстра это не остановило.

Уцелевшей рукой он ударил Бромара в грудь, отбросив его в одну из глубоких борозд, оставленных когтями роха. Тот вскинул руки, готовясь защищаться от следующей атаки... но её не последовало.

Захоронитель с силой ударил кулаком в стену ямы. На Бромара обрушился поток перемешанной с камнями грязи, ослепив его. Удар следовал за ударом, земля продолжала содрогаться.

Бромар попробовал подняться на ноги, но вес, придавливающий его к земле, оказался слишком велик. Грязь забила ему в глаза, ноздри и рот. Пытаясь сделать вдох, он отчаянно принялся отбрасывать её от лица. Бесполезно. Он закашлялся.

«Чонтя, нет! Только не это, Мать! Прошу!»

Он не имел возможности дотянуться до своего священного символа – и руки, и ноги его оказались полностью обездвижены. Всё, что он слышал – это шуршание падающей вниз земли, но и оно постепенно становилось всё глуше и глуше.

Сердце Бромара бешено колотилось. Он попытался сделать вдох, но не смог. Лёгкие разрывались от недостатка воздуха. Вскоре у него не останется сил бороться. Неужели он навсегда останется здесь, похороненный заживо?..

Чёрный туман клубился в его голове. Бромар попытался закричать. Его рот был забит грязью, и из горла его не вырвалось ни звука.

В отчаянии он сосредоточился на своих ощущениях – на холоде наваленной на него земли, на священном символе, прижатом к его груди. Когда сознание почти покинуло его, в его голове зазвучали слова его наставника: «Эта смерть – часть бремени, которое накладывает на нас Чонтя. Мы принимаем и расцвет, и распад, ведь без одного не бывает другого».

«Смерть и жизнь», - подумал Бромар. – «Все мы – дети Чонтии».

- Мать, - безмолвно взмолился он. – Возьми моё тело. Используй меня.

В его груди вспыхнул жар. Бромару представилась пылающая алая роза, чей свет пробивается наружу сквозь оскверненную умертвием землю. «Возьми моё тело. Используй меня».

Что-то слегка коснулось его кожи. На миг ему показалось, что это были черви, которые спешат приступить к пиршеству, но нет – это ощущение оказалось совсем иным. Мягкие тёплые усики обвились вокруг его живота, рук и ног. Ноздри его наполнил запах свежей травы и первой весенней поросли. Вокруг него взбурлила жизнь, прокладывая путь через толщу земли, и он начал медленно подниматься вверх.

Зелёные побеги становились всё крепче и крепче, вознося его тело на поверхность. В его груди пылал обжигающий жар, похожий на маленькое солнце – золотое бьющееся сердце, откуда берёт начало всё живое.

Вынырнув наружу, Бромар полной грудью вдохнул благословенный воздух. Протерев глаза и выплюнув изо рта остатки грязи, он перекатился на живот, чтобы сполна насладиться запахом новой жизни.

И яйцо, и захоронитель исчезли. Торан лежал там же, где монстр его бросил. Мальчик так и не пришёл в сознание, однако его грудь размеренно поднималась и опускалась. Он был жив.

- Спасибо, Мать! – прошептал Бромар.

Подползя к ребёнку, он аккуратно обхватил его сломанные руки и начал молиться. Вспыхнул свет, и переломы срослись, а тело мальчика полностью очистилось от смрада смерти и разложения.

Бромар прижал кончики пальцев к ладонкам ребёнка.

- Торан, - тихо позвал он. – Очнись.

Сын трактирщика пошевелился. Глаза его распахнулись. Увидев перед собой Бромара, он издал долгий вздох и облегчённо обмяк.

- Это ты, - произнёс он.

Бромар кивнул.

- Я пришёл вернуть тебя домой.

Не торопясь, он помог мальчику сесть. Торан уставился на что-то, находящееся за спиной Бромара. Его глаза расширились.

- А это здесь откуда?

Священник повернулся. Несмотря на то, что вокруг по-прежнему царила полная разруха, из борозды, оставленной когтем роха,росло огромное дерево. Ветви его раскинулись над поляной, словно защищая её, а корни глубоко уходили в землю.

- Отсюда, - Бромар указал на свою грудь. – Моя жизнь истекала, так что я предложил её земле. Это дерево выросло на том месте, где я едва не погиб. Оно спасло меня.

Протянув руку, Торан коснулся его священного символа, в котором до сих пор теплился жар.

- Приятно, - произнёс он. Однако его страх окончательно не исчез. – А что случилось с тем монстром?

Бромар уставился в темноту лесной чащи.

- Он ушёл. Вернулся к хозяину. Больше он вас не беспокоит.

Ему не хватило сил на то, чтобы справиться с чудовищем. Однако, вспомнив о гниющем яйце, Бромар представил, какое разочарование постигнет его хозяина, когда он выяснит, что поиски его прислужника оказались тщетными. Эта мысль слегка утешила его.

«Бремя Чонтии», - подумал он. – «Смерть всегда вокруг нас».

- Но не здесь, - произнёс Бромар вслух, устремив взгляд на новорождённое дерево. – И не сейчас.

ПИРШЕСТВО ЛУНЫ

Кристофер Роу

Тигр взревел, раздирая когтями содрогающуюся плоть своей жертвы. Его ноздри широко раздувались, жадно впитывая аромат свежей крови. Однако новый запах — запах куда более привлекательной добычи — заставил его промедлить.

Его взгляд устремился на черную с белыми подпалинами лошадь, которая подошла настолько близко, что он мог бы преодолеть разделяющее их расстояние

всего за один прыжок. Весьма подозрительно; хотя мясо травоядного и было намного вкусней, чем жилы и хрящи того кабана, которому не повезло сегодня стать его добычей, даже опытный боевой конь, почуяв его, несомненно, бросился бы в паническое бегство. Тем не менее, эта лошадь, опустив голову, сделала еще один шаг вперед.

В глотке тигра зародилось утробное рычание, и он присел, готовясь к прыжку. И замер. Его мохнатое ухо дернулось — посланный лошастью ментальный импульс каким-то образом сложился во фразу, понятную его звериному рассудку.

«Ты не тигр», - произнесла лошадь. - «Ты человек. Ты Джег».

Эта мысль помогла человеку вынырнуть из глубин разума зверя. Его мышцы с дрожью трансформировались. Джег Фелидак, Глава Охоты племени Аркаюн, рухнул на колени, упираясь покрытой шрамами рукой в землю.

Когда он отдышался и снова обрел способность говорить, Джег поднял голову, подставляя лицо текущим с осеннего неба струям дождя.

- Слава Владыке Зверей, - прошептал он.

С осторожностью ступая по промокшей земле, лошадь подошла к нему. Ей приходилось аккуратно выбирать дорогу — месяц гниения Уктар уже миновал, и трава аркхас окончательно завяла. Следующая весна принесет с собой новую зеленую поросль, но сейчас раскисшая почва долины Дамбрат была скользкой и неустойчивой.

- Кровь напитала эту землю, Коза, - произнес Джег. Подняв руку, он ухватился за лошадиную гриву. Кобыла послушно подняла голову, помогая своему хозяину встать на ноги. - Напитала и насытила.

Окончательно придя в себя после превращения из одного смертоносного хищника в другого, Джег низким рычащим голосом завел Песнь Крови жрецов Малала. Достав из висящих на поясе ножен нож, он принялся разделявать кабанью тушу.

«Ты проделал долгий путь. От самых гор Стражей Гноллов до Дамбрата ты шел, старый воин, в надежде отыскать достаточно пищи, чтобы пережить эту зиму», - отдавая честь павшему противнику, произносил мысленно Джег, не прекращая петь. - «Теперь твои кости и кровь послужат пищей для моей молитвы».

Каждый сезон Владыка Зверей Малал призывал своих последователей отправляться на Высокую Охоту. Глава всадников племени Аркаюн должен был провести ритуал, чтобы отыскать на расстоянии дня пути наиболее достойную его добычу и одолеть её. Несколько месяцев назад мрачная жрица, которая и посвятила Джега в тайны этой мистерии, ушла в ночь искать своё предназначение — и не вернулась.

Разрезая мышцы и сухожилия, Джег задавался вопросом — пошлет ли его Малал охотиться именно за той тварью, что одолела его наставницу, или же ему предназначена иная судьба?..

Сквозь разрывы облаков выглянула восходящая луна. Её желтый круглый диск воссиял над равниной, и тени, отбрасываемые холмами Мертвых Королей, стали глубже. Джег, занятый священной работой, склонился над телом своей жертвы.

С помощью ножа он очистил от плоти длинные кости и грудную клетку кабана и соорудил из них импровизированный алтарь. Окровавленными руками он возложил на него клыки, мясо и внутренности зверя. Затем, воззвав к первобытным силам, что позволяли ему превращаться в тигра, он возжег под алтарем священный огонь. В ночное небо поднялся столб дыма, расчертив лик Селунэ толстой черной чертой.

С дымом вознеслась и молитва.

- Спустись на луга, о Владыка Зверей, - произнес Джег. - Воструби в свой охотничий рог. Открой мне путь к добыче, что ты сочтешь достойной.

Ритуал был завершен, и Джег ощутил, что его дух возносится над распростертым подле алтаря телом и устремляется ввысь.

Сначала на юг, туда, где спали погруженные во тьму земли. Джег ощущал за спиной жаркое дыхание бога, которое гнало его вперед по безбрежным просторам равнин, пересекаемых неглубокими речушками. Он заметил нескольких сородичей из племен Аркаюн и немногочисленных Дамбратских тигров.

Неудержимая и яростная воля, что вела его, повернула на восток.

Они перенеслись через реку Аммат, где равнины сменились солончаковыми болотами и заливами южного Лливуда. Здесь обитали одаренные нечестивой магической силой алые чешуйчатые твари, над которыми властвовал демонический принц-змея. Джег почувствовал, что Владыка Зверей на миг остановился в раздумьях — и затем его разум резко рвануло обратно на север, а потом к западу.

Холмы Мертвых Королей издавна считались в племени Аркаюн запретной территорией для охоты — здесь, в скрытых глубоко под землей склепах, покоились древние владыки их народа. Поэтому они избегали этих мест, оставив земли халфлингам, основавшим здесь немногочисленные деревушки и фермы.

Среди полуросликов и тощих волков, что жили охотой на их овечьи стада, Малал также не нашел достойной добычи; Джег почувствовал, как его дух устремляется в узкое ущелье.

Там тек ручей, бурный и полноводный после сезона дождей — но разум Джега, влекомый волей его божества, был быстрее. Его неудержимо тянуло к древней распахнутой каменной двери, которая находилась подле основания одного из отвесных склонов холма. Возле неё в ночи сиял сигнальный огонь.

Владыка Зверей напал на след, и Джег почувствовал, как его душа устремляется вперед. Давление воли темного божества стало сильнее. Внезапно движение прекратилось, и позади пылающего в алтаре пламени Джег узрел огни факелов, которые держала немногочисленная группа халфлингов.

Одна из них смахнула многовековую пыль, что покрывала глубоко вырезанные руны, идущие по периметру каменной двери. Джег увидел, как волшебница вскидывает посох...

Всё исчезло. Теперь он знал, что за судьба постигла его предшественницу, Госпожу Охоты Селину.

Однако Малал дал ему запах — запах его добычи, запах смерти. Для жрецов Владыки Зверей охота не прекращалась никогда; будучи всадником, Джек мог немедленно оседлать Козу и, дважды прищелкнув языком, направить ее по следу своей добычи. Тем не менее, он привык подходить к выслеживанию жертвы с не меньшей дотошностью, чем к её убийству, поэтому решил провести еще один ритуал.

Запах смерти завлакивал его чувства, словно патина, покрывающая металл. Джек знал, что его цель где-то на севере — её вонь одновременно и манила, и отталкивала его. Однако те земли были ему незнакомы, а запах - столь интенсивен, что он сомневался, удастся ли ему определить его источник за тот единственный день, который был отведен на исполнение ритуала. Мудрый охотник знает, когда возникает нужда в проводнике.

Тихо напевая молитву, Джек отработанным движением быстро и аккуратно начертил на земле кончиком ножа два перекрещивающихся символа. Огонь почти потух, но он продолжал сидеть возле своего импровизированного алтаря, озаренный светом угасающих языков пламени. Ему требовалось, чтобы его нашли.

Долго ждать ему не пришлось.

«Он идет», - вспыхнуло в его сознании сообщение Козы.

Обоняние лошади, как обычно, не подвело. Всматриваясь в ночь, Джек заметил зайца, который стремительными неровными прыжками направлялся в его сторону.

- Маленький братец, - произнес он, и заяц наострил большие уши. - В горах находится группа халфлингов, которые далеко ушли от своих логов. Они сейчас в старой каменной норе, где воняет смертью. Отведи меня туда.

Рефлексы Джега были необычайно остры, но даже его застала врасплох на скорость, с которой заяц исчез в ночи. С тихим ругательством он вскочил на ноги и, в последний момент ухватившись за гриву пустившейся вскачь Козы, вспрыгнул ей на спину.

Единственным видом седел, что признавали Аркаюн, являлись Три Круга — сложная конструкция, сплетенная из сделанной из травы аркхас веревки. Левой рукой Джек ухватился за упряжь, которая опоясывала грудь Козы; ноги его привычно скользнули в две петли, что служили стременами.

Коза по праву считалась одной из быстрых лошадей этих равнин, но даже ей оказалось непросто не отставать от их проводника, который вел их всё глубже и глубже в Холмы Мертвых Королей. Порой облака расходились, и свет Селунэ озарял голые вершины взгорий. Однако Джегу было не до осмотра окрестностей — краем глаза он замечал лишь пологие склоны да один-единственный раз мимо промелькнул круг из полуразрушенных временем камней. Он понятия не имел о том, где они сейчас находятся.

Наконец по его сигналу Коза остановилась. Её грудь тяжело вздымалась. Небеса окрасились первыми лучами рассвета. Кролик, за которым они следовали на протяжении самых темных часов, что предшествуют началу дня, исчез, но он узнал ручей из своего видения.

Охотник поспешно расплел Три Круга и спрятал перевязь между завалов камней. Сорвав несколько пучков засохшей травы, он принялся обтирать взмыленную кобылу. Как же хорошо, что она не загнала себя до смерти во время их бешеной гонки!

- Сейчас я отправлюсь на охоту, сестренка, - произнес он. - Отдохни.

«Отдохну», - эхом отозвалась она, устало склоняя голову.

Джег снова приготовился трансформироваться, но в последний момент промедлил. Он присутствовал при её появлении на свет, он был тем, кто первым взял ее на руки и потом на протяжении года не отходил от неё ни на шаг — необходимая мера, чтобы приучить жеребенка к запаху опасного хищника, что исходит от её всадника. С тех пор им доводилось разлучаться лишь считанные разы — тогда, когда охота или воля божества вынуждали Джега отправляться в путь в одиночестве. Тем не менее, никогда прежде он не испытывал желания сказать ей те слова, которые сейчас рвались с его языка.

- Найди какое-нибудь укрытие и не высывайся. Если к полуночи я не вернусь, отправляйся обратно на равнины. Там ты сможешь отыскать племя либо же... насладись новообретенной свободой.

В сознании Джега вспыхнули эмоции Козы — беспокойство и смущение.

«Где я найду тебя?»

Трансформация началась, и Джег отвернулся от неё, послав ей на прощанье одну-единственную мысль.

«Я буду ждать тебя на Диких Пустошах. В новом мире».

Лежа в засаде, тигр непрерывно дергал носом, чтобы избавиться от запаха порчи. Хищник распластался на вершине холма, вглядываясь в окутанную туманом долину. Тела четырех халфлингов и около полудюжины пони и грузовых мулов валялись посреди расположенного на берегу ручья разгромленного лагеря. Судя по всему, с момента их гибели прошло не меньше десяти дней.

Ту часть тигра, что была Джегом, этот факт встревожил. Если верить его видению, они ещё недавно были живы.

За всё это время ни одно животное не спустилось к воде, чтобы напиться. Над трупами не кружили стаи воронья. Лишь ручей продолжал безмятежно журчать в своем каменном ложе. Что-то определенно было не так.

Внезапно краем глаза он уловил слабое движение. На склоне холма, под которым был разбит лагерь, появились два халфлинга.

Желая снова обрести ясность мыслей, Джег усилием воли превратился в человека. Прошлой ночью, захваченный экстазом видения, что послал ему Владыка Зверей, он не обратил особого внимания на тех, кто посмел осквернить древнюю гробницу. Тем не менее, он мог поклясться, что эти двое - не из их компании.

Новоприбывшие, носившие кожаную броню и маскировочные плащи серо-зеленого цвета, начали спускаться вниз. Делали они это осторожно и тихо,

периодически ненадолго замирая на месте – в этот миг их было практически невозможно рассмотреть на фоне склона. Они двигались так же, как и сам Джек.

Охотники? Или убийцы, что искали отмщения за своих погибших сородичей?

В любом случае, они являлись врагами. Он не позволит им забрать его добычу.

Тем не менее, от них тоже могла быть польза. Если они сумеют выманить жертву наружу...

Когда эти двое добрались до лагеря, они обошли тела, внимательно рассматривая каждое из них, включая те, что принадлежали животным. Над трупами своих сородичей они проделывали несколько жестов – Джек решил, что это часть молитвенного ритуала, посвященного какому-то из халфлингских богов. В конце-концов они повернулись друг к другу и откинули капюшоны плащей.

Это оказались две женщины, которые выглядели столь похоже, что различить их можно было лишь по прическе. Каштановые волосы одной из них были обрезаны коротко, в то время как вторая заплетала их в длинную толстую косу. Судя по всему, они о чем-то говорили, хотя Джек сомневался, что у него бы получилось услышать хоть слово, даже если бы он прятался непосредственно в самом лагере.

Судя по всему, в конце-концов им удалось прийти к соглашению. Напоследок они ещё раз внимательно осмотрели разрушенный лагерь и окружающие его холмы. Джек тщательно выбирал место для засады – отсюда открывался великолепный вид на лощину и вход в гробницу, но лучи восходящего солнца не могли предательски высветить его силуэт на фоне рассветных небес. Шкуры, из которых был сделан его плащ, по своим камуфляжным качествам не уступали шерстяным накидкам халфлингов. После трансформации в человека он не шевельнул ни мускулом.

Тем не менее, одна из сестер на несколько долгих мгновений задержала взгляд на его укрытии. Казалось, что она смотрит прямо на него. Затем она отвернулась, продолжив изучать лощину.

«Охотницы», - решил Джек.

Удостоверившись, что позади не осталось никакой возможной угрозы, сестры повернулись ко входу в древнюю гробницу.

И со вскриками упали на землю, откатившись в стороны.

Всё произошло столь стремительно, что Джек едва успел разглядеть темный шар, который вылетел из недр пещеры прямо в сторону халфлингов. Снаряд врезался в один из валяющихся возле ручья валунов, разбрызгавшись мерзкой маслянистой дымящейся субстанцией. Охотник осознал, что рефлекторно отшатнулся назад.

Оторвав взгляд от пузырящейся на камнях грязи, он посмотрел на гробницу. Сестры устремились в укрытия, обнажая мечи. Тень, что скрывала вход в пещеру, стала заметно глубже, словно там находилось нечто, чье тело полностью перекрывало дверной проем.

Нет, внезапно догадался Джек. Дело вовсе не в размерах. Оно летает!

Он не ошибся. Неуклюжими рывками тварь выбралась наружу, не обращая никакого внимания на дротики, которые метали в неё халфлинги. Судя по всему, в воздухе её удерживали вовсе не изодранные крылья, что неподвижно возвышались над худыми плечами. Гниющий ангел взмыл вверх. Его алые глаза пылали, на лбу

росли два изогнутых черных рога, а пальцы длинных рук оканчивались острыми когтями.

Тело чудовища поблескивало в лучах восходящего солнца. Из каждой его поры струилась густая черная жижа, полностью покрывавшая кожу. Оставляя за собой след из струящихся с кривых ног потоков ядовитой жидкости, он воспарил над на территории разгромленного лагеря.

Исходящий от гниющего ангела запах оказался столь интенсивен, что слезы навернулись Джегу на глаза. Однако он осознал, что дело было не только в запахе.

- Это она, Владыка Зверей? - прошептал он. - Это твоя избранная добыча? - Добыча, что смогла расправиться с его наставницей. Добыча, которую он теперь был просто обязан убить.

Словно благословляя халфлингов, тварь широко раскинула руки — это выглядело пародией на тот жест, что Джек проделал перед алтарем несколько часов назад. В двойняшек полетело ещё несколько грязевых шаров, и те стремительно бросились в стороны.

И отступили, швырнув в тварь еще несколько бесполезных дротиков. Гниющий ангел ленивым жестом отмахнулся от их атаки. Не утруждая себя взмахами крыльев, тварь проплыла над телами погибших халфлингов. Стекающая с ее тела жижа взбурлила вокруг них зловонной лужей.

Ещё до начала трансформации Джек поджал ноги и прыгнул. Он кубарем покатился по склону холма, на ходу меняя форму. Уже не человек, а гигантский охотничий кот на полной скорости вбежал в ложину, издав рев, способный вогнать в ужас даже самого храброго врага.

Но не этого. Иссохшие уши дернулись, и гниющий ангел, позабыв о халфлингах, начал поворачиваться в его сторону. Однако тигр двигался настолько стремительно, что к тому времени, как тварь окончательно развернулась, он уже успел перепрыгнуть через ручей и снова взвиться в воздух, оскалившись и вытянув вперед когтистые лапы.

Всем своим весом он обрушился на монстра, повергнув его на землю. Несколько ребер твари треснуло. Внезапно Джега пронзила вспышка жаркой белой боли, а за ней... ничего. Прежде, чем ангел успел впиться когтями в его незащищенные бока, он отпрыгнул в сторону. Приземлившись, тигр пошатнулся, чуть не потеряв равновесие. По его телу разливалась предательская слабость.

В замешательстве он поднял лапу. Блестящие, бритвенно-острые когти стали коричневыми и ломкими. Даже шелковистая шерсть изменила цвет с черного на блекло-серый.

Встревоженный хищник, пошатываясь, отошел еще на несколько шагов. Ангел медленно поднялся в воздух. Тигр зарычал, но тварь, не обращая на него внимания, потянулась рукой к левому плечу и расправила сломанное крыло, зафиксировав его в прежнем положении.

Джек смутно осознавал, что для того, чтобы продолжить схватку, ему требовалось время, чтобы оправиться от нанесенного монстром урона. Он перепрыгнул на другой берег ручья и оглянулся, однако гниющий ангел не стал его преследовать.

Чуть выше по течению находилась небольшая сосновая роща, и несколько мгновений спустя охотник — уже в человеческом обличье — рухнул на землю, привалившись спиной к одному из деревьев. Джек скривился. Левая рука его не слушалась. Она была серой и иссохшей — словно конечность трупа, которую по ошибке пришили к его локтю.

Он привычно забормотал слова исцеляющей молитвы, однако запнулся, осознав, что взывает к помощи бога, во имя которого и получил эту травму. Возможно ли, что это произошло по его воле?..

То ли в результате его колебаний, то ли из-за воздействия губительного яда, что проник в плоть, рука его восстановилась не полностью. К ней вернулась подвижность, но не более. Выглядела она сморщенной и слабой, словно конечность дряхлого старика. И, когда он напряг мышцы, то понял, что силы в ней практически не было.

За осознанием последовало откровение. В голове Джега зазвучал призрачный шепот. Этот голос принадлежал Селине, жрице, что носила титул Главы Охоты до Джега.

Путь Глав Охоты – отсеив слабых.

«Это вызов», - подумал Джек, отчаянно стараясь отыскать опору в вере. - «Это — священный вызов, и, согласно религии, каждый вызов следует расценивать, как охоту».

Вскочив на ноги, он бестрепетно вышел из-под сени деревьев. На расстоянии, не превышающем дистанцию выстрела из лука, гниющий ангел продолжал безмятежно парить над развалинами лагеря халфлингов. Когда Джек пересек ручей, он медленно повернулся в его сторону и полетел вперед.

Но затем — по причинам, о которых охотник мог только догадываться — его добыча развернулась и бросилась в бегство.

Прошла уже половина суток из тех, что были отведены на Высокую Охоту. Он сумел отыскать свою цель и, пусть и временно, потерпел поражение — так же, как и его предшественница. Джек по-прежнему понятия не имел, кто именно станет жертвой Владыки Зверей следующей ночью — он или его соперник, но с каждым мгновением, что проходило в попытках отыскать след ангела, с каждой лигой, что стремительно исчезала под его лапами в погоне за вожаком добычей, его покачнувшаяся вера лишь крепла.

Его жертва то и дело исчезала из виду, скрываясь за поворотами петляющих между холмов извилистых ущелий, однако всё это не имело никакого значения. Для того, чтобы выследить тварь, было вовсе необязательно её видеть. Пятна выжженной земли, травы и несколько всплывших кверху брюхом форелей, плавающих в ставших коричневыми водах ручья, безошибочно указывали на её путь.

Внезапно впереди раздался оглушающий грохот камнепада. Обогнув очередной уступ, тигр увидел, что ангел корчится, оказавшись наполовину погребенным под обвалом. Половина склона одного из холмов исчезла, и ущелье превратилось в

тупик. Отчаянно дергая крылом, тварь неистово скребла камни пальцами свободной руки и ноги. Из глотки её рвался высокий пронзительный вой.

Двое охотниц-халфлингов поспешно сбежали со склонов холмов, окружающих заваленную лощину. Оказавшись возле твари, они принялись рубить её короткими серебряными клинками, ловко уворачиваясь от ударов чудовища. Они двигались в полной гармонии – когда одна отступала, чтобы избежать его яростных атак, вторая молниеносно наносила удар.

Хотя субстанция, покрывающая тело монстра, моментально скрывала под собой полученные им ранения, их было слишком много; следовательно, со временем их непременно ждет успех.

Это значит, что Джек не получит свою добычу, Селина - отмщение, а Малал – жертву.

Предупреждающий рев тигра на миг перекрыл вой агонизирующего ангела, эхом отразившись от склонов холмов. Будучи опытными воинами, сестры ни на секунду не растерялись. Моментально отпрыгнув от чудовища, они встали спина к спине, сжимая мечи обеими руками.

Тигр понятия не имел, связывает ли их некая телепатическая связь либо же опыт позволяет им предугадывать каждое движение друг друга, но даже вонь, что забивала его нос, не помешала ему почувствовать, что запахи их были так же идентичны, как и внешность. Возможно, это и объясняло слаженность их действий.

Не говоря ни слова, одна из женщин нагнулась, а вторая стремительно забралась ей на плечи. Прежде чем тигр успел к ним приблизиться, она вспрыгнула на узкий каменный выступ, который он поначалу не заметил, и принялась метать в него дротики.

Охваченный гневом, тигр взревел. От большей части снарядов ему удалось увернуться, однако один из них оставил длинную болезненную царапину у него на лбу. Из раны хлынула кровь, заливая глаза. Пытаясь проморгаться, он увидел, что женщина нагнулась, чтобы помочь своей сестре вскарабкаться наверх. Достав еще несколько дротиков из поясных карманов, они развернулись, готовясь к следующей атаке.

Однако они недооценивали дальность его прыжка. Он взвился в воздух. Его когти скрежетнули по камню в считанных дюймах от ног одной из сестер.

Действуя столь же согласованно, как и прежде, двойняшки легко побежали по уступу, оставив ангела с тигром один на один. Там, где склон противоположного холма выдавался вперед, образуя еще один выступ, они перепрыгнули через разделяющее их пространство и, не оборачиваясь, устремились вверх по взгорью, исчезнув из виду.

Издав утробное рычание, тигр устоял на вершину холма. Ответа не было. В узком карьере воцарилась тишина.

Гниющий ангел затих, больше не пытаясь вырваться из каменной ловушки. Тигр развернулся, готовясь встретить его атаку – атаку, которой не последовало.

Чудовищная тварь в молчании смотрела на него. Очевидно, гниющий ангел осознал бесплодность своих попыток и перестал дергаться. Даже черная жидкость, что сочилась из каждой поры его тела, практически иссякла; лишь тонкая черная струя лилась с кривой ноги, торчащей из-под завала камней.

Взгляд алых пылающих глаз ангела устремился на вершину холма, а затем он снова уставился на тигра. Его грудная клетка раздулась, и с губ сорвался хрип. Тигр сделал шаг назад, помня о способности твари создавать шары из едкой грязи, однако вместо этого ангел возобновил попытки вырваться на волю, действуя при этом намного более методично, чем прежде. Тигр осознал, что тварь над ним просто смеется.

Сморгнув кровь с глаз, он снова уставился на своего противника, оценивая его состояние. Даже несмотря на то, что тот оказался в столь безвыходном положении, его не следовало недооценивать – смертоносные когти и нечестивые энергии, что пропитывали его плоть, по-прежнему делали его опасным противником. Скорее всего, у тигра получится прикончить его одной-единственной атакой и не погибнуть, однако тихий шепот той его части, что являлась Джемом, твердил ему о том, что так поступать не стоит. Охота – это противостояние, противостояние между хищником и добычей – отсев слабых. Если он убьет гниющего ангела здесь и сейчас, это станет оскорблением для Владыки Зверей.

Оскалившись, тигр издал очередной предупреждающий рык и с осторожностью сделал несколько шагов по направлению к гниющему ангелу. Прекратив свои тщетные попытки, монстр в ответ воззрился на него.

На самой вершине устроенного халфлингами обвала находилась ветвь огромного дерева, одного из тех, что, словно титаны в окружении пикси, росли посреди сосновых рощиц, которые усеивали склоны холмов. Судя по её положению, именно её вес и вызвал этот камнепад.

Это могло сработать. Одним-единственным прыжком тигр запрыгнул на гигантское бревно. Под его весом оно начало смещаться, и он всей своей тяжестью навалился на его свободный конец. Несколько небольших камушков покатались вниз, затем пара валунов побольше; наконец целый оползень, окруженный клубами пыли, с грохотом устремился в лощину. Тигр спрыгнул с бревна, приземлившись в точности на то место, где находился ранее, и обернулся, чтобы увидеть результат своих действий.

И упал – его правый бок вспыхнул болью. В результате его действий гниющему ангелу удалось освободиться, и он навис над распростертым тигром. Рана, которую когти твари оставили на боку хищника, вспыхнула болью, а в распростертой руке монстра уже обретал форму ядовитый шар. Те его конечности, что оказались погребены под камнепадом, выглядели еще более изломанными и исковерканными, чем прежде, но, очевидно, никаких неудобств он от этого не испытывал.

Шар сорвался с его ладони, и едкая черная жидкость расплескалась по раненому боку тигра. Взревев, хищник развернулся, пытаясь впиться клыками в ногу твари, но ангел стремительно взлетел вверх, оказавшись за пределами его досягаемости. Тем не менее, он не стал развивать свой успех; неподвижно зависнув в воздухе, он продолжал сверлить тигра пылающим взглядом.

Когда тигру наконец удалось подняться на ноги, его противник перелетел через каменный завал и исчез.

Охота снова началась.

К моменту наступления сумерек боль, усталость и истощение практически лишили тигра способности трезво мыслить. Его громогласный рык превратился в жалкий хрип. Ему уже не раз удавалось догнать свою нечестивую добычу, но гниющий ангел словно дразнил его, сначала подпуская к себе на расстояние прыжка, а потом взмывая в небеса.

Но, когда поднялась полная луна, всё изменилось.

Тигр бежал по вершине гряды, время от времени устало поднимая потяжелевшую голову, чтобы взглянуть на своего неуловимого противника, который продолжал держаться на расстоянии полета стрелы. В лунном свете его силуэт был прекрасно различим на фоне небес. За этот долгий день исходящая от твари вонь начисто отбила тигру обоняние. Возвращение халфлингов стало для него сюрпризом, о котором он узнал лишь тогда, когда гниющий ангел обратил на них свой взор. Они прибегли к своей излюбленной тактике, расставив очередную ловушку; для этой они использовали приманку – приманку, которая оказалась тигру смутно знакома.

Черная с белыми подпалинами лошадь была привязана к колу, вкопанному в центре круга стоячих камней, пронизанных прожилками голубого кварца, что слабо поблескивали в лунном свете. Однако вовсе не вид этого каменного круга вызвал странное жужжание где-то на задворках разума хищника. Кто-то отчаянно зывал к нему.

Тигр встряхнул головой, стремясь сосредоточиться на своей добыче. Эта лошадь явно привлекла внимание гниющего ангела. Развернувшись, он направился в её сторону.

Судя по всему, исходящее от камней голубое свечение вызывало у монстра определенную неприязнь, однако он, не останавливаясь, вплыл внутрь круга. Длинные когти потянулись к боку дрожащей кобылы.

Из-за камня тихо вышла одна из сестер. Стремительным взмахом клинка она рассекла удерживающую лошадь веревку. С противоположной стороны появилась вторая. Она с криком огрела испуганную кобылу по крупу плоской стороной меча, и та стремглав бросилась в бегство, в последний миг ускользнув от алчущих когтей гниющей твари.

Жрец внутри тигра разгадал план сестер. Должно быть, этот каменный круг был культовым местом их народа. Возможно, они поклонялись богине, чье имя носила луна, и ночь полнолуния являлась для них священной. Как бы то ни было, они явно стремились заручиться божественной помощью для финальной схватки с нечестивым порождением подземелий, что несло гибель их соотечественникам.

Он не мог позволить им похитить его добычу во славу иного божества.

Собрав остатки сил, тигр издал полный ярости рев в надежде, что это снова заставит его соперниц отступить. Если у халфлингов получится справиться с монстром, то Малал останется без жертвы, а такого его бог не потерпит.

Словно прочтя мысли тигра, гниющий ангел принялся медленно кружить, поднимаясь выше. Взгляд его алых глаз устремился на него, а с губ сорвался хрип –

ужасающая пародия на смех. Струи черной жидкости, что стекала с его тела, исчезали ещё до того, как касались земли священного круга, но это его ничуть не тревожило. Более не обращая внимания ни на тигра, ни на халфлингов, что осыпали его дождем серебряных дротиков, он развернулся и с удивительной скоростью устремился за тем существом, что и привело его в этот круг...

За Козой. Внезапно спящий разум Джега взял верх над его тигриным «я». Звон в его ушах превратился в отчаянные крики.

«Джег!» – воскликнула кобыла, не снижая скорости.

Собрав все оставшиеся силы, Джег бросился в погоню за своим врагом.

В одной из лощин твари удалось загнать лошадь в тупик, однако, к удивлению охотника, сестры-халфлинги уже стояли между ангелом и Козой, покинув территорию своей священной земли. Несмотря на то, что они использовали кобылу в качестве наживки, им, очевидно, не хотелось отдавать невинное существо на растерзание подобному чудовищу.

Когда близняшки обнажили клинки, лик Селунэ скрыли набежавшие со стороны моря облака. Надвигалась буря.

По Холмам Мертвых Королей прокатился оглушительный раскат грома, но даже этот звук не смог заглушить яростный рев Джега. Он взвился в воздух. Услышав тигра, ангел опустил на землю и простер в сторону халфлингов руку, не давая им приблизиться.

Джег пролетел через то место, где только что находился его противник. Ангел взмахнул когтями, стремясь вспороть тигру брюхо, но промахнулся.

Воспользовавшись шансом, халфлинги бросились вперед, нанося удары по ногам и надкрыльям твари. Взыв, ангел развернулся обратно к сестрам и перешел в атаку. Сильный пинок отправил одну из двойняшек в полет.

Джег приземлился на каменный склон одного из холмов и бросился на незащищенную спину ангела. Когти его искалеченной лапы вонзились в черное плечо, а ударом второй он оторвал изрядный кусок от крыла твари.

Но, даже находясь спиной к своему противнику, гниющий ангел оставался опасным бойцом. Он стремительно взмахнул ногой, и сочащийся жидкостью шип на его пятке глубоко вонзился в правое плечо тигра.

«Джег!» - снова раздался крик Козы. Закаленная во множестве боев лошадь стремительно вбежала в ущелье и с силой лягнула ангела в бок. Тигр отступил, не в силах сделать ни единого вдоха, из пасти его капала кровь.

Однако для того, чтобы послать своему питомцу телепатический зов, дышать ему не требовалось.

«Беги, Коза!»

Тут же подчинившись, лошадь со всех ног устремилась к выходу из оврага, отчаянно призывая Джега последовать её примеру.

Однако, услышав раздающиеся неподалеку звуки боя, Джег моментально забыл о Козе.

Теперь у ангела оставался лишь один противник – воительница-халфлинг с длинной косой. Даже тигру с его острым зрением оказалось непросто уследить за её стремительными движениями. Не обращая внимания на льющиеся с небес потоки

дождя, она кружилась и прыгала, атаковала и отступала, используя любую возможность, чтобы нанести удар.

Джег заметил, что двое сражающихся начали понемногу отступать вглубь оврага – подальше от раненой, осознал он. Повернувшись, чтобы посмотреть на то место, куда упала воительница, он замер – к его шее прижимался острый клинок.

Раненая двойняшка заговорила на торговом наречии. В тех нечастых случаях, когда соплеменниками Джега приходилось использовать этот язык, речь их звучала резко и грубо, но акцент халфлинга отличался сладкозвучностью и плавностью.

- Оборотень. Ты защитил нежить, но потом весь день её преследовал. На чьей ты стороне?

Даже если бы Джег и захотел что-то сказать, глотка тигра была не приспособлена для человеческой речи. Однако он осознал, что ответа на её вопрос у него не было. В любом случае, она его дожидаться не стала.

Когда вторая воительница окликнула её на мелодичном языке халфлингов, раненая женщина отвела от его шеи клинок и, стремительно выхватив свободной рукой из поясных карманов несколько серебряных дротиков, швырнула их в ангела и бросилась сестре на подмогу.

Джег почувствовал, что по его груди от раны разливается холод. Не обращая на это внимания, он поспешил вслед за халфлингом. Но после первого же шага его левая передняя лапа подогнулась и он упал.

Тигр осознал, что у него не осталось иного выбора, кроме как сменить форму.

Охотник превратился в человека.

- Владыка Зверей, - взмолился распростёртый на земле Джег, лежа в грязи. – Даруй мне силы!

Но бог не ответил. В первый раз за всю свою долгую жизнь, посвященную служению Малалу, Джег осознал, что ему было намного проще понимать волю своего господина, когда он передвигался на четырех ногах, а не двух.

Но две ноги – это всё, что у него оставалось. Охотник заставил себя встать.

На левой стороне его груди зияла кровоточащая черная рана, а кожа на плече и предплечье обвисла и посерела. Та рука, что пострадала в самом начале боя, окончательно утратила подвижность.

Он положил ладонь на рукоять ножа для свежевания, который использовал для создания алтаря из костей кабана. Казалось, это произошло целую вечность назад. Джег презирал оружие, сделанное для человеческих рук – среди жрецов Малала это считалось вопросом чести. Однако, кроме этого ничтожного клинка, у него больше ничего не осталось.

Внезапно боевые кличи халфлингов стихли. Подняв взгляд, Джег увидел, что его противнику наконец улыбнулась удача. Схватив каждую из сестер за горло, он вздернул их в воздух. Его длинные черные пальцы впились в их плоть, полностью перекрыв доступ к кислороду.

Даже умирая, воительницы продолжали сражаться. Оставшись без своих мечей и дротиков, они в полной тишине неистово царапали предплечья ангела и пинали его по грудной клетке.

Джег швырнул нож в спину монстра. Его оружие упало на землю, не нанеся никакого урона; ангел не удосужился даже повернуть голову в его сторону. Когда

клинок упал в пузырящуюся лужу, натекающую из-под ног твари, послышался звон металла о металл.

Там, покрытый смертоносной субстанцией, находился один из серебряных мечей халфлингов. Оружие, которое по заветам веры Джега являлось запретным.

Бросившись вперед, охотник без всяких колебаний сунул руку под струи слизи, что, подобно падающим с неба потокам дождя, лились с тела чудовища, и схватил меч за рукоять.

Он понятия не имел, как с ним обращаться, но клинок халфлингов был легким и прямым, подобно его ножу. Крутнув его в руке, жрец уставился на гниющего ангела.

- О Малал, Владыка Зверей, - начал молитву он.

Услышав его голос, чудовище медленно развернулось, взор его пылающих очей был устремлен прямо в глаза Джега. Обмякшие тела халфлингов упали на землю.

Позади Джег услышал испуганное ржание Козы и приближающийся стук ее копыт.

- Это твоя жертва, - выдохнул он, вонзая серебряный клинок в грудь твари.

Разразившись кашлем, ангел взмахнул обеими руками, чтобы вспороть его грудную клетку. Даже умирая, он умудрился окатить Джега еще одним потоком грязи, но ему было уже всё равно. Он упал на спину, и его падение, как ему показалось, заняло целую вечность.

По его телу начал растекаться холод.

Над собой он увидел взволнованные лица – Козы, которая с громким ржанием отчаянно раздувала ноздри, и двоих сестер-халфлингов, поддерживающих друг друга.

Та из них, что заговаривала с ним раньше, наклонилась. Кожа на её горле была серой и омертвевшей. Она открыла рот, но с её губ не сорвалось ни звука.

Он знал, что она хочет спросить его о том, почему он это сделал.

Впрочем, ответа на её вопрос у него все равно не было.

МОЛИТВА ЗА БРАТА РОБЕРТА Филипп Этанс

Даггерфоллс, 17 найтала, год Нестареющего (1479 ЛД)

Крик девочки разорвал ночную тишину, словно нож – полотно ткани. Глаза её матери распахнулись ещё до того, как с неё слетел сон. Ей не раз доводилось слышать, как кричит её дочь, но так – никогда. В вопле ребенка слышался

неприкрытый ужас, и от этого звука кровь заледенела в венах женщины. Она попыталась окликнуть дочь, но поперхнулась, разразившись приступом кашля.

Не дожидаясь повторного крика, она стремительно выбежала в окутанный тьмой коридор. Грубые не полированные доски оставляли занозы в её обнаженных ступнях, но она так сильно замерзла, что практически не чувствовала боли. Она огляделась, пытаясь расслышать отзвуки голоса дочери, но вокруг царила полная тишина. Ей и в голову не пришло зажечь свечу перед тем, как выбежать из комнаты – по правде говоря, она вообще ни о чем не успела подумать – и, отойдя от своей спальни всего на несколько шагов, женщина осознала, что, хоть этот дом и принадлежит ей, она понятия не имеет, куда идти.

Внезапно раздался ещё один пронзительный вопль, который звучал отдаленно похоже на слово «мама». Женщина нечленораздельно закричала в ответ.

Пробежав ещё несколько шагов, она пребольно ударилась о покрытую деревянными панелями стену и окончательно проснулась, вновь обретая способность связно мыслить.

- Где я? – прошептала она сама себе и воскликнула. – Лиллия!

Её дочь не ответила, и женщину вновь охватила паника. Непрерывно моргая и беспорядочно размахивая руками в тщетных попытках разогнать царящую в широком и промозгом коридоре тьму, она ещё раз выкрикнула имя дочери.

Внезапно её ладонь коснулась холодного настенного подсвечника, в котором, судя по всему, уже давно не было свечей. Это позволило ей определить, где она находится - в этом коридоре подсвечники находились лишь с одной стороны. В тот же миг раздался ещё один вопль, закончившийся неразборчивым хныканьем, и, руководствуясь этим звуком, женщина развернулась и бросилась к комнате дочери.

- Лиллия! – выкрикнула она снова, нащупав дверной косяк комнаты, которая находилась по соседству с её спальней. – Мама здесь, детка. Мама...

Картина, которая открылась ей в неярком свете, исходящем от тлеющих в камине углей, заставила её заорать от ужаса так громко, что глотку её пронзила боль, легкие охватило пламя, а в глазах потемнело. Сморгнув, она с трудом смогла выдохнуть – но она знала, что сейчас не может позволить себе потерять сознание. Она знала, что, несмотря на ужасы, которые открылись её взору, должна войти внутрь, должна взять дочь на руки и вынести её отсюда.

Но тело её не слушалось, в мыслях царил полный сумбур, а сердце отказывалось биться.

Лиллия подняла голову. Мать могла видеть только один её глаз, но в нём она прочла то, что помогло ей вновь обрести решимость. Нужно спасти дочь, нужно немедленно вынести её из этой старой пыльной комнаты, которая каким-то чудовищным образом превратилась в небольшой филиал Бездны.

- Ну ты даешь! Сестра Калия даже за смертельно ранеными не ухаживает с такой осторожностью, - произнесла сестра Миранда, закончив фразу громким смешком.

Брат Роберт покраснел. Настоящий мясник никогда не отводит взгляд от ножа, когда режет мясо, поэтому он остановился и посмотрел на неё, чувствуя, что его губы невольно растягивает улыбка.

- Ну... - осекшись, он прервался, чтобы прочистить горло. – Любая работа – дело достойное... и всё такое.

Пожав плечами, сестра Миранда продолжила резать лук.

Ещё раз улыбнувшись, брат Роберт снова приступил к очистке куска засоленного свиного филе от жира.

- Ты срезаешь лучшие части, - упрекнула его сестра Миранда. – В жире - весь смак!

- И все яды, - добавил брат Роберт, прекрасно зная, что она ему не поверит. – Излишек свиного жира может послужить причиной многих болезней, включая сердечный приступ.

Как он и ожидал, сестра Миранда в ответ лишь рассмеялась и вернулась к своему занятию. Сегодня была их очередь готовить завтрак, и брат Роберт всегда с нетерпением ждал, когда ему выпадет эта работа. Несложное дело с предсказуемым результатом - если другие служители придут за добавкой, значит, он всё сделал правильно. Если бы все его обязанности в храме были столь же простыми!..

- Слава Амаунатору, - прошептал он, когда первый солнечный луч проник сквозь окно. Каждое утро их божественный владыка, Хранитель Желтого Пламени, озарял мир своей милостью. Если не считать самого храма, кухня была его любимым местом для того, чтобы встречать появление благословенного солнца.

- В любом случае, где ты этому научился? – спросила сестра Миранда.

Прервавшись, брат Роберт снова взглянул на неё. Когда солнечный свет упал на её мягкие рыжеватые локоны, ему невольно пришла в голову мысль, что Амаунатор одарил её нимбом. Её кожа, которая имела почти тот же оттенок, что и волосы, выглядела нежной и гладкой. Разумеется, их отношения исключали всякую возможность более близкого контакта, ведь оба они являлись аколитами Дома Хранителя, храма Амаунатора в Даггерфоллсе, и были просто друзьями – порой соперниками, но по большей части всё же друзьями.

- Мой отец работает мясником, - произнес он, хоть и был уверен в том, что уже упоминал об этом раньше.

- Слава Хранителю за вторых сыновей, - сестра Калия вошла на кухню, перепугав обоих аколитов. Нож брата Роберта соскользнул на целый дюйм, и он тихо пробормотал извинение. – Мы со свининой прощаем тебя, - их наставница улыбнулась. – Солонина и яйца?

- Да, сестра, - хором ответили брат Роберт и сестра Миранда.

- Можете разделить мою порцию между собой, - произнесла старшая жрица. – У меня с утра назначена встреча с госпожой констеблем.

Разочарованный, брат Роберт поднял на неё взгляд и кивнул. Сестра Калия, эффектная блондинка в церемониальной серебряной броне и струящейся жёлто-розовой накидке, вернула ему улыбку.

- Мы можем отложить для вас часть, сестра, - предложил он, но она уже открыла дверь, чтобы уйти. Ненадолго задержавшись на пороге, она произнесла:

- Не стоит. Вы же знаете, какой бывает госпожа констебль, - с этими словами она исчезла.

Брат Роберт взглянул на сестру Миранду, которая, пожав плечами, вернулась к луку.

Он понятия не имел, «какой бывает госпожа констебль». Порой он слышал, как она вещает с балкона башни Констеблей, однако это слышали все, кто жил в Даггерфоллсе. Да, ему доводилось видеть её в храме, но лишь несколько раз. В нынешние времена госпожа констебль, внучка легендарного Рэндала Морна, редко покидала пределы Башни, где, как поговаривали, беседовала с обитающими там призраками едва ли не чаще, чем со своими живыми советниками.

- Возможно, на сей раз речь пойдет об экзорцизме? - предположила сестра Миранда, словно прочтя его мысли.

Не поднимая взгляда от почти очищенного куска мяса, брат Роберт покачал головой.

- Испугался? - поддела его сестра Миранда, ссыпая нарезанный лук с разделочной доски в миску.

Снова покраснев, брат Роберт вздохнул и начал сгребать ошметки жира в кучу.

- Что сестра Калия имела в виду под «вторым сыном»? - спросила сестра Миранда.

- У меня есть старший брат, - объяснил брат Роберт.

- Ясно, - произнесла она, ополаскивая руки в стоящем возле окна тазу. - Значит, он унаследует семейную мясную лавку. Неудивительно, что младший решил податься в священники.

- Моя мать являлась преданной последовательницей Хранителя Желтого Солнца, - произнес он, жалея о том, что вообще поднял эту тему. Он не любил говорить о своей матери. Она умерла, давая ему жизнь - да и сам он при родах чуть не погиб. - Порой мне кажется, что отец отправил меня сюда в качестве подношения.

- Кто?

- Мой отец, - озадаченно повторил брат Роберт. - Когда моя мать умерла, мне кажется, что он почувствовал себя обязанным...

- Да я не об этом, - оборвала она его. - Женщина. В храм только что вбежала женщина.

Брат Роберт знал, что мир является весьма необычным местом, полным магии и чудес, а так же столь невыразимых ужасов, что даже думать о них было крайне опасно. В этом мире он вырос, хоть и провел всю свою жизнь внутри безопасных стен Даггерфоллса. И всё же ему оказалось очень непросто поверить в ту историю, что этим утром поведала им вбежавшая в храм женщина. Когда она закончила, ему очень захотелось извиниться, выйти подальше под свет солнца и вознести молитву Амаунатору о том, чтобы она оказалась всего лишь простой сумасшедшей. Чтобы то, что эта женщина и её перепуганная дочка, которая не прекращала всхлипывать,

избегая смотреть в глаза, поведали им, не могло произойти в доме, который находился всего в нескольких кварталах отсюда.

- Один из нас должен... - начала шептать сестра Миранда.

- Отправиться за сестрой Калией, - слишком громко закончил за неё брат Роберт полным надежды голосом.

Сестра Миранда открыла рот для того, чтобы ответить, но заколебалась, обдумывая его идею. Брат Роберт сглотнул, чтобы смочить пересохшее горло.

- Нет, - шепотом ответила она, взглянув в глаза их испуганной гостье. – Я не настолько глупа, чтобы беспокоить старшую сестру, когда она находится с визитом в Башне Констеблей.

- Как и я, - шепотом произнес брат Роберт. Он также посмотрел на измождённую женщину в ночной рубашке, которая сидела на мраморной скамье возле входа в храм, прижимая к себе дочь. После наступления года Нестареющего прошло всего пятнадцать дней, однако внутри храма, который представлял собой высокое, залитое отраженным солнечным светом помещение, было тепло, как летом. И всё же при взгляде на эту женщину брата Роберта пробрала дрожь. Жестом позвав за собой сестру Миранду, он отступил вглубь храма и шепотом произнес:

- Она и правда оставила нас ответственными, но это, разумеется...

Он запнулся, не зная, как закончить фразу. Судя по выражению лица сестры Миранды, его нерешительная и невнятная речь произвела на неё совершенно противоположное впечатление, нежели то, на которое он надеялся.

- Сестра Калия оставила нас за главных, так как рассчитывает на то, что мы сможем справиться со всеми проблемами Даггерфоллса самостоятельно, - прошептала она.

- Шутишь? – воскликнул брат Роберт. Эхо его голоса отразилось от высокого сводчатого потолка, и сестра Миранда посмотрела на него, как на рыбу, которую собирается выпотрошить. Прежде чем заговорить снова, он прочистил горло. - Небольшой совет - возможно, легкая рана у какого-нибудь работяги – да, но это... это, кажется... нам...не по... плечу...

Сестра Миранда вздохнула, не желая оспаривать его слова, и произнесла:

- Возможно, дело и выеденного яйца не стоит. Просто игра света. Она сказала, что лишь недавно переехала сюда, а её дом весьма стар и некоторое время стоял пустым. Вероятно, там ничего и не было... но, вероятно, и было. Я пойду туда вместе с ней...

- Нет, пойду я, - оборвал её брат Роберт, смутив и её, и себя той решимостью, что прозвучала в его голосе. Прищурившись, сестра Миранда уставилась на него, ожидая продолжения. - Кому-то нужно остаться с малышкой, а мне не очень хорошо удастся ладить с детьми.

Ему показалось, что она собирается заявить, что ему ни с кем не удастся ладить, что, по его мнению, являлось абсолютной правдой, но через миг её лицо смягчилось, и она прошептала:

- Ладно. Я останусь с девочкой.

Хотя она совершенно очевидно собиралась добавить ещё что-то, он не дал ей возможности это сделать.

- Но, как только сестра Калия вернется, ты должна немедленно сообщить ей о том, куда я отправился. Я серь... - он прервался, чтобы прочистить горло. – Я совершенно серьезно. Расскажи ей всё в подробностях, начиная с того момента, как ты впервые увидела эту женщину.

Улыбнувшись ему, сестра Миранда произнесла:

- Обещаю.

Брат Роберт верил ей. Тем не менее, идти ему крайне не хотелось.

Осторожней, - произнес брат Роберт, не поднимая взгляда от ног своей спутницы. Она только что чуть не наступила в лужу, которую покрывал тонкий слой льда.

- Спасибо, - ответила она. Её голос охрип от плача и криков, но в нем все равно слышались приятные мелодичные нотки. – И, пожалуйста, поблагодари от моего имени ту сестру. Мне и в голову не пришло сказать ей спасибо за солонину с яйцами и ботинки. Это был очень добрый жест с её стороны.

- Не могли же мы позволить вам босиком расхаживать по снегу, - произнёс он, по-прежнему избегая смотреть ей в глаза. – Надеюсь, вам достаточно тепло.

Краем глаза он заметил, что она кивнула и нерешительно замерла. Посмотрев на неё, он увидел, что она устремила взгляд на мостовую, которую кое-где покрывал поблескивающий в лучах утреннего солнца снег. Брат Роберт удержался от облегченного вздоха.

- Вы точно... - начал он излишне обнадеженным голосом.

- Да! – резко бросила она. Её взгляд заставил его отшатнуться на шаг. Несколько прохожих с любопытством уставились на него. Учитывая морозную погоду и ранний час, народу на улице было удручающе мало. Её последующие слова окончательно привели его в уныние. – Я должна вернуться. Должна. Вы с сестрой заронили во мне зерно сомнения – правда ли я видела то, что видела?

- Что вы, мы не думали ничего такого...

- Нет, - снова прервала его женщина. – Простите. Разумеется, я вовсе не это имела в виду...

Желая на как можно большее время отсрочить визит в её жилище – в конце-концов, шансы на то, что сестра Калия успеет вернуться, возрастали с каждым часом – он произнес:

- Вы сказали нам, что прожили там совсем недолго. Признаюсь, ваше лицо мне незнакомо. Вы?..

Он позволил вопросу повиснуть в воздухе. Женщина подняла голову, избегая смотреть ему в глаза.

- Это дом моего деда.

Она устремила взгляд поверх крыш домов. Ведущий вверх проспект, на котором они находились, шел к западу от храма прямо к башне Констеблей.

Улицы Даггерфоллса были путаными и извилистыми, а спуски и подъемы порой оказывались настолько крутыми, что у брата Роберта заныли голени. С того места,

где они стояли, можно было разглядеть находящийся неподалёку от южной стены водопад, в честь которого и был назван город. Его воды с грохотом низвергались по ледяному ложу.

- Ваш дед... - заговорил брат Роберт, решив, что его спутница затерялась в воспоминаниях, окончательно забыв обо всём.

- Он умер, - произнесла она. – Шесть месяцев назад. Во сне.

- Мне жаль, - сказал брат Роберт, тщетно пытаясь припомнить, не хоронили ли в то время кого-то подходящего возраста.

- Я его не знала, - произнесла его спутница. – Я родилась в этом городе, но моего отца убили бандиты, когда мне было всего четыре года, и мать увезла меня в Боронные Долины, - она подняла на брата Роберта взгляд, и он удивленно кивнул. Ему доводилось слышать об этой местности, которая находилась где-то на востоке Долин, но сам он там не бывал. – Кузены мамы держали там ферму, но позже лишились её из-за долгов, поэтому мы переехали в город – в Новый Велар. Было непросто – порой нам даже приходилось ночевать на улицах. Я хотела для Лиллии лучшей судьбы. Мама никогда не говорила про моего отца и его семью ни одного доброго слова, однако, когда до меня дошел слух, что дом стоит пустым, я не могла... не могла упустить этот шанс. Ради Лиллии.

- Новый город – новое начало, - процитировал брат Роберт.

Его спутница улыбнулась, скрывая боль, и он снова покраснел.

- Мне следует извиниться за то, что так и не узнала вашего имени, - произнесла она.

- Брат Роберт, - представился он.

- Джиллеа.

Она была прекрасна. До этого он не позволял себе оценивать её с такой точки зрения, но, когда его взгляд упал на неё, стоящую в лучах солнца в чужом плаще, с растрепавшимися волосами и покрасневшими от слез глазами, ему показалось, что более красивой женщины он ещё не видел.

- Нужно идти дальше, - произнес он, стараясь отмахнуться от неуместных мыслей. Не поднимая взгляда от земли, Джиллеа кивнула, и они продолжили путь.

Поднявшись вверх по холму ещё на несколько ярдов, брат Роберт осознал, что понятия не имеет, где находится финальный пункт их назначения. Остановившись, он повернулся к Джиллеа, чтобы спросить её об этом, но увидел, что она тоже замерла на месте.

Повернувшись направо, его спутница уставилась на один из стоящих вдоль улицы домов. Во взгляде её читался неприкрытый ужас, и у брата Роберта перехватило дыхание. В его голове снова и снова звучало слово «нет», но вслух он произнес совсем другое.

- Я знаю этот дом.

Да кто же в Даггерфоллсе его не знал! Это здание, находящееся возле башни Констеблей, издавна имело зловещую репутацию. Слухи гласили, что там обитают духи неупокоенных. Брат Роберт прожил в Даггерфоллсе всю свою жизнь, но он не знал никого, кто бы отважился перешагнуть порог проклятого поместья.

- Когда, говорите, умер ваш дед? – спросил он Джиллеа. – Это здание пустует уже очень давно.

- И сколько?.. – спросила она.

- Как минимум, на протяжении всей моей жизни.

Некоторое время они, не двигаясь, завороченно разглядывали мрачное здание. Оно было огромным, по крайней мере в три или четыре раза больше того дома, который брат Роберт делил с сестрой Калией, сестрой Мирандой и братьями Седриком и Патормом. Глядя на покореженные от времени темно-серые доски и черные провалы застекленных окон, за которыми царил абсолютный мрак, скрывавший всё, что находилось внутри, он невольно ощутил укол зависти. Брат Седрик находился в Ашабенфорде по поручению сестры Калии, а брат Паторм сопровождал отряд стражников, которые отправились в холмы, чтобы уничтожить гнездо совомедведей. Поначалу он обрадовался, что не ему придется ночевать на опасных, кишящих монстрами пустошах в разгаре одной из самых суровых зим за последние несколько лет. Поначалу.

- И что о нём говорят? – спросила Джиллеа. – Какие слухи ходят о доме моего деда?

Брат Роберт втянул в грудь воздух, готовясь рассказать ей всё, что было ему известно, но в последний миг передумал. Зачем пугать её ещё больше, ведь то, что он слышал – всего лишь байки, пустая болтовня посетителей таверн.

- Возможно, нам следует для начала расспросить кого-нибудь об этом доме, - произнес он, направляясь вверх по улице. – Наверняка найдутся те, кто знает о нём больше. У твоего деда, вероятно, были здесь друзья или коллеги...

Хотя формально брат Роберт не произнес ни слова лжи, его сердце заныло, словно он только что совершил самый огромный обман в своей жизни. Его ужасала перспектива отправиться в Дом Смерти у Северной Стены – но ничуть не меньше, чем рассказать Джиллеа о том, как жители города называет место, куда она привезла свою дочь.

Воздух был настолько пропитан запахом табачного дыма, что брату Роберту пришлось прикрыть ладонью рот и нос. Несколько завсегдатаев таверны оглянулись на него и рассмеялись. Один из них подмигнул, и он резко отдернул руку от лица. Его тут же скрутил приступ жестокого кашля, и молодой священник поспешно направился к длинной барной стойке, которая находилась в задней части помещения. Джиллеа последовала за ним.

Потолок был настолько низким, что брат Роберт, хоть и не отличался высоким ростом, поминутно рисковал удариться головой об одну из кривых балок. Впрочем, учитывая, насколько те пострадали от времени, перспектива того, что здание может в любую минуту обрушиться, пугала его не меньше.

Когда он остановился возле стойки, Джиллеа прикоснулась к его руке, и он невольно вздрогнул. Хотя за время долгой прогулки от Осеннего Тумана молодой священник и продрог до мозга костей, на лбу его выступил пот.

- Вы уверены, что мы на месте? – спросила Джиллеа, повысив голос, чтобы её можно было услышать сквозь стоящий здесь гвалт.

Брат Роберт пожал плечами.

- Тот тип из Осеннего Тумана послал нас именно сюда.

- Добро пожаловать в Сосущего Кровопийцу, дамочки, - прохрипел угрюмый трактирщик. Лишь через несколько мгновений брат Роберт осознал, что тот принял его за женщину. Повернувшись, он уставился на полного, лысого, грязного и уродливого коротышку, исходящий от которого запах пота перебивал даже табачную вонь. Внезапно до него дошло - этот наглец просто над ним насмехается! И вовсе не смешно...

- Я – брат Роберт из Дома Хранителя, - произнес он, пытаясь изогнуть одну бровь так, как это делала сестра Эмилия, когда хотела запугать кого-то до дрожи. Но вместо этого его лицо, судя по всему, приобрело озадаченное выражение, и трактирщик ухмыльнулся. Два его единственных зуба были насыщенного коричневого цвета. Прочистив горло, молодой священник продолжил. – Владелец Осеннего Тумана сказал нам, что ты знал человека, который жил в Доме Сме... - он осекся, не желая вслух произносить название принадлежавшего Джиллеа дома. Он жестом велел трактирщику придвинуться ближе, и тот неожиданно охотно подчинился. Брат Роберт сделал вид, что всё идет так, как задумано, хотя, по правде говоря, ему вовсе не хотелось спускать наглецу с рук его оскорбительное поведение. – Доме Смерти у Северной Стены, - прошептал он.

Притворившись шокированным, трактирщик отшатнулся назад и громко воскликнул:

- Множество извинений, Ваша Святость, верно ли я расслышал – вы хотите узнать о том, кто проживал в Проклятом Богами Доме Смерти у Северной Стены?

- Че... чего? – переспросила Джиллеа. Стиснув зубы, брат Роберт поёжился.

- Понятия не имею, братишка, - продолжал выделываться толстяк. – Но можете спросить у Трехногого. Он знал того типа – по крайней мере, как сам утверждает. Вон он сидит.

- Брат Роберт?.. – начала Джиллеа.

- Спасибо, спасибо, - поспешно отблагодарив трактирщика, молодой священник устремил взгляд в ту сторону, куда указывал толстый вонючий палец старика. За столиком возле полупотухшего камина сидел ещё более старый, грязный и оборванный тип, чем сам владелец заведения. – Да пребудет с тобой свет Хранителя.

Услышав смех владельца таверны, брат Роберт сразу же пожалел о своих словах. Ему пришлось напомнить себе, что нести милость Амаунатора тем, кто в этом нуждается, является частью его долга – а хозяин Сосущего Кровопийцы явно нуждался в ней поболее многих.

- Прошное заведение мне понравилось больше, - произнесла Джиллеа, направившись вслед за братом Робертом к очагу.

- Мне тоже, - согласился он. Его голос снова сорвался, и он прочистил горло, надеясь, что за царящим здесь шумом она этого не заметит.

Приличные жители Даггерфоллса предпочитали посещать таверну Осенний Туман, чтобы, держа в руке бокал хорошего эльфийского вина, наслаждаться видом на водопады. На протяжении всей его жизни брату Роберту твердили, что в Сосущем Кровопийце полно блох и вшей и царит атмосфера абсолютного морального разложения. Они были правы.

- Даже не начинайте, - пробурчал сидящий возле камина старик. – Золота у меня нет, а о душе моей беспокоиться поздно.

- Прошу прощения, добрый человек, - произнес брат Роберт, стараясь принять мудрый и великодушный вид... насколько это было возможно, учитывая окружающую обстановку. – Но меня привел сюда священный долг. Мне не нужно золото, и, возможно, вашей душе всё же пойдет на благо...

- Хватит, сынок, - пробурчал старик. – Купи-ка мне эля, и я выслушаю твои излияния, а душа моя сама найдёт, чем утолить жажду.

- Можно? – спросил брат Роберт, указывая на два свободных стула, которые по счастливой случайности оказались неподалеку.

- Задницы есть? Тогда садитесь, - проворчал старик, смерив Джиллеа странным взглядом слезящихся желтых глаз. – Тебя случайно не Сисси звать?

- Думаю, вы ошибаетесь, - по спине брата Роберта пробежал холодок, и он ощутил желание немедленно вскочить на ноги. Подавив его, он произнес. – Вас не затруднит обращаться только ко мне?

Старик одарил Джиллеа ухмылкой, от которой и ей, и её спутнику стало крайне неуютно. Брат Роберт подумал, что в этот момент даже в далеком Уотердипе все женщины на миг ощутили дискомфорт, и задался вопросом, откуда пришла эта мысль.

- Не волнуйся, детка. Это было много лет назад, но я готов поклясться, что ты как две капли воды похожа на одну цыпочку в Ордулине, с которой я как-то...

- Уважаемый! – воскликнул брат Роберт, оборвав его на полуслове. – Прошу, не забываетесь!

Старик рассмеялся. Во рту его было на два зуба меньше, чем у трактирщика. Брат Роберт подумал, что стоит продолжать в том же духе, но заметил, что Джиллеа улыбается.

- Вы – Трехногий? – потребовал ответа молодой священник.

Кивнув, старый выпивоха произнес:

- Учитывая, что тут дама, не стану рассказывать, почему меня так прозвали. Не то ты снова начнешь орать.

Джиллеа рассмеялась. Брата Роберта прошиб пот, и он с трудом подавил желание немедленно вскочить и броситься отсюда прочь, вопя во всё горло.

Откашлявшись, он произнес:

- Полагаю, вы когда-то знали одного человека. Он жил около северной стены, а звали его...

- Ватрисс Колл, - произнесла Джиллеа.

Усмешка исчезла с лица Трехногого. В его тусклых глазах вспыхнул мрачный подозрительный огонек.

- И зачем мальцу вроде тебя копать в их темных делишках?

- Значит, я не ошибся, - произнес брат Роберт. Трехногий кивнул. Судя по всему, он не испытывал ни малейшего желания продолжать этот разговор. Молодой священник заговорил снова. – Прошу вас, добрый человек. Я здесь по делам Хранителя.

При упоминании Амаунатора Трехногий, сглотнув, утвердительно качнул головой и положил ладони на стол. Его руки тряслись так сильно, что было слышно, как стучат по столешнице кончики пальцев.

- Ты о Старых Костях, полагаю, - со вздохом произнес престарелый пьяница. – Отвратительный тип. – Взглянув на Джиллеа, он спросил. – Родственник?

Она кивнула. Казалось, это слегка опечалило старика.

- Потому и показалась мне похожей. Запоминающееся лицо. Симпатичный он был малый, что да, то да. Дам он услаждал что надо.

- Вы хотели сказать, угождал? – поправил его брат Роберт и покраснел, когда старик, пожав плечами, произнес:

- И это тоже.

Брат Роберт бросил взгляд на Джиллеа, которая кивком подтвердила, что принимает этот своеобразный комплимент.

- Итак, он мертв, - произнес брат Роберт.

- Достаточно долго, чтобы о нём стало безопасно говорить.

- И насколько же долго? – спросила Джиллеа.

Брат Роберт потянулся к её руке, чтобы попросить не вмешиваться в беседу, но в последний миг передумал. Ему и самому было чрезвычайно интересно услышать ответ.

- Многие годы, детка, - ответил Трехногий. – Не могу сказать точно. – Подняв руку, он обрубком пальца указал себе на лоб. – Сложно судить о времени – совсем башка дырявая стала, - он одарил её очередной беззубой улыбкой, и Джиллеа вместе с братом Робертом улыбнулись в ответ. Молодой священник надеялся, что ничем не выдал внезапно охватившую его вспышку жалости. – В любом случае, многие годы.

- Можете рассказать нам о нём? Что-нибудь, что может пролить свет на то, почему его дом пользуется столь зловещей репутацией? – спросил брат Роберт. – Вам, наверное, доводилось там бывать?

Почмокав беззубыми деснами, старик заколебался, но в конце-концов решительно произнес:

- Он был плохим человеком. Мне жаль говорить это, учитывая, что вы родня и всё такое, но против правды не попрешь, и в те времена все это знали. Да, пару раз мне приходилось бывать в его доме, но вовсе не с дружеским визитом. Работал на него, да. Видел, как он угрожает моему подельнику тесаком. Ни разу не встречал столь остро отточенного лезвия. Любил он ножи, очень любил. У него их было много, и под «много» я имею в виду – действительно много. Всегда держал их в идеальном состоянии. Чистыми и превосходно наточенными.

- Ножи? – спросил брат Роберт. – А какого рода ножи – мясницкие или воинские клинки?

- И те, и другие, - произнес старик.

- Чем же он торговал? – спросил молодой священник.

- Торговал? – Трехногий беззубо ухмыльнулся. – Ага, так он и говорил. Называл себя торговцем, да только все знали, что он замешан в делишках Черной Сети. Конечно, в те времена о ком только такого не болтали, но, думаю, в его случае это была правда. Если бы я тогда осмелился высказать подобные подозрения вслух, то

он прикончил бы меня, не моргнув и глазом, и смерть моя отнюдь не была бы легкой или безболезненной. Это уже доказывает, что не был он никаким торговцем, верно?

- Черная Сеть? – переспросил брат Роберт. Ему уже доводилось слышать это название раньше, но он совершенно не помнил, при каких обстоятельствах. Однако звучало всё это достаточно скверно. Он посмотрел на Джиллеа, но та так и не подняла на него взгляд.

- Конечно, - произнес старик, - сейчас никаких доказательств уже не найти. И не стоит в этом копаться. Никому не стоит.

- Уже вернулись? – спросила сестра Миранда. По её взгляду брат Роберт понял, что она подозревает об истинной причине их скорого визита. Он не ошибся. – Вы не заходили в дом, верно?

Сделав глубокий вдох, брат Роберт жестом позвал сестру в тёмную комнату, где они беседовали этим утром. Джиллеа поспешила к дочери, которая сидела в нефе храма, играя с небольшой тряпичной куклой, которую, должно быть, дала ей сестра Миранда.

- Пожалуйста, скажи мне, что сестра Калия уже вернулась, - прошептал он.

- Нет, - резко ответила сестра Миранда. В её голосе звучала злость. – Я же обещала тебе, что...

- Она живет в Доме Смерти у Северной Стены, - шёпотом прервал её брат Роберт, и сестра Миранда побледнела. – Не могу же я туда пойти!

- Можешь, - ответила она. Брат Роберт отчаянно надеялся, что на самом деле она так не считает. – Должен! Да чем вы занимались всё это время?

- Мы... - ему пришлось прерваться, чтобы подобрать верное слово, - расследовали.

Вздохнув, сестра Миранда скрестила руки на груди.

- Она унаследовала дом своего деда, который, по её словам, скончался полгода назад. Однако мы выяснили, что он умер гораздо раньше, - объяснил брат Роберт, - и что он являлся членом организации, известной под названием Черная Сеть. Ты знаешь, кто они?

- Кажется, какие-то наемники, - она покачала головой. – И что с того?

- Понятия не имею. Просто... название не нравится.

- Брат, - произнесла она с тяжелым вздохом. – Я знаю, что тебе страшно. Я знаю, что ты с детства слышал байки о том, что этот дом проклят, но вспомни, кому ты служишь, кому служим мы оба! Ты сможешь войти туда и помочь бедной женщине и её ребенку, потому что будешь не один. С тобой будет Амаунатор.

Брат Роберт открыл было рот, чтобы возразить, но со стуком захлопнул челюсти.

Она была права.

- Хорошо, - произнес он. – Могу я хотя бы доспех надеть?

Дарящий жизнь диск Амаунатора клонился к западу, когда брат Роберт толкнул тяжелую дверь Дома Смерти у Северной Стены. Петли протестующе заскрипели, словно само здание было им не радо и не желало впускать внутрь. Обернувшись через плечо, он кинул взгляд на заходящее солнце, решительно распахнул дверь и перешагнул через порог, напоминая себе о мудрых словах сестры Миранды. Амаунатор был с ним. По крайней мере, он на это очень надеялся.

Внутри дом пребывал в том же печальном состоянии, что и снаружи. В воздухе стоял запах пыли и плесени, моментально пропитавший волосы и одежду, однако здесь не было ни паутины, ни следов крыс и мышей. Обескураженный, брат Роберт зашагал по старым скрипучим доскам, стараясь не думать о том, что могло отпугнуть отсюда всех живых существ.

Остановившись, он повернулся к Джиллеа, которая оказалась прямо у него за спиной. От её близости его пробрала дрожь – дрожь, которая не имела никакого отношения к пугающей атмосфере дома. Лицо молодой женщины было бледным, а глаза бегали, и это заставило его вспомнить о том, что именно вынудило её обратиться к ним за помощью.

- Ты сказала, - начал брат Роберт, но в очередной раз поперхнулся. Прочистив горло, он заговорил снова. – Ты сказала, что... что всё началось в комнате Лиллии.

Джиллеа кивнула, и он заметил, что она с трудом сдерживает слезы.

- Я тоже испуган, - произнес он. Почему-то его признание помогло ей немного успокоиться.

Перед ними находилась огромная лестница, каждая ступень которой длиной не уступала обычному дому в Даггерфоллсе. Тяжелые дубовые перила поддерживали столбы в виде драконов, и у брата Роберта по спине пробежал холодок. Кивком головы он указал наверх, и Джиллеа кивнула.

В очередной раз прочистив горло, он расправил плечи и левой рукой сжал золотой символ Амаунатора в виде солнечного диска, который висел у него на шее. Этот амулет подарила ему мать, и часть божественной силы, что была заключена в нём, всегда помогала ему обрести спокойствие. Опустив свободную ладонь на рукоять висящей на поясе булавы, он начал подниматься наверх. При движении его кольчуга слегка позвякивала, и он постарался сосредоточиться на этом звуке. Это немного успокаивало.

Добравшись до вершины массивной лестницы, брат Роберт при помощи кремня и огнива зажег принесенную из храма свечу. Сквозь высокие, завешенные тяжелыми гардинами окна, которые покрывал слой закоптелой грязи, струился убывающий дневной свет. В воздухе клубилась пыль, и казалось, что сам дом противится величайшему дару Амаунатора. С удивлением осознав, что это его разозлило, Брат Роберт почувствовал прилив сил.

Наугад выбрав направление, он обернулся и вопросительно склонил голову. Говорить вслух ему не хотелось. Кивком Джиллеа подтвердила правильность его выбора, и, время от времени оглядываясь, он двинулся вперед. Вскоре они добрались до высокой двери, которая вела в комнату Лиллии. Тяжелая створка была

приоткрыта. Сделав глубокий вдох, брат Роберт крепко сжал свой священный символ, мимоходом пожалев о том, что не отдал свечу своей спутнице, и шагнул внутрь.

Ничего. Никаких Девяти Адов или чудовищ. Он позволил себе облегченно выдохнуть.

Хотя освещение здесь было столь же тусклым и приглушенным, как и во всём доме, обстановка оказалась довольно приятной. Судя по всему, Джиллеа уже приступила к обустройству своего нового жилища. На чистом ковре, который она, должно быть, привезла из Нового Велара, были разбросаны деревянные игрушки и тряпичные куклы. Кровать оказалась застелена новым бельём, хотя свисавшие до пола простыни и одеяла пребывали в полном беспорядке. Огонь успел окончательно потухнуть, и в камине царил холодный мрак.

Повернувшись к Джиллеа, брат Роберт пожал плечами.

- Они были... - Джиллеа осеклась, когда звук её голоса эхом разнесся по комнате, и брат Роберт подпрыгнул. Побледнев, она продолжила шепотом, показав на участок пола между камином и кроватью. – Они были прямо тут. Вокруг неё.

Кивнув, брат Роберт ещё раз обвёл взглядом комнату. Никого – ни живых, ни нежити.

- Тогда стояла ночь, - прошептала Джиллеа с надеждой в голосе, и по спине брата Роберта снова пробежал холодок. – Возможно, они появляются только после наступления темноты.

Брат Роберт со вздохом кивнул, про себя подумав: «Ну разумеется, только тогда, когда свет Амаунатора покидает мир живых».

- Предлагаешь подождать до заката? – спросил он, уже зная ответ на свой вопрос. Когда она кивнула, он продолжил. – Да... Да, так и сделаем.

Вымученно улыбнувшись, она произнесла:

- К сожалению, я успела навести порядок только в двух комнатах.

Брат Роберт притворился, что внимательно изучает трухлявые настенные панели.

Женский крик разорвал ночную тишину, словно нож – полотно ткани. Глаза брата Роберта распахнулись до того, как с него слетел сон. Ему ещё никогда не доводилось слышать, чтобы кто-то так кричал. В вопле слышался неприкрытый ужас, и от этого звука кровь в его венах заledenела. Он попытался окликнуть Джиллеа, но, поперхнувшись, разразился приступом кашля. Не дожидаясь второго вопля, он поспешно вскочил на ноги.

Лишь через пару мгновений ему удалось вспомнить, где он находится. Его рука потянулась к священному символу, а успокаивающие слова молитвы сами собой всплыли в памяти, напомнив о том, что милость его бога по-прежнему пребывает с ним. Когда она закричала снова, он окликнул её по имени, отчаянно надеясь на то, что Амаунатор его не оставит.

Вечер они провели вместе, и всё это время брат Роберт чувствовал себя так неловко, как никогда в жизни. Они исследовали главный коридор поместья, не осмеливаясь заглядывать в те помещения, которая Джиллеа ещё не открывала. Ей с дочерью не требовалось столько комнат, сколько имелось в доме, и она не упоминала о том, что планирует делать с пустующими покоями и поддерживать в жилище порядок.

Густую тьму прорезал ещё один вопль. Брат Роберт схватил потухшую свечу, которая стояла на пыльном столе возле дивана. От неё остался лишь огарок, и он выругался, раздосадованный тем, что позволил себе заснуть. Весь вечер он был на взводе из-за пребывания в этом странном старом доме и общества привлекательной женщины. Как вообще его мог сморить сон?

- Джиллеа! – выкрикнул он в окутанное темнотой пространство и трясущимися руками зажег новую свечу. Выбросив огарок, он переложил её в левую руку, правой сжав рукоять палицы. – Джиллеа, ты где?

Они приняли решение не покидать гостиную, расположившись достаточно близко от лестницы, чтобы можно было услышать даже самый слабый шум из комнаты девочки, но в то же время не очень далеко от входной двери на случай бегства. Брат Роберт вышел в коридор, но внезапно снова раздался отчаянный вопль, закончившийся неразборчивым бульканьем. Молодому жрецу показалось, что голос его спутницы доносится откуда-то из-под лестницы. Создавалось впечатление, что Джиллеа то ли рвут на части, то ли пожирают заживо, то ли погружают в кипящую воду...

Встряхнув головой, он бросился бежать. Сбоку от ведущей наверх лестницы находилась дверь. Снизу раздался ещё один захлебывающийся от ужаса вопль, от которого кровь холодела в жилах. Старательно гоня от себя мысли о том, что может скрываться в местном подвале, он распахнул ведущую туда дверь и снова позвал свою спутницу по имени. Его голос разнёсся над широкими деревянными ступенями, эхом отражаясь от кирпичных стен погруженного во тьму коридора. Ответом ему был ещё один полный муки вопль.

- Джиллеа! – воскликнул он, поспешно спускаясь вниз. Перепрыгивая со ступеньки на ступеньку, он отчаянно пытался притормозить. Одному лишь Амаунатору известно, что таится в царящем там непроглядном мраке! Однако ни ноги, ни сердце его не слушались.

Добравшись до конца лестницы, брат Роберт повернулся и замер на месте. Сердце его колотилось так сильно, что грозило вот-вот выпрыгнуть из груди. Попытавшись вдохнуть, он поперхнулся и разразился приступом кашля, чудом не затушив свечу. Его глаза широко распахнулись.

По выложенному каменными плитами полу было разбросано множество старых ящиков и ржавых инструментов, а в воздухе витала затхлая вонь давно не используемого помещения. Джиллеа стояла на одном колене, опираясь руками о грубые каменные плиты. Вокруг неё кишело множество отрубленных ладоней.

- Да поможет нам Хранитель! – прохрипел брат Роберт, сделав шаг вперед. При виде этого ужасающего зрелища даже его собственное имя вылетело у него из головы. Он понятия не имел, что делать.

Их оказалось несколько десятков или даже сотен. Руки. Отсеченные от тела руки. Даже в дрожащем свете свечи было заметно, что кожа их имеет омерзительно-серый оттенок. Эти существа с мертвенно-бледной плотью словно жили своей собственной противоестественной жизнью. Стуча ногтями, они, словно отвратительные пауки, ползали по каменным плитам, раздирали ночную рубашку Джиллеа, впивались в её тело, вырывали пряди волос. На их запястьях виднелись грубые черные швы, скрывающие кости и хрящи. Ногти их были чёрными – у одних обломанными, у других, наоборот, необычайно длинными и ухоженными. Часть этих рук некогда принадлежала мужчинам, часть – женщинам, и далеко не все – людям.

«Свинные ноги», - подумал он. «Словно свинные ноги, которые мой отец...»

- Брат!.. – воскликнула Джиллеа, но её крик резко оборвался, когда палец одной из рук грубо залез ей в рот.

Множество тварей облепили лицо молодой женщины, оставив видимым только один покрасневший и округлившийся глаз. Во взгляде её читалось отчаянье.

Осознав, что в темноте он ей ничем не поможет, брат Роберт задержался, чтобы поставить свечу на один из перевернутых ящиков. Сделав шаг вперед, он заколебался.

Джиллеа протянула к нему руку, и три вцепившиеся в неё твари, потеряв равновесие, упали на пол.

Сделав глубокий вдох, брат Роберт схватил отрубленную ладонь, которая запуталась в длинных волосах его спутницы. На ощупь плоть существа оказалась холодной, как лед, и он отдернулся – но и оно тоже.

- Помоги! - выплюнув холодный мертвый палец, успела выдохнуть Джиллеа, прежде чем ещё два пальца залезли ей в рот.

Сжав ладонь, брат Роберт отбросил её в сторону. Вдохновленный успехом, он принялся с силой расшвыривать тварей в разные стороны. Некоторые из них врезались в старые инструменты и прочие разбросанные по подвалу предметы, но тут же начинали ползти обратно. Молодой священник взмахнул палицей над головой, стараясь решить, как лучше всего пустить её в ход, не рискуя разбить череп той, кого он обещал защищать. Разумеется, в процессе обучения ему доводилось тренироваться с этим видом оружия, но не слишком часто, и его навыки оставляли желать лучшего. Что же делать?..

Что-то вцепилось в его лодыжку, и брат Роберт издал такой вопль, что сам испугался. Визжит, словно маленькая девочка! Охваченный страхом и смущением, он ощутил, что кровь отхлынула от его лица. Его рука крепче стиснула священный символ.

Молодой священник закрыл глаза. Содрогаясь от ледяных прикосновений ползающих по ногам ладоней, пальцы которых впивались в его незащищенные бедра, он выдохнул имя своего божества и, распахнув сердце Хранителю, воскликнул:

- Прочь!

Джиллеа закричала снова.

- Прочь, - повторил брат Роберт. – Прочь, нечестивые твари! Сгиньте от света слова Амаунатора!

Он почувствовал... нечто. Волну? Энергию? Хотя здесь по-прежнему оставалось темно, как в могиле, от него хлынул невидимый свет. Отрезанные ладони, оказавшиеся в пределах испускаемого им круга сияния, содрогнулись, их дергающиеся пальцы отпустили Джиллеа. Она отважно принялась стряхивать их с себя, отшвыривая прочь. Некоторые из них тут же спешно поползли в скрытые тьмой углы подвала, другие же, отойдя на фут или два, останавливались, словно в раздумьях. Наконец ей удалось встать.

При мысли о том, что эти существа могут обладать разумом, брата Роберта чуть не стошнило. Он протянул Джиллеа руку. Тепло от прикосновения её пальцев придало ему сил.

- Пошли, - произнес он. - Я выведу тебя отсюда.

Не став дожидаться ответа, брат Роберт потащил её к выходу. Во время подъема по деревянной лестнице они несколько раз чуть не упали. Проход был узким, и, постоянно задевая костяшками пальцев грубые кирпичи стен, он едва удержал булаву в руках. Наконец они добрались до вершины лестницы и, распахнув дверь, оказались в ожившем ночном кошмаре.

До заката брат Роберт с Джиллеа постарались раздвинуть как можно больше тяжелых портьер, однако ночь выдалась темной и безлунной, а небо успели затянуть грозовые тучи. Учítывая, что свеча осталась внизу, брату Роберту пришлось несколько раз сморгнуть, прежде чем его зрение приспособилось к царящей здесь тьме, однако проникавшего снаружи света вполне хватало, чтобы увидеть – их здесь тысячи.

Вокруг них кишело множество отрубленных рук. Они цеплялись за дверь подвала и карабкались по занавескам, изо всех сил стараясь перекрыть доступ свету. Оконные стекла покрывали налипшие комья замерзающего мокрого снега. Внезапно вспыхнула молния, и брат Роберт увидел, что дела обстояли куда хуже, чем он думал. Мерзкие ладони ползали повсюду, ногтями процарапывая извилистые полосы в старом дереве стен и пола.

- Мы в ловушке!- воскликнула Джиллеа. Вцепившись в его руку, она потянула его к ведущей наверх лестнице. – Пошли, а то они снова утащат меня туда!

Наверное, ему следовало бы рискнуть и вместе с ней броситься к входной двери в надежде прорваться, но вместо этого брат Роберт покорно последовал за своей спутницей. На лестнице тварей было гораздо меньше. При очередной вспышке молнии, за которой последовал отдаленный раскат грома, брат Роберт увидел, что одна из цеплявшихся за перила рук успела запрыгнуть на спину бегущей впереди Джиллеа, и отшвырнул её в сторону, оторвав кусок ткани от её ночной рубашки. По бледной коже женщины струилась кровь. Внезапно он осознал, что эта рана была далеко не единственной - изодранную сорочку Джиллеа покрывало множество алых пятен. На плечо её взобралась ещё одна рука, и он отбросил тварь прочь.

«Так они нас и прикончат», - подумал он. Кровь в его венах похолодела. - «Порез за порезом».

Когда они оказались на вершине лестницы, Джиллеа потянула его к дверям своей спальни и спальни её дочери. Брат Роберт не пытался её остановить. Стены этих комнат граничили с улицей, и, следовательно, они смогут разбить окно и выпрыгнуть наружу или, по крайней мере, позвать на помощь. Учítывая, что в этом

районе дома были большими и располагались на значительном расстоянии друг от друга, их, скорее всего, никто не услышит, но попробовать стоило.

Возле двери, ведущей в комнату её дочери, Джиллеа внезапно остановилась, и брат Роберт чуть не сбил её с ног. С её губ сорвался настолько громкий крик, что он невольно зажмурился. Отшатнувшись, она изо всех сил вцепилась в него, пытаясь оттолкнуть в сторону, чтобы броситься назад во тьму. И в этот миг брат Роберт увидел, что именно повергло её в состояние неконтролируемой паники.

- Он... мясо режет? – выдохнул он, осознав, что за зрелище открылось ему в комнате девочки.

В помещении находилось множество отрубленных ладоней, которые, сцепившись холодными мёртвыми пальцами, образовывали единое целое, словно пчелы в улье. Состоящее из них существо ростом достигало шести футов, а фигура его очертаниями напоминала человеческую. Стоя спиной ко входу, монстр методично поднимал и опускал правую ладонь, словно мясник, который машет тесаком, чтобы разрубить кусок мяса.

«Отец?» - подумал брат Роберт. Рот его наполнился желчью, и он сглотнул.

В высоком окне вспыхнула молния, и молодой священник увидел, что между сплетенными ладонями находится пустое пространство. Раздался раскат грома – на этот раз куда ближе, чем раньше – и состоящая из рук голова повернулась в ним.

С очередным воплем Джиллеа вцепилась в его плечо, и, ухватившись за звенья кольчуги, потянула назад, во тьму коридора.

Брат Роберт зажег очередную свечу. Уронив несколько капель воска на пол, он поставил её в образовавшуюся лужицу, чтобы та не упала. Джиллеа лежала на холодных шероховатых досках. Из глаз её струились слезы, стекая вниз по вискам и растворяясь в гриве спутанных волос. Её дыхание, которому вторили скребущие звуки из-за двери, было резким и прерывистым.

- Всё будет в порядке, - прошептал брат Роберт. Стараясь игнорировать терзающую его тревогу, он занялся её ранами. Царапин на теле молодой женщины оказалось слишком много, поэтому он решил сосредоточиться лишь на тех порезах, из которых продолжала струиться кровь. Его руки задрожали, и он промедлил, стараясь успокоиться. Вознеся хвалу Хранителю Желтого Солнца, он прикоснулся к наиболее скверным из них и воззвал к своему божеству, моля его об исцелении. Амаунатор ответил.

Её кожа оказалось гораздо теплей, чем он ожидал, и очень мягкой. Хотя он и умудрился не покраснеть, дыхание его сбилось. Его взгляду открылось больше, чем позволялось приличиями, но раны находились практически везде, так что у него не оставалось выбора.

Джиллеа продолжала всхлипывать, но с каждым следующим упоминанием имени Амаунатора её дыхание слегка замедлялось. Наконец она смогла заговорить.

- Это всё моя вина, - прошептала она, вытирая грязной рукой текущие из глаз слезы. На лбу её осталась серая полоса.

Прижав палец к губам, брат Роберт выпрямился и повернулся к двери. Джиллеа села, подобрав полы изодранной ночной рубашки. Дождевик и ботинки, которые дала ей сестра Миранда, остались внизу, в гостиной, и брат Роберт принялся стягивать с себя кольчугу. Встряхнув головой, Джиллеа бросила на него непонимающий взгляд.

- Прости, - прошептал он и снял грубую поддоспешную рубаху. Смутившись из-за того, что на мгновение предстал перед ней полуголым, он протянул её ей. Кивнув, она с легкой улыбкой приняла одежду. Натянув кольчугу на голое тело, он содрогнулся от леденящего прикосновения металла.

- Ты плохо знаешь этот дом, - произнес он шепотом, хотя монстрам и так было известно, где они находятся. – Ты была в панике, да и я тоже. Откуда тебе знать, что в этой комнате нет окон?

- Нет, - произнесла она, опустив голову и тщетно пытаясь распутать колтуны в волосах. Взгляд её был устремлен на пол, и брат Роберт не видел выражения её лица. – Всё это... Всё это моя вина.

- Ты понятия не имела о том, что здесь происходит, - произнес он, слегка раздраженный её самоуничижением. – У тебя ребенок, и ты увидела возможность для...

- Я знала, - прошептала Джиллеа, и сердце брата Роберта замерло. – Я знала, что мой дед умер давным-давно. Я знала, что об этом ужасном доме говорят люди Даггерфоллса. И я знала, кому служил мой дед.

- Наёмникам? – подсказал он. – Черной Сети?

- Зентариму, - прошептала Джиллеа. Брат Роберт уже слышал это название раньше, но оно ему ничего не говорило. – Сейчас они и правда являются всего лишь группой наёмников, их силы рассеяны и они утратили своё прежнее влияние. Однако во времена моего деда, до прихода Теней, всё обстояло совсем иначе...

Брат Роберт резко выдохнул. Наконец он вспомнил – ему и правда доводилось слышать о них. Он не особо обращал на такие слухи внимание, учитывая, что баек о «старых добрых днях» в Долинах ходило немало. Во времена, предшествующие Магической Чуме и Абейру, Зентарим являлся тайной организацией, на которую возлагали вину за все несчастья от Великой Долины до Побережья Мечей. Поговаривали, что эти приверженцы зла, маскируясь под торговцев, раскинули свои сети по всему миру. В это было сложно поверить.

- Мой дед, - продолжила Джиллеа так тихо, что, хоть они и находились на расстоянии всего нескольких футов друг от друга, брат Роберт с трудом мог её расслышать. Время от времени отдалённые раскаты грома прерывали скрежет скребущихся в дверь рук, а сердце молодого священника стучало так громко, что практически заглушало её шепот. – Много-много лет назад мой дед был их шпионом здесь, в Даггерфоллсе. Когда моя мать была маленькой, она понятия не имела об этом, но потом стала замечать, что горожане предпочитают избегать их семью. И со временем она начала задаваться вопросом - как же тот, кто ни дня в жизни не проработал, может позволить себе жить в такой роскоши?

- Ну и что? – спросил брат Роберт. – Ты же тогда ещё не родилась.

- Но она рассказывала мне, - произнесла Джиллеа. Отчаяние, которое отражалось на её лице, испугало его до дрожи. – Она предупреждала меня. Она видела... кое-что.

Видела, как он режет людей. Он убивал их и коллекционировал их руки. Однажды ночью она наткнулась на часть его коллекции и сбежала. Она сбежала и никогда сюда не вернулась, и мне велела даже не думать об этом. Она умоляла меня. Но я не послушалась.

Свесив голову между колен, Джиллеа всхлипнула.

Слеза скатилась по щеке брата Роберта. Присев, он протянул к ней руку – и в этот момент дверная ручка повернулась. Взгляд его спутницы устремился на неё.

- Замок выдержит, - прошептал он.

Но он не выдержал.

«Амаунатор!» - взмолился про себя брат Роберт, вскакивая на ноги. - «Прошу, услышь меня! Ты мне нужен!»

Он был уверен, что руки сплошным потоком хлынут в пустую маленькую комнату, чтобы, сбив и погасив свечи, наброситься на своих жертв и разорвать их на части. Однако его ожидания не оправдались. Около дюжины тварей действительно вбежали внутрь, и брат Роберт рефлекторно наступил на одну из них. Раздался омерзительный мокрый хруст, и он тут же отдернул ногу. Раздавленная конечность содрогнулась и замерла. Он вскинул палицу. Джиллеа закричала и, не вставая, попятилась назад и вжалась в угол.

В дверном проёме появился состоящий из отрубленных рук человек.

- Кровь, - произнесла ужасающая химера. Брат Роберт отвернулся. Голос существа был рокошущим и раскатистым, и он мог поклясться, что пол вибрирует в такт каждому произнесенному им слогу. – Кровь от моей крови, ты пришла.

- Нет! – выкрикнул брат Роберт и вскинул булаву, заставив себя взглянуть на омерзительное чудовище. Ни глаз, ни рта у него не было – лишь одна состоящая из ладоней голова, откуда и доносился этот ужасающий голос.

- С дороги, жрец, - прорычал монстр. Сотни мертвых пальцев шевельнулись, и он сделал шаг вперед. – Она моя.

- Нет, Ватрисс Колл, - произнес брат Роберт, уверенный в том, что обращается к духу мертвого деда Джиллеа. Зародившаяся в его сердце волна тепла прокатилась по его телу, хлынув в булаву. – Она обратилась к Амаунатору за помощью. И он послал меня.

Сделав два шага вперед, он схватил булаву обеими руками и воздел её над головой. Её стальное навершие ослепительно вспыхнуло, залив комнату ярким светом. Молодой священник невольно зажмурился, а Джиллеа снова издала крик. Он вслепую взмахнул булавой, целясь в омерзительную тварь. Его оружие с силой врезалось в тело монстра, и он ощутил, как сплетенные руки с шумом разлетаются в стороны. Не удержав равновесие, брат Роберт шатнулся вперед.

Его глаза распахнулись, и он опустил взгляд. Как минимум восемь рук уже успели вцепиться в него, и, отступив на трясущихся ногах, молодой священник окликнул Джиллеа.

Резко выдохнув, она сделала шаг вперед.

Он страхнул с себя извивающиеся конечности, не обращая внимания на то, что несколько черных оторванных пальцев застряло в звеньях кольчуги, и взглянул на стоящую в дверях фигуру. Судя по всему, чудовище ничуть не пострадало – если его тело и лишилось нескольких составляющих его ладоней, их уже успели заменить

новые. Окутывающий палицу брата Роберта огонь начал слабеть. Вместо него возник сияющий золотой диск, из которого исходила дюжина лучей – символ Амаунатора. Озаренные их светом, сплетенные руки начали содрогаться и падать на пол.

- Нет, - прогремел бестелесный голос. – Она пришла ко мне!

- Дед! – воскликнула Джиллеа. – Нет!

Раздавив ещё две подбирающиеся к нему ладони, брат Роберт протянул ей руку. Джиллеа содрогнулась от его прикосновения, веки её были плотно зажмурены, а из глаз струились слёзы.

- Она говорила мне не возвращаться сюда, - всхлипнула она.

- Но ты здесь, - пророкотал голос. «Ещё два», - взмолился брат Роберт. – «Прошу, Хранитель, ещё два».

- Мне страшно, - всхлипнула Джиллеа, и сердце брата Роберта замерло.

- Я здесь, - произнес Ватрисс Колл, и из-под ног чудовища хлынула волна отрубленных рук.

- Как и я! – воскликнул брат Роберт. Он вновь обратился к силе своего божества, не обращая внимание на то, что когти успевших добраться до него тварей уже пронзили кожу ботинок, оставляя глубокие раны в плоти.

Он закричал, и из висящего у него на шее священного символа вырвался свет, окутав силуэт давно умершего дела Джиллеа, который убил сотни, возможно, тысячи, и избегал мучений в Яме Личинок в Авернусе слишком долгое время.

Без единого звука фигура Ватрисса Колла распалась на множество отдельных частей. На полу образовалась груда отрубленных конечностей. Одни из них замерли неподвижно, другие же продолжали содрогаться или сжались в кулаки.

- Дед? – всхлипнула Джиллеа, сделав шаг вперед.

Карабкающиеся вверх когтистые пальцы по-прежнему цеплялись за её ноги, оставляя глубокие раны, однако, морщась от боли, она продолжала идти. Свет, который исходил от священного символа брата Роберта, озарял эту ужасающую картину, словно лучи утреннего солнца.

- Оставь его, кровь от моей крови, - голос раздавался сразу отовсюду. Он звучал гораздо слабей и отдаленней, чем прежде, но у молодого священника по коже всё равно забегали мурашки.

Приблизившись, Джиллеа протянула брату Роберту руку, и он схватил её за локоть. Одна из карабкающихся по её телу ладоней вонзила ногти ей в грудь, и женщина с воплем содрогнулась.

Сглотнув желчь, брат Роберт снова выкрикнул имя своего божества. Заряд чистой энергии света врезался в массу отрубленных рук, отбросив часть из них обратно в коридор. Пораженный той мощью, которую Хранитель Желтого Солнца вложил в его зов, брат Роберт крепче стиснул локоть Джиллеа и потащил её к двери. Большинство валяющихся вокруг них тварей были мертвы либо умирали, однако некоторые всё ещё продолжали попытки добраться до них.

- Спаси меня, Амаунатор, - прошептала Джиллеа, и брат Роберт послал вперед ещё одну вспышку сияющего пламени.

Они продолжили идти. Множество рук погибло, однако оставшиеся упорно ползли вперед.

- Ты была моей, - еле слышно пошелестел голос.

- Нет, - одновременно произнесли брат Роберт и Джиллеа.

- Она никогда не была твоей, - продолжил молодой священник. – Твоя дочь сбежала от тебя, когда поняла, что ты собой представляешь, и дочь Джиллеа никогда не узнает ужасную истину о том, кем являлся её прадед.

Голос брата Роберта сорвался, но вовсе не из-за страха перед ослабевшим призраком. Его и самого преследовал дух – дух его отца, который вышвырнул его из дома, возложив на него вину за то, в чём её не было. Но его отец всё ещё был жив, он знал о том, что его сын посвятил свою жизнь службе Амаунатору, и молодой священник имел возможность простить его и примириться с ним.

Он устремил взгляд на окно в комнате Лиллии, которая находилась с противоположной стороны коридора.

- Амаунатор, - выдохнул он. Сквозь тяжелые гардины и закопченное стекло пробивались лучи рассветного солнца, словно желая протянуть им руку помощи. Не оглядываясь, брат Роберт закричал:

- Бежим!

И они побежали. Взмахом палицы молодой священник разбил окно и, выронив оружие, выпрыгнул наружу. Он понятия не имел, какое расстояние отделяет их от земли, и это не имело никакого значения – ему лишь хотелось ощутить свет восходящего солнца, силу Амаунатора, что омывала их во время полёта.

Они тяжело рухнули в грязь, и воздух вышибло из его груди. Подтаявшая куча снега, немного конского навоза и милость его божества помогли им остаться в живых.

На улице находилось всего несколько человек, которые, разинув рты, уставились на тех двоих, кому удалось вырваться из Дома Смерти у Северной Стены. Прохожие тут же бросились к ним на помощь, но, увидев множество отрубленных рук, которые продолжали цепляться за их тела, резко остановились и отступили назад.

Оторвав от себя несколько тварей, брат Роберт голыми руками раздавил их. Укусив одну, Джиллеа отбросила вторую в сторону, и какой-то погонщик наступил на неё тяжелым сапогом. Другие прохожие также присоединились к истреблению тварей. Посохами, зонтами, ботинками и камнями они колотили их до тех пор, пока последняя из них не испустила дух.

Джиллеа заключила брата Роберта в объятия. Он попытался было отступить назад, но безуспешно. Утренний холод внезапно перестал иметь значение.

- Слава Амаунатору, - произнес он, уткнувшись в её тёплую шею.

- Воистину слава, - раздался голос сестры Калии.

Шокированный, брат Роберт попытался было оттолкнуть Джиллеа, но она лишь крепче обняла его. Щёки его вспыхнули жаром, и он поднял взгляд на свою наставницу. Та взирала на них широко распахнутыми глазами.

- Полагаю, я слегка опоздала, - слегка покраснев, с улыбкой произнесла сестра Калия.

Джиллеа начала смеяться. Несмотря на то, что его лицо было того же цвета, что и окрашенные первыми лучами солнца облака, брат Роберт рассмеялся вместе с ней.

КОРОЛЬ В МЕДИ

Ричард Бейкер

25 часа, год Согнутого Клинка (1376 ЛД)

- Я слышал, - произнес лорд Хекман Одельмор, - что гробницы древних хармархов Халбурга - славное местечко. Полно ловушек, но полно и сокровищ, как и во всех захоронениях правителей процветающего города, - откинувшись на спинку массивного кресла, он одарил Энгара Халмастера широкой ухмылкой. Как и всегда, лицо высокого и круглоголового Одельмора имело приветливое выражение, однако взгляд его оставался жестким и холодным. Формально звание лорда он не носил – впрочем, здесь и сейчас это не имело никакого значения. – Скажи мне, юный Энгар, есть ли в этих слухах доля правды?

Главный зал крепости Даггергард наполнял шум голосов, взрывы смеха, стук сталкивающихся бокалов и звон столовых приборов. Немногочисленные слуги спешно сновали между столами, обслуживая хиллсфарцев, несмотря на то, что Халмастеры едва ли могли позволить себе подобные траты. Темноволосый лорд Энгар нахмурился и поставил чашу на стол, раздумывая над ответом. По своей натуре он являлся довольно молчаливым и мрачным человеком, и его часто принимали за ученого. Однако молодой лорд Халмастер не испытывал тяги к наукам – он не любил заниматься тем, что не вызывало у него интереса, и в силу врожденного упрямства терпеть не мог, когда его принуждали склоняться перед чьей-то волей. К сожалению, именно этим Одельмор и его люди и занимались на протяжении уже нескольких месяцев. Энгару ничего не оставалось, кроме как прикусить язык и продолжать сохранять на лице любезное выражение.

Сидевший по другую сторону от него Киндон Марстел ошибочно принял его молчание за стремление уклониться от ответа.

- Ну же, Энгар, ты же должен знать о древних захоронениях твоей семьи! – резко воскликнул он. – Даже не думай ничего от нас утаивать! – Этот худощавый старик с серо-стальным ежиком волос на голове был холодным и лишенным чувства юмора солдафоном. Как и Одельмор, некогда он служил капитаном наемников Алых Плюмажей в Хиллсфаре, однако около года назад отряды крепости Зентил обрушились на этот город, полностью разгромив находившиеся под предводительством Первого Лорда Маалтира войска. К великому сожалению Энгара, эти двое решили избрать своей новой обителью именно полуразрушенный Халбург – маленький и отдаленный городок, где практически не осталось жителей, кроме Халмастеров и их немногочисленных людей. За своими предводителями, успев

пресытиться грабежом находящихся в окрестностях Хиллсфара поместий, последовало множество других бывших воинов Алых Плюмажей.

Скривившись, Энгар выбрал самый безопасный ответ из тех, что пришли ему в голову.

- Я ничего не скрываю, лорд Марстел, - произнес он. - Древние хармархи похоронены в склепах аббатства Хаммерболд, но мне не доводилось слышать о погребенных там сокровищах, - это, по крайней мере, являлось правдой. Из-за бедственного положения своей семьи Энгар давным-давно избавился от излишней сентиментальности. Если бы он знал, что гниющие кости его предков были украшены дорогими безделушками, то давным-давно сам бы отправил туда отряд. Однако, судя по всему, его незваные гости твердо решили избрать это захоронение своей следующей целью. Изгои из Алых Плюмажей и так уже успели перерыть пол-Халбурга в поисках любых ценностей, что могли оставаться в давным-давно разрушенном городе.

«Если я признаюсь в том, что понятия не имею ни о каких сокровищах, Одельмор и Марстел могут попросту избавиться от меня», - мрачно подумал он. Как бы унижительно ни было терпеть присутствие захватчиков на территории своей крепости и позволять им свободно рыскать по его небольшим владениям, он, по крайней мере, ещё оставался в живых. Надеюсь, что у него удастся выиграть хотя бы пару дней, он добавил:

- Скорее всего, развалины аббатства кишат нежитью. Вы и сами знаете, что все подобные места находятся под властью короля Эсперуса.

- Хочешь запугать нас старыми байками? - фыркнул Марстел.

- Это не байки. Два года назад здесь останавливался отряд Черного Грифона. Они обыскивали лежащие под городом склепы. Я долго и обстоятельно беседовал с их волшебницей Ириной о том, что им удалось найти и узнать. Это убедило меня в том, что версию о присутствии Эсперуса никак нельзя сбрасывать со счетов, мой лорд.

- Ха! Как пожелаешь. Я же твердо намерен во всем разобраться самолично, - произнес Одельмор. - Мои солдаты с легкостью справятся с парочкой гнилых скелетов, а, если твоему Королю в Меди это не понравится – что ж, умелые маги у нас с Марстелом тоже найдутся. Так что будь лапочкой, покажи-ка нам завтра эти руины.

- Их несложно отыскать, мой лорд. Аббатство – это огромное старое каменное здание, что расположено на обращенном к морю склоне Истхэда. Вы его не пропустите.

- О, в этом я не сомневаюсь, - обменявшись взглядами с Марстелом, Одельмор посмотрел на Энгара. - Мне просто показалось, что ты захочешь к нам присоединиться – ну там, дань уважения предкам отдать, ознакомиться с историей рода и всё такое. Или предпочтешь остаться здесь?

По спине Энгара пробежал холодок, однако выражение его лица не изменилась. Вне сомнений, Одельмор хотел удостовериться в том, что Энгар не посылает его в западню или склеп, над которым тяготеет древнее проклятие.

- Буду только рад, мой лорд. Однако на вашем месте я бы не питал беспочвенных надежд. Едва ли в гробницах осталось что-то ценное – с тех пор, как наши древние

владыки нашли там свой последний приют, город несколько раз подвергался разграблению.

Одельмор отмахнулся от его слов.

- Да-да, как скажешь. Посмотреть-то не вредно, не так ли? Я пошлю за тобой с утра, когда мы будем готовы выступить в путь.

Энгар склонил голову в знак согласия. Отказаться он не осмелился – на протяжении нескольких десятков дней в пустующие казармы Даггергарда отовсюду во множестве стекались бывшие наемники Алых Плюмажей. Их уже было в три или четыре раза больше, чем его собственных людей, и, даже если ему с горсткой своих плохо вооруженных и неопытных воинов каким-то чудом и удастся вышвырнуть захватчиков из крепости, в гавани Халбурга располагалось ещё около двухсот хиллсфарских солдат вместе с семьями. Не успеет он захлопнуть двери замка, как они просто-напросто вышибут их тараном.

Наконец пир – который, по сути, являлся всего лишь грабежом, во время которого так называемые «гости» хармарха милостиво позволяли ему угощать их всем, что находилось в его кладовых и подвалах, – был окончен. Капитаны наемников вместе со своими солдатами потянулись к выходу. Придерживая двери, Энгар, игравший роль радушного хозяина, который провожает дорогих гостей, смотрел, как они уходят. На миг его охватила надежда, что хиллсфарцы успели забыть об их разговоре, но на пороге Одельмор внезапно остановился. Подавшись вперед, он железной хваткой стиснул руку юного хармарха.

- Надеюсь, нам вскоре удастся отыскать что-нибудь ценное, Энгар, – тихо произнес он. – Если подумываешь о том, чтобы приберечь старые сокровища города для себя, лучше откажись от этой идеи. Не ровен час мы решим, что тебе больше нечем с нами поделиться. Тогда, боюсь, нам придется пересмотреть некоторые детали нашего соглашения, и не думаю, что тебе это понравится.

Вздвогнув, Энгар кивнул.

- Я понимаю.

- Отлично, – произнес Одельмор. – Значит, завтра утром, – ухмыльнувшись, он последовал за своими солдатами вниз по мокрой от дождя улице.

Подождав, пока он не скроется из виду, Энгар захлопнул дверь. Его слуги привычно сновали по заваленному мусором и остатками еды залу, убираясь за Алыми Плюмажами. В последнее время им приходилось делать это каждую ночь. Несколько человек подошли к своему господину, чтобы доложить о состоянии кладовых и погребов, но молодой лорд взмахом руки отослал их прочь и устало зашагал к своим покоям. Закрыв за собой дверь, он встал перед большим каменным камином, где теплился слабый огонек.

Позади послышался шорох аккуратно открываемой двери и шелест одежд.

- Они ушли? – спросила Эстин.

Энгар посмотрел на жену. Семья Тентинат была столь же бедна, как и род Халмастеров, и некогда их родители, сочтя их наилучшими партиями друг для друга, заключили договор о браке. И всё же он по-настоящему любил её, а она, несмотря на свою простоватую внешность, отличалась острым умом. Он запрещал ей выходить из комнаты, опасаясь, что кто-нибудь из их «гостей» вздумает положить на неё глаз.

- Сегодня – да, - произнес он. – Но Одедьмор обещал послать за мной с утра. Он просто одержим идеей отправиться в склепы Халмастеров.

Эстин с отвращением передернулась.

- Неужели там есть что-то ценное?

- Понятия не имею. Если и есть, Одедьмор и его шакалы непременно это отыщут. Они хуже, чем свиньи, почуявшие запах трюфелей.

- Будем надеяться, что удача им не улыбнется, - произнесла леди Эстин. – Возможно, когда они решат, что осушили наш Халбург досуха, то предпочтут покинуть это место.

- Едва ли, - Энгар провел ладонью по волосам жены, пропуская между пальцев черные пряди. – Перед уходом Одедьмор сказал мне – если он поймет, что мне больше нечего ему предложить, дело примет плохой оборот. Ты понимаешь, что это значит.

Эстин нахмурилась.

- Необходимо сделать всё возможное, чтобы хоть ненадолго отсрочить этот момент.

- Нам лучше скрыться сейчас...

- Нет, - Эстин покачала головой. - Мы уже обсуждали. Стоит нам сделать хоть один шаг через порог, как солдаты Плюмажей тут же нас скрутят.

Стиснув кулаки, Энгар уставился в огонь.

- Что же мне делать? – прорычал он. – Разве у меня вообще есть выбор?

- Жди и наблюдай. Возможно, завтра вам удастся отыскать куда более богатую добычу, чем рассчитывают хиллсфарцы, и они поубивают друг друга, не договорившись о том, как её разделить, - проведя ладонью по его руке, Эстин положила голову ему на плечо. – Долго так продолжаться все равно не может.

- Не может, - со вздохом откликнулся Энгар и позволил ей отвести себя в спальню.

Наступил следующий день. Воины Одедьмора не появлялись у крепости Халмастеров до самого обеда. Энгара это не удивило – в воинстве наемников, где в свое время состояли два самозванных лорда, добиться вышестоящей должности можно было лишь долгими тренировками и железной дисциплиной, однако нынче бывшие капитаны лишились и цели, ради которой стоит сражаться, и лидера, за которым некогда шли. Теперь их пиры длились задолго за полночь. Еще несколько месяцев – и те опытные бойцы, что последовали за ними, превратятся в неорганизованную толпу ленивых бандитов. К сожалению, этого времени у Энгара не было. Сейчас их сил более чем хватало, чтобы справиться с ним и его воинами.

Когда солдаты наконец заявили, с небес начал моросить мелкий холодный дождь. Воины шли за ним по полуразрушенным улицам Халбурга. Его порадовало, что эти наемники выказывали хоть какое-то уважение к его статусу, пусть оно и выражалось лишь в насмешливых улыбках и перешептываниях за спиной.

Аббатство Хаммерболд, находившееся к юго-западу от Халбурга, возвышалось над серым Лунным Морем. Отсюда открывался прекрасный вид на город и его гавань. Некогда это великолепное святилище являлось величайшим храмом во всем государстве, однако с тех пор минуло не менее двух столетий. Крыша его давным-давно обвалилась, вместо окон зияли пустые провалы, а внутри здания не было

ничего, кроме поросших сорняками и кустами обломков камней. Одельмор в компании двадцати воинов ждал его возле входа.

- А, вот ты где, Энгар, - бывший капитан одарил его скупой улыбкой. На нем был длинный чешуйчатый доспех, а на поясе висел широкой палаш с простой, истертой от долгого использования рукоятью. – Как видишь, аббатство мы нашли.

Страхивая с плаща воду, Энгар поднял взгляд на покрытые выщерблинами стены храма. Для этого путешествия он предпочел облачиться в недлинную легкую кольчугу и захватил с собой лишь короткий меч. Он неплохо управлялся с клинком, но не питал иллюзий относительно того, что ему удастся справиться хоть с кем-то из хиллсфарских беженцев – все они являлись испытанными в боях ветеранами. Оружие он взял исключительно для того, чтобы обороняться от охранявших гробницу тварей, если им не повезет на них наткнуться. Но и в этом случае он с радостью уступит честь сразиться с ними более опытному бойцу.

- Боюсь, что я понятия не имею, где именно находятся захоронения, - произнес он.

- Неважно. Зерна нашла вход, - Одельмор кивком указал на стоявшую неподалеку женщину в черной магической мантии. Её пепельно-белые волосы были уложены в сложную спиралевидную прическу, удерживаемую серебряными гребнями. – Мои солдаты уже расчистили путь от завалов.

Склонив голову в знак признательности, Зерна произнесла:

- Мы готовы выступить, мой лорд. Вы не возражаете, если я пойду первой?

Следуя за волшебницей, Одельмор, Энгар и их отряд вошли в древний храм. Возле задней стены здания Зерна, кивнув, сделала шаг в сторону. Энгар увидел, что несколько солдат Одельмора ждут их возле арки, за которой начиналась уходящая вниз узкая лестница. Ступени её терялись во тьме. Судя по всему, именно она и вела из главного зала часовни в склепы.

- Хорошая работа! – воскликнул Одельмор. – Давайте же глянем, улыбнется ли нам удача, - бывший капитан кивнул стоявшим возле арки солдатам. Двое из них, прикрывшись щитами и держа клинки наготове, с осторожностью ступили на темную лестницу. Сразу за ними последовали ещё двое, держа в руках ярко пылающие факелы.

- После вас, мой лорд хармарх, - произнес Одельмор. Кивнув, Энгар начал спускаться по покрытым пылью ступеням. Одельмор, Зерна и ещё несколько человек замыкали процессию.

Через пятнадцать футов прямая и плавная лестница вывела их в зал с низким сводчатым потолком, который поддерживали толстые колонны. Воздух был густым и затхлым. Скользящая каменная кладка влажно поблескивала в свете факелов. В нескольких дюжинах мест на изъеденных временем плитах под их ногами были высечены руны и полустертые портреты людей – судя по всему, они указывали на местоположения захоронений. Энгар содрогнулся; от леденящей атмосферы этого места бросало в дрожь.

Наклонившись, Одельмор присмотрелся к надписям.

- Обычные могилы, - произнес он вслух. – Полагаю, преуспевающих торговцев и бюргеров, но не знати.

- Вскроем парочку, господин? – спросил один из солдат.

- Не стоит утруждаться. Вряд ли там найдется что-то ценное. Давайте-ка сначала поищем мертвых хармархов, - выпрямившись, Одельмор посмотрел на свою волшебницу. – Пускай в ход магию, Зерна!

Женщина в черных одеяниях зажмурилась и вытянула руку вперед, словно пытаясь уловить кончиками пальцев движение воздуха. Спустя несколько мгновений она открыла глаза, вскинув бровь.

- Я ощущаю здесь немного золота, однако склепы хорошо защищены от магии прорицания. Даже спустя столько столетий древние чары ещё действуют – кто-то об этом неплохо позаботился.

- Мой лорд! – воскликнул солдат, отошедший к противоположному концу зала. – Кажется, я нашел королевские захоронения.

Одельмор поспешно направился к нему, и Энгар последовал за бывшим капитаном. Наемник стоял возле широкого арочного прохода в восточной стене, за которым оказалось большое круглое помещение. Возле его стен находилось одиннадцать огромных каменных саркофагов, повернутых к центру зала. На крышке каждого из них было высечено изображение мужчины или женщины, которые выглядели так, словно спят, а по бокам виднелись ряды древних детекских рун.

- Аххх, уже лучше, - произнес капитан Алых Плюмажей. – Готов поспорить, что сюда не ступала нога ни одного благочестивого горожанина.

Подойдя к ближайшему саркофагу, Энгар посмотрел на каменное изваяние горделивого лорда с пышной бородой. Он был одет в броню, а таких конических шлемов, обрамленных кольчужным плетением, не делали уже больше двух сотен лет. Его сложенные на груди руки покоились на рукояти гигантского меча, кончик которого практически доставал до ступней – образ короля-воителя, если Энгар хоть что-то в этом понимал. Лицо его вспыхнуло от стыда – он представлял, что бы его предок мог сказать относительно нынешнего постыдного положения дома Халмастеров. Одной рукой он смахнул пыль с древних рун и прочитал:

- Косимар, Первый Хармарх Халбурга, что правил с года Холодных Когтей по год Оруженосца.

Обернувшись, Одельмор одарил Энгара широкой ухмылкой.

- Основатель твоего рода, Энгар! Должно быть, для тебя это великий день.

Губы Энгара скривила горькая усмешка. Он сомневался, что Косимар счел бы этот день великим.

- Это не совсем так, мой лорд. Косимар был из семьи Тантон, но их род оборвался где-то спустя столетие. Род Халмастеров начал свое существование в 1050 году, году Могучего Шторма, - шагнув вперед, он остановился возле пятого по счету саркофага. – Вот мой предок, Айвар Халмастер.

Хиллсфарец пожал плечами. Ему не было дела до истории семьи Халмастер.

- Зерна, здесь есть ловушки?

Волшебница снова обыскала комнату.

- Нет, мой лорд.

- Тогда давайте вскроем их и посмотрим, что для нас припасли старые лорды Халбурга, - велел Одельмор. Улыбнувшись Энгару, он устремил взгляд на солдат, которые с помощью молота и лома принялись трудиться над крышкой первого саркофага. Помещение наполнил звон стали о камень, эхом отдающийся от стен.

Скривившись, Энгар вернулся к изучению могилы Айвара. Его саркофаг оказался похож на гробницу Косимара, однако усопший был изображен в величественной мантии, а рядом с ним лежал длинный посох. Неужели он и вправду являлся магом? Энгар никогда не слышал ни о чем подобном, однако его отец почти не рассказывал своему наследнику об их семейной истории. Энгар подозревал, что Аргилу и самому было мало что известно – учитывая, что город оказался разрушен ещё при жизни его деда, многое из того, что Халмастеры знали и имели, было безвозвратно утеряно. Он наклонился, чтобы рассмотреть высеченные под именем Айвара и годами его правления детекские руны. Они гласили:

«Айвар, искуснейший маг и племянник Эсперуса, Великого Короля Тентура, коий в год Могучего Шторма даровал Айвару и его потомкам власть над Халбургом. По воле короля Эсперуса да будет род Айвара известен под именем Халмастер».

Племянник Эсперуса? Не веря своим глазам, Энгар еще раз перечитал написанное. Но нет, все правильно. Он хмыкнул, поразившись иронии ситуации. Заявив, что юный хармарх сможет разузнать что-то об истории своего рода, Одельмор хотел лишь посмеяться над ним, однако предположение лорда наемников оказалось верным. Энгар никогда не слышал о том, что род Халмастеров имеет какое-то отношение к старому Эсперусу, однако в этом имелся смысл. Эсперус стал владыкой Тентура незадолго до 1050 года и достаточно быстро подмял под себя все окрестные города. Логично предположить, что он решил избавиться от прежних правителей, назначив на их места своих подчиненных.

- Род Косимара и вправду пресекался, - вслух пробормотал он.

За его спиной раздался оглушительный грохот, свидетельствующий о том, что наемникам наконец удалось взломать первый саркофаг. Не обращая на них внимания, Энгар подошел к следующей могиле, где покоился наследник Айвара. Резьба на крышке изображала мага-воина, который держал на груди скрещенные посох и меч.

«Риван Халмастер, сын Айвара, хармарх Халбурга с года Резни по год Кровавых Полей. В год Выплеснувшейся Песни он возглавил доблестное восстание против Эсперуса и низверг тирана, уничтожив его королевство и освободив города Лунного Моря».

Энгар снова нахмурился, раздумывая над этой надписью. Получается, Эсперус сделал Айвара владыкой Халбурга, а потом его сын поднял восстание против своего великого дяди... Он знал, что королевство Эсперуса пало много столетий назад, однако даже не задумывался о том, какую роль в этом могла сыграть его семья. Разве победы и триумфы давным-давно минувших дней имеют хоть какое-то значение? Его власть над крохотным куском их былых владений была чисто фиктивной, а наследием его оказались лишь руины, в окружении которых он провел всю свою жизнь. Пусть в прошлом Халмастеры и одерживали великие победы, нынешнее положение их рода оказалось весьма незавидным.

- Отойди, - произнес солдат. Подняв взгляд, Энгар увидел, что наемники уже успели добраться до могилы Ривана. Нахмурившись, он отступил в сторону. Он понимал, что никак не сможет остановить Одельмора. Воины доставали сокровища из вскрытых могил, сам же бывший капитан придирчиво изучал их трофеи – золотые кольца, браслеты и кулоны, украшенные драгоценными камнями кинжалы

и пояса. Насколько Энгар мог судить, добыча оказалась весьма скудной. Судя по разочарованным выражениям лиц наемников, они разделяли его мнение.

Фыркнув, Одельмор отвернулся от груды безделушек.

- Судя по всему, твои предки оказались далеко не так богаты, как я думал, - недовольно произнес он. - Что ж, будем надеяться, что у других хармархов финансовое положение было получше.

Энгар ничего не ответил. С помощью монтировки солдаты принялись расшатывать крышку саркофага Ривана. Из-за их спешки и неаккуратности от камня то и дело отлетали обломки, и Энгар вздрогнул. Пусть он и не смог помешать им вторгнуться в гробницу, но оказалось, что семейной гордости в его душе куда больше, чем он думал. Безучастно стоять и смотреть, как разбирают тела его предков, было невыносимо; он почувствовал тошноту. Каменная плита с грохотом упала на пол и раскололась на две части. В воздух поднялось облако пыли. Солдаты двинулись к могиле отца Ривана, а Одельмор подошел к саркофагу, чтобы взглянуть на его содержимое.

- Пф! Тоже ничего, - жестом Одельмор подозвал одного из своих людей. Тот двинулся вперед, чтобы забрать то небольшое, что имелось у покойника – пару колец, тонкую золотую цепь на шее, хорошего качества меч с латунной рукоятью, лежащий возле бедра покойного лорда. С уродливой гримасой на лице солдат отвернулся.

- Не пойму, в чем дело. То ли бедными они были, то ли просто скрягами. Возможно, другие древние Халмастеры хоронили своих мертвецов с большими почестями?..

Энгар смотрел на то, как хиллсфарцы заканчивают потрошить могилу Ривана. Он не испытывал к усопшему родственных чувств; он даже не был полностью уверен в том, что его отец, несмотря на все его уверения, действительно принадлежал к роду Халмастеров. И все же, когда они закончили, он подошел к саркофагу, чтобы взглянуть на тело. Пустые глазницы черепа воззрились на него в безмолвной ярости, и он содрогнулся. Он не был особо чувствителен к подобного рода вещам, однако в лежащих под Халбургом землях, там, где властвовала смерть, таились силы, которые лучше не тревожить.

Посмотрев на останки, он отвернулся, однако в последний момент его взгляд упал на амулет, который лежал под телом Ривана - простое украшение, сделанное из позеленевшей от времени меди. Судя по всему, никакой ценности оно не представляло – видимо, именно поэтому солдаты Одельмора его не тронули. И все же этот амулет его заинтересовал. Когда хиллсфарцы сбросили крышку саркофага Айвара на пол, Энгар, сам не зная почему, протянул руку к труп и взял его.

Он поспешно обернулся, однако капитан наемников и его люди ничего не заметили – их куда больше интересовало содержимое оставшихся могил. Пробежавшись пальцами по древнему позеленевшему металлу, Энгар уставился на медный амулет. В нем чувствовалась магия – слабая и холодная пульсация силы. Он вздрогнул. Странно, что волшебница ничего не ощутила, но, если верить словам Зерны, на гробницу были наложены могучие чары, мешавшие её магии прорицания. На поверхности амулета было выгравировано едва заметное изображение – завиток, прямая линия, пара точек... Символ Эсперуса.

Энгар с шипением втянул в легкие воздух, едва не выронив амулет. Ему уже доводилось видеть этот знак в пещерах и могилах, которые Король в Меди решил объявить своими владениями. Поговаривали о том, что он весьма ревностно относится к своей собственности и терпеть не может живых, в особенности тех, кто ныне обитает в небольших городках, что некогда являлись частью его государства. Значит, этот амулет крайне опасен. Тем не менее, если верить надгробной надписи, хармарх Риван некогда восстал против Эсперуса и смог взять верх над великим магом. Но зачем ему брать подобную вещь с собой в могилу? Возможно ли, что она каким-то образом защищала первых Халмастеров от лича или давала некую власть над ним? Или же это просто трофей, взятый в память о великой победе?..

- Что там у тебя, Энгар? - раздался резкий окрик Одельмора.

Вздвогнув от неожиданности, молодой хармарх поднял взгляд. Он заколебался, не зная, что сказать. Возможно, этот защищенный от магии амулет представляет собой огромную ценность - не хотелось бы, чтобы он попал в руки хиллсфарцев. И всё же он являлся собственностью Эсперуса – собственностью, которую Король в Меди мог возжелать вернуть в любой момент. Эта вещь была опасна, а любой опасный предмет можно превратить в оружие, если использовать его правильным образом. Энгар осознал, что держит в руках ключ к избавлению от Одельмора и его людей – если, конечно, у него хватит мозгов на то, чтобы надлежащим образом им воспользоваться. Тем больше причин не отдавать его лорду наемников.

Охваченный внезапным порывом безрассудства, он решил пойти ва-банк. Подняв амулет к свету, Энгар слегка пожал плечами.

- Безделушка с тела одного из древних лордов. Ваши люди не проявили к ней интереса, так что я подумал, что могу оставить её себе.

Одельмор уставился на позеленевший медный амулет. Энгар отчаянно надеялся, что с расстояния в пару шагов выгравированный на нем рисунок будет неразличим. Наёмник посмотрел ему в глаза и слабо усмехнулся.

- Конечно, почему нет? Как по мне, эта штука ничего не стоит. Забирай.

Энгар не смог заставить себя поблагодарить Одельмора за то, что тот позволил ему сохранить вещь из могилы его предка. Коротко кивнув, он положил амулет в один из поясных карманов и отступил к дальнему концу комнаты. Там он сделал вид, что пристально изучает надписи на гробницах остальных хармархов, надеясь, что никому из мародеров не придет в голову мысль присмотреться к рунам на саркофаге Ривана.

Спустя четверть часа с разграблением могил Халмастеров было покончено, и наёмники разбрелись по склепу, обшаривая другие захоронения в поисках ценностей. Через час Одельмору надоело ждать, и он отдал приказ заканчивать.

Они вернулись в полуразрушенную часовню, где их уже ждал Киндон Марстел и несколько его людей. Оба бывших капитана принялись изучать найденные в могилах сокровища.

- И что, этот хлам того стоил? - спросил Марстел. – Я же говорил, что рыться в костях Халмастеров бесполезно.

- Похоже, ты был прав, - ответил ему Одельмор. Он перевел взгляд на Энгара, и губы его изогнула хищная акулья усмешка. – Но наверняка здесь должно быть что-то

ценное, верно, юный Энгар? Мне уже надоело копаться в мусоре в поисках блестящих безделушек.

«Тогда проваливайтесь», - внутри Энгар кипел от ярости, однако он не позволил эмоциям отразиться на лице. Вслух он произнес:

- Я же говорил, что вы не первые, кто ищет добычу в этом городе. В Халбург за последнюю сотню лет регулярно наведывались солдаты Зентарима и Малмастера, а после них здесь мало что осталось - уж мне ли не знать, - он горько усмехнулся. - Уверен, что вам известно о нынешнем плачевном положении рода Халмастеров.

Одельмор нахмурился. Он терпеть не мог, когда его выставляли на посмешище.

- Значит, тебе больше нечего нам предложить?

Энгар развел руками.

- Что вы хотите получить от меня и моих людей, господин? Вы можете избрать это место своим домом - разве я в силах вам помешать? Зовите себя лордом, бароном или, если пожелаете, хармархом. Но богатство, золото, сокровища? Их тут нет! Вашим людям придется добывать их для вас самостоятельно. Мне больше нечего вам дать.

- О, парочка вещей найдется, - прорычал Одельмор. - Во-первых, как ты и сказал, титул. Возможно, та развалина, что ты зовешь крепостью. Или твоя маленькая сочная женушка, которую ты прячешь в своих покоях. На пару вечеров она меня займёт... Ещё как займет, - обнажив палаш, он направился к Энгару.

- Как раз вовремя, - заметил Киндон Марстел. Сплюнув на землю, он улыбнулся - в первый раз на памяти Энгара.

Вовсе не такую смерть он для себя представлял, но разве у него был выбор? И всё же мысль о том, как лорд наёмников будет сидеть на его троне в Даггергарде, спать на его кровати, унижать и избивать Эстин... эта мысль была невыносима. Оскалившись, Энгар потянулся к рукояти меча. Разумеется, Одельмор с легкостью порубит его на куски, но, по крайней мере, он умрет с оружием в руках, как подобает воину. Его пальцы коснулись поясного кармана, и внезапно его осенила отчаянная идея.

Отступив от Одельмора, он поднял руку.

- Стойте! Есть ещё кое-что. Я покажу - но вы должны дать слово, что отпустите меня и мою жену живыми и невредимыми.

Марстел разразился сухим смехом.

- Да врет он, Хекман.

Заколебавшись, Одельмор склонил голову и уставился Энгару в глаза.

- Скорее всего, врет, - произнес он. - Но разве с нас убудет, если мы его выслушаем? Итак, мальчик. Что у тебя на уме?

- Я говорю о сокровищнице Эсперуса, короля Тентура, - произнес Энгар. - Большую часть его богатств так и не нашли, верно? И, кажется, я знаю, где они находятся.

- Пф! Если бы это и правда было так, ты бы не был таким бедным, - фыркнул Одельмор. - Что мешало тебе самому отправиться туда и забрать его?

- Я не осмеливался. Это место опасно. Чтобы достичь успеха, вам понадобится либо магия, либо много стали. В отличие от вас, у меня никогда не было ни того, ни другого. Сокровища ваши - если вы согласитесь меня отпустить.

- Хмммм. Нет уж, никуда ты не пойдешь, пока мы собственными глазами не увидим эти сокровища, - Одельмор перевел взгляд на свою волшебницу. – Что об этом думаешь?

- Я знаю об Эсперусе и его древнем королевстве, однако ни разу не слышала о пропавших богатствах, - Зерна пожала плечами. – Его последняя крепость и правда располагалась неподалеку от Халбурга. Но, возможно, тревожить Короля в Меди – не лучшая идея. Репутация у него устрашающая.

- Если окажется, что я солгал, вы всегда сможете меня убить, - произнес Энгар.

- Разумеется. Уж поверь – если ты решил меня одурачить, то пожалеешь о том, что не умер здесь и сейчас. Сильно пожалеешь, - Одельмор одарил Энгара долгим взглядом. – Ладно. Покажи мне, где находится сокровищница старого короля.

- Лучше отложить это дело до завтра, мой лорд. Ваша волшебница права – с Эсперусом лучше не связываться. Вам понадобится больше людей, да и дорога займет не меньше нескольких часов. Когда мы прибудем на место, солнце уже зайдет, а лезть туда ночью – плохая идея.

- А это уже нам решать, - прорычал Марстел. – Одельмор, я уверен, что он что-то задумал.

Лорд наемников кивнул.

- Даже не сомневаюсь в этом, - окинув взглядом своих воинов, он приказал. – Соберите возле крепости отряд из шестидесяти человек. Выступаем через час. Идем сегодня.

У наемников ушло ровно в два раза больше времени на то, чтобы исполнить его приказ. Энгар также хотел вернуться в Даггергард, чтобы переговорить с Эстин, но бывшие капитаны его непустили. Стоя рядом с Одельмором, он смотрел на марширующих хиллсфарцев, задаваясь вопросом – есть ли у него хоть один шанс выбраться из этой заварушки живым или же он просто отсрочил свою гибель на несколько часов. К его удивлению, эта перспектива его почти не пугала. С момента прибытия наемников в Халбург прошло уже несколько десятков дней, и он попросту устал ежесекундно ожидать смерти. Его охватила необычайная легкость – чем бы ни завершилось путешествие в Хайфелл, с оскорблениями и унижениями хиллсфарцев будет покончено.

Когда они наконец отправились в путь, день уже давно перевалил за середину. Они шли по древней дороге, что вела вверх по аллее Винтерспир; вместе с несколькими своими людьми Мартел присоединился к отряду Одельмора. Двое капитанов ехали впереди колонны, и Энгар, сидевший верхом на своенравном чалом мерине, держался рядом с ними. Большинство солдат передвигались пешком. Спустя некоторое время морозящий дождь прекратился, однако на смену ему пришел порывистый северный ветер. На протяжении нескольких миль они двигались вдоль русла реки, а затем Энгар велел им свернуть в проход, ведущий на вершину восточного склона долины. Там простирались обширные вересковые пустоши, известные, как Хайфелл. На горизонте возвышались заснеженные горы Гален, чьи вершины терялись в облаках.

Нахмурившись, Одельмор поплотней запахнул в развевающийся плащ.

- Тут нет ничего, кроме старых курганов, - произнес он. – Куда ты нас ведешь?

- В Завывающий Замок, - Энгар указал пальцем в сторону гор. – Он находится в четырех или пяти милях отсюда.

- Да любой из моих людей смог бы найти древнюю крепость Эсперуса! Ты-то мне зачем?

- Возможно, и смог бы. Однако известно ли вам, как войти в Покои Мертвых, что находятся под замком?

Марстел смерил Энгара подозрительным взглядом.

- Конечно... Ты-то, несомненно, уже посещал крепость и самолично нашел дорогу в склепы. Пф! Не верю. Тебе для этого храбрости не хватит.

- Вы правы, я там не был. Однако я говорил с теми, кто был – отрядом Черного Грифона. Им удалось добраться до склепов и выбраться оттуда живыми.

- Откуда тебе знать о том, что они не лгали? – потребовал ответа Одельмор.

Энгар пожал плечами.

- Полагаю, вскоре мы это лично выясним.

Они достигли замка Эсперуса через час после заката солнца. Ночь выдалась безлунной и холодной, а порывы промозглого ветра то и дело угрожали погасить пламя факелов, которые сжимали в руках наемники. Древняя крепость пала давным-давно, и на стенах её до сих пор виднелись следы от попаданий зарядов осадных машин. Надвратная башня представляла собой лишь грудку камней – судя по всему, она была полностью уничтожена во время последнего штурма. Одельмор отдал солдатам приказ, и они отправились на разведку во внутренний дворик. После того, как они доложили, что это место полностью заброшено, он вошел внутрь.

Спрыгнув с седла, Энгар направился за ним. Он принялся рассматривать древнюю твердыню, пытаясь сопоставить увиденное с рассказами Ирины. Если ему не удастся отыскать нужную дверь, его непременно убьют. Конечно, он в любом случае может умереть - их отряд был весьма многочисленным, однако лишь немногим из тех, кто осмеливался войти в находящиеся под замком покои, удавалось выбраться наружу. В воздухе разливалась неестественная прохлада, которую нельзя было объяснить холодным северным ветром и влажностью. Энгара передернуло.

- Главное здание, - сказал он Одельмору и Марстелу. – В подвале находится потайная дверь.

- Об этом тебе какой-то авантюрист разболтал, да? – спросил Марстел.

- Верно, лорд Марстел. Волшебница Ирина рассказала мне об этом два года назад.

- Так почему же она и её товарищи не обшарили это место сами?

Энгар позволил себе слабую улыбку.

- Им пришлось бежать, спасая свои жизни.

Марстел издал раздраженное шипение.

- Подумываешь нас в ловушку заманить? – рыкнул он.

Энгар пожал плечами.

- В отряде Черного Грифона было семь человек. У вас вдесятеро больше. Так чего же вы боитесь?

Марстел нахмурился, однако по губам Одельмора скользнула слабая усмешка.

- Я многое повидал в жизни, парень, - произнес он в ответ. - Меня сложно испугать. Веди.

Прежде чем он успел передумать, юный хармарх забрал у одного из стоявших неподалеку солдат факел и направился в сторону цитадели. В его ушах на самой грани слышимости звучал шепот мертвецов – звук, похожий на шорох старых сухих листьев, - и он кожей ощущал устремленные на него невидимые взоры. С каждым шагом это чувство становилось всё сильнее и сильнее, но что он мог поделать? Будь на то его воля, он бы немедленно развернулся и покинул это место, однако обстоятельства не оставляли ему выбора.

Оказавшись внутри, Энгар на миг остановился, оглядывая огромный полуразрушенный зал. Камни крепости почернели из-за покрывавшего их многовекового слоя сажи, а от мебели и декораций, что некогда украшали это помещение, не осталось и следа. Вдалеке виднелся затянутый тьмой арочный проем. Если то, что ему рассказывали, являлось правдой, именно там и находился путь к подземельям замка. За его спиной послышался звон стали и шум шагов. Ободренный этими звуками, юный хармарх решительно направился вперед. Широкая лестница уходила вниз, её ступени терялись во тьме.

- Будьте настороже, мой лорд, - прошептала Зерна следовавшему за ней Одельмору. - Здесь чувствуется присутствие могучей магии, а тени – нечто большее, чем кажется с виду.

- Боишься? – бросил Энгар через плечо. Шагнув на лестницу, он начал спускаться вниз. Пламя его факела дрожало, отбрасывая блики на стены. После двух поворотов они оказались в расположенном глубоко под замком широком помещении. Пол его был усыпан старыми костями и ржавыми обломками доспехов – останками воинов, что защищали Эсперуса до последнего. Не обращая на них внимания, Энгар поднял факел вверх, чтобы осмотреть стены. В этом и заключалась слабая часть его плана – он не был уверен в том, как отыскать потайную дверь, о которой Ирина успела поведать ему до того, чем покончила с собой в своих покоях в Даггергарде, не выдержав тех ужасов, что ей довелось здесь увидеть. Ещё она бормотала нечто о черном драконе...

- Ну? Где же твоя потайная дверь, Энгар? – спросил Одельмор.

Нахмурившись, молодой хармарх обвел взглядом комнату. Пол был усеян костями и обломками каменной кладки, а в углах находились украшенные каменными изваяниями колонны. Он приблизился к одной из них. Изображенное на ней существо действительно напоминало дракона, однако цветом оно ничем не отличалось от остальных камней. Он подошел к другой колонне. Морда высеченного на нем дракона напоминала череп, а из головы его росли два больших рога.

Разумеется! Черной могла быть краска, а она давным-давно смылась. Энгар положил руку на череп и надавил, однако ничего не произошло. Он принялся ощупывать глаза, клыки и рога дракона.

Левый рог повернулся, и за его спиной послышались шуршащий звук, напоминающие трение камня о камень. Развернувшись, Энгар увидел, что участок стены уходит вниз, открывая взору широкий проход, откуда струилось призрачное зеленоватое свечение. Там находилась ещё одна ведущая вниз лестница.

Оказалось, что свет этот испускали заполненные туманом шары из толстого стекла. По обе стороны прохода возвышались статуи скелетов. Энгар кожей чувствовал исходящую от них угрозу, и люди Одельмора встревожено забормотали. Тем не менее, он заставил себя двинуться вперед. Путь оказался довольно долгим; судя по всему, они очутились очень глубоко под холмом, на котором был воздвигнут замок. Лестница вывела их в огромный зал, который окружали двойные ряды высоких колонн, выполненных в виде великанов, держащих на своих плечах потолок. В стенах виднелось ещё несколько арочных проемов, которые вели глубже под землю.

- Здесь ощущается присутствие магии чудовищной силы, - пробормотала волшебница Зерна. – Надо немедленно уходить!

Шагнув вперед, Одельмор схватил Энгара за руку, вынудив его развернуться.

- Потешаться надо мной вздумал? – рявкнул хиллсфарец. – Что-то я не вижу тут никаких сокровищ! Если ты нам солгал, то, клянусь – свяжу тебя, суну в рот кляп и оставлю здесь на потеху местным духам!

- Выбор ваш. Можете сами всё обыскать, - произнес Энгар. – Но эта комната – единственная, о которой мне рассказывали. Если кому и удавалось пройти дальше, наверх они уже не выбрались. Однако я не солгал вам, Одельмор, - с его губ сорвался низкий приглушенный смешок. – Это действительно обитель Эсперуса, Короля в Меди. Ничья нога ещё не ступала в находящиеся под замком покои.

- Опять надо мной смеешься? – с рыком Одельмор отвесил Энгару оплеуху закованной в латную перчатку рукой, и хармарх упал. В его глазах потемнело, а в челюсти вспыхнула боль. Во рту он почувствовал привкус железа. Энгар провел рукой по лицу – на ладони виднелась кровь. Он приподнялся на локтях, ожидая увидеть стремительно опускающийся клинок лорда наемников. Однако Одельмор больше не смотрел на него – взгляд бывшего капитана был прикован к темному проходу, находившемуся напротив той лестницы, через которую они сюда вошли. По шее Энгара пробежал леденящий холодок. Собрав остатки мужества, он повернул голову.

Возле стены возвышалась темная фигура в изодранной мантии, опирающаяся на длинный черный посох. Обнаженный череп новоприбывшего венчала шипастая корона, а в пустых глазницах пылало смертоносное зеленое пламя. Пожелтевшие от времени кости были скреплены медными обручами с вырезанными на них рунами. Вокруг ног его клубился белый туман, и сам воздух дрожал от источаемой им ауры невыразимого ужаса. Он разразился кашляющим смехом, и от звука его голоса сердце Энгара словно стиснула ледяная рука.

- Что за великолепное общество! – воскликнул закутанный в мантию лич. – Пожаловали сюда в поисках сокровищ Эсперуса, верно? – он шевельнул рукой. Послышалось шуршание камня - ведущая наружу дверь начала подниматься, запечатывая проход.

Наемники застыли, не в силах вымолвить ни слова. Одельмор вскинул меч, указывая на Короля в Меди.

- Уничтожить... это, - пропищал он. Судя по всему, звучание его голоса помогло ему вновь обрести решимость, и, оглянувшись на своих солдат, он рявкнул. – Вы что, не слышали? Уничтожить!

Взмахнув жезлом, Зерна выкрикнула слова заклинания. С наконечника её оружия сорвался луч сияющей алой энергии, направленный прямо в сердце Эсперуса. Однако в нескольких шагах от его тела тьма сгустилась, полностью погасив свечение. Послышались щелчки арбалетов – наемники также перешли в атаку, однако лич обращал на них не больше внимания, чем на надоедливых мух. Их стрелы либо застревали в обрывках мантии, либо отлетали от его костей, не причиняя никакого вреда. Устремив взгляд на Зерну, Эсперус простер руку в её сторону. Волшебница издала ужасающий вопль и ноги её подкосились – её тело словно стиснула огромная невидимая ладонь, сминая плоть и кости. Из рта её хлынула кровь, и она недвижимо распростерлась на полу. Один из серебряных гребней, выпавших из её прически, звякнул о камни совсем недалеко от того места, где лежал Энгар.

- Глупцы, - фыркнув, Эсперус начал творить заклинание. Слова, срывающиеся с его уст, звучали столь ужасающе, что Энгар изо всех сил заткнул уши и вжался лицом в пол, пытаясь сдержать рвущийся из горла крик. По залу прокатилась волна темной энергии. Послышались вопли – Энгар никогда не думал, что человеческая глотка в силах издавать подобные звуки, - и омерзительный влажный хруст. Ряды наемников оказались сломлены. Роняя клинки, воины бросились в паническое бегство. Несмотря на то, что дверь была закрыта, некоторые из них устремились вверх по лестнице, другие же принялись беспорядочно метаться по залу или же исчезали в ведущих в логово лича проходах. Лишь немногим из них хватило смелости, чтобы попытаться атаковать Эсперуса.

Раздался тот же омерзительный хруст, что и ранее. Энгар поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как плоть этих бедняг стекает на пол, обнажая окровавленные кости. Влажно поблескивающие скелеты рывком выпрямились и направились к своим бывшим товарищам. Внезапно со всех сторон слышались пронзительные завывания, и из стен появилось множество призраков в изодранных одеждах, которые жадно набросились на оставшихся в живых бойцов. Энгар видел, как погиб Одельмор. Нематериальная рука одного из духов сжалась вокруг сердца бывшего капитана, и с губ его слетел низкий хныкающий стон. Плоть его начала стремительно белеть, словно от холода, и он упал. Не в силах больше наблюдать за происходящим, Энгар снова уткнулся лицом в камни и завопил, стараясь заглушить доносящиеся со всех сторон звуки безжалостной резни.

Лишь спустя некоторое время он осознал, что те исчезли. Содрогнувшись, он резко замолк. Вокруг царила абсолютная тишина, не нарушаемая ни единым шорохом. Молодой хармарх снова ощутил на себе леденящий взор лича.

- Хватит, - произнес Эсперус. – Прекращай пресмыкаться и встретить смерть с достоинством.

Несмотря на то, что тело почти не слушалось, Энгар заставил себя подняться на ноги, стараясь не задерживать взгляд на окружающей его картине кровавой бойни. Трясущейся рукой он потянулся к поясу и сжал в ладони медный амулет.

- Подождите, лорд Эсперус! – прохрипел Энгар. – У меня ваша филактерия! – он выставил руку с амулетом перед собой.

Воцарилось долгое молчание. Наконец Эсперус произнес:

- Где ты это отыскал?

- В склепе Ривана Халмастера, мой лорд.

Король в Меди ничего не ответил. Энгар не отводил взгляда от старинной медной безделушки, которую держал в руке, не осмеливаясь смотреть личу в глаза, однако он чувствовал на себе тяжесть его взора. Наконец тот заговорил:

-Значит, ты Халмастер, - голос его был похож на шуршание сухих листьев под порывами холодного зимнего ветра. – Я узнаю запах твоей крови. Думаешь, эта вещица сможет защитить тебя от моего гнева? Потому-то ты и осмелился вломиться ко мне домой?

- Ни в коем случае, лорд Эсперус, - с трудом выдавил из себя Энгар. – Другие и правда явились сюда за вашими сокровищами, однако они не мои друзья, и я преследовал иную цель. Я пришел лишь затем, чтобы вернуть вам вашу собственность.

- Ожидаешь благодарности?

Энгар облизнул разбитые губы. Его руки тряслись от ужаса, но он заставил себя продолжать.

- Нет. Я хочу заключить с вами сделку.

Лич холодно рассмеялся.

- И зачем мне это? Даже с этой вещью тебе меня не одолеть, но мне ничего не стоит уничтожить тебя на месте.

- Я знаю, о великий король. Но, надеюсь, вы решите, что отпустить меня живым окажется намного выгодней.

- Едва ли. Амулет в любом случае мой. Что ещё ты можешь мне предложить?

- Грозную репутацию, мой лорд. Я позабочусь о том, чтобы слухи о произошедшем распространились как можно шире, а также приложу все усилия, чтобы остановить тех, кто захочет попытаться вас ограбить. С этого дня никому в моих владениях не будет дозволено тревожить покой мертвецов, - Энгар качнул амулетом. – Разумеется, вашу собственность я с радостью вам верну.

Воцарилась мучительно долгая пауза.

- Ты должен дать клятву не только за себя, но и за своих наследников, - наконец произнес лич. – Тебе, может, и дела нет до того, что произойдет после твоей смерти, однако мой век долог.

Кивнув, Энгар протянул амулет личу. Он не осмеливался поднимать взгляд от подола его мантии.

- Я клянусь. От своего лица и лица всех своих потомков.

- Хорошо. Дарую тебе дозволение вернуться в свои крошечные владения в долине Винтерспир. Но Хайфелл и места упокоения мертвых – моя и только моя вотчина. Никто из Халбурга не имеет права вторгаться в мои владения, - костяные пальцы сомкнулись вокруг амулета, который держал Энгар. Ему пришлось сделать усилие, чтобы разжать руку и после этого сразу же не броситься с воплями в паническое бегство.

- Благодарю вас, лорд Эсперус, - произнес он.

Лич тихо рассмеялся.

- Скоро ты также окажешься в могиле, и тогда ты будешь принадлежать мне, как и обещал. Возможно, когда-нибудь ты пожалеешь о своей необдуманной клятве, юный глупец. А теперь иди.

Кивнув, Энгар развернулся и направился прочь, перешагивая через тела наемников из Алых Плюмажей. Внезапно он чуть не упал, поскользнувшись на чем-то, что при ближайшем рассмотрении оказалось оторванным лицом, и его нервы не выдержали. Сорвавшись на бег, он со всхлипами бросился к выходу. Он совершенно не помнил того, как поднялся по лестнице и пересек заваленный обломками двор полуразрушенной крепости. Он не помнил ничего вплоть до того момента, как обнаружил себя лежащим, уткнувшись лицом в траву равнины Винтерспир в милях от Завывающего Замка. К этому времени небеса на востоке уже успели окраситься первыми лучами рассвета.

Дрожа, он поднялся на ноги и оглянулся, но не увидел ничего, кроме темных силуэтов гор. Направившись прочь от них, он отыскал дорогу, ведущую обратно в Халбург. Одельмор и Марстел были мертвы, равно как и их наиболее опытные воины. Что бы ни готовило Энгару будущее, это всё равно было лучше того кошмара, через который ему пришлось пройти.

«В городе ещё осталось около сотни людей Алых Плюмажей», - напомнил он себе и рассмеялся долгим и нервным смехом, в котором не было ни капли веселья. – «Но больше грабить могилы Халбурга они не станут, верно?».

Этим наемникам понадобится новый лидер, хотя они ещё об этом не знают. Им нужна еда. Его собственные запасы практически истощились, зато у него имелись земли, где они могли бы построить фермы и завести хозяйство. Он фыркнул. Возможно, ему и в самом деле удастся стать хармархом Халбурга не только номинально. Энгар Халмастер расправил плечи и устремился навстречу новому дню.

ПЫЛЬНЫЕ КОСТИ

Розмари Джонс

Глубоководье, 23 миртула, год Нестареющего (1479 ДЛ)

Лёгкий и теплый ветерок, дующий из-за стен кладбища, наполнял двор Дома в Тупике запахом свежей листвы и раннего утреннего тумана. Всё предвещало ещё один прекрасный солнечный день.

Стоя на вершине ведущей к главным дверям Дома лестницы, Липлоу сделал глубокий вдох. Он обожал подобные дни – дни, в которые практически можно было услышать, как растут деревья в находившемся по ту сторону стены Городе Мёртвых. В такую погоду там бывало весьма оживлённо – сюда стекались красивые девушки со всего Уотердипа, чтобы прогуляться по кладбищу, полюбоваться знаменитыми памятниками и ненадолго передохнуть от городской суеты.

И, когда они остановятся, чтобы во всех подробностях рассмотреть статуи и монументы, посвященные славным героям прошлого, то их взгляды, несомненно, не обойдут стороной и рослого, широкоплечего и привлекательного юношу, полирующего латунные ограды и мраморные колонны. Особенно если он закатает короткие рукава рубахи повыше, чтобы продемонстрировать мышцы, которым – в чём он был абсолютно уверен – не имелось равных во всём Глубоководье. И абсолютно без разницы, будут ли они с кавалерами или нет – в городе и за его пределами не найдется ни одного мужчины, с кем бы ему не удалось справиться в честном бою. И, если какому-нибудь горячему парню, возмущённому тем, что Липлоу перемигивается с его дамочкой, придет в голову мысль почесать кулаки – будет просто замечательно!

Радостно насвистывая, словно весенняя птичка, Липлоу принялся закатывать рукава, предвкушая ещё один прекрасный день, посвященный работе в Городе Мертвых. Однако, когда во двор спустился Фитнор, на плече которого висела сумка, его настроение моментально омрачилось.

- Не понимаю, почему твой отец не поручит мне что-то поважней, чем чистить старые статуи, - пожаловался его троюродный кузен.

Опустив взгляд на худощавого юнца, Липлоу подавил вздох. Фитнор, несомненно, принадлежал к их роду, о чем недвусмысленно свидетельствовало генеалогическое древо семьи, однако внешне он сильно отличался от прочих Карверов. Большинство из них являлись здоровяками с квадратными плечами и крепкими головами, увенчанными шапкой чёрных кудрей. Фитнор же был низкорослым и сутулым, а над его розовым высоким лбом развевалась грива светлых волос. Своим обликом и в особенности постоянно подергивающимся носом он чем-то неуловимо напоминал крысу. Учítывая, что в данный момент Липлоу с гораздо большим удовольствием разглядывал бы девушек в весенних нарядах, сейчас это сходство бросилось ему в глаза особенно сильно.

И всё же он являлся Карвером, и Липлоу не мог его проигнорировать или же попросту сбросить в ближайшую открытую могилу – его мягкосердечная мать Рейе, сварливая бабка Мазмав и властная младшая сестренка Софраея неустанно продолжали твердить ему об этом с тех пор, как несколько месяцев назад тот впервые объявился на их пороге.

Пользуясь их отдаленным родством, Фитнор попросил взять его в семейный бизнес. Карверы рыли могилы, изготавливали памятники, гробы и похоронные принадлежности для тех, кому было суждено вскоре обрести вечный покой в Городе Мертвых и сопредельных кладбищах. Те из членов семьи, кто проживал в Доме в Тупике, совершенствовались в своём искусстве на протяжении всей жизни. Даже их жены происходили из родов, которые были связаны с похоронным бизнесом. У каждого из них был определенный круг обязанностей, с которыми они справлялись куда лучше, чем Фитнор. От этого малого не было никакого толку!

Поначалу семья решила, что Фитнор присоединится к двум трудящимся на Карверов могильщикам, ведь копать ямы каждому по плечу. Однако тот категорически отказался работать с Рыбой и Усатиком, аргументируя это тем, что у них щупальца и чешуя – что за возмутительное предубеждение! Это ранило чувства работников, а всех остальных Карверов повергло в тихий шок. Хотя Рыба и Усатик и

не были частью семьи, они жили в подвале Дома в Тупике много лет и стали если не родней, то близкими друзьями.

Это оказалось лишь началом. На протяжении всей долгой зимы они пытались отыскать подходящее занятие для своего прибывшего издалека странного кузена, но каждый из дядей Липлоу старался как можно быстрее избавиться от Фитнора, спихивая его кому-то другому. До сих пор в нём не обнаружилось ни одного присущего Карверам таланта. Согласно отцу Липлоу Астуту, он не имел никакой склонности к работе с камнем или деревом, а при виде того, как Фитнор шьет саваны, его дядя с воплями выбежал из дома. Когда Фитнор сломал два любимых замка дяди Джудишеса, предназначенных для того, чтобы удерживать ходячих мертвецов внутри мавзолеев, это положило конец его работе в мастерских, которые окружали двор Дома в Тупике.

Некоторое время он трудился в самом Доме, помогая Рейе, Софрае и Маэмаву, пока эти трое хором не потребовали, чтобы ему подыскали занятие где-нибудь ещё. И тогда все единогласно решили, что Фитнор должен помогать Липлоу ухаживать за могилами в Городе Мёртвых.

Липлоу прекрасно понимал, что те задачи, которые поручали ему отец и дяди – например, полировка латуни и чистка великолепных мраморных монументов в южной части Города – должны были мотивировать его наконец определиться со своим основным видом деятельности и заняться более сложной работой вроде изготовления гробов. Их ремёсла ему действительно нравились, и он с легкостью мог бы продолжать трудиться в одной из мастерских под руководством многочисленных дядей, тётей, старших братьев или отца. Однако пока что ему крайне не хотелось отказываться от привычной свободы. Когда-нибудь, когда он станет намного, намного старше, время для этого, несомненно, придёт – но не сейчас.

Начиная с четырнадцати лет, когда он, чтобы выиграть спор, впервые с помощью одних только кулаков разбросал толпу пьяных забияк и был приведен домой Городской Стражей с двумя великолепными фингалами и ещё более впечатляющими синяками, Липлоу стал считаться позором семьи – статус, которым он от души гордился. Это оказалось намного лучше, чем быть «респектабельным» Карвером. В дальнейшем он продолжал заниматься всякими интересными делами вроде организации уличных боёв на пару с кузенами Бейтором и Кадриффлом. Каждый раз бабушка читала ему долгие нотации, и, чтобы «преподать мальцу урок», ему поручали всё больше и больше разнообразной работы в Городе Мёртвых.

Липлоу был совсем не против. В конце-концов, в том, чтобы трудиться в одиночестве, находясь вдали от надзирающих взоров большой семьи, имелись свои преимущества. Когда он занимался делами, то, увидев неподалеку красивую женскую лодыжку или джентльмена, который явно напрашивался на то, чтобы преподать ему урок, всегда мог зашвырнуть сумку в ближайшую могилу и хорошенько поразвлечься.

Но с тех пор, как Фитнор повсюду принялся таскаться за ним, поискам приключений в Городе Мёртвых и на улицах Уотердипа наступил конец. Все последние восемь дней Липлоу появлялся дома задолго до наступления темноты – трезвый, невредимый и крайне раздраженный тем, какой стала его жизнь.

Но он решил, что даже его троюродному кузену не удастся испортить столь очаровательный денёк. Утвердившись в этой мысли, Липлоу хлопнул раздраженного Фитнора по плечу и направился к ведущим в Город Мёртвых воротам.

- И зачем нам вообще чистить эту статую? – продолжал ныть насчет последнего поручения Астута коротышка, плетясь позади него.

- Это важная работа! – провозгласил Липлоу. – Знаешь ли ты, что изваяние Агхайрона известно по всему миру? Вдобавок наша задача заключается не только в этом. Мы должны проверить, всё ли в порядке с креплениями для факелов, лестницами и всем прочим, что могло прийти в негодность за лето. Затем нам предстоит осмотреть остальные монументы в южной части кладбища. В концах концов, о Городе Мёртвых и его выдающихся мавзолеях написано множество книг, и толпы народу приходят сюда, чтобы полюбоваться ими. Наша цель – позаботиться о том, чтобы они выглядели так же великолепно, как и в тот день, когда были возведены.

Миновав ворота, Липлоу, как обычно, поспешно спустился по ведущей на кладбище лестнице, увлекая за собой своего кузена.

- Но мне казалось, что семья занимается работой внутри склепов, а не снаружи! – пожаловался Фитнор, торопливо семеня по выложенным гравием дорожкам. Липлоу так и не удосужился снять руку с его плеча, и ему пришлось перейти на бег.

- Снаружи, внутри, на крышах, под землей. То, что нужно отремонтировать, подкрасить, оштукатурить, отполировать и всё в таком роде, - Липлоу хихикнул. – Конечно, монументы мы тоже возводим. Любого типа, любого размера, но – только за пределами стен этого кладбища.

- Но Город Мёртвых ведь расположен здесь! – воскликнул Фитнор.

- Он под завязку забит творениями прошлых поколений Карверов. Для новых тут попросту нет места, - проходя мимо бочкообразных гробниц и склепов с остроконечными крышами, Липлоу бросил на них тёплый взгляд и провёл рукой по мраморному саркофагу, покоящемуся на четырех массивных львиных лапах. – Нам же предстоит застраивать внешние кладбища вроде Монетного Погоста, где ещё хватает пространства для возведения масштабных монументов. Но многие из наших клиентов имеют длинную родословную, и им принадлежат захоронения, воздвигнутые Карверами в далеком прошлом. Поэтому они платят нам за то, чтобы мы содержали их в порядке, готовыми принять, так сказать, следующих обитателей. Так всегда было и так всегда будет.

- Но я думал, что мы отправимся внутрь склепов, - повторил Фитнор.

- Тебе что, и правда этого хочется? Здесь же куда интересней! – Липлоу ухмыльнулся двум симпатичным девушкам, которые шли им навстречу. Покраснев, те вернули ему кокетливые улыбки. Когда они оказались достаточно близко, он, не забыв напрячь мышцы, поднял руку, чтобы пригладить кудри. Девушки захихикали. Липлоу оглянулся через плечо и проводил их взглядом. Обернувшись, они разразились громким смехом.

- Интересно, где они живут, - промурлыкал он вслух.

- Думаю, да. Я хочу увидеть то, что находится внутри склепов, - произнес его кузен. Судя по всему, он даже не заметил юных красавиц. Резко повернув влево,

Фитнор сошел с главной дороги на тропинку, ведущую в сторону старых склепов. – Вроде этих! Их ведь Карверы построили?

- Странный ты парень, - отметил Липлоу. Тот склеп, к которому направился Фитнор, представлял собой строение из красно-серого гранита с потускневшей латунной дверью. Липлоу не припоминал, чтобы он находился в списке тех зданий, за которыми ему велели ухаживать этим летом. Вероятней всего, родственников того, кто здесь похоронен, уже не было в живых. Однако рано или поздно одному из Карверов всё равно придется его проверить – хотя бы для того, чтобы убедиться в том, что здание не рухнет. Со временем многие знатные семейства Уотердипа либо вымирали, либо платили за уход только за одним или двумя фамильными захоронениями, и подобные заброшенные гробницы встречались нередко.

- Я просто заинтересован в том, что создала твоя... наша... семья, - обходя склеп, произнес Фитнор. – Мне кажется, что я видел изображение этого места в одной из книг Джудишеса.

- Карверы приложили руку практически ко всему, что находится внутри Города Мертвых, - произнес Липлоу, разглядывая склеп. В центр металлической двери была вделана большая шестиугольная ручка из меди и латуни. – Судя по стилю, построено несколько поколений назад. Ну, заперто на славу. Внутрь нам не попасть.

- Но где замок? Замошной скважины нет, - Фитнор ткнул пальцем в дверь.

- Поверни, покрути, потяни, всё и откроется, - нагнувшись, Липлоу принялся рассматривать ручку.

- А ты сможешь это сделать? – от нетерпения Фитнор почти подпрыгивал на цыпочках. Липлоу сморгнул – его удивил энтузиазм, внезапно охвативший его кузена. Здесь имелись куда более интересные захоронения.

И всё же взглянуть не помешает.

- Для того, чтобы открыть такой замок, нужно знать верную последовательность действий, - произнес он. – И впрямь старинная работа. В мастерской у Джудишеса есть парочка подобных экземпляров. Попроси его как-нибудь показать тебе, как оно работает.

- Просил, - проворчал Фитнор. – Он велел мне что-то разъединить, а потом соединить.

- О, он всех нас так учил. Соединить, разъединить, вот замок и открылся. А ещё запоминать старинные схемы, нарисованные в книгах вроде «Журнала Хаппенстанса».

Плюнув на большой палец, Липлоу стер грязь с дверной ручки. В центре её оказалась метка мастера – красиво выведенные буквы ХС.

- Да, это работа Хаппенстанса. Значит, ей не менее двухсот лет.

- Хаппенстанс Карвер. Вряд ли я слышал это имя раньше.

Липлоу лишь покачал головой. Очевидно, Фитнор совершенно не утруждал себя выслушиванием рассказов Джудишеса. Тот обожал говорить об этом мастере, полностью разделяя его страсть к созданию разнообразных устройств, предназначенных для того, чтобы уберечь содержимое гробниц от мародеров и помешать их обитателям выбраться наружу. Липлоу прекрасно помнил тот день, когда Джудишес достал небольшой альбом с набросками Хаппенстанса и показал ему, ещё мальчишке, множество разработанных его дальним родственником схем.

Замки оказались интересными, но юному Липлоу гораздо больше понравилось изображение женщины-воительницы, находящееся в середине книги.

- Хаппенстанс был одним из тех Карверов, которые никогда не вступали в брак. Поговаривали, что он женат на своих замках и ключах, - объяснил он своему кузену. Неудивительно, что, проведя большую часть жизни за пределами Дома в Тупике, тот ещё многого не знал. - У Джудишеса в мастерской есть альбом с его набросками. Если верить его рассказам, то Хаппенстанс был почти гением. Несколько изобретенных им механизмов против вандалов мы используем и по сей день.

- Так ты сможешь открыть этот замок? - спросил Фитнор.

- Если он из тех, что пошли в массовое производство, то да, - произнес Липлоу, который помнил намного больше из лекций своего дяди, чем можно было заподозрить. - Порядок действий обычный... Так. Три поворота налево, один направо и... вытащить, - обхватив ладонью медную рукоять, он потянул. С незначительным усилием тугой механизм повернулся. Когда замок открылся, послышался лёгкий щелчок.

- Готово, - произнес Липлоу. Солнце согрело его плечи. Самое время оставить этот заброшенный склеп и вернуться в более оживленную часть Города Мёртвых. В такой прекрасный денёк там будет немало посетителей. Какую же встречу сегодня готовит ему судьба?.. - Прделаю те же действия в обратном порядке, и дверь закроется.

Схватив Липлоу за запястье, Фитнор вынудил его остановиться.

- Давай заглянем туда, - предложил его странный кузен. - Посмотрим, что внутри, а потом уже запрешь.

Опустив взгляд на своего низкорослого спутника, Липлоу подавил вздох.

Скорее всего, в этом сыром и холодном склепе не окажется ничего интереснее очередной груды старых костей. Ещё до того, как ему исполнилось десять лет, он успел исследовать большую часть захоронений Города Мёртвых, в которые можно было проникнуть без особого труда, и, путешествуя через порталы, осмотрел все близлежащие кладбища. Ему также удалось пробраться в Зал Мудрецов лишь для того, чтобы обнаружить, что все рассказы о несметных сокровищах, которые там сокрыты, являются полной ерундой. Когда он озвучил своё разочарование вслух, его престарелая родственница Волпония сказала: «Эти байки были стары ещё во времена моей молодости. Как вообще кому-то из Карверов могло прийти в голову, что в Зале Мудрецов есть сокровища?».

- Да нет тут ничего, - сказал Липлоу Фитнору. - Одна пыль.

- Я всё равно хочу взглянуть, - произнес тот. Поднырнув под его рукой, он распахнул дверь и поспешно вошел внутрь.

Какое-то время Липлоу всерьез раздумывал над тем, чтобы закрыть склеп, заперев своего кузена внутри. В конце-концов, когда он проделал это с Софреей, ей было всего семь лет, и ничем плохим это не окончилось. Разумеется, на его голени и по сей день оставался шрам, оставленный ударом сестры, а отец надолго отдал его под руководство старшего конюшего, который поручил ему чистить стойла использовавшихся для перевозки гробов лошадей...

- Не стоит оно того, - наконец решил он, последовав за Фитнором внутрь. Лучше подобру-поздорову уговорить его убраться отсюда и закончить сегодняшние дела,

нежели провести остаток лета, удобряя навозом деревья и кусты в качестве очередного жизненного урока от бабушки. Конечно, эта работа позволяла свободно перемещаться по всему кладбищу, но к концу дня исходящий от него запах распугивал всех окружающих дамочек.

Как он и ожидал, в гробнице не оказалось ничего стоящего. Она представляла собой небольшое помещение с каменными стенами, освещённое расположенной в высокой нише священной чашей с вечным огнём. В центре него находился простой деревянный гроб.

- Гроб внутри. Солнце снаружи, - произнес Липлоу, взмахнув рукой, чтобы подчеркнуть свои слова. – Я знаю, где предпочел бы сейчас быть. А ты?

- Тихо! – рявкнул Фитнор. Липлоу ни разу не слышал, чтобы его кузен повышал голос. - Всё так, как и описано в свитке.

- Каком свитке? – Липлоу крайне не понравилось то, как Фитнор кружит возле гроба, примеряясь к крышке. Та была запечатана свинцом – плохой знак.

- Свитке Великолепного Архлиса, - произнес тот.

- Никогда о таком не слышал, - в середине крышки гроба находился большой свинцовый круг, на котором были вырезаны странные символы, обычно используемые волшебниками. Жизнь, проведенная в работе в Городе Мёртвых, научила Липлоу тому, что такие вещи лучше не трогать.

Фитнор фыркнул.

- Поговаривают, что Архлис и его книга – это всего лишь миф, байка из стародавних времен, однако я лично знавал человека, у которого имелась копия одной из страниц.

- Мне казалось, что ты говорил о свитке, - Липлоу обошел гроб. Он был прикован к полу цепями и обвешан множеством замков, на каждом из которых оказался выгравирован символ Хаппенстанса Карвера. Разумный человек при виде этой картины немедленно бы сгреб своего кузена в охапку и силком вытащил отсюда.

Но Липлоу никогда не причислял себя к «разумным». Возможно, если он подождет ещё немного, то увидит что-нибудь интересное, о чем можно будет потом рассказать в таверне.

- Была одна книга. Книга Великолепного Архлиса, затерявшаяся в Великой Библиотеке Прокампура, - Фитнор сунул невероятно грязный палец в трещину, отделяющую запечатывающий крышку свинцовый круг от дерева, и принялся покрысиному скрести её. – Несколько страниц позаимствовали и превратили в свиток.

- Эй, смотри не поранься! – Липлоу куда больше беспокоила расплывшаяся по лицу кузена безумная улыбка, нежели расширяющаяся щель. Шепча что-то под нос, Фитнор принялся обходить гроб по кругу. Создавалось впечатление, что свинец тает под его пальцами.

Должно быть, коротышка заболел или спятил – продолжает липнуть к этой крышке, не прекращая болтать о какой-то книге из города, о котором Липлоу в жизни не слышал. Возможно, его следует немедленно вытащить отсюда и отвести в Дом в Тупике, где Маэмав или Рейе разберутся, что с ним не так?.. И всё же Липлоу промедлил. Ему стало интересно, что же именно находится внутри этого гроба.

- Охотники за сокровищами тратили годы на поиски карт из этой книги. Всем известно, что там записаны величайшие секреты мага-лорда и указаны пути,

которые ведут ко множеству потерянных реликвий прошлого, - по лицу Фитнора струился пот. Его беспрестанно шевелящиеся брови практически скрылись под гривой мокрых спутанных волос. – Однако библиотекари Прокампура оказались хитрее. Они спрятали её между записей о мошенничествах в старых бухгалтерских grossбухах. Лишь одному человеку удалось её отыскать, но и ему едва хватило времени на то, чтобы перерисовать несколько страниц, из которых он создал свиток.

- Ну и история, однако, - произнес Липлоу, которого куда больше интересовали странные манипуляции кузена с крышкой гроба, чем его болтовня. Наконец свинцовое кольцо отделилось от камня. Фитнор расширил проём, и из гроба вылетело зловеще облако оранжевого дыма.

- Ха! – воскликнул он. – Не на того напал! – он прокричал несколько неизвестных Липлоу слов, и облако дыма втянулось обратно. Помещение наполнил запах старых камней и кладбищенской грязи – удушающая вонь, похожая на ту, что витала на нижних уровнях канализации Уотердипа.

В тот миг, когда Фитнор начал выкрикивать магические слова, а зловещее облако втянулось обратно, Липлоу понял, что настала пора отсюда валить. Карверы предпочитали держаться подальше от волшебства и ритуалов. Использовать магию в Городе Мёртвых было чрезвычайно опасно – даже если всё пройдёт, как надо, существовал немалый риск потревожить покой одного из постоянных обитателей кладбища.

Липлоу схватил своего кузена, намереваясь поднять его и выбежать из склепа. Оскалившись, Фитнор взмахнул руками.

Липлоу отлетел в сторону, словно от удара могучего бойца, и тяжело врезался в стену склепа. Пораженный до глубины души, он разразился кашлем. Фитнор и пальцем его не тронул, однако он ощущал, что на груди его расплывается огромный синяк.

Оттолкнувшись от стены, Липлоу решил как можно быстрее повалить своего коварного кузена на пол.

- Проваливай! – заорал Фитнор, снова вскинув руки. Липлоу пролетел сквозь распахнутую дверь склепа, скатился по ступенькам и, сделав несколько кувырков по ухоженной траве, тяжело рухнул на покрытую гравием дорожку.

Благородная леди, прогуливавшаяся по Городу Мёртвых рука об руку со своим не менее благородным кавалером, резко остановилась, когда перед её шелковыми юбками внезапно оказалось растянувшееся тело.

- Что вы себе позволяете! – резким голосом воскликнула она, подхватив подол и делая шаг назад. Её сопровождающий уставился на Липлоу, разинув рот, словно выброшенная на берег рыба.

Запыхавшийся Липлоу перевел дыхание и подождал, пока перед его глазами не прекратят кружиться белые облака. Затем он вскочил на ноги и, взмахом руки стряхнув с кудрей пыль, бросился обратно к склепу.

- Прошу прощения! Долг зовёт! – обернувшись через плечо, крикнул он леди и её ошеломленному компаньону. Румянец гнева, окрашивающий щёчки девушки, лишь подчеркивал её привлекательность, и поэтому он добавил. – Обещаю, мы ещё увидимся! Я ненадолго!

Пинком Липлоу распахнул дверь, твердо намереваясь вытащить кузена наружу. Крышка гроба оказалась слегка сдвинута в сторону, а Фитнор вслепую шарил внутри него одной рукой.

- Нет! - выкрикнул он, когда Липлоу, бросившись вперед, схватил его и потянул в сторону выхода.

На сей раз магия его загадочного кузена впечатала его в потолок. Его голова с силой ударилась о камни, и он рухнул прямо на крышку гроба, окончательно сдвинув её в сторону и вдребезги разбив свинцовую печать. Скотившись на пол, он ещё раз здорово приложился затылком.

Находясь словно в тумане, Липлоу смутно осознавал, что его кузен Фитнор кричит. Но не только он - по склепу пронёсся ужасающий стон, эхом отдаваясь в его разбитом черепе. Воздух сгустился, и от запаха пыли Липлоу скрутил приступ кашля. Боль, которая пронзила его грудь, свидетельствовала о том, что при падении как минимум пара ребер оказались сломаны.

- Прочь! Прочь! Моё! – истошно заорал Фитнор. По склепу пронёсся сильный порыв ветра, вынеся облако кроваво-алой пыли наружу. Его коварный кузен перепрыгнул через Липлоу, едва не пробив его голову каблуком ботинка, и бросился бежать. С грохотом приземлившись на пол, нечто огромное устремилось за ним в погоню.

Даже лёжа, Липлоу смог разглядеть существо, которое преследовало Фитнора - полуразрушенную статую из ржаво-красного камня. Тяжелой ногой раздавив мраморный порог, она исчезла из виду.

В его глазах потемнело.

Как всегда бывало, когда кто-то слишком сильно бил его по голове, обморок продлился всего несколько минут. Когда он очнулся, лишь одна мысль крутилась в его мозгу – нужно непременно отыскать кузена Фитнора и хорошенько врезать ему по носу.

Липлоу распахнул глаза. Неподалеку от него стояла женщина, которая глядела на него сверху вниз, заинтересованно изогнув тонкие черные брови. Её лицо отчего-то показалось ему удивительно знакомым.

Опустив взгляд, Липлоу увидел отражение своего разбитого лица в её прекрасно отполированных поножах. Её броня блестела так, что создавалось впечатление, будто от неё исходит сияние. Несмотря на то, что склеп был погружен в полумрак, её бледную кожу и черные волосы окутывал ореол света. А её голубые глаза пылали столь же ярко, как и вечное пламя находившегося за её спиной священного светильника – светильника, который ему было прекрасно видно сквозь её тело.

- Если ты – призрак, значит, я мёртв? – спросил Липлоу.

- Будь ты мёртв, твои раны бы не кровоточили так сильно, - она протянула руку, чтобы помочь ему встать. Несмотря на нематериальность её облика, ладонь незнакомки на ощупь оказалась сильной и тёплой.

- Но ты ведь и правда призрак? – спросил Липлоу.

Она улыбнулась, на миг обнажив белоснежные зубы.

- Скорее, я – ожившее воспоминание о той, кем я когда-то была. Это одно из заклинаний тёти Гундерал. Она решила, что кому-то стоит присматривать за старыми Пыльными Костями на случай, если ему удастся вырваться на свободу. То, что ты видишь – это та часть меня, которую мы на всякий случай заключили в печать. Однако, если честно, мы думали, что решили эту проблему, притащив его в Уотердип и заперев здесь.

Липлоу ощупал голову. Судя по всему, ничего страшного – стоит парой стежков зашить рану, и всё будет в порядке. Скрутив две пряди волос, чтобы узлом временно стянуть края пореза, он произнёс:

- Ни слова не понял из того, что ты сказала.

Откинув голову назад, она разразилась глубоким смехом, от которого в склепе моментально потеплело.

- Хаппенстанс сказал мне то же самое в тот день, когда я попросила его запереть гроб, - призналась она. – Если судить по внешности, то ты, должно быть, тоже из Карверов.

- Липлоу Карвер, - представился он с поклоном, от которого его голова пошла кругом.

- Эш из Прокампура, - поклонившись в ответ куда изящней, она одарила его улыбкой, от которой его голова закружилась ещё сильнее. – У меня были и другие имена, но не стану надоедать тебе перечислением их всех. Мне нужно остановить старые Пыльные Кости.

Подняв одну из цепей, которыми был обмотан гроб, Эш одним пальцем открыла замок Хаппенстанса и отстегнула её. Приложив замок к уху, она прильнула к нему, словно дитя к ракушке, и ухмыльнулась.

- Всё ещё щёлкает. Ох уж этот Хаппенстанс! Ему нет равных в создании крепких оков. Думаю, что этим у меня получится связать Пыльные Кости.

Взяв цепь в левую руку, она защелкнула замок на одном из звеньев и направилась к дверям.

- Да кто этот тип вообще такой? – поспешно спросил Липлоу, пока она не успела уйти.

- Тот ещё тип. Но сейчас его заботит лишь поимка вора, который посмел вскрыть его гроб. Я должна остановить его, прежде чем он успеет причинить много вреда.

- Фитнор, - окинув взглядом склеп, Липлоу осознал, что его странного кузена здесь нет. – Что он взял из гроба?

- Страницу из старой книги. Если совместить её с картой, то откроется путь к первой гробнице Пыльных Костей, где хранятся его сокровища. Уж поверь, он не из тех, кто любит делиться. Как-то раз он превратил одного из наших старых друзей в камень, после чего мы отыскиали его в одном из тоннелей, которые он прорыл. Однако мы лишь заперли его - уничтожить его нам оказалось не под силу, - бросила Эш через плечо, поспешно шагая вперед. Удивленному Липлоу пришлось поторопиться, чтобы догнать её.

Они направились к главным дорогам. Эш шла впереди. Судя по всему, она прекрасно знала, куда направляется. В лучах солнца она выглядела намного

материальней, чем в склепе, но, стоило ей зайти в тень, как её доспехи тут же начинали испускать сияние, а тело становилось полупрозрачным.

Внезапно он заметил две новые статуи, которых на этом месте никогда не было. Одна из них изображала роскошно одетую даму, придерживающую подол юбки, вторая же – длиннолицего господина с разинутым ртом.

Липлоу пригляделся к ним повнимательней. Это были те двое, кого он встретил возле склепа.

- Что с ними произошло?

Эш не стала останавливаться.

- Пыльные Кости. Им повезло. Если бы он не был занят погоней за вором, то уничтожил бы, разбив на части, - взмахом руки она указала куда-то назад. – Лучше иди домой, Липлоу Карвер. В схватке с ним от тебя будет мало толку.

Липлоу устремил взгляд на дорогу. По обе её стороны возвышалось множество памятников, которые возвели его предки. На некоторых из них виднелись свежие сколы и трещины, словно нечто огромное задело их, проходя мимо. На крыше одного из склепов сидела пара съездившихся горгулий, которые в страхе спрятали головы под крыло.

- Пыльные Кости? – спросил он, указав на повреждённые строения.

Эш кивнула, ускорив шаг, и Липлоу поспешил за ней, чтобы не отстать.

- Он способен уничтожить всё, что состоит из камня или металла. Сейчас его занимает лишь погоня за вором, но потом нас ждет куда худшее.

- Не на моём кладбище, - произнёс Липлоу, сжав кулаки. – Мы возвели эти монументы. Мы заботимся о них. Я не позволю какому-то пыльному уроду бесцеремонно разгуливать по Городу Мёртвых, превращая людей в камень и разрушая памятники!

Пошарив под бронёй, Эш сняла с шеи висящее на цепочке серебряное перо.

- Если ты и правда твёрдо намерен следовать за мной, то надень это, - произнесла она. – Если магия Гундерал ещё работает, оно защитит тебя от его пыли.

- А тебе это не нужно?

Оказавшись в тени склонившегося над памятным прудом раскидистого дерева, она обернулась. Глаза её сияли.

- Я – скорее призрак, нежели материальное существо. Не думаю, что его миазмы смогут мне навредить.

Липлоу надел подвеску на шею.

- Кажется жёстким, - произнёс он, ощупывая пёрышко.

- А ты и есть жёсткий парень, как и большинство Карверов, - ответила она с улыбкой. – Для меня эта вещь нематериальна, но, пока ты её носишь, она останется столь же реальной, как и ты сам.

Впереди слышались вопли и шум бегущих ног. В воздухе клубился дым, отмечая путь твари по Городу Мёртвых. Но, даже проходя сквозь него, он не чувствовал той вони, которая была в склепе. Воздух, который он вдыхал полной грудью, был чистым, холодным и слегка солоноватым, напоминая дующий из гавани ветер. Он ощутил прилив сил.

- Неплохое заклинание, верно? – произнесла Эш, видя, как его грудь вздымается и опускается. – Морской бриз и немного волшебства. Она назвала его «Полёт Над Волнами». Хорошо она разобралась в магии, моя тётка Гундерал.

- Великолепно, - согласился Липлоу, проходя мимо двух статуй, которые изображали городских стражников, со злобным выражением на лицах вскинувших мечи.

Его кузен уже успел добраться до середины лестницы, которая вела в Зал Героев. Сокрушая ступени тяжелыми шагами, преследовавшее его существо из ржаво-рыжего камня тянуло к нему напоминающие скалы ладони. Фитнор что-то кричал и бешено жестикулировал, размахивая зажатым в руке листом пергамента.

- Эй, Пыльные Кости! Зачем же ты выбрался из своей темницы? – вскричала Эш, бросаясь вперед. Она взмахнула цепью над головой, и замок Хаппенстанса со свистом пронесся по воздуху.

Взревев, чудовище повернулось к ней. Слетевшее с его потрёпанной каменной шкуры облако пыли устремилось к сияющей воительнице. Она бестрепетно пронеслась сквозь него, и Липлоу поспешил следом.

Тварь прыгнула на них, взмахнув огромными кулаками. На миг тело Эш стало нематериальным, и, взмыв на одну ступень вверх, она захлестнула цепью шею чудовища.

Липлоу был уверен в том, что клубы пыли не причинят ему вреда. Закричав в ответ, он увернулся от удара и изо всех сил врезал монстру под подбородок. Как он и ожидал, тварь промахнулась - огромный кулак обрушился на ступени, и Пыльные Кости вновь бросился за Фитнором, таща за собой Эш. Липлоу устремился за ними.

Воспользовавшись этой задержкой, его кузен уже успел вбежать в двери, которые вели в отделанный голубым мрамором зал, где находилось множество памятников погибшим героям Уотердипа.

Преследующий его каменный монстр продолжал наносить удары направо и налево. Железный котелок с подаяниями равнодушных граждан, жертвовавших на заботу о захоронениях павших воинов, от его прикосновения развалился на части, и монеты со звоном раскатились по полу. Каменная табличка с выгравированными на ней именами героев давным-давно забытой войны превратилась в груды осколков.

Развернувшись, тварь приготовилась раскрошить знаменитую стену из голубого мрамора, на полировку которой Липлоу некогда потратил уйму времени.

- А ну не смей! – взревел он, бросаясь между стеной и огромным кулаком каменного чудовища. Пыльные Кости впечатал его в стену. К счастью, та не пострадала.

Эш с силой потянула за цепь, стремясь подтащить монстра к пустому пространству в центре зала. Со скрежетом тот, поворачиваясь кругом, шаг за шагом начал скользить к ней, оставляя в полу глубокие царапины.

- Размахался тут! – бросила она, скрутив цепью его руки. С каждым движением её сияющих ладоней та продолжала обматываться вокруг содрогающегося тела Пыльных Костей, становясь всё длиннее и длиннее. Будучи не в силах её разорвать, монстр взревел.

Липлоу сел. Фитнор стоял возле расположенного у дальнего конца зала портала, который вёл на одно из полей, где покоились воины Уотердипа. Нагнувшись и торопливо бормоча под нос, его кузен поспешно чертил мелом на полу какие-то символы.

Годами выслушивая окрики городской Стражи, Липлоу прекрасно знал, что следует говорить в такие моменты.

- Эй, ты! Что ты там делаешь? – крикнул он, поднимаясь на ноги. – А ну прекрати!

Фитнор обернулся.

- Целую зиму! – заорал он, обращаясь к Липлоу. – Целую зиму я пахал, как лошадь! И всё для того, чтобы среди множества возведённых Карверами склепов отыскать тот единственный, который мне нужен! Тебе меня не остановить!

- Ха! – фыркнул Липлоу и ударил Фитнора в лицо. Коротышка отшатнулся, стерев подошвами часть нарисованных символов. Портал за его спиной пошёл волнами, из него заструился свет.

- Отвали! – гнусаво проныл Фитнор, вытирая текущую из носа кровь, и взмахнул руками, снова желая отшвырнуть Липлоу через всю комнату. Однако то ли из-за полученной контузии, то ли из-за ожерелья Эш на этот раз у него ничего не получилось.

- Ха! – снова фыркнул Липлоу и отвесил своему кузену смачную затрещину. Тот упал и, выронив обрывок бумаги, проскользил по мраморному полу и влетел напрямик в портал. Тот резко вспыхнул, и по Залу Героев разнёсся грохот. Фитнор исчез.

Уверенный в том, что окажется на зелёных полях по другую сторону портала, Липлоу приготовился прыгнуть вслед за кузенем, но внезапно его остановил задыхающийся крик Эш.

- Мне помощь не помешает!

Пыльные Кости по-прежнему не оставлял попыток вырваться из опутывающих его цепей. Хотя его руки и были связаны, он неистово метался, пиная всё, что оказывалось в пределах его досягаемости.

При виде нанесенного им ущерба Липлоу не сдержал горестного вопля. Он прыгнул на монстра, врезавшись в него с такой силой, что тот, не удержавшись на ногах, с грохотом растянулся на полу.

- Держи его! – воскликнула Эш, не прекращая обматывать цепью лодыжки дергающейся твари. Её лицо выглядело усталым, а исходящий от кожи свет потускнел. Каждый раз, когда монстру удавалось нанести ей удар, её тело становилось всё более и более прозрачным.

Липлоу изо всех сил вдавил Пыльные Кости в пол и сел на него сверху, сжимая ногами грудную клетку, чтобы выдавить воздух из легких – приём, который оказывался куда более действенным против его прошлых оппонентов. Монстр отчаянно извивался. Его окутало ещё одно облако пыли, настолько густое, что через него едва просматривались голубые мраморные стены. Снова завалившись на чудовище, Липлоу изо всех сил обхватил его руками и ногами. Используя всю свою увеличенную магией силу, он напрягся, пытаясь перекатить своего противника на живот.

Даже пребывая в столь незавидном положении, Пыльные Кости продолжал сопротивляться. Он был тяжелее любого могильного камня, и с места его оказалось сдвинуть практически невозможно.

Изо всех сил напрягая мышцы, Липлоу продолжал бороться. Закатанные рукава рубашки треснули по швам на его широких плечах. Внезапно он ощутил слабую дрожь, напомнившую ему дерганья ослабевшего соперника в уличной драке. Упираясь ногами в пол, чтобы не потерять равновесие, он удвоил свои усилия.

- Попался! – с ликующим воплем он впечатал Пыльные Кости лицом в пол.

Эш вспрыгнула на спину чудовища, обматывая цепью его лодыжки и колени, а затем и руки. Замок Хаппенстанса со щелчком захлопнулся.

Опасность миновала.

Пытаясь отдышаться, Липлоу выпрямился и обвёл взглядом Зал Героев. Тот выглядел куда хуже, чем комната Дома в Тупике после того, как они с братьями провели в ней парочку дружеских поединков. Пол был усеян осколками. Всё, что не сломалось, оказалось отброшено в стороны. Куда бы ни падал его взгляд, было ясно – на уборку и ремонт уйдет немало дней.

- Полагаю, мне стоило остановить Фитнора с самого начала, – произнес он без особого сожаления, ведь это был лучший поединок во всей его жизни! Даже скованное, чудовище продолжало содрогаться возле его ног. А как он зашвырнул своего кузена в портал! Ох, при этом воспоминании улыбка всегда будет появляться у него на лице.

- Если бы ты не разбил головой свинцовую печать, я бы здесь не появилась и не смогла остановить эту тварь, – произнесла Эш. – Но это ещё не конец. Нужно избавиться от этого мусора, – полупрозрачным ботинком она пнула Пыльные Кости.

Липлоу поднял второй конец цепи.

- Хочешь вернуть его обратно в склеп?

- Нет, слишком просто найти. Мы-то думали, что, если спрячем его посреди могил тех, кто при жизни имел дело с магией, то собьем воров со следа.

- Это сработало. Вы похоронили его во времена Хаппенстанса, а с тех пор прошло целых двести лет.

- Лучше не рисковать, – возразила Эш. – Печать сломана, и, если ему снова удастся вырваться на свободу, я уже не смогу прийти на помощь. Нужно отправить его куда-нибудь подальше. Туда, где он не сможет никому навредить.

Вместе с Липлоу они подтащили связанного монстра к расположенному в задней части здания portalу.

- Он ведет на кладбище, где покоятся павшие воины Уотердипа, – произнес Липлоу. – Отправлять его туда – не лучшая идея. Там всегда полно посетителей. Кто-то его непременно отыщет.

- Раньше вёл, – Эш кивком указала на символы, нарисованные его кузенем на полу. – Теперь нет. Волшебник временно изменил конечную точку его назначения.

- И где же Фитнор оказался? – спросил Липлоу.

- Учитывая, что в результате вашей схватки часть символов оказалась стерта, – произнесла Эш, продолжая тащить тело монстра к portalу, – точно не там, где рассчитывал, – она устремила взгляд вперед, словно силясь рассмотреть то, что

находится по ту сторону портала. На лице её возникла усмешка. – А местечко-то вполне подходящее. Пусть там и наслаждаются обществом друг друга.

Протащив тушу Пыльных Костей по начерченным мелом символам, она закатила её в портал. Последовала ещё одна вспышка света, и помещение сотряс раскат грома.

- Значит, теперь портал окончательно вышел из строя? – спросил Липлоу, стараясь вспомнить, говорилось ли что-то в семейных легендах относительно починки подобных вещей. На следующие десять дней на том поле было запланировано как минимум двое похорон.

- Сотри эти знаки, и он вернётся в изначальное состояние, - произнесла Эш. Исходящее от неё сияние продолжало тускнеть, и её светящийся силуэт стал едва различим.

- Подожди! – воскликнул Липлоу, потянувшись к ней. Его пальцы слегка закололо, когда они коснулись её руки. Тело Эш стало полностью нематериальным, и его ладонь прошла сквозь её доспехи, не встречая никакого сопротивления.

- Битва окончена, - произнесла она. – Возвращайся к семье, - подавшись вперед, Эш поцеловала его в щёку. Мимолётное прикосновение её губ оказалось нежным и тёплым.

И она пропала. Здание мавзолея наполняли лишь тени, неуверенно дрожащие на голубых мраморных стенах.

Вытащив из заднего кармана тряпку, Липлоу осторожно стер нарисованные Фитнором символы. Не вставая с колен, он подождал, пока портал не примет свой первоначальный облик. Шагнув сквозь него, он оказался на зеленом поле, которое служило местом упокоения павших героев. Стебли травы слегка сгибались под порывами весеннего ветра. Здесь царил мир и абсолютный покой, и ничто не указывало на присутствие Фитнора или Пыльных Костей.

Снова пройдя через портал, Липлоу вернулся в Зал Героев. Разруха никуда не делась, и он пожал плечами. То, что сломано, всегда можно починить или заменить. Потерев покрытую синяками челюсть, он задумался над тем, как объяснить остальным, что здесь произошло. Когда они увидят этот бардак, воплей будет выше крыши.

«И плевать», - подумал он. В конце-концов, это же Карверы, они всегда делают то, что должно, и помогут ему всё прибрать. Такой уж была его семья – и это было гораздо ценней всех сокровищ, которые Фитнор рассчитывал отыскать в склепе.

Под его ногой что-то зашуршало. Нагнувшись, он поднял с пола обрывок бумаги, который выронил его кузен. На нём был изображен детальный план склепа с указанием всех ловушек и тайных проходов. Кого-то из его дядей это точно заинтересует. Сунув листок в карман, Липлоу направился к выходу.

С улыбкой он прошел мимо волшебника из Бдительного Ордена, который пытался вернуть превращённых в камень стражников в их изначальное состояние.

- Там ещё двое есть, - бросил он ему. – Милая дама и её спутник с лошадиным лицом.

- Ты видел, что здесь произошло? – спросил маг.

- Я? Что вы, конечно, нет, - произнёс Липлоу. Любой другой ответ привёл бы к долгим расспросам, а ему хотелось вернуться в Дом в Тупике к обеду.

- Судя по тому, что рассказывают успевшие сбежать свидетели, это дело рук пыльной твари, - предупредил волшебник. – Эти существа чрезвычайно опасны. Если увидишь такого, ни в коем случае не пытайся остановить его сам. Зови на помощь.

- Если потребуется – непременно, - с ухмылкой заверил его Липлоу. – Но, как бы то ни было, думаю, его здесь больше нет. Город Мёртвых, как и всегда, находится в полной безопасности.

Несколько дней спустя Липлоу навестил дядю Джудишеса в его мастерской. Тот трудился над тонким механизмом вращающегося дискового замка. Не прекращая работы, здоровяк поприветствовал вошедшего кивком.

- Да уж, на юге кладбища полный кошмар творится, - заметил Джудишес. Его жена и несколько других членов семейства куда меньше стеснялись в выражениях относительно урона, который был нанесён части наиболее значимых монументов Уотердипа. – Да и ты без синяков не обошелся.

- Со временем всё будет как новенькое, - легкомысленно отмахнулся Липлоу. В конце-концов, ремонт в Зале Героев уже шёл полным ходом, и он не имел ничего против порученной ему Маэмав работы. Удобряя кустарники навозом, он имел возможность бродить по всему Городу Мёртвых, а перед тем, как пойти в таверну, всегда можно было принять ванну или же отправиться в те районы Уотердипа, где дамочки были не столь щепетильны относительно ароматов, которые исходят от мужчины к концу рабочего дня.

Большим пальцем Липлоу провёл по альбомам и гроссбухам, сложенным над рабочим местом дяди. Коричневый журнал Хаппенстанса находился между двумя конторскими книгами, в которых хранилась информация относительно недавних заказов замков. Липлоу положил его на железные тиски и открыл.

Пролистнув несколько страниц, в середине книги он отыскал искомое изображение. Потому она и показалась ему такой знакомой! Когда он был ребенком, этот рисунок неизменно будоражил его воображение. Те же чувства охватили его и тогда, когда он встретил её в склепе.

Её левая бровь была заинтересованно изогнута, а уголки рта приподняты, словно, позируя художнику, который стремился запечатлеть её необычайно живое лицо, она едва сдерживала улыбку. В углу виднелась сделанная аккуратным почерком Хаппенстанса подпись – Эш.

- Миленько, - отметил Джудишес, заглянув Липлоу через плечо. – Я всегда считал, что Хаппенстанс был романтиком, раз уж он разместил эту картину среди схем замков и засовов.

- Он ведь так и не женился, верно?

- Записей об этом точно нет, - ответил Джудишес. – Но Маэмав как-то поведала мне старую историю, которая передавалась в семье из поколения в поколение. Говорят, что в один прекрасный летний день он покинул Уотердип и направился на север. Больше о нём ничего не слышали.

- Интересно, удалось ли ему её найти? – аккуратно закрыв книгу, Липлоу убрал её на место.

- Думаешь, он отправился на поиски этой прекрасной воительницы? – хмыкнул Джудишес, возвращаясь к работе над замком.

- Уверен в этом, - произнес Липлоу. – Я бы так и поступил.

Но она была частью далекого, очень далекого прошлого, а он жил здесь и сейчас. Пройдя через двор Дома в Тупике, Липлоу взял тачку, полную свежего навоза с конюшен, и направился в Город Мёртвых. Над его головой в безоблачном небе парили птицы.

Её дух исчез, а его ждала работа – разбрасывать удобрения, чинить могилы и выполнять прочие поручения, которые давали ему члены семьи для того, чтобы, по словам Маэмав, «держат мальчишку подальше от неприятностей». Когда все дела будут окончены, его ждёт целый мир – привлекательные девушки, драки и куча приключений на улицах Уотердипа. О таком можно только мечтать!

Катя перед собой тачку через ворота Города Мёртвых, Липлоу Карвер начал насвистывать. Жизнь прекрасна, когда работаешь на кладбище величайшего города в мире!

МНОЖЕСТВО УБИЙСТВ МЭНШУНА

Эд Гринвуд

9 киторна, год Голубого Пламени (1385 ЛД)

В покоях, которые располагались на вершине башни, с каждым мигмом становилось всё больше и больше нежити. Стоя на коленях, Фелтантур Норглаэд больше не мог разглядеть своего противника. Помещение заполнял туман, полный кружащихся огоньков и болезненных вспышек пламени – это заклинание не было способно причинить ему физический вред, но всё равно являлось крайне неприятным.

Он слышал холодный и довольный голос Мэншуна, раздающийся откуда-то из-за спин растущей армии нежити, которая медленно, но верно приближалась к нему, постепенно сужая кольцо. Большинство из них являлись скелетами в гнилых и ржавых доспехах, сжимающими в руках иззубренные почерневшие мечи. Также здесь хватало и зомби, что нестройными рядами гниющей плоти тяжело шагали вперед, и молчаливых гротескных фигур, известных Норглаэду, как тени. Ближе всего к нему находилось несколько кружащихся в воздухе тварей в изодранных одеяниях, которых живые звали призраками.

Норглаэду было вовсе необязательно видеть Основателя Зентарима – он и так знал, зачем тот пришел в его башню.

Он пришел, чтобы убить его.

Нет, сам Мэншун и пальцем для этого не пошевелит, чтобы избежать возможных последствий. Вся грязную работу сделает нежить, а магия предназначалась лишь для того, чтобы помешать его сопернику использовать заклинания телепортации.

И Норглаэд не мог ничего ему противопоставить – совершенно ничего. Он оказался в ловушке, из которой не было выхода. Он уже пытался молить его о пощаде и убеждать в том, что ещё может послужить Братству – в конце-концов, он был одним из сильнейших магов Зентарима, которые ещё остались в живых, – но в ответ слышал лишь издевательский смех.

- Почему? – обессиленно прохрипел Норглаэд. – Почему вы это делаете?

По бледным губам скользнула легкая улыбка.

- Я мщу за тех членов Братства, кто – к слову, именно благодаря тебе, Фелтантур – слишком мертвы, чтобы самим отомстить за себя. Таких, как Онселан Дуркрес, которого ты недавно убил, а перед ним был советник Урантул, не говоря уже об Орме из Мельваунта. Так не пойдет, Фелтантур Норглаэд. Самое меньшее, чего ты заслуживаешь – это трижды умереть самой жестокой и болезненной смертью из всех возможных, но я милосерден, да и спешу немного. Что поделаться...

Молчаливые мертвецы сделали ещё один шаг вперед, сжимая кольцо вокруг Фелтантура.

- В-вы спешите? Куда же Мэншун может спешить? – воскликнул он. По правде говоря, ответ его не слишком интересовал – он лишь надеялся хоть на пару мгновений отсрочить свой неминуемый конец.

- На то, чтобы отслеживать тебя, Маэрлхэнда, Дардхалоу и Раловарра по всем Королевствам, уходит непозволительно много времени, – этот мягкий голос, в котором звучали ироничные нотки, раздавался из-за самой большой толпы зомби. – Ах, если бы я мог сокрушить каждого из вас без всех этих утомительных погонь и публичных сражений, слухи о которых могут достигнуть остальных... Это было бы намного лучше. И куда эффективней.

- Но, лорд Мэншун, я же уничтожил лишь тех, кто предал Братство, кто...

- Служил мне, Фелтантур. Мне, не Фзоулу, не жрецам Темного Бредящего Идиота, не бехолдерам, что ставят превыше всего исключительно свои собственные интересы.

Сглотнув, Фелтантур решил пойти ва-банк.

- Но... простите меня, лорд Мэншун, разве вы сами не поступали так же? Разве вы не использовали Братство ради собственной выгоды и не возвышали лишь тех, кто служил лично вам?

- Если бы я, как ты утверждаешь, преследовал только собственные цели, я бы не погиб! Их поддержка, мой ум – этого бы просто не произошло. И всё же я оказался убит. Пф! Представить не могу – выслушиваю оскорбления от червя вроде тебя, считающего, что он лучше знает цели Братства, чем его Основатель. Хватит с меня пустой болтовни с грязным убийцей.

Мертвецы медленно двинулись вперед. Дрожа, Фелтантур в отчаянии начал творить телепортационное заклинание. Клубы светящегося тумана замедляли движения его рук, а символы, что он чертил в воздухе, таяли во вспышках огней, оставляя за собой лишь стремительно исчезающие следы.

Внезапно он пропал из комнаты. Ржавые мечи и костяные кулаки обрушились на то место, где он находился мгновением ранее, однако их жертвы там уже не было.

Мэншун торжествовал – это было его отмщение.

Ведь сам великий Бэйн одобрил его месть. Мечь Орбака из Вестгейта, месть за его бывшее «я», месть тем, что поднял против него бунт и убил своего повелителя – лорда Мэншуна, который их возвысил и был ими предан.

Слишком долго его имя являлось лишь объектом издевательств для жрецов Бэйна, слишком долго волшебники Зентарима, услышав его, лишь хихикали себе под нос. Слишком долго тупицы вроде Фзоула использовали Братство в качестве дубины, а не острого кинжала, каковым он его задумывал. Он терпеливо строил планы и плел интриги, дожидаясь, пока не наступит нужный момент. И он наконец настал. Мэншун давно мечтал свести счеты с Зентаримом и наконец приступил к осуществлению своего плана.

Вдобавок ко всему править Вестгейтом оказалось гораздо утомительней, чем считал Орбак. Будучи вампиром, он стремился к большему – его амбиции намного превосходили амбиции его прошлого «я».

И время пришло. Его долгоиграющие планы насчет Зентарима начали работать, и до нынешнего дня всё шло гладко и без помех. Лаэнтел Данстон, жрец Бэйна, пал первым. За ним последовал надменный зентаримский маг Кларланд Миир. Затем тот, кто убил ключевых членов Зентарима – Лорт Джагламдур, Охотник На Бехолдеров, Несравненный и Могучий, который являлся самым дорогостоящим наемником в Аткатле. Лорт того стоил, ведь он и правда был лучшим.

Однако все они умерли так быстро и так просто...Мэншун, бывший и будущий владыка Зентарима, даже не удосужился метнуть в них ни одного заклинания.

Как он некогда сказал владыке Бэйну: «Мои бывшие «я» рассчитывали лишь на магию, и куда их это привело? Нет уж, волшебству я предпочту посох, скипетр или жезл, а ещё лучше – нежить, что находится под моим контролем. Мертвецов полно, и, судя по всему, Магическая Чума никак не повлияла на их силу. С учетом того, что заклинаний, на которые можно положиться в эти непростые времена, осталось совсем немного, даже самому могущественному из волшебников будет непросто справиться с дюжинами трупов, не ведающих ни усталости, ни страха, ни боли, и которые готовы на всё, чтобы исполнить приказ».

И он оказался прав. После наступления Магической Чумы многие маги сошли с ума, другие же погибли, неконтролируемо извергая из себя молнии и голубое пламя. Выжившие же в большинстве своем пребывали в полной растерянности – большая часть их заклинаний перестала нормально работать, а небеса и днем, и ночью

продолжали пылать прекрасным неземным пламенем. Самое время для того, чтобы выйти из подполья. Наконец.

И всё шло просто великолепно! Настолько великолепно, что он начал этим наслаждаться, но побег Норглаэда моментально положил этому конец. Мэншун устремил пылающий гневом взгляд на своих слуг, которые продолжали бессмысленно размахивать кулаками и мечами, целясь в то место, где только что находился их противник. У Норглаэда не хватило бы сил на то, чтобы разрушить его заклинание; полный кружащихся вспышек и огней туман по-прежнему заполнял комнату, однако ему всё же удалось сбежать...

Вывод мог быть только один. Этому жалкому червяку помог кто-то, кто всё это время наблюдал за их схваткой. Но кто же? Кто способен творить магию прямо у него под носом и при этом оставаться незамеченным? Кому хватило могущества, чтобы в эти непростые времена скрыть себя от взора самого Мэншуна?

Вампир, являющийся владыкой Вестгейта, развернулся, сердитым взглядом вглядываясь в каждый угол и дверной проем. С помощью своих жезлов он сотворил заклинание обнаружения магии, и в глазах его вспыхнуло пламя.

И всё же скрытое осталось скрытым. Этот факт ничуть не улучшил его настроение.

Понудобней перехватив самое могущественное оружие, которое удалось достать его подчиненным в Вестгейте – посох с навершием в виде черепа, позволяющий управлять нежитью, - Мэншун направился к ближайшей двери, готовый убивать снова.

И на этот раз – быстро.

Эклантур Норглаэд, скорее всего, пустится в бега, даже не подумав предупредить своих коллег из Зентарима о нависшей над ними угрозе. Однако и такой вариант не следовало сбрасывать со счетов. Лучше незамедлительно отправиться к его бывшему союзнику, магу Горстану Маэрлхенду.

В этот самый миг Маэрлхенд, который провел всё утро, шпионя за интересующими его людьми в самых разных концах мира, устало вышел из темного подвала, служившего местом его обычных магических практик, и начал подниматься вверх по лестнице. В Хиллсфаре его ждал теплый очаг и обед – сыр, нарезанные дыни и лучшее Бердусканское темное. Его путь лежал через главный зал старого имения, заполненное многочисленными статуями пыльное помещение с неровным полом, которое в эти дни было известно, как Покои Безмолвных Госпож.

Именно сюда десятки лет назад прежний Мэншун открыл как минимум четыре тайных портала, чтобы дать своим убийцам возможность проникнуть внутрь поместья. Те без труда разделались с его бывшими владельцами и захватили его для нужд Братства. Эти порталы более никто не охранял, но они по-прежнему продолжали работать. Один из них находился на высоком балконе, прочие же – в скрытых тенью углах комнаты.

Четыре статуи, изображавшие надменных женщин, выглядели чуть-чуть иначе, чем тогда, когда Маэрлхэнд спускался в подвал, и с момента его последнего визита здесь появились несколько новых существ. Угнездившись на высоких балконах и спрятавшись в темных углах и настенных орнаментах, скелетообразные твари направили посохи и жезлы в сторону двери, откуда должен был выйти маг, а также портала, к которому ему предстояло добраться. Испускаемая их оружием безмолвная и невидимая мощь должна была замедлить волшебника и помешать ему использовать заклинания.

В этом и заключался маленький сюрприз Мэншуна.

Он ни за что не собирался пропускать подобное зрелище. Плевать, что из-за Магической Чумы ему придется ограничиться лишь ролью наблюдателя, предоставив честь совершить убийство безмозглой нежити! Поудобней откинувшись на твердую каменную грудь женской статуи, которая практически полностью занимала пространство небольшого высокого балкончика, он устремил взгляд на дверь, из которой должна была появиться его жертва.

Маэрлхэнд выглядел скучающим и раздраженным; не отрывая взгляда от мысков ботинок, он двинулся вперед, неразборчиво бормоча под нос ругательства. Он не заметил ни две костлявые руки, которые при его появлении вскинули жезлы, создающие область, где не работает магия, не заметил даже вспышек за спиной, свидетельствующих о том, что пара статуй позади него превратились в слуг Мэншуна. Однако, когда впереди сверкнули два огонька и ещё две статуи обрели свой истинный облик, он вскинул голову и сморгнул.

Те изваяния, что находились спереди ведущей в подвал двери, Мэншун заменил скелетами эттинов, а другие – останками огра и серого рендера. Огр и эттины сжимали в руках огромные дубины, рендер же с его гигантскими лапами не нуждался в оружии. Скелеты медленно и плавно сошли со своих пьедесталов, излучая незримую угрозу. Окружив шокированного зентаримского мага, они вскинули дубины, готовясь превратить его в кровавое месиво.

Внезапно кольцо на левой руке Маэрлхэнда ярко вспыхнуло, и он резко взмыл в воздух, ускользнув из расставленной Мэншуном ловушки. Устремившись к находящемуся на балконе portalу, волшебник исчез. Прежде чем Мэншун успел набрать в грудь воздуха для того, чтобы от души выругаться, подол его черной развевающейся мантии уже успел скрыться в мареве прохода.

Снова?

Неверяще покачав головой, Мэншун с трудом сдержал бранные слова, что рвались с его языка, и приготовился телепортировать своих слуг туда, где находилась его следующая жертва – на вершину башни, где волшебница в это время должна была пить чай. Пусть у него и было всё время на Фаэруне, тратить его понапрасну он не мог.

Порой оказывалось намного проще расправиться с предателем Братства в его собственном логове, нежели гоняться за ним по пустошам, устраивая магические

бои на потеху селянам. Разумеется, здесь у неё было преимущество – знакомая территория и та магия, что защищала её убежище. Однако это оружие было обоюдоострым – более могущественному волшебнику не составит труда взять под контроль её мощные охранные чары и обратить их против своей создательницы. Всего один удар – и она окажется одна и абсолютно беззащитна.

Сохраняя тот же порядок, в котором они наступали на Маэрлхэнда, четыре скелета вошли внутрь её покоев. Мэншун последовал за ними, готовый пустить в ход поспешно сплетенную им магическую сеть.

Хаэла Дардхалоу находилась именно там, где он и рассчитывал. Держа в руках высокую кружку с дымящимся чаем, она подняла на него взгляд. На лице её не было ни тени страха или удивления. Спокойно отхлебывая горячий напиток, она смотрела, как его сеть опутывает её охранные заклинания. Повинуясь его воле, магические поля изменили свою форму, даровав ему полный контроль над её чарами. Хищно усмехнувшись, Мэншун сотворил заклинание, лишаящее её способности использовать магию.

- Приветствую, владыка Зентарима, - радостным голосом произнесла она. – Как вижу, одному из твоих клонов всё же удалось уцелеть.

- Что-то ты больно легкомысленно настроена, - отметил Мэншун. Вскинув дубины, четыре скелета сделали шаг вперед. – Или дело в том, что ты просто глупа?

- Может, и то, и другое, - бойко ответила Хаэла. Сделав очередной глоток чая, она пробормотала два слова силы. Её охранные заклинания развеялись без следа, а два скелета эттинов превратились в кучу мелких обломков костей. Эти обломки взмыли в воздух кружащимся облаком, через которое едва просматривалось улыбающееся лицо Хаэлы – волшебница предусмотрительно накрыла кружку изящной ладонью, чтобы защитить её содержимое. Костяная буря обрушилась на серого рендера и огра.

Содрогнувшись, они рухнули на пол. То, что осталось от их тел, также поднялось в воздух, став частью гигантского облака, которое огромным грохочущим валом двинулось в сторону Мэншуна.

- Значит, ты по-прежнему способна использовать магию, - пробормотал он, покачав головой. – Что же ускользает от моего взора? Кто?

Из-за надвигающейся бури раздался певучий смех Хаэлы. Он понял, что она уже успела сотворить телепортационный портал.

- Хеспердан – вот кто предупредил меня и оказал мне помощь, - произнесла она. – У тебя огромные проблемы, Лорд Множества Личностей!

Сотворив свой собственный телепорт, Мэншун исчез. В его груди бурлил гнев. У этих юных зентаримцев не осталось никакого почтения к старшим, несмотря на то, что в их силах было уничтожить их одним движением пальца! Совсем не осталось.

И в чем смысл стремиться к власти, если твои собственные подчиненные тебя не боятся? Хотя... с чего им бояться? Всеми миру известно, что он – лишь один из множества клонов, большая часть которых оказалась уничтожена!..

Йетра Маландер прекрасно знала, что многие из членов Братства считали её оружием, выкованным Мэншуном для противостояния с Фзоулом. Другие же полагали, что, учитывая её фанатичную преданность Бэйну, она служит той цепью, которую использовал Фзоул для того, чтобы контролировать и сдерживать Мэншуна. Ей было прекрасно известно и то, что Мэншун, который сжимает её в своих объятьях – вампир, подумать только! – не является тем Мэншуном, которого она так страстно любила, посветив служению ему всю свою жизнь.

И всё же это не имело никакого значения. Когда их взгляды встретились, погасший было огонь вспыхнул снова. Она любила этого Мэншуна так же страстно, как и того, и её несказанно радовало, что ему не пришлось пользоваться своими вампирскими чарами, чтобы завоевать её сердце.

Хватило и его кривой улыбки, которая сводила её с ума.

Распахнув свои объятья, она вновь и вновь отдавала ему себя, содрогаясь от удовольствия, которого ни одному любовнику с момента гибели её Мэншуна не удавалось ей доставить. Она знала, что он намеревается использовать её так же, как это делал предыдущий Мэншун: шпионаж, интриги, манипуляции – то, в чем ей не было равных.

Поэтому она ничуть не рассердилась, когда, лежа в её объятьях в усталой неге после очередной ночи любви, он прошептал ей дальнейшие приказы. Свою роль она знала прекрасно. Йетра охотно согласилась исполнить всё, о чем он говорил, время от времени, когда считала это уместным, предлагая внести небольшие изменения в его планы. Наградой ей служила его кривая улыбка и столь нечасто появляющееся на его лице выражение приятного удивления, которое было прекрасно знакомо ей по прежним временам.

Разумеется, всего он ей не рассказал. Это объяснялось вовсе не недоверием – дело заключалось исключительно в практических соображениях. Излишек информации мог повлиять на её действия, следовательно, зачем рисковать понапрасну?..

Да, это был её Мэншун.

Именно поэтому она сейчас и оказалась в таком положении – прикованная к кровати металлическими скобами, что охватывали её горло, талию и запястья. Тянущиеся от них короткие цепи были оплетены лентами мягкой ткани, чтобы приглушить их звон. Её обнаженное тело было накрыто большим покрывалом, но вовсе не затем, чтобы скрыть его от посторонних взоров. Оно предназначалось для того, чтобы спрятать татуировки, которые первый Мэншун самолично нанес на её тело за те немногие годы, что им довелось быть вместе – магические печати, что она могла активировать простым усилием воли, кровью, жестом или словом. Печати, которые послужат орудием уничтожения мага, которого Мэншун хотел видеть мертвым.

Загадочный волшебник, перед которым все в Братстве испытывали почтительный страх – Хеспердан. Он был столь же скрытен, хитроумен и коварен, как и сам Основатель – стареющий насмешливый маг, который предпочитал действовать в одиночку. Мэншун никогда ему не доверял, ведь в Братстве доверие считалось синонимом глупости или безумия – но, тем не менее, тот пользовался всеобщим уважением.

Причина, почему он захотел его убить, была Йетре неизвестна, и она не стремилась её узнать. Её задача – обманом завлечь его сюда, а затем выпустить силу своих татуировок и наслаждаться зрелищем того, как он выпускает дух в её объятьях. После того, как всё окажется кончено, ничто уже не сможет вернуть его из мертвых.

Она подозревала, что её новый Мэншун поможет ей в этом. Пусть она и являлась верной служительницей Бэйна, а на её теле имелось множество смертоносных татуировок, но, прикованная к большой роскошной кровати, она была весьма ограничена в своих действиях. Разумеется, её возлюбленного здесь не было. Он станет скрываться до тех пор, пока не наступит момент действовать. Однако всё это время он будет наблюдать за ней – в этом она не сомневалась.

Йетра находилась в одиночестве, если не считать множества скелетов, что плечом к плечу стояли вдоль периметра комнаты. Они были одеты в одинаковую голубоватую броню, полностью скрывающую под собой их костяные тела, а в закованных в латные перчатки руках сжимали длинные клинки. Абсолютно тихие и неподвижные – она была одна. Жемчужина в раковине, приманка в ловушке.

Несмотря на слухи, что по воле её нового Мэншуна нынче ходили в Братстве, она не думала, что Хеспердан окажется первым, кто решит сюда пожаловать. Почти с самого начала она являлась не просто любовницей Мэншуна – она была его лучшим и самым доверенным агентом, а после его гибели принялась планомерно уничтожать тех, кто принимал участие в заговоре против него или же приложил недостаточно усилий для того, чтобы ему воспрепятствовать. Неудивительно, что половина Братства возненавидела её лютой ненавистью! О, они придут – хотя бы для того, чтобы поглумиться над её нынешним незавидным положением.

Её новый Мэншун тоже так считал – именно поэтому здесь и находилось столько вооруженной до зубов нежити.

Он распустил слух, что после возвращения поймал предавшую его любовницу и заточил её в своих покоях, абсолютно беспомощную. Как поговаривали, она всё ещё отказывалась сообщить ему сведения, которые он страстно желал узнать – сведения, касающиеся Хеспердана, - но до сих пор ему так и не удалось её сломить.

Итак, ловушка. Йетра позволила себе улыбнуться.

Дверь распахнулась от толчка сотворенной магией невидимой руки. Улыбка «пленницы» стала шире. На пороге возник один из младших магов Зентарима, который ещё прошлым летом считался учеником - щеголеватый мужчина с длинной клиновидной бородкой. Видимо, тот факт, что ему, в отличие от многих других, удалось выжить, заставил его преисполниться излишней уверенности в себе.

- Да! – торжествующе воскликнул он, активируя жезл, чтобы удостовериться в том, что, кроме них, живых здесь больше не было.

- О да, - нежно протянула Йетра Маландер. – Рада видеть тебя, Торел Переглар. Ухмыльнувшись, он сделал шаг вперед.

- Ты помнишь меня, - зачем-то констатировал он очевидный факт.

- Разумеется, Торел, - промурлыкала Йетра. – Помню и приветствую. Я бессильна - оковы лорда Мэншуна удерживают меня здесь, но его тут нет, и, насколько я знаю его привычки, раньше завтрашнего рассвета он не вернется. Я нахожусь под защитой волшебства Основателя, однако, если ты не станешь причинять мне вред

ни магией, ни острым клинком, мы могли бы... - она многозначительно изогнула бровь.

- За кого ты меня принимаешь, маленькая гадюка Бэйна? – вскинулся маг. – Я на это не поведусь. Знаю я о твоих... отметилах.

По его приказу невидимые магические руки медленно стянули покрывало с обнаженного тела Йетры.

Она изогнулась, демонстрируя свою фигуру максимально выгодным образом. Торел принялся неспешно рассматривать её тело. В его глазах вспыхнул голодный огонек, а улыбка стала откровенно гнусной.

- Ну да, - фыркнул он. – Стоит мне подойти к кровати, как ты немедленно прикончишь меня с помощью одной из своих татуировок. Нет уж. Я собираюсь навеки вычеркнуть тебя из рядов Братства. Зачем мне магия или клинок, если у меня есть это?

Шагнув за порог, Торел Переглар изящным и плавным жестом достал из-за пазухи предмет, вокруг которого поблескивало окутывающее его поле стазиса – змею с длинными клыками. Бросив её в комнату, он выдохнул слово, снявшее с гадюки паралич.

Но не успела та полностью развернуться в воздухе, как одна из татуировок Йетры вспыхнула и змея исчезла, переместившись к одному из стоящих у двери стражей. Схватив её латной рукавицей, он швырнул тварь в лицо магу. Тот затрясся в агонии, плоть его начала стремительно багроветь, а изо рта пошла пена. Второй скелет сделал шаг вперед и, раздавив змею, наклонился и сунул её обратно под мантию умирающего волшебника. Затем, оттащив его к соседней двери, он распахнул её, зашвырнул туда тело и плотно закрыл створку. После этого оба скелета вернулись на свое место и заняли ту же позу, что и их собратья. Комната вновь обрела свой первоначальный вид.

Спустя некоторое время сюда по очереди появились ещё двое зентаримцев, которых Йетра не знала – один для того, чтобы убить её, второй – чтобы насладиться её агонией. Обоих ждала та же судьба, что и Переглара.

Наконец на пороге появился старик в покрытой пятнами бежевой мантии. Его лицо было Йетре знакомо – Мэншун позаботился о том, чтобы она знала, как выглядит её жертва.

Хеспердан.

Не отходя от дверей, он улыбнулся ей и вежливо спросил:

- Не окажешь ли мне милость сразу продемонстрировать мне ту ловушку, в которую меня рассчитывают завлечь? Или для начала нам придется станцевать?

Внезапно позади него возникла целая орда нежити, большую часть которых составляли скелеты и неуклюже ковыляющие зомби. Они обрушились на свою жертву, своим напором впихнув мага внутрь помещения, и он исчез под грудой бронированных тел. Две стремительные вспышки уничтожили часть нападающих – обломки доспехов и костей разлетелись в разные стороны, - но мертвых было слишком много, и они в мгновение ока доволокли свою жертву до кровати, на которой лежала Йетра Маландер, и повалили Хеспердана на неё.

Подавшись вперед, она изо всех сил стиснула старика в своих объятьях и принялась спешно бормотать ключевые слова, активируя магию татуировок. Семь зарядов силы успели войти в его содрогающееся тело, а затем... затем всё исчезло.

Поднявшийся в воздух дым пах сожженной плотью Йетры. Она, Хеспердан, кровать – всё превратилось в одну большую грудку пепла.

Всё прошло именно так, как Мэншун и планировал. То, что их останки перемешались, значительно уменьшало шансы на то, что Хеспердану удастся вернуться из мертвых, а заклинания, которые он собирался наложить на дымящуюся кучу, и вовсе сведут их к нулю.

Жаль, что Йетрой пришлось пожертвовать, но у всего имелась своя цена...

Переступив через почерневшие искореженные обломки нагрудной пластины, Мэншун вгляделся в дым. От кровати не осталось и следа – что неудивительно, ведь внутри неё находилось более дюжины скипетров, орбов и жезлов, которые он одновременно взорвал.

- Прощай, Хеспердан. Как же жаль, что ты оказался неосмотрителен и попался в столь очевидную ловушку, - пробормотал он и вскинул руки, готовясь начать долгую цепочку заклинаний, чтобы навеки заключить его дух в загробном мире.

Ему никто не ответил. Впрочем, неудивительно.

Раловарр Развентар являлся антиподом большинства элегантных и сардонических магов Братства. Тяжело переваливаясь и ворча под нос, он влачил своё жалкое существование, сопровождаемый множеством крохотных бехолдеров, размеры которых не превышали глазное яблоко. Они скрывались под его одеяниями, жадно вгрызаясь в плоть в поисках жизненной силы, которой им так недоставало. Из-за этого его кожа представляла собой месиво из сочащихся взбухших ран.

Учитывая, что Хеспердан был мертв, Мэншун решил позволить себе роскошь сполна насладиться триумфом. Не скрываясь, он наблюдал за тем, как его армия нежити выходит из портала, чтобы убить Раловарра, готовый активировать жезлы и скипетры, чтобы помешать его противнику использовать магию.

Первыми шли несколько призраков и обрывков кожи, исполняющих в воздухе немислимые пируэты. За ними следовал жнец, ведущий за собой двоих неуклюжих магов смерти, нескольких богохулий, а также целую орду костяных крыс. За их спинами возвышались устрашающая кладбищенская змея и падший.

Внезапно все они исчезли во вспышке столь могучей магии, что даже сам Мэншун был вынужден отступить назад. Оглушённый, он неверяще разинул рот. Да кто же мог являться источником столь сильного волшебства, которое без всякого труда смогло уничтожить всю его армию?..

Из собственного портала Мэншуна появился Хеспердан, на губах которого играла легкая улыбка. В мгновение ока он переместился к съезжившемуся Развентару и с легкостью отразил все заклинания, которые Мэншун успел в него выпустить, в их создателя.

Бывшему и будущему владыке Зентарима лишь в последний миг удалось избежать удара. Словно призрак, он устремился в темные и неизведанные территории, которые согревало лишь пламя ярости, что пылало в его груди.

Орбак отыскал это место ещё давно. Подземные твари и испытующие взоры волшебников не могли сюда проникнуть – им мешала завеса дикой хаотической магии, которую испускал разлагающийся мифал. Однако, если бы кому-то всё же хватило отваги для того, чтобы зайти в этот необычный шторм, он бы обнаружил, что в центре его находится погруженное во тьму пустое пространство, не затронутое его воздействием. Самое подходящее место для того, чтоб всё хорошенько обдумать и выпустить пар.

Спустя некоторое время он пришел к неутешительному выводу. Хеспердан, несомненно, был мертв. Кем же мог являться этот новый «Хеспердан»?

Он знал только одного мага, которому хватило бы сил и безрассудства на то, чтобы осуществить подобную подмену – старого, но крайне назойливого Избранника Мистры, Эльминстера из Долины Теней. Значит, ему следует грамотно расставить ловушку, чтобы заманить в неё самозванца и уничтожить его. И приманкой в ней должен был стать кто-то, кто имеет отношение к Мистре. И к Мэншуну.

Он долгое время провел в раздумьях, бесцельно расхаживая в темноте туда и обратно. Внезапно остановившись, он кивнул, и губы его скривила мягкая и крайне неприятная улыбка.

По Зентариму стремительно разнесся слух, вызвавший невероятный ажиотаж. Последнего из клонов Мэншуна наконец удалось найти!

Один из жрецов Бэйна, который отказался склониться перед Фзоулом и сирикистами, держит его в Покоях Заклинаний под мощной охраной, погруженного в сон. И на это у него есть очень веская причина. Лишь немногим из молодых зентаримцев было известно даже примерное местоположение Покоев – «глубоко под землей где-то к северу от крепости Зентил, но южнее Цитадели Ворона» - и никто из них понятия не имел, как туда попасть и не оказаться уничтоженным мощными охранными заклинаниями. Однако все знали, чем являлись Покои – это было расположенное глубоко под землей и окруженное надежной защитой помещение, предназначенное для опасных магических экспериментов. Много десятков лет назад её построили бехолдеры для нужд зентаримских магов, чьи опыты по созданию новых заклинаний зачастую представляли собой опасность для всего, что их окружает.

А «причина» заключалась в следующем – в тело спящего Мэншуна бог Азут поместил реликвию тогда ещё живой Мистры.

Шокированные этими новостями, жители Зентарима с округлившимися глазами обменивались слухами, догадками и предположениями. Ведь каждому из них было ясно, как день – что-то обязательно должно произойти, и ничем хорошим это точно не кончится.

Тело найти было легко. Для его целей подошел бы любой мужчина человеческой расы, на трупе которого не успело появиться видимых признаков гниения; в Лунном Море недостатка в подобном материале не было. На то, чтобы придать трупу свой облик, потребовалось лишь несколько аккуратных использованных заклинаний.

Затем пришлось заняться грязной работой. Однако поместить внутрь мертвеца достаточное количество взрывоопасных магических жезлов и скипетров также не составило особого труда.

Связать труп и положить его в очерченный мелом круг в центре покоев – плевое дело.

Расставлять вдоль стен комнаты мертвецов, нацеливших в сторону дверей магические предметы, оказалось долго и утомительно, но несложно.

Самая тяжелая часть его плана – это ожидание.

Много лет назад Мэншун облюбовал для себя темный, сырой и тесный сторожевой пост, который располагался внутри одной из огромных пустых колонн, которые находились в ведущем в Покои Заклинаний коридоре. На коленях его лежал один из сильнейших магических артефактов, которые имелись в его распоряжении. Периодически отхлебывая лучшее Агларондское вино – разумеется, кровавое, - он время от времени поднимал жезл и подносил его к бойнице, чтобы избавиться от незваных гостей.

Которых оказалось намного меньше, чем он ожидал. Видимо, те зентаримцы, которым удалось пережить эти тяжелые времена, либо научились осмотрительности, либо слишком боялись возможных последствий своих необдуманных поступков. Однако с теми, кто всё же осмелился явиться, он не церемонился. Его оружие действовало только на тех, кто мог использовать магию. Оно вселяло в их души непреодолимый ужас; уверенные в том, что любое заклинание, которое хранилось в их разуме, будет обращено против их самих, нанеся куда больший вред, нежели их предполагаемой жертве, они, охваченные паникой, с воплями и безумным бормотанием устремлялись прочь.

Мэншун начал скучать. Однако вскоре ожидание его подошло к концу.

Хеспердан шагнул в Покои Заклинаний, удостоив направленные в него разнообразные магические предметы лишь легкой улыбкой - испускаемая ими магия была бессильна пронзить его охранные чары. Он направился напрямик к лежащему в круге телу.

В полной тишине Мэншун покинул сторожевой пост и также вошел в комнату, чтобы отрезать врагу все возможности к бегству. Хеспердан поднял ладонь, над которой взвился язык пламени, и швырнул его в спящего клона.

И тут же вокруг старого волшебника вспыхнула неистовая магическая буря. Оказавшись в самом её центре, он пошатнулся. Его ноги подогнулись, и очертания его тела стали размытыми. Мэншун позволил себе злорадно расхохотаться.

Да! Наконец этот назойливый Эльминстер попался в его смертельную ловушку! Даже если это его не убило, то расправиться с ним не составит никакого труда.

Но, стоило его веселью достигнуть апогея, как магический шторм резко начал стихать. Замолкнув, Мэншун замер на месте, пристально всматриваясь во вспышки и огни исчезающего облака разрушительных энергий.

Тот, кто стоял посередине него, более не носил облик Хеспердана. Согнувшаяся от боли и дрожащая фигура резко выпрямилась, вновь обретая жизненные силы. Однако это был вовсе не Эльминстер. Это был... сам Мэншун!

Разве это возможно? Мог ли всё это время ещё один из его «я» прикидываться Хесперданом?

Внезапно в спину Мэншуна глубоко вонзились магические клинки, вскинув его в воздух. Жезл вырвался из его рук и, окутанный языками алого пламени, отлетел в сторону и сгорел дотла.

Он задохнулся от боли, когда сила, неудержимая, словно горный поток, развернула его лицом к новому противнику.

Его встретил холодный взгляд голубых глаз Эльминстера.

- И снова не угадал, основатель Зентарима, - мягко произнес Старый Маг. Выпущенное им заклинание жадно поглотило Мэншуна, словно ревущий огненный волк, уничтожив все охранные чары, кольца и прочие магические предметы, которые при нём имелись. – Знаешь, если бы ты был хоть наполовину так умен, как сам о себе думаешь, ты бы мог являться весьма опасным противником.

- Но... как?!

- Думаешь, ты единственный, кому под силу надеть чужую личину? – раздался холодный хриплый голос позади Мэншуна. Магия тут же снова развернула его кругом.

Его двойник исчез. Тот, кто стоял на его месте, отличался высоким ростом и худобой, плоть его была высохшей и серой, а глаза напоминали два языка белого мерцающего пламени. Вокруг его головы кружило кольцо небольших светящихся драгоценных камней.

- Л-Ларлох? – выдохнул Мэншун.

Кивнув, лич принялся по-паучьи перебирать костяными пальцами, творя неизвестное Мэншуну заклинание. Он ощутил, как оно втекает в его голову через рот и глаза, и осознал, что все подготовленные им заклинания бесследно исчезли из его памяти.

- Оставь все мысли об убийстве членов Братства, пока не расправишься с Фзоулом и не вернешь себе власть над Зентаримом, - произнес Ларлох, - или мы тебя уничтожим. Немедленно. Верно, о Зулкир Зулкиров?

Мэншуна развернуло снова. Место Эльминстера занял черноглазый Сзасс Тэм в темной мантии.

- Верно, - согласился он. Губы его скривила холодная улыбка. Он взмахнул руками, которые выглядели такими же иссохшими, как и у Ларлоха, и внезапно в Покоях Заклинаний появилось множество порталов, похожих на внезапно

распахнувшиеся глаза. Невозможно! Только не здесь! Однако из них тут же хлынули стаи костяных летучих мышей, за которыми следовали дюжины шаркающих скелетов, теней и зомби.

- С этого мгновения ты не убьешь более ни одного члена Зентарима. Поклянись в этом и склонись пред нашими чарами, или же наше терпение подойдет к концу... и твоё существование тоже.

Незнакомая магия заструилась с пальцев Сзасса Тэма. Владыка Зентарима смотрел, как она окружает его кольцом бушующего желто-зеленого пламени.

- Что это? – прошептал он, уставившись на огонь.

- Залог твоей верности. Если вздумаешь нарушить этот обет, сама твоя кровь вскипит в венах, растворяя плоть. Окончательная смерть, избавление от бремени нежизни, столь же быстрая и ужасная, сколь и неминуемая.

Закрыв глаза, Мэншун вздохнул и изобразил на лице улыбку.

- Хорошо. Пред ликом всех богов я клянусь, что с этого момента прекращу охоту на бывших и нынешних членов Зентарима. Если кто из них и умрет от моей руки или магии, то лишь потому, что у него хватило глупости напасть на меня.

- Мы услышали, - произнес Ларлох из-за спины Мэншуна. – Готово. Можешь идти.

Сотворенный Сзассом Тэмом круг пламени начал стремительно сужаться, и огонь хлынул в его тело. Пошатнувшись от неожиданного удара, Мэншун медленно повернулся и взглянул на владыку множества личей, подняв бровь.

- И что, вы просто меня отпустите?

- Отпустим, если тебе не придет в голову глупость вроде попытки развеять эту магию, - с презрением произнес Ларлох. – Эльминстер с этим согласен.

- Согласен, - подтвердил слышавшийся из-за спины Мэншуна голос. Ему не требовалось оборачиваться, чтобы понять – Сзасс Тэм исчез, и на его месте снова стоял Эл. – Но, если ты посмеешь посетить те земли, где родичи мои живут, то смертью будет твой удел, останков даже боги не найдут.

Беззвучно оскалившись, Мэншун вышел из комнаты. Оказавшись вне пределов охранявших Покои Заклинаний чар, он тут же сотворил портал и исчез.

Эльминстер взмахнул рукой, и дверь плавно закрылась, оставив его с Ларлохом наедине.

Силуэт лича поплыл. Он стремительно превратился обратно в Мэншуна, а затем – в Талату Ваэроври из Иннарлита.

- Приветствую, магистр, - серьезным голосом произнес Эльминстер. – Последний магистр из всех.

- Ненадолго, - пробормотала Талата и, шагнув вперед, чтобы заключить его в объятия, выдохнула. – Отец, мне так плохо! Меня изнутри пожирает пустота, я... - внезапно из её рта на пол хлынул поток голубого пламени, и она обмякла, оставаясь на ногах лишь благодаря поддержке Эльминстера. – Я никогда не ощущала большей боли, чем сейчас...

- Равно как и я, - мрачно произнес Эльминстер. – Ты отлично справилась. Я очень горжусь тобой, тобой и всеми твоими сестрами. Мне-то под силу изобразить Сзасса Тэма в любой момент, но тебе, должно быть, нелегко было убедить Ларлоха дать тебе разрешение принимать его личину.

- Нет, - прошептала она. В её глазах вспыхнуло голубое пламя. – Вовсе нет. Он пребывает в страхе, как и все мы, ведь пылающий в небесах огонь несет гибель, не разбирая целей. Госпожа, которую мы все чтили, она... она...

- Той, кого мы знали, больше нет, - устало произнес Эльминстер. – Учитывая, насколько ненадежными стали наши заклинания, задача сохранять жизнь клонам Мэншуна, снова и снова притворяясь Хесперданом, стала слишком опасна даже для моих дочерей. Ихельбруна погибла, попавшись в одну из его грязных ловушек, и именно поэтому я дал Аластре, Ардане и Йисендрене иные задания. Но ты так настаивала на том, чтобы помочь мне, и посмотри, чего тебе это стоило...

- Скажи мне только одно, Старый Маг, - с неожиданной яростью произнесла Талата. – Зачем вообще нужно их спасать? Почему бы просто не уничтожать пробудившихся Мэншунов одного за другим, пока их число окончательно не иссякнет? Зачем эти игры?

- Лата, дорогая моя, - пробормотал Эльминстер, рискуя послать в её тело слабый заряд исцеляющей магии. – Давным-давно я дал обещание одному из лордов крепости Зентил – человеку чести – что не стану убивать Мэншуна. И, насколько это было в моих силах, я держал свое слово на протяжении многих столетий. Разве могу я сейчас отказаться от данного мною обета? Грош мне тогда цена – да и моим трудам тоже. Более того, сама святая Мистра велела мне не избавлять этот мир от Мэншунов, а её волю я ставлю превыше всего на свете.

- Даже сейчас? – прошептала она. С её губ непрерывно стекало голубое пламя.

- Тем более сейчас. Учитывая, что творится с магией и практикующими её волшебниками, только представь, чем может обернуться уничтожение всех Мэншунов до единого! Оковы, которые удерживают нежить, охраняющую множество могущественных магических артефактов, окажутся разбиты. Воцарится ещё больший хаос; это последнее, что нужно сейчас Королевствам.

Закряхтев от напряжения, Эльминстер поднял Талату и понес её к дверям, но, не дойдя до них, пошатнулся, чудом не уронив волшебницу. Тяжело дыша, он поспешно положил её на пол.

- Если бы ты могла вернуться, - выдохнул он, - и взглянуть на тех клонов, которых я и Келбен превратили в подобия покойного Хеспердана – о, этот враг знал, что такое честь, и следовал своим принципам до конца – ты бы увидела, как их плоть стекает с костей, словно расплавленный воск. Все они пали жертвой проклятья не-жизни. Так что игра окончена.

- Моя тоже, а вместе с ней и жизнь, Старый Маг, - прошептала она. По щекам её струились голубые слезы. – Прощай... отец!

- Прощай, дочь моя, - хрипло произнес Эльминстер, чувствуя, как к горлу его подступают рыдания. – Ты великолепно исполняла свои роли.

- В то время как ты, - выдохнула она, - умудрился нарушить все известные правила – и всё для того, чтобы защитить Фаэрун, а, следовательно, и нас. Поцелуй меня; я не хочу умирать в одиночестве.

Он подчинился, изо всех сил сдерживая текущие из глаз слезы до тех пор, пока женщина в его объятьях не обмякла, обретя вечный покой.

ТЕЛО В МЕШКЕ

Эрик Скотт де Би

- Мы трупы, - Корво прикрыл ладонью глаза.

- Не мы, - с этими словами его спутница опустилась на колени рядом с телом, прижимая к губам большой палец. - Он же...

Вокруг них возвышались черные стены склепа. Низкий потолок гнетуще нависал почти над самой головой. Из ниш, расположенных в затянутых паутиной углах, смотрели высеченные из камня демоны, чьи изрезанные трещинами лики свидетельствовали о губительном воздействии времени. Здесь воняло плесенью и крысами — запах старой гниющей смерти. За границами тусклого светового круга, словно охотящийся кот, притаилась тьма.

Свет исходил от одной-единственной свечи, которую держал Корво. Из-за сотрясавшей его дрожи капли полурастаявшего воска то и дело капали на кожу — было немного больно, но таких, как он, жар не слишком беспокоил.

А вот труп... Труп - совсем другое дело.

Света едва хватало, чтобы разглядеть тело неудачливого юного лорда, который последовал за ними в склеп — освежеванную голову, застывшее лицо, глаза, напоминающие стеклянные шары...

- Мы трупы, Энде - как ты не понимаешь? - Корво по привычке вцепился в растущие на лбу рога — он так частенько делал, когда нервничал. - Тру-у-у-у-пы.

- Да нет же! Разве я не сказала? - откинув от глаз прядь струящихся черных волос, Энде коснулась шеи мертвеца - бессмысленный жест, учитывая, что в груди у него зияла дыра. - А вот Дольн - Дольн точно труп.

Корво выдавил кривую ухмылку. Девушка, выросшая в благополучной, уважаемой семье - даже такая умная, как Энде — не могла понять, через что Корво, тифлингу, пришлось пройти за свою недолгую и омраченную тенью Планов жизнь. А это... это даже для него было слишком.

В полном восторге Энде уставилась на тело, и Корво тоже опустил взгляд. Молодой лорд был лишь немногим старше их самих. При жизни он обладал красивой и благородной внешностью, но от его лица мало что осталось - гули неплохо над ним поработали. Корво стало дурно, что говорило немало, учитывая, что питаться ему в основном приходилось лишь костями да хрящами.

Учитывая отношение Корво к смерти, то, что он умудрился безнадежно влюбиться в ученицу некроманта... Как все непросто.

Энде принялась с энтузиазмом тормошить труп.

- И ведь даже не мы его убили!

- Да какая разница? - Корво словно наяву видел их судилище — одетая в черное Энде заливается жалобными слезами, а он, от рогов до хвоста закованный в цепи (адамантиевые, чтобы не дать «зверю» вырваться наружу) стоит перед судьёй, который со стремительно багровеющим лицом тычет в них пальцем, брызжа слюной... Он содрогнулся. - Долън последовал сюда за нами — за нами! - и, если уж говорить откровенно, это весьма смахивает на то, что «мы заманили его сюда на верную гибель». Учитывая, кто он такой...

- Сэр Долън Мурвокер, - произнесла Энде. - Наследник Эвелунда, древний род и все такое. Я просто не могу понять, из-за чего сыр-бор. Уверена, что слухи о жестокости и мстительности Высокого Лорда Кела сильно преувеличены.

Эта черта характера всегда восхищала Корво в его лучшей подруге Энде Ругис - невероятный, основанный на логике оптимизм пред ликом неминуемой и иррациональной гибели. Его сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

- Преувеличены? Преувеличены?

Энде отмахнулась от его истерики.

- Живые всегда склонны преувеличивать — такова уж их природа.

Она надела на глаз трупа, и тот выскочил из глазницы, словно косточка из гнилого персика. Поймав его, она засунула глаз обратно.

В горле Корво зародился жалобный писк, и он отчаянно зажал рот рукой.

- И все же, - произнесла Энде, поправляя глазное яблоко, - я признаю, что тебе довелось повидать больше судов, чем мне...

- Нас повесят, - его рот пересох, словно пустыня. - В лучшем случае.

Энде задумчиво постучала по накрашенным черной помадой губам.

- Ты так думаешь?

- Да мы сына его убили, Энде!

- Одного из сыновей — Пелнус-то у него остался, - она нежно улыбнулась. - А он в любом случае более красивый... и сильный... и храбрый... и...

Корво ощутил дурноту, как бывало всегда, когда Энде заговаривала о Пелнусе Мурвокере. Пелнус видел уже восемнадцать зим – на две больше, чем сам Корво — и ещё ему принадлежало сердце этой одетой в темное девушки, что сейчас сидела здесь, полностью затерявшись в мечтах. Следующей весной они поженятся — если, конечно, не случится чудо и Энде не выберет Корво.

Именно для того, чтобы остаться с ней наедине, он и поддержал её дурацкую затею отправиться в склепы. Вдруг на него наконец снизойдет вдохновение и он поймет, как завоевать ее сердце?

Корво знал, что Пелнус вернется из своего первого похода не раньше конца лета. Когда снега начали таять, он был преисполнен надежд — тогда все казалось столь простым и ясным. Но осень стремительно приближалась, листья деревьев начали менять цвет... Куда только делось все это время? Да скорее лежащий у их ног бедолага Долън восстанет, чем его мечты воплотятся в жизнь! Он обвел взглядом изваяния демонов, надеясь, что те оживут и набросятся на него - и этот кошмар наконец закончится.

Ну да, разбежался.

- Это хорошо, - сказала Энде с улыбкой. Ее черные ногти клацнули друг о друга, когда она свела пальцы вместе. - Практически никаких серьезных увечий.

Корво послал тихое проклятье Бешабе, богине неудачи. «Болван ты влюбленный» - подумал он.

Почему на её месте не могла оказаться одна из девчонок, что постоянно ему на шею вешаются? Почему не Риссен, дочь портного, которая его обожает, или Балга, племянница торговца рыбой, что всегда оставляет для него лучшие куски, или, на худой конец, даже Лиссет, внучка Великого Лорда, посвящающая ему стихи? Однажды он и сам мог бы стать Великим Лордом, Корво Полудемоном, владыкой Луруара и грозой всех Северных Земель...

Тем не менее, его обаяние и шарм совершенно не действовали на эту девушку — мрачную и непостижимую дочь рыцаря Амаунатора и волшебника из Магической Стражи. На девушку, что была обещана другому и, казалось, вообще не замечает своего краснокожего, рогатого и окутанного запахом серы друга.

Ей было абсолютно плевать на его демоническую харизму — и это, разумеется, означало, что он был влюблен в неё до безумия.

- А что... - стиснув зубы, он отвел взгляд. Задать этот вопрос было необходимо. - Что за увечья?

Энде начала загибать пальцы.

- Ухо, нос, часть скальпа — с волосами, разумеется — лица тоже часть...

- Уфф, - желудок Корво снова перевернулся. От этих её «частей» становилось ещё хуже.

- Нога, три пальца и, - она засунула руку в зияющую в груди Дольна дыру, - кое-какие внутренние органы. Впрочем, ничего критичного. Он быстро восстановится, хотя... Сейчас посмотрим.

- Ну уж нет, - запротестовал Корво. - Давай-ка убираться отсюда. И как можно дальше.

Они могли бы сбежать, подумал он. В Несм или даже дальше, в Уотердип, где им больше не придется иметь дело ни с трупами, ни с юными лордами из рыцарского рода. По крайней мере, не с теми трупами, к появлению которых они приложили руку.

Лицо Энде приняло задумчивое выражение, и на один ужасающий миг он подумал, что она смогла прочесть его мысли. Но девушка кивком указала на мертвого сэра Дольна.

- Корво, - произнесла она. - Я могу это исправить.

- Исправить? - Корво ткнул в труп пальцем. - Он мертв!

- Верно, - Энде повернулась к сумке, где хранилась их еда — произошедшее начисто отбило Корво аппетит и он сомневался, что тот когда-либо вернется, — масло для лампы, моток верёвки и...

- О нет, - его голова закружилась. - Ты же не о книге, верно?

- Именно о ней, - Энде достала из сумки тканый мешок размером с голову Корво — по крайней мере, так казалось с виду. Когда она развязала его и сунула руку внутрь, та скрылась в ней чуть ли не по плечо. - Хватит заниматься ерундой! Лучше помоги. Должно быть, где-то здесь...

- Боги, - он осознал, что одной ногой барабанит по земле, словно перепуганный кролик. Усилием воли Корво заставил себя остановиться, но эстафету тут же

подхватила вторая. Бесполезно. - Разве тебе мало того, что случилось с нами из-за этой книги десять дней назад?

Остановившись, Энде смерила его взглядом.

- Если бы ты не задал настолько идиотский вопрос, все вышло бы по-другому, - она снова принялась рыться в мешке. - Я все сделала правильно - нарисовала магические символы, развеяла пепел и провела ритуал, и что - тебе в голову не пришло спросить чего получше?

- Боги, - при одном только воспоминании Корво содрогнулся. - Но... но... поднимающийся из саркофага труп, мёртвое лицо, мучительно искаженное от подобия жизни... взор алых глаз, который пронзает до самой глубины души!

Энде закатила глаза.

- Обычный ритуал для беседы с мёртвыми. Я же объясняла уже. Мёртвые не могут причинить вреда.

- Не могут? - когда поблизости не маячит иссохшее лицо, а мертвенно-белые пальцы не тянутся к горлу... легко говорить. Он сглотнул, чтобы избавиться от неприятных воспоминаний. - Итак. Какой же вопрос мне следовало задать?

Энде поджала губы.

- Древний мудрец, который умер задолго до того, как мой пра-пра-дедушка появился на свет. И тебе в голову ничего лучше не пришло, чем спросить - «Как погода?».

- Ммм, ну... Корво уставился во мрак, надеясь, что гаргульи подскажут ему ответ, который не выставит его перед Энде конченным трусом.

Безуспешно.

- Нашла! - триумфально воскликнула Энде, вытаскивая из мешка продолговатый, треснувший посередине череп. На ее лице отразилось разочарование. - Ммм... Не совсем то...

- Эмм, - Корво обхватил руками бунтующий живот. - А это ты зачем с собой таскаешь?

- Без понятия, если честно. Бесполезная штукавина. Он вообще человеку не принадлежит.

- Не... не принадлежит? А кому?

- Багбиру, - Энде швырнула череп через плечо, и он с грохотом покатился по полу.

- Ах! - громко воскликнул Корво. - А если нас кто услышит?

- Кто?

- Или что, - поправился он. - Вдруг гули вернутся? С подкреплением! Или их дружки-некроманты? А? Что на это скажешь?

Стоило Корво закончить свою речь, как во тьме ему почудилось движение. Дрожа, он застыл на месте.

Энде вздохнула.

- Такого труса-тифлинга я в жизни ещё не встречала.

От шока, что в одном предложении прозвучало «трусы» и «тифлинг» — и теми картинками, что щедро нарисовало его воображение — Корво потерял дар речи. В итоге он все же смог выдавить краткое «ага».

Энде бесстрастно взглянула на него.

- Чего же ты боишься?

- Того, что меня мертвецы сожрут? - Корво указал пальцем на труп. - Как бедного сэра Дольна и - о боже мой! - тяжело дыша, он прижался к стене, вглядываясь в царящую за пределами очерченного пламенем свечи круга тьму. - Что это было?

Энде закатила глаза.

- Как бы мне хотелось, чтобы ты был больше похож на Пела, - ее лицо вновь обрело мечтательное выражение. - У него крепкий желудок, он-то уж точно не стал бы падать в обморок от каждого неприятного запаха...

- Ммм, ну да, - Корво тоже этого частенько хотелось — правда, исключительно в отношении его помолвки с Энде. И внешности. И богатства, которое тот когда-нибудь унаследует. И — что уж врать — мужества.

- Ах! - Энде вытащила из мешка толстую книгу. На обложке её красовался тисненый череп, который был впечатан в черную кожу магическими линиями, слабо поблескивающими на свету. Отреагировав на прикосновение Энде, они вспыхнули ярче.

- И чем нам это поможет? - спросил Корво. - Хочешь заставить его говорить? Мы же были здесь, когда он погиб. Слышали, по крайней мере... - его снова замутило. - То есть — нет, совсем нет. Нас тут не было, господин судья. Кхм.

Энде принялась бегло листать страницы — когда она их переворачивала, в воздух каждый раз взлетало небольшое облачко пыли — и наконец остановилась на той, что была покрыта надписями на древнем и незнакомом Корво языке.

- То, что надо! - воскликнула она. - Поднять мертвеца. Посмотрим... Ах. Ингредиенты у меня есть, - она улыбнулась. - Говорила же, что всё исправлю.

- Ты уверена? - спросил Корво. - Разве Келемвор такое одобряет?

Энде отмахнулась от его вопроса.

- Книга была написана для другого бога смерти — Миркула, одного из темных божеств старого мира. Но источник силы-то остался прежним, сменился лишь объект поклонения. То же самое произошло и с религией.

- Темного божества, - Корво вздрогнул. - Я не уверен...

Энде фыркнула.

- Добро, зло — это просто слова, Корво. Вне контекста самой силы и того, для чего ее используют, они не имеют никакого смысла.

- Ему это скажи, - Корво уставился на труп Дольна. - Думаю, он бы согласился с тем, что это немного разные вещи.

- Лишь невежественные крестьяне мыслят подобным образом, - Энде закатила глаза. - Лучше помоги мне освященную кровь девственницы отыскать. Где-то в мешке точно завалился виал...

Когда все приготовления были завершены, Энде опустилась на пол возле границы нарисованного серым мелом магического круга, скрестив ноги и положив книгу на колени, а Корво, чьи щеки были измазаны солью и кровью, присел в центре и положил руку на грудь трупа.

- Поверить не могу, что тебе удалось уговорить меня пойти на это, - соврал он.

Поверить было как раз несложно. Энде могла приказать ему прыгнуть в яму, над которой висит табличка «смерть», и он бы это сделал. Скорее всего. Вероятно, вначале он бы туда всё-таки заглянул.

- Ты в полной безопасности, - заверила его Энде, - если не будешь меня отвлекать.

Встревоженный, Корво обвел взглядом пять свечей из черного воска.

- А что случится, если отвлеку?

- Скорее всего, тебя ждет ужасная и мучительная смерть, - во взгляде, который она на него кинула, читалось раздражение. - Я могу вытянуть слишком много жизненной силы, и тогда ты рискуешь оказаться в еще худшем состоянии, чем он, - она кивком указала на труп.

Корво тут же заткнулся.

По крайней мере, она согласилась забрать энергию у него, а не у себя. «На случай, если что-то пойдет не так». В ответ на это Энде лишь равнодушно пожала плечами. Для неё значение имел только ритуал.

«Когда он завершится успехом, она окажется весьма тебе благодарна», - произнес в его голове непрошенный голос – голос его отца. - «Кто знает, на что будет готова женщина, когда её желание исполнится?»

Это был внутренний дьявол Корво, хотя он понятия не имел, действительно ли голос является наследием его родителя или же существует лишь в его воображении. Этот голос заговаривал с ним достаточно часто, убеждая солгать, сжульничать или сбежать – и обычно Корво его игнорировал. Обычно.

Дьявол никак не прокомментировал его решение поделиться с Энде своей жизненной силой, но, когда выбор был сделан, появился, как всегда, из ниоткуда, наполнив его воображение многообещающими картинками того, как эта темноволосая девушка может вознаградить его за проявленное мужество. Из-за подобных мыслей - и, что уж отрицать очевидное, вида Энде, занятой творением магии - кровь прихлынула к щекам Корво.

Смотря на охвативший её экстаз, он почти порадовался тому, что ему пришлось пройти через этот кошмар. Её щеки порозовели, а голос дрожал от возбуждения, когда она произносила непонятные ему слова. Порывы призрачного ветра развеивали её черные волосы, а белоснежные зубы поблескивали в свете свечей. В такие моменты её эладринское – по отцу, который, насколько Корво было известно, принадлежал к народу солнечных эльфов, – происхождение проявлялось наиболее ярко.

Великие боги, подумал он с трепетом.

Внезапно ему в живот словно ледяную сосульку вонзили. Стремительно распространяясь, холод охватил все его тело. Более устойчивый к жару, чем к морозу, Корво содрогнулся и открыл рот, чтобы закричать.

Но неприятные ощущения исчезли так же быстро, как и возникли. Его ноги подогнулись, в глазах потемнело. Он бы непременно упал, если бы не прикосновение Энде к его плечу, которое мгновенно вернуло ему силы.

Рука сэра Дольна дернулась к колену. Корво смотрел, как юный лорд дрожит и извивается, словно человек, который не в силах очнуться от глубокого сна. С губ его срывались тихие гортанные звуки – нечто вроде «фух» и «ня».

- У нас... - прошептал Корво. – У нас получилось?

Энде взирала на происходящее с совершенно непроницаемым лицом.

- Помнишь, как ты сказал: «На случай, если что-то пойдет не так»?

- Ага, - Корво охватило дурное предчувствие.

- Ну, - она постучала пальцем по черным губам. – Кажется, пошло.

С ужасающим воплем Дольн вскочил и бросился на Корво. Взмахнув руками, тифлинг с криком упал.

- Кстати, это гуль, - произнесла Энде. В её голосе не звучало ни капли сожаления. – Не позволяй ему...

Как паук над своей добычей, гуль навис над растянувшимся на полу Корво, его длинный, похожий на хлыст язык метался во все стороны. Ледяные пальцы кинжалами впились в живую плоть. Болезненно-зеленая и ужасающе раздутая голова твари вплотную приблизилась к лицу Корво, и налитые кровью глаза Дольна бешено завращались.

- Жрать! – взывал он, словно изголодавшийся младенец. – Жрать!

Его атака оказалась столь стремительной и жестокой, что Корво ничего не успел предпринять. Когти чудовища вонзились в его живот, и по телу начало расползаться онемение. Когда гуль потянулся к его руке, он попытался закричать, но с губ его сорвался лишь негромкий стон. От прикосновения нежити его полностью парализовало.

Голос Энде по-прежнему оставался спокойным и рассудительным.

- Постарайся избегать его укусов...

Зубы чудовища сомкнулись на плече Корво, и мир стремительно завращался.

Энде продекламировала слова силы. Магический удар сбил гуля с ног, и он отлетел в сторону, врезавшись в стену.

Корво попытался встать, но в плече вспыхнула боль и...

Дрожа и задыхаясь, он вернулся в реальность.

Похоже, на какое-то время сознание его покинуло. Казалось, что тьма длилась всего пару мгновений – и все же он мог отсутствовать в этом мире гораздо дольше. Интересно, сколько?..

Из раздумий его вырвал крик – крик Энде.

Несмотря на то, что перед глазами у него по-прежнему всё плыло, Корво резко встал на одно колено, пытаясь на ощупь отыскать меч. Его голова с силой врезалась во что-то, отбросив в сторону.

Его рука коснулась чего-то мягкого. Судя по тому, что его не укусили, это была Энде. Поначалу он был способен разглядеть лишь её размытый темный силуэт, окутанный обрывками тени и алыми пятнами. Когда зрение наконец прояснилось, он увидел, что девушка стоит неподвижно, словно сама смерть. Один рукав черного

платья был оторван, на руке виднелись царапины и следы зубов. Взгляд её невидящих глаз был устремлен сквозь него.

Сердце Корво неистово заколотилось. Что же гуль с ней сотворил?

Энде стиснула его руку с такой силой, что от неожиданности и боли он не сдержал крика. Она не была парализована – просто сосредоточена.

- Восхитительно, - прошептала она ему на ухо. – Корво, ты только погляди, как он двигается! Тебе хоть раз в жизни доводилось видеть что-то столь же прекрасное?

«Прекрасное» было явно не тем словом, что первым пришло Корво в голову при виде гуля. Сжимая уши руками, тот бился на полу, словно выброшенная на берег рыба. На его лбу виднелись две свежие колотые раны, из которых струилась алая жидкость.

Так вот во что Корво головой врезался! Его рога были липкими от покрывавшей их холодной крови.

- Ну надо же, - пробормотал он.

- Жрать! – взвыл гуль, сотрясаясь в конвульсиях. – Жрать!

- Чудесно, - возбужденно выдохнула Энде. – Какой же он сильный!

Вид нянчащего голову гуля и боль в собственном черепе внезапно натолкнули Корво на одну идею – идею столь хитроумную и необычную, что она наверняка должна была сработать.

«Ей ведь нравится этот гуль», - решительно произнес его inferнальный отец. – «Так воспользуйся этим».

Корво мог по обыкновению его проигнорировать, но гениальность задумки восхитила его. Впервые в жизни он ответил своему внутреннему демону.

«Спасибо», - подумал он.

Где-то в глубине его души отец ухмыльнулся.

- Корво! – воскликнула Энде. – Что ты... Берегись!

Отшвырнув Корво на землю, гуль бросился к Энде. Выпавив заклинание, она простерла ладони. С её пальцев сорвались потоки черного пламени, и рука чудовища вспыхнула. Издав крик, тварь отступила, неистово размахивая окутанной огнем конечностью.

Корво опустил взгляд на свою невредимую руку и решил последовать коварному совету голоса.

- Ах! – вскрикнул он, хватаясь за неё в притворном приступе боли. – Жжется!

Энде, увлеченно наблюдавшая за гулем, перевела на Корво непонимающий взгляд.

Копируя движения твари, тифлинг снова издал крик.

- Что произошло? – он вложил все чувства в актерскую игру. – Я чувствую его боль? Что...

Энде моргнула.

- Ритуал! - воодушевившись, воскликнула она. – Должно быть, ритуал связал тебя с ним!

- Э? – непонимающе переспросил Корво. – То есть – да! Должно быть, так и есть.

Идеально. Работает!

- Потерпи немного, - произнесла Энде. – У меня есть план...

- Ох. Слава...

Внезапно раздавшееся ворчание заставило его замолчать. Голодный взгляд гуля был устремлен на Корво. Тварь оскалилась, обнажив клыки.

- Ох, - произнес Корво.

- Жрать! – с воплем гуль взвился в воздух.

- Энде! – Корво сцепился с чудовищем, пытаясь оттолкнуть его подальше от себя. – Помоги!

- Терпение, - Энде принялась рыться в мешке, в котором находилась книга Миркула. - Если я права, то он не сможет ранить тебя, не получив такое же ранение сам.

- Просто здорово, - ему следовало это предусмотреть. - Значит, всё в порядке!

Обеими руками обхватив голову гуля, Корво напряг все свои мышцы, чтобы тот не откусил ему нос. Гуль мазнул по его щеке языком, и на коже тифлинга осталась алая полоса — моя кровь, осознал Корво. Он понял, что притворная боль вот-вот превратится в реальную.

- Энде, что бы ты там ни задумала, можешь немного поторопиться, а?

- Ах! - вытащив черную книгу, она осторожно положила её на пол.

- О нет, только не снова — ай! - гуль лизнул его прямо в губы, и Корво спешно заткнулся.

Оставив книгу на месте, Энде опять открыла мешок.

- Магия, Энде, - заорал Корво. - Магия, а не...

Энде накинула бездонный мешок на голову гуля и потянула вниз. За считанные мгновения чудовище практически целиком скрылось в нём — снаружи остались торчать лишь дергающиеся ноги. Через некоторое время девушке удалось полностью запихнуть гуля внутрь мешка и крепко-накрепко затянуть горловину шнуром. Она бросила его возле тома Миркула.

- Зачем ты это сделала?

Энде озадаченно посмотрела на него.

- Если нанесенные ему повреждения отражаются на тебе, то мне требовалось обезвредить его, не нанося увечий. В воздухе он не нуждается, значит, всё будет в порядке.

Лежащий на полу мешок задергался, подобно полураздавленному насекомому. Оттуда раздалось тихое «ня». Затем мешок снова замер, словно в ожидании.

Взгляд Энде устремился на Корво, и он застыл, упиваясь её вниманием. Его дьявольский трюк сработал — теперь, когда она считает, что он связан с гулем, её взгляд прикован лишь к нему!

Если не считать ранение и трупную вонь, это вполне можно расценивать как победу.

- Возьмем гуля с собой, чтобы я смогла изучить его и найти способ снять проклятье, - произнесла Энде. - Но куда? - она закусилла накрашенные тёмной помадой губы. - Не ко мне точно — мама и папа никогда не поймут. А! - Энде победоносно улыбнулась. - Думаю, твоя комната вполне подойдет.

Ура! - выкрикнула в голове Корво тысяча сияющих рыцарей, вскидывая мечи к небесам.

- Пошли отсюда, - произнесла Энде. - Мне не терпится тебя всего исследовать — то есть проклятье, конечно.

- Проклятье? О. Разумеется, - схватившись за живот, он кивком указал на дергающийся мешок. - Но эм, эта тварь — и я, учитывая случившееся, - разве мы не проголодаемся?

- Вряд ли, - Энде пожала плечами. - Там у меня хранятся все запасы, включая части тел.

- Части? - осмелился спросить Корво.

- Руки, ноги, глазные яблоки, языки, уши... На первое время ему хватит, - она кивком указала на мешок. - А потом — посмотрим.

Лежащий на земле мешок снова задержался. Изнутри слышалось приглушенное фыркание, а затем ворчание, которое звучало пугающе удовлетворенно.

- Ах, - произнес Корво.

Ему виделось, что он стоит на вершине горы в окружении несметных орд демонов. Крылья, рога, руки и хвосты взметнулись в воздух, приветствуя его, и он отсалютовал своей армии черным железным скипетром, на клинках которого плясали маленькие молнии. Над его головой вспыхнул огненный ореол, и он расправил огромные десятиметровые крылья.

- Сегодня вы, испорченные и жалкие твари, - прогрехотал он голосом, исходящим из глотки существа намного более огромного и устрашающего, чем он сам, - сегодня мы нападём на замок того идиота — лорда Мурвокера, который в своем самодовольстве смеет взирать на нас сверху вниз. Вперед! Живых не оставлять!

Создания Бездны разразились торжествующими воплями. Покрытые чешуей барбазу, славя его, вскидывали вверх окровавленные когти, миниатюрные суккубы слали ему воздушные поцелуи, а огромные демоны ямы опустили на колени, склоняясь пред его волей. Корво издал громогласный крик, от которого содрогнулись горы, и скипетр запульсировал в такт биению его переполненного предвкушением сердца.

- Молю, о Демонический Лорд, постойте, - раздался неподалеку очаровательный голос.

- Кто посмел? - рявкнул он.

Перед ним предстала женщина. Её черные шелковые одеяния, прозрачные, изодранные и облегаяющие каждый изгиб тела, больше открывали, нежели прятали. Алые волосы развевались вокруг головы, подобно пламени. Она была ужасающе прекрасна — и находилась в полной его власти.

- Пощадите моего господина! - ведьма смерти Энде опустилась на колени возле могучих ног Корво. - Моя темная сила - ничто по сравнению с вашим могуществом. Я отдам всё, что хотите, только оставьте Пелнуса в живых!

Корво ухмыльнулся.

- В таком случае я хочу тебя, госпожа, - произнес он. - Ты — плата за моё милосердие! Согласна ли ты на это?

- Я... да, конечно, о Великий Господин, - Энде облизнула губы. Из рта её потянулась струйка дыма. - По правде говоря, у меня просто гора с плеч упала! Пелнус ведь такой слабый... и глупый. Да и в постели не очень.

- Какой сюрприз.

- Прошу, возьмите меня прямо сейчас, о владыка демонов, - её одежда вспыхнула и сгорела без следа, словно бумага. Она провела рукой по стройному, идеально сложенному телу. - Я больше не в силах выдерживать сжигающий меня огонь страсти!

- Конечно, - произнес он, отбрасывая за спину густую гриву волос, чтобы продемонстрировать великолепные рога.

Она крепко прижалась к нему, нашептывая на ухо обещания невероятных наслаждений.

Внезапно он осознал, что грызет что-то — судя по всему, кость. Опустив взгляд, он обнаружил, что сжимает во рту руку Энде. На вкус её плоть была великолепна.

- Мой лорд! - воскликнула она.

Корво очнулся от кошмара. По лбу его ручьями стекал пот, сердце бешено колотилось, а во рту до сих пор ощущался болезненно-сладкий привкус.

Та, что лежала рядом с ним, пошевелилась, её рука скользнула по его груди.

- Ох, - произнес он. — Прости, что разбудил тебя, Энде. Это всего лишь кошмар.

Наклонившись к его животу, она издала мурлыкающий звук, в котором в равных долях сплетались удовольствие и голод. Его тело пронзила резкая боль.

- Энде?

Она подняла голову. Губы её были измазаны в крови, во взгляде алых глаз читалась жажда.

- Жрать! - возопил гуль.

Корво вынырнул из второго кошмара.

Он сидел в своей погруженной во тьму комнате, прислонившись к стене. Белая рубашка прилипла к темно-алой и мокрой от пота коже, с губ срывалось тяжелое прерывистое дыхание. Застоявшийся и жаркий воздух был пропитан запахом тлена. Что-то здесь умерло и начало разлагаться — Корво отчаянно надеялся, что это не он.

Внезапно он осознал, что не один — сбоку находилось что-то тяжелое.

Содрогнувшись, он медленно повернулся.

Рядом с ним была Энде. Полностью одетая, она лежала возле стены, положив голову на руку Корво. Книга в алом кожаном переплете покоилась у нее на коленях, а на полу неподалеку виднелась стопка других фолиантов — Воскрешение Кандигара, Рассказы Мильтиада, Руководство по Ожившим Мертвецам. На краю кровати Корво заметил том Миркула. «Спит мертвым сном», - подумал он. Лишь легкое колебание её прекрасной груди свидетельствовало о том, что она дышит.

Корво поднял руку, чтобы в этом удостовериться — просто на всякий случай — но вовремя одумался.

Как же хорошо, что она не собирается оборачиваться нежностью и его пожирать! От близости к ней его начала бить легкая дрожь. Не обращая внимания на то, что рука полностью затекла, он постарался сосредоточиться на ощущении тяжести ее головы. Было непросто забыть о неповторимом вкусе плоти Энде, навеянном сном.

«Итак?» - спросил его внутренний дьявол. - «Она здесь. Начинай».

«Что? Нет!»

«Она ведь хочет тебя», - промурлыкал голос. - «Разве не так?»

Сердце Корво забилось быстрее, и он всерьез задумался над этими словами.

К сожалению, когда он уже почти решился пробудить Энде ото сна божественным (или дьявольским) поцелуем, из лежащего посередине комнаты мешка послышались чмокающие звуки. Энде вздрогнула. Она подняла на Корво смущенный взгляд, и он осознал, что сейчас перед ним наконец предстала возможность изменить судьбу и открыть ей свои чувства — стоит только найти верные слова.

- Приветик, - произнес он.

- Я что, заснула? - сев, Энде прижала ладонь ко лбу. - Ох, похоже на то...

Она неловко улыбнулась Корво, и он подумал, что Тимора, похоже, улыбнулась ему и дала второй шанс. Но внезапно мешок вновь разразился чавканьем и перевернулся. Взгляд серых глаз Энде устремился к нему.

- Ох, - произнесла она. - Надо что-то с этим делать.

Да что ж так не везет-то!

«Упустил возможность». Дьявол внутри него ухмыльнулся.

Отодвинувшись, она встала и потянулась. Корво приложил все усилия, чтобы изгнать из воображения образ Энде-повелительницы тьмы — что было весьма проблематично, учитывая вид ее великолепной задницы. Если бы только она оказалась без одежды...

С трудом он перевел взгляд на книгу, которую Энде, вставая, сбросила на пол. Его рот распахнулся.

- Мои друзья-нежить, - прочел он. - Написано Сзассом Тэмом. Что, тем самым?

- Вряд ли, - Энде закатила глаза. - Слишком много сентиментальщины. Мертвым на такое обычно плевать.

Она развязала лежащий на полу мешок. Оттуда появилась рука, затем вторая, потом голова. Наконец гуль полностью выбрался наружу и, отползая в сторону, принялся с ошарашенным видом осматриваться. Одежды на нем почти не осталось, а тело с ног до головы было измазано в крови — алой, голубой и зеленой.

Гуль перевел взгляд с Корво на Энде. Не сводя с нее глаз, он оскалился, обнажив клыки, и внезапно бросился на тифлинга.

Корво глубоко вдохнул, чтобы заорать, но выпущенный Энде разряд силы отшвырнул гуля в сторону. С разочарованным возгласом он врезался в стену.

- Корво? - Энде выжидающе уставилась на тифлинга. В ее взгляде проскользнуло сомнение. - Ты как?

- Ох, - вспомнив, Корво тут же свернулся клубком, всем своим видом демонстрируя, насколько ему больно. - Ооо...

Вскрикнув, Энде бросилась к кровати и, опустившись на колени, ласково погладила его по плечу.

- Прости, прости... Совсем забыла. Ты как, в порядке?

- Не волнуйся. Я и сам про это забыл, - он использовал весь свой актерский талант, чтобы притвориться раненым. Учитывая, сколько раз ему доводилось испытывать нечто подобное в реальной жизни, это было совсем несложно. - Оказывается, наша связь никуда не делась, да?

Энде перевела взгляд на гуля, который, вжавшись в стену, издавал ядовитое шипение.

- Хмм, - протянула она. - Кажется, есть определенная задержка. Ты чувствуешь его боль не сразу, а лишь спустя пару мгновений.

- Ага, - Корво постарался хорошенько это запомнить. Его голова уже разболелась от обилия информации, которую приходилось держать в уме.

- Я провела за чтением всю ночь, пытаюсь отыскать упоминания об аналогичных случаях, - Энде пожала плечами. - Но меня постигла неудача. В книгах нет никаких сведений о существовании связи между живыми и нежитью.

- Да уж, проблемка, - произнес Корво. В данном случае отсутствие информации играло ему только на руку. Это было залогом того, что она не утратит интереса.

Энде поджала губы.

- Конечно, если бы лорд Дольт был вампиром... о, это бы всё меняло, - в её глазах зажегся голодный огонек, и Корво пришлось помахать рукой перед её лицом, чтобы вернуть в реальный мир. Она посмотрела на него, и её щеки вспыхнули.

- Кхм. Ну, что-то делать всё равно надо.

Взгляд гуля устремился на крысу, которая неосмотрительно вылезла из своего убежища. Принюхиваясь, она подошла ближе, но гуль не шевелился — он сидел неподвижно, словно сама смерть. В тот миг, когда грызун, казалось, был готов развернуться и броситься наутек, чудовище резко выбросило вперед ногу и схватило беднягу когтистыми пальцами. Высунув язык, гуль взял полумертвую крысу в руки, но остановился и вопросительно посмотрел на Энде.

- Фех? - спросил он.

- Угх, - произнесла она. - Угх. Продолжай.

Просияв, гуль запихнул еще живую тушку в рот. Раздался влажный хруст.

- Восхитительно, - пробормотала Энде.

- Кажется, - Корво схватился за живот, - меня вот-вот стошнит.

Внезапно дверь сотряс могучий удар.

- Корво! - раздался снаружи низкий женский голос. - Корво, ты там?

Боги, сожгите мои глаза! Мать.

- Нет! - он вздрогнул. - погоди минутку!

С облегчением он увидел, что Энде не сидит без дела — взяв в руки мешок, она подбиралась к гулю, который пятился от нее вдоль стены.

- Быстро в мешок! - приказала Энде.

Гуль показал мешку язык.

- В мешок! - рявкнула она.

- Корво, я сейчас новым ключом воспользуюсь! - послышался скрежет металла о металл.

- Мам, погоди! - воскликнул Корво. - Уже иду!

Пошарив рукой в мешке, Энде достала оттуда череп с выжженным на лбу символом. Корво узнал его — точно такой же был на обложке книги Миркула.

- Энде, не думаю, что...

Не обращая на его слова внимания, Энде взмахнула пугающим черепом. В пустых глазницах вспыхнули зеленые огни.

Зашипев на неё, гуль взвился в воздух и стремительно запрыгнул внутрь бездонного мешка. Не удержавшись на ногах, Энде упала прямо в объятия Корво, и они оба завалились на кровать.

Дверь распахнулась. На пороге появилась мать Корво, госпожа Корбин, могучая и коренастая женщина. При виде представшего перед ней зрелища её глаза расширились.

- Ох, - произнес Корво, не выпуская Энде из объятий. - Мама.

- Сын, - скрестив руки, она приподняла одну бровь. - Добрый день, Энде.

- Добрый день, госпожа Корбин, - девушка невозмутимо откинула со лба волосы. Корво заметил, что руку с мешком она спрятала за спиной. - Приятного вам утречка.

- И тебе, - госпожа Корбин с подозрением воззрилась на сына.

Много лет назад, находясь в изрядном подпитии, госпожа Корбин разделила постель с наемником-тифлингом, который впоследствии назвал наследника в честь своего любимого оружия, алебарды необычной формы. Именно так он и получил это имя — Корво, сын Корбина.

- Мам, тут... - промямлил он, придя в ужас от мысли, что она захочет узнать, что же прячет Энде. - Это не то, чем кажется!

- Как тебе не стыдно, парень! - уперев руки в бока, госпожа Корбин расплылась в усмешке и добавила. - По правде говоря, самое время. Я рада, что вы двое наконец приступили к делу.

- Думаешь, это она о нашей драке с гулем? - прошептала Энде.

- Эмм, - к лицу Корво прилила кровь.

- Что ж, хороший выбор. По сравнению с другими твоими подружками, по крайней мере.

- Ох. О нет. Ты всё не так поняла... - Корво замялся.

- Однако, Энде, разве ты не обручена с благородным Пелнусом Мурвокером? - спросила госпожа Корбин. - Корво мне все уши прожужжал об этом. Ох, - коснувшись пальцем носа, она подмигнула.

- Мама! - лицо Корво вспыхнуло еще жарче, и он подумал, что его голова вот-вот взорвется или дым от рогов пойдет.

- В свое время твой папаша укладывал женщин штабелями, - добавила она. - Думаю, мне не иначе как сама Госпожа Удача улыбнулась.

- Твой отец убивал женщин? - шепотом спросила Энде у Корво. - Как же твоей матери удалось спастись? Она его в поединке одолела?

- Эм, - выдавил он.

- Ну, как только закончите здесь, немедленно отправляйтесь вниз, они хотят с вами поговорить.

Энде и Корво снова обменялись взглядами.

- Кто? - спросил Корво. - Кто — они?

- Встревоженные граждане Силверена, разумеется. Они снаружи, - пояснила госпожа Корбин. - А также твои родители, Энде. Кажется, у твоей матери было видение или что-то в этом роде...

- Только не снова! - тихо простонала Энде. Поймав озадаченный взгляд госпожи Корбин, она поправилась. - То есть... что же она увидела?

- Говорит, что нечто ужасное - гуля или кого-то подобного, - она огляделась вокруг.

- У твоей матери что, бывают видения? - шепотом спросил Корво.

Энде сильно побледнела.

- Моя мать — паладин Амаунатора. Порой ей овладевает пророческий дар, - прошептала она. - Контролировать его она не может, но в прошлом ее видения довольно часто оказывались истинными.

Корво вздохнул.

- Иными словами, нам крышка.

Энде пожала плечами.

- Не волнуйся. Я могу это исправить.

Корво снова выругался.

- Именно так ты и заявила в прошлый раз, а потом завертелось — стоны, укусы и... - он бросил взгляд на мать, чьи брови взлетели чуть ли не до макушки. Перейдя на шепот, он закончил, - И смерть.

- Посмертие, - поправила она его.

Внезапно мешок принялся неистово дергаться, и Энде, которая для пущей сохранности уселась на него сверху, громко ахнула, словно Корво неожиданно её уцепил.

В течение нескольких долгих мгновений госпожа Корбин с любопытством их разглядывала - всё это время ни Корво, ни Энде не осмеливались сделать ни вдоха, - а затем указала на кровавое пятно на полу, которое осталось от погибшей крысы.

- Это тоже уберите. А после того, как встретитесь с нашими гостями, я накормлю вас завтраком.

С этими словами она подмигнула Энде и начала спускаться вниз.

Энде встала и сделала было шаг к двери, но Корво схватил её за руку, удерживая на месте. Она уставилась на него с озадаченным видом.

- Я пойду с тобой.

Энде кивнула. Взгляд её был тверд и решителен.

Взявшись за руки, они сошли вниз по лестнице, напроць позабыв об оставшемся в комнате магическом мешке.

Через некоторое время тот испытующе задержался. Узел, стягивающий горловину, слегка ослаб, и из мешка появился палец.

- Ня?

Корво и Энде вышли навстречу стоящей у дома толпе. К крайнему ужасу тифлинга, многие из собравшихся прихватили с собой факелы и разнообразные

орудия труда. День выдался ясным, так что факелы предназначались явно не для освещения. Кроме встревоженных соседей, тут присутствовало около полудюжины рыцарей в сияющих, украшенных серебром стальных доспехах. Их злобные взгляды чуть не прожгли Корво насквозь.

Впереди стояли леди Амалия Венкир и Ириевалор Райгис — мать и отец Энде. При виде того, как её дочь выходит из дома Корво, рыжеволосая Амалия, казалось, лишилась дара речи, в то время как Ириевалор лишь печально покачал головой.

И, что хуже всего, а задних рядах толпы Корво заметил Пелнуса Мурвокера. Тот выглядел возмужавшим и куда более потрепанным, чем тогда, когда Корво видел его в последний раз, а также обзавелся куцей бородкой. С отпавшей челюстью юный рыцарь глядел на то, как его нареченная шествует рука об руку с другим.

«Богиня удачи, смилуйся над нами!» - взмолился Корво.

- Я могу это исправить, - Энде сделала шаг вперед. - Здравствуйте!

Некоторое время они взирали друг на друга в полной тишине — горожане с оружием и факелами и девушка с крашеной шевелюрой и радикально-черной помадой. Энде бестрепетно смотрела вперед, ветер играл с прядями её волос. Как же великолепно она выглядела в этот миг — и как пугающе!

Корво задался вопросом, так ли обычно чувствуют себя те, кого собираются линчевать.

- Мы пришли за гулем! - выкрикнул из толпы кто-то, и многие поддержали его согласными возгласами.

Тишина разбилась, и чары, навеянные обликом Энде, исчезли без следа, растворившись в гуле голосов. Корво ощутил, как холодные пальцы смерти скользят по его спине, и услышал смешок Бешабы.

- Что ты можешь сказать в свое оправдание, юная леди? - спросила Амалия. - У меня было видение — тебя атаковал отвратительный гуль. Что все это значит?

Окинув взглядом собравшихся, Энде вскинула подбородок.

- Корво... то есть он и я... эээ...

Он практически воочию видел, как лихорадочно работают её мозги, пытаясь подыскать подходящее объяснение.

- Мы знаем, что вы задумали! - выкрикнул какой-то горожанин. - Даже не пытайтесь скрыть свои мерзкие делишки!

Напряженно замерев, леди Амалия развернулась кругом, и толпа замолкла.

- Итак, дочь? - спросила она, с трепетом ожидая ответа. - Что ты делала в подобном месте? Скажи правду, Ариадна. Мы не станем сердиться.

Энде опустила взгляд на свои руки. Щеки её окрасил яркий румянец.

Стиснув кулаки, Корво взмолился Тиморе, чтобы та помогла его подруге найти верные слова. Такие, которые помогут ему избежать гибели от рук разъяренных сограждан.

Внезапно Энде выпрямилась, расправив плечи. В этот миг никто из жителей Королевств не смог бы усомниться в том, что она воистину является дочерью своей матери.

- Хорошо, - произнесла она. - Здесь и сейчас я расскажу вам всю правду, - она сделала паузу, ожидая, пока к ней не окажется приковано все внимание. - Корво и я... занимались любовью.

В толпе слышались охи, а глаза Амалии вылезли из орбит.

- Что?..

- Да, - сказала Энде. - Это так. Мы с Корво любовники — и следующим летом мы собираемся пожениться!

Горожане обменялись растерянными взглядами. Не такого ответа они ожидали.

- Но, - раздался чей-то голос. - Но что за раны у тебя на руке — это от зубов?

Перешептывания возобновились.

У Корво перехватило дыхание.

- Нет... дело в том, что мы слегка увлеклись, - Энде одернула оторванный рукав, скрывая место укуса гуля. - Но мы всего лишь занимались любовью — не некромантией или чем-то столь же непотребным. Честно.

Во взглядах собравшихся по-прежнему читалось сомнение.

- Ох, и, возможно, я жду от него ребенка, - добавила Энде.

В этот миг Корво пожалел о том, что он, в отличие от гуля, испытывает потребность дышать. Кровь столь стремительно прихлынула к его голове, что перед глазами поплыли белые пятна.

Еще раз переглянувшись, горожане пожали плечами, и на их лицах появились улыбки. Они двинулись вперед — но, вопреки его опасениям, лишь для того, чтобы их поздравить.

- Самое время, парень, - произнес один из мужчин, а второй добавил. - Прямое попадание!

Еще один пробормотал:

- Летом, да? Давайте не будем спешить...

Амалия по-прежнему пребывала в ступоре, но Ириевалор хихикнул. Судя по всему, он не был удивлен.

Мужчины принялись хлопать Корво по спине, а женщины со смехом и расспросами обступили Энде. По правде говоря, ни один из них не был привычен к столь пристальному вниманию толпы, и он подумал, что Энде, судя по её ошарашенному виду, чувствует то же, что и он. Кое-как протиснувшись сквозь ряды сограждан, он протянул ей ладонь. Она взяла его за руку — о, какими же теплыми были её пальцы — и крепко её сжала.

Он перевел взгляд на Пелнуса, который выглядел так, словно только что в его любимого пони на полном ходу врезалась повозка с дерьмом, обдав их обоих своим содержимым. Внезапно до Корво дошло, что всё это время Энде его не замечала.

О нет.

Бросив долгий прощальный взгляд на Энде, Пелнус развернулся и направился прочь. Казалось, что за один миг он разом постарел на несколько лет. В глубине души Корво ощутил укол сострадания, и тут Энде повернулась и увидела спину своего уходящего возлюбленного. Кровь отхлынула от её лица, взгляд стал потерянным.

Корво знал, что ему следует сказать, хотя делать это ему крайне не хотелось.

- Все в порядке, Энде, - произнес он. - Все в порядке. Мы скажем ему правду. Нам-то он поверит.

Энде устремила на него долгий взгляд. На глазах у неё блеснули слезы. Неожиданно она заключила его в объятия и поцеловала в щеку.

- Спасибо тебе, - прошептала она.

Толпа пришла в восторг. Горожане разразились радостными выкриками, пребывая в полном неведении относительно истинных причин её внезапного порыва...

..И ужасающей злобной твари, что взидала на них сверху, истекая слюной.

Хотя Корво и старался думать лишь о тепле тела Энде, прижатого к его груди, холодные мурашки поползли по его шее. Он поднял взгляд к своему окну. Сэр Дольн восседал на черепичной крыше, с его удлинившихся клыков падали капли зеленоватой слюны.

- Боги, - пробормотал Корво и замер.

- Что? - прошептала Энде, крепче прижимаясь к нему. Проследив за его глазами, она заметила гуля, который оскалится, словно бросая им вызов, и стремительными скачками побежал на север.

С нежностями было покончено. В глазах Энде Корво увидел ту же смертоносную решимость, что и в склепе.

- Нам пора идти, - произнесла она.

- Верно, - он в последний раз крепко стиснул ее в объятьях — лишь для вида, разумеется, — и отпустил. Энде повернулась к толпе и вскинула руки.

- Внимание всем! - крикнула она. - Ваши поздравления слышать очень приятно, однако мне с моим нареченным пора, ну... вы просто... извините нас!

Она принялась протискиваться сквозь толпу улыбающихся горожан, которые были абсолютно уверены в том, что знают истинную причину их поспешного ухода.

Корво с Энде пустились бежать за скачущим по крышам гулем, изо всех сил стараясь не упускать его из виду. Тем не менее, в какой-то момент твари удалось скрыться. Они остановились посреди улицы, стараясь отдышаться и обшаривая взглядом окрестности.

Энде побледнела. Корво заметил, что она с такой силой сжимает кулаки, что черные ногти чуть ли не до крови впиваются в плоть.

Сейчас или никогда, подумал он.

- Энде, - произнес он. - Я должен кое-что тебе сказать.

- А подождать это не может? Нужно убедиться, что гулю ничего не угрожает, я ведь еще не сняла проклятье. Если он окажется ранен или что похуже...

- Ну...

Он уже открыл рот, чтобы рассказать ей правду, но его прервал раздавшийся с соседней улицы вопль. Энде сорвалась с места первой, и Корво незамедлительно последовал за ней.

В полудюжине шагов поодаль они увидели гуля, который, нависнув над кем-то, полосовал его ударами когтей. Оказалось, жертвой его стал Пелнус. Молодой рыцарь отчаянно отбивался, руки гуля скребли по пластинам его брони.

Корво сжал ладонь Энде.

- Бей изо всех сил! - воскликнул он. - За меня не беспокойся!

Резко кивнув, Энде выпалила слова заклинания. С её пальцев сорвался поток черного пламени, ударив гуля в спину. Отброшенная в сторону, тварь с шипением врезалась в стену.

Оказавшись на свободе, Пелнус закашлялся и содрогнулся. Корво понял, что молодого рыцаря парализовало из-за прикосновения нежити. Бросившись к возлюбленному, Энде упала на колени и принялась его ласково гладить, уверяя, что все в порядке.

Раздавшееся шипение заставило Корво вновь обратить внимание на гуля. Тифлинг опустил руку, пытаясь нащупать меч. Оказалось, что из дома он выбежал в одном нижнем белье.

- Не волнуйся, - воскликнула Энде, не вставая с места. — Он не сможет причинить тебе вреда, не пострадав сам!

- Вообще-то, - произнес Корво, - мне следует... ахх!

Гуль взвился в воздух. Корво едва успел выставить перед собой ладонь, защищая лицо. Могучие челюсти сомкнулись на его предплечье и он упал, охваченный болью. В рану попала парализующая слюна твари и рука, обмякнув, повисла плетью. В глазах Корво потемнело, и он почувствовал, что вот-вот провалится в обморок...

- Нет! - прошипел он. - Нет!

Из раны на руке хлестала кровь. Задыхаясь от ужаса, он изо всех сил ударил гуля кулаком в висок. Издав возмущенное мяуканье, тварь отлетела в сторону. Воспользовавшись шансом, Корво перевернулся на бок и попытался нащупать поблизости хоть что-то...

Меч Пелнуса. Вытащив оружие из ножен, висящих на поясе рыцаря, Энде швырнула его по земле в сторону Корво.

Сжимая рукоять, Корво сел. На его губах играла победоносная улыбка, кровь кипела. Однако гуль не терял времени зря. Он почти успел добежать до Энде, которая, по-прежнему оставаясь на месте, не оставляла напрасных попыток пробудить своего возлюбленного.

- Нет! - выкрикнул Корво. Держа меч наизготовку, он вскочил на ноги. Яд гуля продолжал действовать, и время, казалось, текло намного медленней, чем обычно. - Берегись!

Повернув голову, Энде застыла, лишившись дара речи. Гуль бросился на неё.

Его желтые когти впились в её гладкие щеки. Лицо девушки залила кровь, мешая видеть, но она не дрогнула. Шипящая морда твари оказалась на расстоянии считанных дюймов от её головы.

Внезапно гуль разразился сухим кашлем, изрыгнув порцию крови. Он выпрямился и застыл, с губ его сорвался слабый печальный стон. Дергаясь, словно застревший хряк, он наклонился вперед и обмяк.

Спустя мгновение он завалился набок и упал. Из его спины торчало лезвие меча, а позади стоял Корво. Он посмотрел на Энде, улыбнулся, и ноги его подкосились. Мир завертелся вокруг него, и он услышал смешок.

Смешок Бешабы.

Улица исчезла.

Пелнус смотрел, как их спаситель падает на колени. Глаза Корво закатились, и он растянулся на земле, потеряв сознание еще до того, как его тело успело коснуться мостовой.

- Нет! - обхватив голову Корво ладонями, Энде принялась покрывать его лицо поцелуями. - Корво! Корво!

Поднявшись на ноги, Пелнус подошел к ним и покачал головой.

- Должен сказать, - спустя несколько мгновений произнес он, - что с ним все будет в порядке.

В смятении Энде замерла. Слезы катились по её лицу.

- Что?

- Это же просто царапины, - Пелнус указал на раны на руке Корво. - Только с виду кажутся опасными. Крови он потерял много, но ничего страшного.

- Ох, - произнесла Энде. - О нет! Ты не понимаешь. Его душа привязана к этому гулю! Ритуал, что мы провели, он связал их жизненные силы. И теперь, когда гуль уничтожен, он... он...

- Будет в порядке, - произнес Пелнус.

Кто-то сжал ее руку.

- К несчастью, - пробормотал Корво.

Потеряв дар речи, Энде уставилась на тифлинга, не в силах поверить в то, что он каким-то чудом остался жив.

Мир вернулся.

Корво лежал в канаве, весь покрытый человеческой и гулевой кровью. Он вздохнул. Энде крепко сжимала его в объятьях, а на щеках он ощущал влагу её слез. В этот миг он бы с радостью расстался с жизнью, если бы Госпожа Удача даровала ему такую милость — что угодно, лишь бы избежать того, что непременно последует далее.

Однако на такой исход едва ли стоило надеяться. Пелнус не ошибался насчет серьезности его ранений. Причиной обморока оказалась лишь потеря крови да продолжающееся действие яда гуля — но, к его великому сожалению, вовсе не проклятье.

Увы, с ним все будет в порядке.

- К несчастью, - снова пробормотал он.

Сев, Корво взял Энде за руку. Ох боги, неловко-то как.

- Я не понимаю, - произнесла Энде. - Ты — что?

Ну... - Корво огляделся. - Для начала... Пелнус, придется ли нам сражаться на дуэли или что-то в таком роде? Ну, знаешь, из-за всех этих любовных разногласий?..

- Нет, нет, конечно, - Пелнус покачал головой. - Я сразу понял, что вы что-то задумали, поэтому-то и подыграл, - он усмехнулся. - Симпровизировал.

- Но как же ты догадался, что это не взавправду? - спросила Энде.

Пелнус указал на Корво.

- Он там был.

- Ага, - Корво закатил глаза. - Тифлинг. Верно, - он обвел взглядом улицу. - Эм...

- Я просто... ага, понял, - отойдя в сторону, Пелнус прислонился к стене и отвернулся.

Энде сверлила Корво сердитым взглядом. Неловко поднявшись на ноги, он помог ей встать, а затем принялся рассматривать свою грязную окровавленную рубашку.

- Интересно, удастся ли маме её отстирать...

- Ты, - произнесла Энде. - Ты жив.

- Ага.

- Значит, ты не был связан с гулем.

Он развел руками.

- Зачем было это выдумывать? - требовательно спросила Энде. - Я же до смерти из-за тебя перепугалась!

«Не делай этого», - предупредил голос его отца. - «Правда может оказаться слишком жестокой».

- Я, - Корво опустил голову. - Я соврал тебе. Прости.

«Идиот».

- Принято, - Энде скрестила руки. - Но меня куда больше интересует, почему ты это сделал. Почему ты хотел, чтобы я считала, что между тобой и гулем существует связь — ведь только из-за неё мне пришлось забрать его с собой и потратить столько времени на попытки решить проблему, которой и вовсе не существует?

- Ну, - Корво посмотрел на Пелнуса. На губах рыцаря играла кривая усмешка. Без сомнения, уж он-то прекрасно понимал причины поступка Корво, но, судя по его взгляду, ни капли его за это не осуждал. Ну что за самодовольный ублюдок. - Мы можем поговорить наедине?

Энде взмахнула рукой.

- Пел, не мог бы ты?..

Пелнус вскинул брови.

- Разумеется, душа моя. Мне... - он почесал бородку. - Мне тоже нужно кое-что тебе сказать, но это подождет.

Он коснулся плеча Энде, посмотрел на Корво, словно говоря: «Да улыбнется тебе Тимора», - и ушел.

Некоторое время Энде и Корво стояли, в молчании глядя друг на друга. Труп гуля валялся всего в нескольких шагах поодаль. Когда тварь окончательно упокоилась, её тело начало стремительно разлагаться, и сейчас от чудовища остались лишь голые кости, лежащие посреди лужи гнили.

- Кажется, Пелнус не слишком-то переживает из-за того, что его брат превратился в гуля и мне пришлось его убить, - произнес Корво.

- Не думаю, что он его узнал, - ответила Энде.

- Ох, - Корво хлопнул ладонью по лбу. - Ох боги...

Значит, предстоит еще один нелегкий разговор.

Воцарилась тишина. Корво не осмеливался сделать ни вдоха.

- Корво? - протянула Энде мягким голосом.

«Ты знаешь, что последует дальше», - произнес голос отца. - «Знаешь».

- Да?

- Давай будем друг с другом откровенны, - сказала Энде, смотря ему прямо в глаза.

- Да, - Корво расправил плечи, готовясь услышать то, что она собирается сказать. Больше он ничего скрывать не станет.

- Ты соврал мне о проклятии, - произнесла она.

- Верно.

- И я своими глазами видела, насколько искусно ты управляешься с мечом.

- Да. Постой — ты это к чему?

- Хватит юлить, Корво! - предупредила Энде. - Я прекрасно понимаю, что происходит.

«Разумеется, понимает», - подтвердил отец.

- Разумеется, понимаешь, - пробормотал Корво. - Разве может быть иначе?

- Так что давай оставим эти игры, - Энде схватила его за руку, вынуждая не отводить взгляд, и придвинулась ближе. Он ощутил на губах тепло её дыхания. - Скажи мне правду.

- Да, - прошептал он. - Все, что пожелаешь, Энде.

- Там, в склепе, - произнесла она. - Если бы ты хотел убить гуля, ты бы его убил. Но вместо этого ты сделал все, чтобы он не пострадал. Ты заметил, что мне он нравится.

«Она обошла тебя, мой мальчик. По всем фронтам».

- Ага, - произнес он. Затем более уверенно повторил, - Да.

- Итак, - уголки губ Энде поползли вверх. - Что ты на это скажешь?

Корво открыл рот, чтобы заговорить. Слова уже были готовы сорваться с его языка.

- Я...

Энде ликующе улыбнулась.

- Я знала, что ты тоже их любишь!

- Люблю, - Корво запнулся. - Э? Их?

- Нежить, разумеется, - Энде заключила его в крепкие объятия. - Ох! Ну почему ты мне раньше не сказал! Мы уже много лет могли бы ловить и изучать оживших мертвецов, - она отстранилась, глядя на него сияющими глазами. - Через десять дней я планирую снова наведаться в склепы — обещай, что тоже пойдешь!

- Эм... Пойду?

- Я знала, что в тебе есть что-то оркусовское, - Энде поцеловала его в щеку. - Ты просто замечательный друг! - с этими словами она бросилась вслед за Пелнусом.

Корво, который уже поднял палец и открыл рот для возражений, потерял дар речи. В одиночестве он остался стоять посреди улицы, пребывая в полной и абсолютной растерянности.

Сидящий в его голове демон хихикнул.

ИРУЛАДУН Р.Э. Сальваторе

Где-то в Долине Ледяного Ветра.

Весна, годы затихающей активности Магической Чумы.

– Не успеем! – испуганно закричал стоявший на носу Латан Обридок.

Он обернулся и оглядел экипаж, лицо было мокрым от брызг. «Погост Ларсон» рассекал крутые волны Лэк Диннешера. Зубы молодого юнги дрожали одновременно от страха и от зверского холода, исходящего от озера. В Долине Ледяного Ветра водоёмы большую часть года были покрыты толстым льдом.

– Латан, расслабься. Я бы не отправился с Эшлией Ларсон, если бы думал, что она заведёт меня в водную могилу, – успокоил его Аддадэрбер Молниеносный, весьма яркая и колоритная фигура Каэр-Диневалия, портового городка на западном берегу озера, откуда отправилось судно. Озеро являлось одним из трёх огромных водоёмов этого края, расположенных вокруг одинокой горы, известной как Пирамида Кельвина.

С этими словами Аддадэрбер принялся размахивать руками, однако эффект оказался куда меньше обычного. И неудивительно, ведь ему пришлось променять робы красного волшебника на более практичную для мореплавания одежду. В конце концов, ничто так быстро не утягивает на дно, как намокшая шерстяная мантия. Зато с чёрной шляпой Аддадэрбер расставаться не пожелал. Некогда высокая, прямой конической формы с твёрдыми полями, шляпа ныне представляла собой жалкое подобие головного убора: поля с обеих сторон обвисли, а конус перегибался на середине, из-за чего конец смотрел в левое плечо волшебника. Казалось, шляпа отражала не столько суть своего хозяина, человека преклонных лет с седыми волосами, густой бородой, и скрюченной осанкой, сколько его магию, сопровождающуюся частыми осечками и неудачами, вызванными разрывом Плетения Мистры, катастрофой, известной на просторах Забытых королевств как Магическая Чума.

– Могила по тебе давно плачет, и мне тебя ничуть не жаль, – огрызнулся Спрэган Рубрик, самый молодой член команды «Погоста». Ему было шестнадцать, и он был почти на два года младше Латана. С его кудрявых каштановых волос стекала вода, тёмно-карие глаза блестели от попадавших в них капель. Он первым обнаружил пробоину, заметив, как в трюм набирается тёмная вода озера, протягивающего свои ледяные объятия к выбранной жертве.

– Я бы на твоём месте выбирала выражения, разговаривая с Аддадэрбером, – крикнула стоявшая у румпеля Ашлия, сверкнув серыми глазами. В её голосе

чувствовалось куда меньше страха, чем у молодых рыбаков. Ашелия была статной женщиной средних лет с широкими плечами, на которые спадали светлые прямые волосы, зачёсанные на пробор. Несмотря на принадлежность к слабому полу, выглядела женщина весьма крепкой. Её светлая и гладкая кожа напоминала фарфор, что сильно отличало её от бывалых рыбаков. Лишь присмотревшись поближе, можно было заметить намёк на загар, проступивший вскоре после окончания суровой зимы.

– Он надеется, что старый колдун превратит его во что-нибудь водоплавающее, – с усмешкой произнёс пятый из-под низко надвинутого капюшона зелёного плаща.

– Лучше в жабу, – отозвался волшебник. – Они-то умеют плавать. Но далеко ли – это другой вопрос, зависящий от размера костяной форели, которую мы два дня ловили. Попадись рыбёшка килограмм в пять, тогда держу пари, жалкое земноводное и десяти гребков не успеет сделать. Как думаешь, Обход?

Человек в плаще издал тихий смешок, потешаясь одновременно над остротой мага и над своим прозвищем. В Десяти Городах его прозвали Обходным, и это имя ему приходилось очень кстати. «Обходной, Обходной, обходи нас стороной», часто говорили люди о следопыте, настоящее имя которого почти никто не знал и которое он, похоже, открывать не собирался. Он был среднего роста, мускулист, хоть и строен, с прямыми чёрными волосами и колючим разноглазым – один карий, другой голубой – взглядом. Ходили слухи, что глаза выдавали в нём признак смешанной крови. Уши следопыта были длинными и проглядывали сквозь волосы, и он даже не пытался скрыть тот факт, что в его венах течёт эльфийская кровь.

Спрэган повернулся к Латану с озадаченным выражением на лице, но тот лишь покачал головой и смахнул со лба светлые локоны.

Аддадэрбер начал нащёптывать магическую формулу. Оба молодых рыбака повернулись к нему с тревожным взглядом, и, заметив это, маг невольно приподнял уголки губ в ехидной ухмылке.

– Ну, хватит, – обратилась к нему Ашелия. – Парни и так напуганы, – она сверкнула в сторону дерзкой парочки суровым взглядом. – Тоже мне, моряки. Да откуда им знать, что такая маленькая пробоина не потопит «Погост»?! Нет уж! Моя сестра доверила мне Латана. В нём кровь настоящего моряка, говорит. Да глянь на его лицо! Сомневаюсь, что в нём вообще есть кровь.

– Мы никогда так далеко не... – начал Спрэган, но Ашелия его перебила.

– Хватит скулить! – рыкнула она. – Четыре поколения Рубриков ходили по водам Диннешера. Твой дед, тётка и двое дядьёв нашли в нём вечный покой. А тебя я взяла с собой, чтобы ты маленько поучился, мамаша твоя так хотела. Думаешь, она доверила бы мне тебя, не знай я эти воды? Думаешь, я взяла бы тебя вместе с остальными, если бы не была уверена, что ты готов? Так что не заставляй меня думать, что я в тебе ошиблась. Латан, останься на носу и приготовь швартовый, когда подойдём к восточному берегу. А ты, Спрэган, бери ведро и ныряй в трюм.

– Но там столько...

– И не заставляй меня повторять дважды, иначе я быстро избавлю судно от семидесяти килограмм балласта.

Бросив прощальный взгляд на Латана, молодой рыбак скрылся под палубой.

Было слышно, как он споткнулся о кормовую лестницу и с плеском шлёпнулся в заполненный водой трюм. Затем у гакаборта резко открылся люк, откуда с брызгами вынырнул Спрэган с полным ведром в руке, и выплеснул воду за борт.

– Может, я помогу парню? – спросил Обходной.

Ашелия отмахнулась.

– Мы уже попали в восточное течение, да и берег близко. Ты и так мне щедро заплатил за то, чтобы я доставила тебя на восточный берег. Не хватало ещё заставлять тебя спину гнуть. А вот старого колдуна...

– ...Ты взяла для того, чтобы он нашёл тебе рыбу, а не черпал воду, – откликнулся Аддадэрбер. – Я не пожалею монетки, чтобы мельком взглянуть на твою красоту, но даже твои соблазнительные чары имеют границы.

Ашелия выдавила ухмылку, и её сдержанный смешок дал понять, что женщина расслышала сарказм – очередной повод для старика испытывать к ней симпатию.

Её вера в «Погост» была небеспочвенной. Будучи закалённой ветрами морячкой, она могла определить состояние судна по поведению румпеля и натягу парусов. И несмотря на то, что вести «Погост» по желаемому курсу оказалось задачей не из лёгких, они без труда достигли секретного залива и вошли в тихую лагуну – и сделали бы это, даже если бы Ашелия не заставила Спрэгана и Латана весь путь вычерпывать воду.

Про это местечко мало кто знал – разве что несколько рыбаков Каэр-Диневалы и, разумеется, Обходной, который знал окрестности трёх озёр как никто другой в Десяти Городах. Из песчаного берега выступал одинокий док с одноэтажным домиком. За ним вырастала стена небольшого, но густого леса, что было для здешних мест уникальным явлением, поскольку береговая линия Лэк Диннешера сплошь представляла собой скалистые обрывы и голую тундру. Скалы, окружавшие залив с севера и юга были выше обычного и защищали деревья. Местонахождение леса, второго по величине в Долине Ледяных Ветров после Одинокого леса у берегов Маэр Дуалдона далеко к западу, держалось в строгом секрете, как и примыкавший к нему домик с доком.

«Погост Ларсон», управляемый твёрдой рукой Ашелии, легко скользил к берегу. Латан и Спрэган суетливо готовились бросить швартовые.

– Здесь неглубоко, – пояснила Ашелия.

– Я вижу дно, – кивнул Спрэган.

– Даже если трюм заполнится водой, судно не утонет. Заделаем брешь, вычерпаем воду и двинемся обратно, – поучала Ашелия. – В домике есть инструменты, смола и доски.

– Вы, рыбаки, вижу, народ предусмотрительный, – похвально произнёс Аддадэрбер.

– Не все, – ответила Ашелия. – Но те либо уже мертвы, либо скоро будут. Лэк Диннешер не прощает идиотов.

При магической поддержке Аддадэрбера, помогавшего плавить смолу и разгонять в трюме воду, давая возможность Ашелии закрыть пробойну досками, экипажу вскоре удалось привести судно в более-менее рабочее состояние. Солнце уже клонилось к западу, и рыбаки решили провести ночь на берегу.

– На ужин выберите самых лучших, – распорядилась капитан, обращаясь к молодым юнгам. – А потом вычерпаете воду ниже пробоины. Посмотрим, будет ли течь. И хворосту на ночь соберите.

Оставив юношей наедине с заданием, она направилась на берег, и вскоре обнаружила мага и следопыта, ошарашенно смотревших на лес.

– Ну, что тут у вас? – спросила она.

– Хороший выдался год, – ответил Обходной, указывая на лес. Осмотрев растительность, женщина поняла, о чём речь. Деревья казались толще и насыщеннее, чем она помнила, а воздух был наполнен ароматом цветущих растений и звуками жителей леса.

Глаза Ашелии сделались ещё выразительнее, чем у её компаньонов.

– Я была здесь осенью, – произнесла она. – Что-то не так. Они стали больше.

– Эффект Магической чумы, – резюмировал Аддадэрбер. – Возможно, проявление некоего рода магии.

– Всюду тебе магия мерещится, – сказал Обходной, копируя взгляд из под кустистых бровей мага. – Просто зима выдалась снежная. Снег растаял и напитал водой землю. Даже здесь, в Долине, у природы бывает праздник жизни.

– Потому что мы – предусмотрительный народ, – поддакнула Ашелия и направилась к домику. Компаньоны двинулись следом.

Никто из них не был уверен в верности аргумента Обходного – и прежде всего сам следопыт. Просто они что-то чувствовали; чувствовали, будто где-то под землёй у них под ногами бьётся сердце. Они чужили запах, слышали вибрации в воздухе, ощущали их.

Прибравшись в домике, они привели в порядок стол со стульями, а половые доски вполне могли послужить импровизированными постелями. Полуэльф вытащил на улицу камни и выложил из них костёрную яму. Вскоре вернулись юнги, принеся запасы рыбы – преимущественно костяную форель, компанию которой для разнообразия составляли голубые и пятнистые окуни.

– Кажись, держится, – доложил Латан.

Обходной бросил ему найденный возле дома топор.

– А теперь за дрова. И чтоб хватило на ужин и на ночь, – скомандовала Ашелия, и ребята отправились выполнять задание.

– Мне бы таких молодцев, – произнёс Аддадэрбер, когда они ушли.

– Да, они могут быть полезными, – согласилась женщина.

– От них больше хлопот, чем помощи, – сказал следопыт, и, поймав на себе зазорные взгляды компаньонов, добавил, – Нет, я не позволю им испортить мне ужин своими непревзойдёнными кулинарными способностями.

С этими словами он взял самую большую рыбку, вынул из-за пояса нож и вышел на улицу, собираясь её почистить. Аддадэрбер щелкнул пальцами, и по команде одна из оставшихся рыб ожила и, пританцовывая, отправилась вслед за полуэльфом.

– А ты, вижу, не теряешь веры в свою магию, – сказала Ашелия. – Такое под силу не каждому.

– Простейшие двеомеры, – пояснил волшебник. – Не стоит забрасывать колдовство насовсем. А иначе, когда Узор восстановится, мы позабудем всё своё мастерство.

– Если восстановится, – поправила его Ашелия.

Маг пожал плечами, признавая истину.

– А если нет, мы должны будем адаптироваться к той магии, что останется, или к тому, чем она станет. Я каждый день по много раз прибегаю к чарам. Магия видоизменяется, и я буду наблюдать и делать выводы, и тогда мои менее отважные коллеги останутся далеко позади меня.

– И Аддадэрбер завладеет миром! – вставила Ашелия с ухмылкой. – Или как минимум Долиной Ледяных Ветров. А достоин ли ты такого королевства, чаровник?

– Разве я сотворил что-то злостное, чтобы быть достойным? – парировал маг.

– У меня пальцы заковенели. Мне трудно держать его, – заныл Латан, шлёпнув по руке топором.

– Тогда давай мне, – не замедлил ответить идущий следом Спрэган, однако получил лишь сердитый взгляд.

– Я старше. Лучше хворост собир... – Латан оборвал реплику, заметив, что Спрэгана за ним больше нет. Он стоял один на тропе, которая казалась вовсе не такой, какой была только что. Повернувшись снова вперёд, он увидел густые заросли деревьев, перед которыми тропа резко обрывалась.

– Спрэган! – позвал юноша. Он сделал несколько быстрых шагов в сторону, затем вернулся и затрусил туда, откуда они шли.

– Спрэган!

– Чего тебе? – отозвался голос справа. Юноша появился так неожиданно, что Латан едва не угодил в него топором. – В чём дело?

Латан потряс головой.

– Быстро нарубим дров и убираемся отсюда.

Спрэган посмотрел на него так, будто не понимал, о чём говорит его друг, однако пожал плечами и указал на ближайший склон, где под старыми деревьями валялось несколько ветвей.

– Хворост, – сказал он, указав на склон.

Латан глубоко вздохнул и мысленно выругал себя за беспричинный приступ трусости, проявленный перед младшим товарищем. Преисполнившись мрачной решимости, он крепче сжал в руках топор и двинулся к ближайшему молодому вязу, решив, что небольшая разминка поможет унять приступ предательский тревоги.

На ходу он ухватил топор обеими руками, пытаясь изгнать холод из замёрзших конечностей. Приблизившись к дереву, он пожелал убедиться, что Спрэган стоит там, где стоял, и повернулся.

Но никого не увидел. Он даже не смог найти склон холма, на который указывал товарищ, хотя прошёл всего несколько шагов.

Латан сжал топор крепче.

Спрэган, в свою очередь, не испытывал ни малейшей тревоги. Он гарцевал среди густых зарослей подлеска и петлял мимо диких цветов, собирая мелкие сухие ветки. После трудного и долгого дня у него разыгрался нешуточный аппетит. Он то и дело облизывал губы, предвкушая во рту нежную мякоть форели.

Наклонившись к кустарнику и взявшись за старую сухую ветку, он быстро смекнул, что теперь задание практически выполнено. Он приставил ветку к стволу дерева и ногой ударил по центру, разломив её надвое, после чего поднял с земли одну половинку, чтобы сломать её снова.

И замер в полунаклоне, увидев, что находится не один.

Её улыбка была яркой и лучезарной, как у маленькой девочки. Стоило ей слегка потряхнуть головой, как на девчачьих плечах всколыхнулись длинные рыжие локоны. Внимание привлекало и одетое на ней платье, поскольку для холодных ветров Долины оно явно было ни к месту. Многочисленные оборки и белый цвет делали его похожим скорее на наряд для торжественных баллов Брин Шандера, нежели на одежду для лесных прогулок. Даже чёрный плащ, охватывавший её плечи, был предназначен скорее для красоты, чем для сохранения тепла.

– Что ты здесь делаешь? Кто ты? – пролепетал Спрэган.

Девчушка улыбалась и рассматривала юношу.

– Ты здесь живёшь?

Она хихикнула и юркнула за дерево.

Спрэган бросил ветку и кинулся за ней, однако, заглянув за ствол, никого не увидел.

Она стояла за ним! Он почувствовал это, даже не оборачиваясь.

Он скакнул вперёд и резко развернулся.

Это была она... и в то же время не она. Та, что стояла перед ним сейчас, была, по меньшей мере, одного с ним возраста.

При виде её он потерял дар речи. Должно быть, перед ним стояла старшая сестра ребёнка, которого он видел только что: такая же лучезарная улыбка, каскад рыжих волос и голубые глаза – настолько голубые, что в них, казалось, можно было утонуть. И всё же, она не была старшей сестрой, заключил Спрэган. Перед ним стояла та же самая девочка, только старше, одетая в точно такое же платье. Смущённый юноша протянул к ней руку.

Которая прошла сквозь незнакомку, потому что та исчезла, растворившись в воздухе.

Неожиданно раздавшееся хихиканье заставило юношу обернуться, и он снова увидел её; теперь ей снова было не больше восьми.

Но тут она снова исчезла. Услышав за собой женский смех, он обернулся снова и увидел её, только не девочку, а ослепительно красивую женщину в возрасте его матери.

И снова маленькая девочка... подросток... снова ребёнок... теперь уже женщина... старуха... Они появлялись одна за другой со всех сторон, смеясь – над ним! – и

заставляя вертеться волчком. Бедняга Спрэган прыгнул в сторону, вырываясь из хохочущего круга, и, оступившись, побежал вниз со склона.

Он услышал вокруг пение сладких меланхоличных голосов, которые обуяли его шквалом эмоций. Он пытался прибавить скорость, но снова оступился и врезался в дерево. Схватившись за него руками, он использовал инерцию бега, чтобы повернуть в сторону.

И снова оказался перед ней – женщиной лет двадцати пяти на вид. Она больше не пела и не улыбалась. Лицо её было напряжено и сосредоточено. Спрэган хотел было отпрыгнуть назад, но ноги не слушались.

Женщина тяжело дышала, руки поднимались в стороны, а фигура начала расплываться и воздух вокруг неё начал мерцать неизвестно откуда взявшейся энергией.

Её волосы сильно развевались – как и платье – словно от встречного потока, хотя никакого ветра не было. Она возвышалась перед ним... но нет, не от того, что была высокой, с ужасом осознал Спрэган! Она парила в воздухе! Вокруг неё вспыхнуло фиолетовое пламя, глаза закатились вверх, обнажив белки.

Спрэган издал крик ужаса, когда его окутал поток воздуха и швырнул на землю.

– Кто ты? – завизжал он, поднимаясь на колени.

Новый порыв ветра осыпал его артиллерией из сухих веток и песка, который попал в глаза. Сопrotивляясь потоку воздуха, он встал и поднял голову.

Она по-прежнему парила в воздухе, с трепещущими волосами, окружённая пляшущим пламенем.

Но вдруг снова превратилась в девочку, однако теперь её вид ужасал ещё больше – белки глаз стали синими, а рот широко раскрылся, издав злобное шипение.

Спрэган шмыгнул мимо, но она порхнула в его сторону, слегка касаясь земли. Порыв ветра подхватил юношу и понёс вперёд. Он закричал и попытался пригнуться, но не успел.

Хотя ему и удалось поднять руку, она мало защитила от низкой ветки. Он врезался в неё со всей силы и упал на спину.

Земля под ним вибрировала от музыки, словно биение сердца, а воздух был заполнен пением женщины.

«Призрак, баньши»... замелькали слова в голове юноши. Однако чем бы это ни было, кем бы она ни была, он понял, что обречён. Несмотря на головокружение и сломанный нос, заполнявшую рот кровь и туманящие зрение слёзы, он поднялся и попытался бежать.

Но она подстерегала его на каждом повороте, принимая то облик девочки, то старухи.

И всё же она была красивой. Страшно красивой.

Латан зажал топор между ног, поплевал на ладони и крепко схватил рукоять. Он издал низкий рык и замахнулся с правого плеча, нацеливая первый удар на молодой вяз, но был вынужден остановиться, когда топор задел ветвь растущей рядом сосны.

Латан удивлённо взглянул на дерево, недоумевая, как мог его не заметить. Пожав плечами, он шагнул в сторону и вновь сделал замах.

Едва он начал движение, как его ударило внезапным порывом ветра. Сосна качнулась, и топор прошёл сквозь покрытую иголками ветку. Инерция удара не дала юноше вовремя остановить движение, и топор вошёл в древесину, крепко застряв в ней.

– Что за...? – начал было юный рыбак и повернулся, чтобы осмотреть дерево.

Ветер задул сильнее, и сосна принялась раскачиваться столь же яростно, что и светлые волосы Латана.

Он упрямо потянул на себя топор, но дерево не отпусало.

– Отдай, – рыкнул он напряжённо, и сильным рывком выдернул топор. Не дожидаясь, когда начнётся новый порыв ветра, он повернулся в сторону вяза и замахнулся снова.

Но дерево оказалось проворнее. Согнувшись вниз и в сторону, ветка со свистом стрельнула мимо него. Латан попытался закончить движение, но вдруг что-то подкосило его ноги и швырнуло лицом на землю. Топор вырвало из рук. Ветвь качнулась назад, зацепив Латана. Тот отчаянно цеплялся за землю, пытаясь помешать ветви тащить себя.

Наконец, он остановился и перекатился вбок, пытаясь высвободить ногу.

Ветер стих так же внезапно, как начался, и Латан принял это как хороший знак – но лишь до того момента, когда понял, что попался в объятия куда более крупной сосны, низко склонившей ветви в его сторону.

Ему удалось набрать в грудь воздуха прежде, чем ветвь схватила его на обратном взмахе. У юноши перехватило дыхание, он съёжился, думая, что вот-вот разобьётся о ствол или о толстую ветвь, но всякий раз он каким-то чудом пролетал мимо, будто дерево намеренно уклонялось от столкновения.

Пущенный веткой, словно из катапульты, он вылетел из леса, пролетев над Обходным, который, разинув рот, проводил его взглядом. Юноша пролетел над лодкой, миновал пирс и с громким всплеском упал в озеро.

– Ашелия! Маг! – крикнул Обходной, рванувшись к лодке, чтобы схватить верёвку или что-нибудь, что можно было бы бросить юноше, барахтающемуся в воде в десяти метрах от причала.

Женщина с волшебником выбежали из домика как раз в тот момент, когда над их головами пролетал второй снаряд. Этот летел выше и дальше – им оказался топор дровосека, – и упал в озеро в добрых тридцати метрах от причала.

Первый бросок Обходного оказался точным, однако ему пришлось повозиться, прежде чем вытащить трясущегося и напуганного Латана из ледяной воды.

– Несите его в дом, пока у него пальцы не отвалились! – скомандовала Ашелия.

– Спрэган! Где Спрэган? – кричал Аддадэрбер на стонущего юнгу.

Они поволокли его с дока, и прежде чем успели добраться до домика, Аддадэрбер получил ответ на свой вопрос. Из леса с плачем и криком, размахивая

руками, словно его окружал пчелиный рой, выметнулся Спрэган. Лицо было иссечено и залито кровью, куртка порвана, одного башмака не доставало.

Он упал на землю – очевидно уже не в первый раз, – и к нему подоспел Обходной.

Спрэган завизжал и попытался бежать.

Следопыт выкрикнул его имя, придав голосу успокаивающий тон. Он пытался коснуться юноши, сделав вид, что тому ничто не угрожает, но Спрэган взвыл громче и метался, будто сражаясь на смерть с демонической ордой. Он попытался убежать, но споткнулся о свою же ногу и рухнул наземь. К нему тут же подоспел Обходной, взяв юношу в мастерский захват, склонился к его уху и зашептал слова утешения.

Но если даже мальчишка и слышал его, то виду не показывал и снова начал стелать.

– Она съест меня! Она съест меня! – снова и снова повторял он.

Обходной оглянулся в сторону тёмного леса, затем поджал ноги и рывком поднял себя и юношу, однако захват не ослабил.

Силы мужчин были неравны, и полуэльф легко оторвал Спрэгана от земли, чтобы тот не смог упираться в неё ногами.

К тому моменту молодой юнга совсем обмяк, и тихо всхлипывал, то и дело нащёптывая, что не хочет умирать.

Вскоре Аддадэрбер и Обходной стояли уже возле хижины, глядя на лес.

За их спинами через воды Лэк Диннешера солнце протянуло свои длинные лучи.

– На твоём лице скорее интерес, чем тревога, волшебник, – отметил Обходной после долгой паузы.

– Магия, – ответил чародей. – Много магии.

– Я тоже её почувствовал, когда мы прибыли, – согласился следопыт. – Знаешь, как называется это место?

– Разве у него есть имя?

– Да, и знают его только варварские племена, – пояснил эльф. – Они называли его Ируладун давным-давно, когда ещё не было Десяти Городов, а Долину всюду населяли эльфы.

– Впервые слышу это слово.

– Это древнее эльфийское слово, переводится как «место без времени». Думаю, варвары считали имя уместным, потому что долгоживущие эльфы не проявляют внешних признаков старения.

– Спрэган говорил о какой-то девочке, женщине, которая была одновременно молодой и старой. Может ли быть так, что в имени «Ируладун» сокрыто больше, чем эльфы втемяшили в головы примитивным варварам?

– Ты наверно хочешь об этом узнать, – подметил Обходной.

– Я посвятил всю жизнь Искусству, – ответил Аддадэрбер. – Это моя религия, моя надежда, и это гораздо больше, чем может предложить наше жалкое краткое бытие. И я, подобно многим своим коллегам, был свидетелем, как рухнуло всё, чем мы так дорожили. А теперь стою перед местом магии – и говорю об этом с уверенностью. Скрывает ли оно ответы? Надежду? Я не знаю, но уверен, что судьбою мне предназначено это выяснить.

– Этот лес не жалует гостей, – напомнил ему Обходной.

Маг кивнул.

– У меня есть заклинание, которое позволит мне войти. Я боюсь его применять, но сделаю это. А ты, конечно, сможешь войти в Ируладун и так.

Полуэльф кивнул и, ухмыльнувшись, натянул капюшон.

– Может, подождать до утра? – предложил волшебник.

– Я предпочитаю темноту, – ответил эльф, подмигнув голубым глазом.

Следопыт с осторожностью двинулся к деревьям. Достигнув опушки, он на мгновение остановился, затем кивнул и исчез в чаще.

Аддадэрбер наложил на себя слабое заклинание и украдкой осмотрел тени, убеждаясь, что чары сработали и он может различать предметы в темноте. Затем он остановился и приготовил более сильный, хоть и более опасный, двеомер. Не так давно это заклинание было для волшебника пустяковым делом, но с приходом Магической чумы он не решался применять его. Повсюду на Фаэруне ходили молвы о чародеях, навсегда запечатавших себя внутри собственных заклинаний, и Аддадэрбер находил такую перспективу отнюдь не привлекательной.

Лес манил к себе, суля откровение. Маг выдохнул, отменяя все сомнения, и перешёл к заклинанию. Пасуя руками, он истошно произносил нараспев слова, вкладывая всю силу в двеомер и стараясь не забывать о потенциальных последствиях неудачи.

Он почернел с головы до пят. Не приобрёл тёмный оттенок, нет! Он стал абсолютно чёрным, став почти безразмерным на монотонном фоне. И плоским, как пергаментная бумага, как покинувший тело дух.

Будучи в нематериальной форме, Аддадэрбер не дышал, но даже если и дышал, делал он это практически незаметно. Обходной осторожно скрылся в чаще, но волшебник в подобной осмотрительности не нуждался. Не в этом образе, по крайней мере, где он мог тихо скользить незаметным из тени в тень.

Аддадэрбер воспарил вверх, словно лист бумаги, подхваченный лёгким бризом, и поднялся над кронами деревьев.

Пролетая над Обходным, он почувствовал его присутствие: тот сначала крался, потом замер и принялся, осмотрелся вокруг, но так и не заметил присутствия Аддадэрбера. С завидной скоростью магу удалось облететь Ируладун по всему периметру ещё до первых признаков зари и вернуться на то самое место, откуда он вошёл в лес. Затем он углубился в чащу дальше. Он следовал бесшумно, сливаясь с ночным мраком, его маршрут был обусловлен внутренними инстинктами.

Маг оживился, стоило ему достичь гребня холма – там, в отдалении, он увидел лагерь. Приблизившись, он заметил, что лагерь располагается на берегу маленького пруда.

По дальней стороне лагеря возвышался земляной курган, в основании которого виднелась круглая дверь – подобные жилища маг видел в селениях полуросликов. Поэтому он не был удивлён, когда из-за домика лёгкой походкой вышел русоволосый курчавый полурослик. В одной руке он держал перекинутую через плечо удочку, пальцы другой руки были заткнуты в красные подтяжки, поддерживавшие его штаны, которые, в свою очередь, служили опорой для весьма солидного брюшка.

Аддадэрбер остановился. Малыш положил удочку на раздвоенную палку, воткнув у берега, хотя саму удочку пока решил не забрасывать. Вместо этого он вернулся к костерку и собрал треножник, на который повесил объёмистый котелок. Затем он вернулся к пруду, прихватив с собой ведро. По-видимому, на ужин сегодня значилась похлёбка или суп.

Удостоверившись, что всё на своих местах и поблизости никого нет, волшебник закрыл глаза и выпустил двеомер. Несколько мгновений он чувствовал покалывание в теле – оно увеличивалось до привычных трёхмерных пропорций. Маг издал глубокий вздох облегчения.

– Ты зовёшь это место своим домом? – спросил волшебник.

Услышав позади себя голос, полурослик вздрогнул и обернулся, с любопытством оглядывая незнакомца.

– Тебя здесь быть не должно, – сказал он голосом, в котором явно ощущалось волнение. – Это не твоё место.

– Но я здесь, и мне здесь не нравится.

Полурослик дёрнул головой, словно обеспокоенный тоном волшебника, хотя виду старался не показывать.

– Ты знаешь, кто я?

Он замотал головой.

– Я Аддадэрбер Молниеносный.

Малыш пожал плечами.

– Верховный маг Каэр-Диневалы, могущественнейший волшебник Долины Ледяных Ветров, – провозгласил Аддадэрбер.

Видимо, сказанное всё же пробудило толику интереса полурослика. Его рот приоткрылся, с недоверием произнеся:

– Долины Ледяных Ветров...

– Могущественнейший! – многозначительно добавил волшебник.

На лице полурослика появилась хитрая улыбка, и он огляделся.

– Сомневаюсь.

– Поэтому я здесь. Лес, который ты называешь домом, плохо обошёлся с парочкой моих друзей. Или это был некий маг. В весьма грубой форме они были выдворены из леса магией.

– Они не местные.

– Да неужели!

– Всё ради твоего же, и их, блага, – пояснил полурослик. – Гостям здесь не место. Вам лучше уйти.

– Не серди меня, малыш. Вряд ли тебе понравится Аддадэрбер в гневе. Я уйду, когда посчитаю...

Не успел он закончить мысль, как из воды возле берега выпрыгнула большая рыба и взмахнула хвостом, окатив волшебника фонтаном брызг.

Тот сердито глянул на воду, затем на малыша.

– Наглец!

Последовал второй душ брызг, затем третий.

– Нет, – залился хохотом полурослик. – Я тут не причём. Рыбы меня не понимают. Будь это так, мне бы удочка не понадобилась.

– Ты испытываешь моё терпение, – сказал Аддадэрбер, и снова получил порцию водяных капель. Он глубоко вдохнул и попытался взять себя в руки. Были вещи, о которых он хотел знать, и сделать это он хотел совсем не воинственным способом.

– Кто ты? – спросил он уже спокойно.

Полурослик пожал плечами.

– Как давно ты живёшь в Ируладуне?

– Ируладуне?

– Ну, здесь. Давно?

Тот снова пожал плечами.

– Время для меня мало значит. Месяцы, может, годы.... Не знаю.

– И чем ты занимаешься?

– Рыбу ловлю. Ещё лепкой занимаюсь. Интересуешься резьбой на раковинах? – он повернулся и указал на круглую дверь своего жилища.

Волшебника снова окатило брызгами.

– И передай лесу, чтобы обходился с гостями как подобает, – сказал Аддадэрбер, что вызвало очередной приступ хохота у полурослика и очередную порцию прохладного душа. Маг угрожающе указал на собеседника пальцем и шагнул вперёд. – И не смейся надо мной.

К его удивлению, малыш и не думал податься назад. Он остался там, где стоял, пялясь на мага и мотая головой. Обычно, после того как Аддадэрбер произносил подобные заявления, матери забирали своих детей с улиц, а закалённые воины сотрясались мелкой дрожью. А тут, надо же, неслыханное дело! – дерзкий карлик пялился на него, выказывая что-то, похожее на жалость. Терпению мага пришёл конец.

– Ты, ничтожный муравей! Я могу стереть тебя в пепел одной силой мысли.

Полурослик посмотрел в сторону озера, вздохнул и вернулся взглядом к Аддадэрберу, приложив палец к губам.

– Ш-ш! – прошипел он.

– Что? – не понял Аддадэрбер и тоже повернулся в сторону пруда, и выпучил глаза. Там, у самого берега, вода вспенилась широким кругом, сначала тихо, затем всё громче и громче, пока не превратилась в растущий водоворот.

– Тебе действительно пора уходить.

– Я пришёл, чтобы получить ответы, – ответил волшебник, отчаянно пытаясь не выдавать в голосе страх. – Мир взбудоражен, магия больна. Моя богиня не внемлет мне.

– Боюсь, я знаю об этом больше, чем когда-либо доведётся тебе, – ответил полурослик.

– Значит, ты должен мне всё рассказать.

– Уходи. Ради твоего же блага, волшебник, оставь это место и не возвращайся.

– Нет! – взвизгнул Аддадэрбер, перекрикивая нарастающий грохот kloкочущей воды. – Довольно твоих игр и уловок. Я получу свои ответы!

И в тот же самый момент получил-таки, когда резкий невидимый порыв ударил его вбок, сорвав и унеся далеко его шляпу. Вслед за шляпой отправился и сам волшебник, беспомощно махая руками и ногами. Он неуклюже упал в край

водоворота и тут же был подхвачен мощным течением. Его несло по кругу, а он тщетно барахтался в воде, пытаясь вырваться из воронки.

Он крикнул полурослику, который стоял на берегу, засунув большие пальцы рук под подтяжки. Взгляд его глаз был смиренным и сочувствующим.

Неуклонный поток погружал Аддадэрбера всё ниже и ниже. Заработав головокружение и потеряв ориентацию в пространстве и силу в конечностях, больше маг сопротивляться силе стихии не мог, и ушёл головой под воду. Но тут же вынырнул, однако успел лишь изрыгнуть булькающее от попавшей в рот воды проклятие в адрес карлика, после чего вновь исчез.

Осталась только шляпа. Головной убор мага покачивался на затихающей ряби пруда, отдавая сочувственный поклон канувшему в воду хозяину.

Полурослик взял с рогатины удочку. Он всегда гордился своим умением ловко закидывать леску.

Обходной крался среди деревьев, с каждым шагом осознавая всё больше, какие скрытые опасности таит в себе лес. Он не появлялся в Ируладуне больше года, и видел, насколько место изменилось за это время. Год назад это был сосновый лес, пытающийся укорениться в суровом климате Долины, с редкой растительностью и коротким сезоном цветения. Но теперь лес был совсем другим. Полуэльф чувствовал это. Пульсацию жизни трудно было не замечать; воздух наполняли цвета, запахи и звуки, похожие на биение сердца; ощущения и вибрации под ногами создавали эффект присутствия животворящей природы. Во всём этом чувствовалась некая божественная энергия, которая трепетала и звенела вокруг.

Солнце село за горизонт, лес окутала тьма, однако полуэльф не боялся этого места. Его руки не скользнули вниз к рукояткам заткнутых в ножны меча и кинжала.

Биение сердца, напоминающее скорее музыку, возрастало. Обходной чувствовал силу, словно приближался к её источнику.

– Волшебник, ты где? – шепнул он в пустоту.

В лесу стало неестественно тихо, Обходной затаил дыхание.

И тут он увидел её. Неподалёку среди деревьев беззаботно танцевала женщина в белом платье и накинутом поверх чёрным плаще.

Подчиняясь порыву, он двинулся к ней и лёг на мшистый берег у стволов сосен, глядя на небольшой луг, где босоногая ведьма исполняла танец на фоне звёздного света.

В тот миг Обходной вспылал к ней любовью. Ещё никогда в своей жизни не видел он столь прекрасной и грациозной женщины. Он не смел даже моргнуть, не желая даже на мгновение расстаться с восхитительным зрелищем. Он хотел, чтобы это не кончалось, хотел всей душой.

Она кружилась в танце и пела, её голос был песней Ируладуна. Она была чародейкой, которая зачаровала лес, Обходной был в этом уверен. Или богиней... И эта мысль заставила следопыта вновь затаить дыхание. Его руки затряслись и стали

скользкими от пота, и никто из тех, кто знал Обходного, никогда не видел его в таком состоянии.

Женщина прекратила танец и замолчала, откинула назад закрывающие лицо пышные рыжие пряди, обнажив глаза столь голубые, что их блеск, казалось, слегка рассеял ночной мрак.

Обходной в растерянности ёрзнул. Он знал, что фактически женщина не могла его видеть, и всё же не сомневался, что смотрит она прямо на него. Ему пришло в голову, что сейчас как раз удобный момент, чтобы представиться и объясниться.

Но сдвинуться с места он не смог. Он дал себе мысленную команду встать, но ноги не послушались. Он хотел было обратиться к ней, но рот отказывался подчиняться.

Она улыбнулась и покачала головой, после чего снова возобновила танец, кружась всё быстрее и быстрее, пока не превратилась в смазанный силуэт из порхающих складок одежды. Затем она стала подниматься вверх, словно ступала по сотканной из звёздного света лестнице... и исчезла.

Её нигде не было видно. Хотя, не было её лишь на лугу, но из мыслей Обходного она никуда не делась. Перед глазами полуэльфа по-прежнему витал её образ, с которым он отчаянно не желал расставаться.

Не желал ни за что на свете. Глаза отказывались смотреть куда-либо ещё, только на неё – и готовы были смотреть неотрывно. В этом танцующем создании, будь то ведьме, призраке или богине, Обходной узрел безукоризненность самой матери-природы.

Ему удалось пролепетать имя «Миеликки», и вдруг он понял, что больше уже не лежит на земле, а стоит на ногах.

Затем он увидел её снова, не то в мыслях, не то наяву – он так и не понял – танцующей под звездами.

Аддадэрбер вынырнул с большим всплеском, открыв рот и набирая в грудь воздух. Лёгкие обжигало, и он судорожно продолжал глотать воздух. Далеко не сразу он услышал голос Ашелии, которая кричала ему с берега у пристани, находясь от него всего в нескольких метрах.

Маг с трудом побрёл к берегу, дрожа от страха и от холода.

– Во имя Девяти кругов, как... – начала было женщина.

Волшебник покачал головой, вспоминая водоворот и заполненный водой туннель, который вынес его из Ируладуна прямо в маленькую лагуну. Человек, способный летать в воздухе, превращать врагов в жаб и создавать огонь и молнии из воздуха, не находил слов объяснить происходящее.

– Ну, что ты узнал? – спросила Ашелия, помогая волшебнику выбраться на сушу.

Но Аддадэрбер лишь тряс головой и отплёвывался.

Почти в тот же самый миг из леса вышел Обходной. Походка полуэльфа была лёгкой, глаза стеклянными, а сам он, казалось, не узнавал товарищей и не замечал ничего вокруг.

– Обходной! – крикнула Ашелия, и ринулась к следопыту, оставив волшебника.

Он посмотрел на неё так, словно не понимал, в чём, собственно, причина её волнений. Затем полуэльф оглянулся вокруг, окинул глазами хижину, озеро, пристань и привязанный к ней «Погост Ларсон». Лицо озадаченно скривилось, и он пожал плечами.

– Я подвергся нападению, – заявил Аддадэрбер, устремившись к паре. – Я сожгу этот лес дотла!

– Поднеси к нему хоть спичку или вякни хоть одно заклинание, и ты труп, – произнёс Обходной.

Ашелия с Аддадэрбером разинули рты.

– Следопыт! – одёрнула его женщина.

– Придётся покинуть это место, – сказал полуэльф, ни капли не смутившись только что произнесённой угрозы.

– Мы отбываем ранним утром.

– Мы отбываем сейчас, – поправил её следопыт.

– Мы? Я думаю, тебе следует остаться, – сказал Аддадэрбер, явно смутившись от полученной угрозы. – Тебе и твоим друзьям, которые обитают в лесу.

– Заткнись, маг. – Обходной повернулся к Ашелии. – На Лэк Диннешер, всей командой, и немедленно.

– Спрэгган всё ещё не в себе, да и Латан не оправился, – возразила Ашелия.

– Тогда я буду грести и править судном. И Аддадэрбер тоже.

– Что-то ты стал слишком смелым, – угрожающе произнёс маг.

Но Обходной лишь улыбнулся и оглянулся на Ируладун. Он видел её – ведьму, призрак, богиню. В его разуме до сих пор жил её божественный образ, и Аддадэрбер мог засунуть куда угодно свои угрозы – полуэльфа они ничуть не тревожили.

Если конечно старик в самом деле не надумал обратить свой гнев, магию и твердолобость против леса. Обходной улыбнулся, с трудом осознавая то, что творилось у него на душе, ибо он знал, что в этот момент он действительно был готов убить мага.

Вскоре команда отчалила от берега, все облегчённо вздыхали, расставаясь с проклятым лесом.

Кроме Обходного, который знал, что на самом деле он не покидает это место, что взял частичку Ируладуна с собой и будет дорожить ею всю жизнь.

Ибо никогда не позволит он себе забыть танец богини и лестницу, сотканную из звёздного света.

